

Министерство просвещения Российской Федерации
**ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»**

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

**VERHNEVOLZHSKI
PHILOLOGICAL BULLETIN**

**Научный журнал
2025 – № 4 (43)**

*Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год*

Ярославль
2025

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski philological bulletin : научный журнал.
Ярославль : РИО ЯГПУ, 2025. № 4 (43). 199 с. ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499-9679-2025-4-43. EDN ХХКУМ1
2025, № 4 (43). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*главный редактор*); **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора, ответственный редактор*); **А. С. Бокарев**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Т. А. Александрова**, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и преподавания иностранных языков Университета Гренобль Альпы (Франция); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Л. Г. Винкулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **М. А. Дударева**, доктор филологических наук, доктор культурологии, заведующая кафедрой общей и славянской филологии Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, ректор Ярославского государственного театрального института имени Фирса Шишигина; **В. А. Ефремов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; **С. А. Засорин**, кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культуры и педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Н. И. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкоznания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Л. Г. Кихней**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы Московского университета им. А. С. Грибоедова; **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института РР (IEPR), эксперт ООН по РР; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леденев**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Се Чжоу**, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Ф. Серебренникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **Л. Н. Синельникова**, доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки и техники Украины, профессор кафедры русского языкоznания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета; **Г. Г. Слышикин**, доктор филологических наук, профессор, директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, советник ректората по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федулenkova**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухунин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Чжэн Тиу**, доктор филологических наук, профессор, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков, г. Шанхай (КНР); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, **Яо Хай**, доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу (КНР).

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание учченой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германский язык, романские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.1. Теория и история культуры, искусства (искусствоведение, культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:

150066, г. Ярославль, Республикаанская ул., 108/1
Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»

см. на сайте: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2025

© Авторы статей, 2025

FOUNDER:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski philological bulletin : scientific journal. Yaroslavl : YSPU, 2025. № 4 (43). 199 pages.
ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499-9679-2025-4-43. EDN XKKYMI
2025, № 4 (43). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor in chief); **N. N. Letina**, doctor of cultural sciences, associate professor, department of culturalogy, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **O. V. Lukin**, doctor of philological sciences, professor, head of department of theory of language and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, doctor of philological sciences, professor, department of theory of communication and advertising, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **A. S. Bokarev**, doctor of philological sciences, associate professor, department of russia literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. A. Alexandrova**, Candidate of Philological sciences, Associate Professor at the Department of Linguistics and Foreign languages teaching, Grenoble Alps University (France); **E. I. Boichuk**, doctor of philological sciences, associate professor of department of roman languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **E. M. Boldyreva**, doctor of philological sciences, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqing (China); **E. G. Borisova**, doctor of philological sciences, professor, department of public relations, Moscow state linguistic university; **E. V. Bykova**, doctor of philological sciences, associate professor of department of public relations in business of St. Petersburg state university; **L. G. Vikulova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, deputy director of Institute of foreign languages, Moscow city pedagogical university; **V. V. Dementyev**, doctor of philological sciences, professor, department of theory, history of language and applied linguistics, Institute of philology and journalism, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky; **M. A. Dudareva**, doctor of philology, doctor of cultural studies, head of the department of general and slavic philology, A. N. Kosygin Russian state university; **T. I. Erokhina**, doctor of cultural sciences, professor, rector of Firs Shishigin Yaroslavl state theater institute; **V. A. Efremov**, doctor of philological sciences, professor, head of the russia language department of the A. I. Herzen Russian state pedagogical university; **S. A. Zasorin**, candidate of historical sciences, associate professor, director of Institute of foreign languages of Moscow pedagogical state university; **T. S. Zlotnikova**, doctor of arts, Honoured scientist of Russian Federation, professor of culturology department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **N. N. Ivanov**, doctor of philological sciences, professor, department of theory and methods of teaching philological sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Nelya Ivanova**, doctor of philological sciences, professor, University named after professor doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **V. I. Karasik**, doctor of philological sciences, professor of general and russia linguistics department of State university of russia language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, doctor of philology, professor, faculty of journalism, Sofia university (Bulgaria); **L. G. Kikhney**, doctor of philology, professor, head of the history of journalism and literature department of A.S. Griboyedov Moscow university; **N. I. Klushina**, doctor of philological sciences, professor, department of russia stylistics, faculty of journalism, Lomonosov Moscow state university; head of stylistics board, International slavic committee; **A. D. Krivonosov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of communication technologies and PR, St.-Petersburg state university of economics; **E. N. Laguzova**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russia language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. V. Ledenev**, doctor of philological sciences, professor of department of contemporary russia literature and modern literary process, philological faculty of Lomonosov Moscow state university; **Li Xiaotao**, doctor of russia language and russia literature, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqing (China); **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russia literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. A. Maslova**, doctor of philological sciences, professor, department of general and russia linguistics, Vitebsk state university (Belarus); **A. D. Petrenko**, doctor of philological sciences, professor, director of Institute of foreign philology, head of department of theory of language, literature and sociolinguistics of Crimean federal university named after V. I. Vernadsky; **Xie Zhou**, doctor of philological sciences, professor, dean of the faculty of russia language at the Institute of foreign languages of Southwestern university, Chongqing (China); **E. F. Serebrennikova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, Euroasian linguistic university in Irkutsk (branch of Moscow state linguistic university); **L. N. Sinevnikova**, doctor of philological sciences, Honored worker of science and technology of Ukraine, professor of the department of russia linguistics and communication technologies of Luhansk state pedagogical university; **G. G. Slyshkin**, doctor of philological sciences, professor, director of the center for linguistics and professional communication of the Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation; **V. N. Stepanov**, doctor of philological sciences, professor, vice-rector, head of department of mass communications, international Academy of business and new technologies (Yaroslavl); **L. A. Trubina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russia literature, rector's advisor for education of Moscow pedagogical state university; **N. A. Fateeva**, doctor of philological sciences, professor, a chief research worker, head of scientific center of interdisciplinary researches of literary text of Institute of russia language named after V. V. Vinogradov of Russian academy of sciences; **T. N. Fedulenkova**, doctor of philological sciences, professor, department of foreign languages in professional communication, Vladimir state Stoletov university; **G. Yu. Filippovsky**, doctor of philological sciences, professor, department of russia literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **G. T. Khukhuni**, doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and anistics of Moscow state regional university; **Zheng Tiu**, doctor of philology, professor, director of the Institute of world literature, Shanghai university of foreign studies, Shanghai (China); **T. V. Yurieva**, doctor of cultural sciences, professor, department of journalism and publishing, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou (China).

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialties:

5.9.1 Russian literature and national literatures of the Russian Federation (philological sciences), 5.9.9 Media communications and journalism (philological sciences),

5.9.5. Russian language, National languages of Russia (philological sciences), 5.9.6 Languages of foreign countries (Germanic languages, Romance languages) (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.9.1 Theory and history of culture and the arts (art criticism, cultural studies)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts

Address of the editorial office

150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)

Internet addresses <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Mass media registration number:

The federal service for supervision of communications, information technology, and mass media

PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the publishing article in the scientific journal

«Verhnevolzhski philological bulletin»: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2025

© Authors of the articles, 2025

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК

Научный журнал
Издается с 2015 года
№ 4 (43) – 2025

«Родное слово есть именно та
духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание,
чтобы сделаться истинной собственностью
человеческого сознания...»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Кочешкова Л. Е. Художественный метод позднего Толстого: «Отец Сергий» и «Соединение и перевод четырех Евангелий»	8
Гатонова Ж. К., Никкарева Е. В. Своя «чужая бабушка»: сюжет обретения прародителя в современной отечественной прозе для детей и подростков	19
Иванов Н. Н. Духовный мир «простого человека» в прозе русского неореализма: художественно-когнитивные акценты	28
Полева Е. А., Величко О. П. Семантические варианты мотива смерти в неомодернистском романе Лены Элтанг «Каменные клёны»	36

Медиакоммуникации и журналистика

Ухова Л. В. Стилевая диффузия медиатекстов в эпоху маркетизации дискурса СМИ	51
Крымская И. С. Возможности генеративных сетей в производстве рекламного контента	60

Русский язык

Кошарная С. А. Фамильный антроним как эмблема персонажа	68
Васильева Ю. А. Коммерческая эргономика Астрахани как составляющая лингвистического пространства города	78
Романова Т. П. Топонимический текст Самары в аспекте отражения территориальной идентичности	85
Гаран Е. П. Функции заимствованных слов в современной российской интернет-прессе	97
Мингажева Е. А., Викторова Е. В. Интеграция современных инструментов искусственного интеллекта в образовательной языковой среде	105

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Гуревич Л. С. Когнитивные искажения в культурных нарративах: истоки дискурсивного многоголосия в диалоге культур	116
Васильцова А. В. Дискурсивный маркер <i>du coup</i> : функционирование, коллокации и классификация во французском письменном и устном медиадискурсе	126

<i>Середина Е. В.</i> Проблема передачи интертекстуальных фигур при переводе с арабского на русский и английский языки (на материале произведения Джохи Аль-Харти «Дамы Луны») _____	135
<i>Штеба А. А.</i> Коммуникативная презентация безразличия (на примере словосочетания «ноль эмоций») _____	143

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

<i>Корзова Е. Н.</i> Функциональный потенциал тематических единиц в художественном тексте (на материале англоязычных рассказов Г. Бейтса) _____	151
<i>Брагина Э. Р.</i> Историко-лингвистический анализ германизмов в экономической терминологии английского языка как инструмент стандартизации _____	160

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА
(КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)**

<i>Злотникова Т. С., Свистунова В. А.</i> Воплощение сказочных сюжетов А. С. Пушкина в жанре балета: к проблеме синтеза искусств _____	172
<i>Карабущенко П. Л.</i> Элитология культуры: творчество как конструктивный рост элитной личности _____	182
<i>Суслова А. А.</i> Семиотический дискурс города Кашина _____	191

VERHNEVOLZHSKI
PHILOLOGICAL
BULLETIN

Scientific journal
Published since 2015
№ 4 (43) – 2025

«The word of your native tongue is nothing else but
the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge
for it to become a true achievement
of human thought...»

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

PHILOLOGY

Russian literature

<i>Kocheshkova L. E.</i> Leo Tolstoy's artistic method his later works Father Sergius and The Four Gospels Harmonized and Translated	9
---	---

<i>Gaponova Zh. K., Nikkareva E. V.</i> One's own «someone's grandmother»: the plot of finding the progenitor in modern russian prose for children and teenagers	19
---	----

<i>Ivanov N. N.</i> Spiritual world of a «common man» in russian neorealism: artistic and cognitive aspects	28
---	----

<i>Poleva E. A., Velichko O. P.</i> Semantic variants of the death motif in Lena Eltang's neo-modernist novel Stone Maples	36
---	----

Media communication and journalism

<i>Ukhova L. V.</i> Style diffusion of media texts in the time of media discourse marketization	51
---	----

<i>Krymskaya I. C.</i> Possibilities of generative networks in producing advertising content	60
--	----

Russian language

<i>Kosharnaya S. A.</i> Surname anthroponym as a character emblem	68
---	----

<i>Vasilieva Yu. A.</i> Astrakhan's commercial ergonymy as a component of the city linguistic space	78
---	----

<i>Romanova T. P.</i> Samara toponymic text as a reflection of territorial identity	85
---	----

<i>Garan E. P.</i> Functions of borrowed words in the modern russian internet press	97
---	----

<i>Mingazheva E. A., Viktorova E. V.</i> Integrating modern artificial intelligence tools in educational linguistic environment	105
--	-----

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

<i>Gurevich L. S.</i> Cognitive distortions in cultural narratives: the origins of discursive polyphony in the dialogue of cultures	116
--	-----

<i>Vasiltsova A. V.</i> Discursive marker du coup: functioning, collocations and classification in french written and verbal media discourse	126
---	-----

<i>Seredina E. V.</i> Conveying intertextual figures in translation from arabic into russian and english (based on Joha Al-Harti's novel Ladies of the Moon	135
--	-----

<i>Shteba A. A.</i> Communicative representation of indifference (the example of the phrase «zero emotions»)	143
---	-----

Languages of foreign countries (germanic languages)

Korzova E. N. Thematic units' functional potential in literary text (based on G. Bates' stories in english) _____	151
Bragina E. R. Historical-linguistic analysis of germanisms in english economic terminology as a tool for standardization _____	161

**THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS
(CULTUROLOGY, ART HISTORY)**

Zlotnikova T. S., Svistunova V. A. Representation of A. S. Pushkin's fairy-tale stories in the genre of ballet: towards the problem of the arts synthesis _____	173
Karabushchenko P. L. Elitology of culture: creativity as constructive growth of elite personality _____	182
Suslova A. A. The town of Kashin semiotic discourse _____	191

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-8

EDN: WFPUAO

Художественный метод позднего Толстого: «Отец Сергий» и «Соединение и перевод четырех Евангелий»

Любовь Евгеньевна Кочешкова

Кандидат филологических наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

literator085@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-3841-7899>

Аннотация. В статье рассматривается повесть Л. Н. Толстого «Отец Сергий» во взаимосвязи с религиозно-философским сочинением писателя «Соединение и перевод четырех Евангелий». Основу идеологической структуры повести «Отец Сергий» составляет система оппозиций, восходящих к «Соединению и переводу четырех Евангелий» («скрытое – открытое», «видимое – невидимое», «тайное – явное», «внешнее – внутреннее» и др.). Выбранный автором статьи метод анализа позволяет по-новому выстроить логику композиции повести, увидеть взаимосвязи эпизодов и прояснить концептуальную основу повести. Статья строится по принципу «медленного чтения»: автор прослеживает, как формируется магистральный смысловой поток в повести. Особое внимание уделяется в статье вопросу о роли «чужого» слова в формировании смысла произведения, о причинах обращения автора повести к житийной традиции. В статье выявлены ключевые слова повести, связанные с «Соединением и переводом четырех Евангелий», обладающие авторскими контекстуальными значениями: «гнев», «погибель», «спокойствие», «умиление», «радость», «православные» и др. Проведенный анализ позволяет автору статьи выйти к вопросу о художественном методе позднего Толстого и прежде всего о своеобразии символических образов в повести. Автор статьи отмечает, что в творчестве Толстого 1890-х–1900-х гг. появляется качественно новый тип символа, отправной точкой для которого являются образы «Соединения и перевода четырех Евангелий», на основе которых формируется многозначное художественное слово позднего Толстого. В статье показано, как на основе «евангельских» оппозиций складывается художественная целостность поздних художественных произведений – с выходом за пределы конкретного произведения к другим текстам Толстого и при активной позиции читателя, знакомого как с текстами-источниками повести, так и с толстовским публицистическим творчеством.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; «Отец Сергий»; «Соединение и перевод четырех Евангелий»; художественная целостность; художественный метод; идеологическая структура; композиция; агиографическая традиция; символ

Для цитирования: Кочешкова Л. Е. Художественный метод позднего Толстого: «Отец Сергий» и «Соединение и перевод четырех Евангелий» // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 8–18. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-8>. <https://elibrary.ru/WFPUAO>

Russian literature

Original article

**Leo Tolstoy's artistic method his later works
Father Sergius and The Four Gospels Harmonized and Translated**

Lubov E. Kocheshkova

Candidate of philological sciences, Herzen state pedagogical university of Russia. 191186, St. Petersburg, Moika river embankment, 48
literator085@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-3841-7899>

Abstract. The article examines L. N. Tolstoy's novel Father Sergius in connection with the writer's religious and philosophical work The Four Gospels Harmonized and Translated. The ideological structure of the novel Father Sergius is based on the system of oppositions that goes back to The Four Gospels Harmonized and Translated («hidden – open», «visible – invisible», «secret – obvious», «external – internal», etc.). The method of analysis chosen by the author of the article allows to see the logic of the text in a new way, to see the interrelations of episodes and to clarify the conceptual basis of the novel. The article is structured according to the principle of «slow reading»: the author traces how the main semantic flow of the novel is formed. The article highlights the role of «foreign» words in shaping the meaning of the work, and the reasons for the writer's appeal to the hagiographic tradition. The article identifies the key words of the novel referring to The Four Gospels Harmonized and Translated that have authorial contextual meanings: «anger», «destruction», «peace», «tenderness», «joy», «Orthodox», etc. The conducted analysis leads the author of the article to the question of Tolstoy's artistic method in his later works and, above all, the uniqueness of the symbolic images in the novel. The author notes that in Tolstoy's works of the 1890s–1900s a completely new type of symbol appears, the starting point for which is the images of The Four Gospels Harmonized and Translated, formed on the basis of the polysemantic artistic word of Tolstoy's later works. The article shows how the artistic integrity of the later works is formed on the basis of «evangelical» oppositions – going beyond the specific work to other Tolstoy's texts and with the active position of the reader familiar with both the sources of the novel and Tolstoy's journalistic works.

Key words: L. N. Tolstoy; «Father Sergius»; The Four Gospels Harmonized and Translated; artistic integrity; artistic method; ideological structure; composition; hagiographic tradition; symbol

For citation: Kocheshkova L. E. Leo Tolstoy's artistic method his later works Father Sergius and The Four Gospels Harmonized and Translated. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2025;(4):8–18. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-8>. <https://elibrary.ru/WFPUAO>

Введение

Повесть Толстого «Отец Сергий» (1898) неоднократно становилась предметом исследовательского внимания: подробно изучена творческая история произведения [Гроссман, 1954; Жданов, 1963 и др.], проанализированы символические образы произведения [Переверзева, 2008; Романьчева, 2021 и др.], выявлены древнерусские источники повести, повесть рассмотрена в контексте религиозно-философских и эстетических взглядов Толстого [Купреянова, 1966; Афанасьев, 1979; Николаева, 1980, Гродецкая, 2000; Бахтина, 2010, Дергунова, 2021 и др.]. Повесть «Отец Сергий» изучалась и в сопоставлении с литературой эпохи Просвещения [Шульц, 2013]. Вместе с тем это произведение ни разу не рассматривалось в соотнесении с сочинением Толстого «Соединение и перевод четырех Евангелий» (далее – «Соединение...»). На наш взгляд, обращение именно к этому сочинению Толстого позволяет существенно прояснить концептуальную основу повести, а также выстроить логику композиции и выйти к вопросу о художественном методе позднего Толстого.

Толстой считал «Соединение...» одним из наиболее значимых своих сочинений: «это лучшее произведение моей мысли, есть та одна книга, которую (как говорят) человек пишет во всю свою жизнь» (Письмо В. Г.Черткову от 19 мая 1884 г. [Толстой, 1928–1958, т. 85, с. 60]). В 1880-е гг. в процессе работы над «Соединением...», а также трактатами «Исследование догматического богословия», «В чем моя вера?», «Так что же нам делать?», «О жизни», у Толстого определились важнейшие мировоззренческие понятия, затем нашедшие свое воплощение в произведениях 1890–1900-х гг. через систему «ключе-

вых» слов и важнейших оппозиций, формирующих идеологическую структуру произведения.

Оппозиция «внешнее – внутреннее» в «Соединении и переводе четырех Евангелий» Толстого

В основе идеологической структуры повести «Отец Сергий» лежит комплекс взаимосвязанных оппозиций: центральная оппозиция «внешнее – внутреннее» и связанные с ней оппозиции «скрытое – открытое», «видимое – невидимое», «тайное – явное». Эти оппозиции повести восходят к толстовскому «Соединению...», где сложились два варианта их контекстуальных значений. При первом варианте слова «скрытое», «тайное», «невидимое», «внутреннее» обладают отрицательной коннотацией и включают в себя контекстом наводимые семы «злое», «ложное», «темное», «дьявольское». А слова «открытое», «видимое», «явное», «внешнее» обладают положительной коннотацией и включают в себя семы «добroe», «истинное», «светлое», «Божье». Этот первый вариант значений реализуется в целом ряде фрагментов: «Не может скрыться город на вершине горы. И кто зажигает свет, тот не ставит его под четверик, а ставит его на подсвечник, чтобы он светил всем в горнице. Так чтобы светил ваш свет перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и понимали бы отца вашего – Бога» [Толстой, 1928–1958, т. 24, с. 207] (толстовский перевод строк из «Нагорной проповеди»). Здесь противопоставление «скрытое», «невидимое» – «открытое», «видимое» раскрывается через пространственные образы: «под четверик» – «на подсвечник», «на вершине горы». В тексте складываются оппозиции: «свет – тьма», «верх – низ». То же противопоставление присутствует и в главе «Соблазны»: «Но более всего берегитесь закваски фарисейской; она – обман. А нет того скрытого, что бы не открылось, и тайного, что бы не стало известно» [Толстой, 1928–1958, т. 24, с. 628].

Второй вариант воплощения оппозиций противоположен первому: здесь слова «скрытое», «тайное», «невидимое», «внутреннее» обладают, наоборот, положительной коннотацией и включают в себя контекстом наводимые семы: «добroe», «истинное», «светлое», «Божье». У слов «открытое», «видимое», «явное», «внешнее» коннотация, соответственно, отрицательная, значения этих слов включают семы «злое», «ложное», «темное», «дьявольское». Этот тип значений также реализуется в толстовском переводе «Нагорной проповеди»: «Берегитесь того, чтобы не де-

лать правду для людей только для того, чтобы они видели. Если так, то нет в правде вашей уж заслуги пред Отцом вашим на небе. Так что когда ты милостив к людям, не труби перед собой, как комедианты делают в сбирающих, на улицах, чтобы хвалили люди. Сами видите, они получили награду. А ты, если ты милостив, то будь милостив так, чтобы не знать, правая ли твоя делает что или левая. Так, чтобы жалость твоя к людям была бы в тайне сердца твоего, и отец твой видит в тайне сердца твоего и отдаст тебе» [Толстой, 1928–1958, т. 24, с. 255–256]; «И когда молишься, не будь как лжецы: они всегда молятся в сбирающих, остановившись на перекрестках улиц, чтобы видно было людям. Сам видишь, они получают награду. А ты, если молишься, так войди в клеть твою, притвори двери, да и помолись отцу. И отец твой увидит в душе и воздаст тебе» [Толстой, 1928–1958, т. 24, с. 257]. Комментируя этот фрагмент, Толстой особенно выделяет слово «скрытый»: «Кρυπτός – значит скрытый; εν τῷ κρυπτῷ – значит в евангельском языке больше, чем в тайне, оно значит: в невидимом тайнике души (курсив автора статьи)» [Толстой, 1928–1958, т. 24, с. 257]. «Скрытое» в этом фрагменте – это истинные чувства и мысли, «правда», а «открытое», видное людям – неискреннее, наигранное, ложное («притворщики», «комедианты»). На уровне художественного пространства выстраивается оппозиция: «замкнутое пространство» («затвори клеть твою», «сердце», «душа», «тайник души») – «открытое пространство» («в сбирающих», «на улицах», «на перекрестках»). Эти же значения реализуются и в названии одного из трактатов Толстого «Царство Божие внутри вас», восходящем к Евангелию. В «Соединении...» в беседе Иисуса с Никодимом из главы «Разъяснение Иисусом значения Иоанна» читаем: «И спросили у Иисуса фарисеи: Когда и как придет царство Бога? И он отвечал им: Царствие Божие не приходит так, чтобы его можно было видеть. И нельзя сказать про него: вот оно здесь или вот оно там, потому что вот оно царствие Божие, оно внутри вас» [Толстой, 1928–1958, т. 24, с. 157]. В этом отрывке «скрытое», «внутреннее» – это царство Божие, то есть, по логике толстовской мысли, божественное начало, начало добра в человеке.

Таким образом, в «Соединении...» «скрытым», «внутренним», «невидимым», «тайным» в одних случаях являются зло, ложь, обман; а в других случаях, напротив, – божественное начало, самое сокровенное и глубокое, истина, свет. При этом противоположные значения одного и того же сло-

ва в «Соединении...» не сталкиваются, а сосуществуют.

Оппозиция «внешнее – внутреннее» в повести Толстого «Отец Сергий»: своеобразие идеологической структуры и логика композиции

Смысловой комплекс, состоящий из оппозиций «внешнее – внутреннее», «скрытое – открытое», «невидимое – видимое», «тайное – явное» и восходящий к толстовскому «Соединению...», составляет «ядро» идеологической структуры повести «Отец Сергий». Одной из важнейших в повести является проблема соотношения внешнего и внутреннего в жизни героя – это подтверждают и дневниковые записи Толстого, относящиеся к времени работы над повестью (работа над произведением велась с перерывами в 1891, 1895, 1898 гг.) В дневниковых заметках 1890-х гг. неоднократно повторяется противопоставление жизни «для Бога» и жизни «для людей»: «Он узнал, что значит полагаться на Бога только тогда, когда совсем безвозвратно погиб в глазах людей» (10 июня 1891 года [Толстой, 1928–1958, т. 52, с. 39]); «Один хорош, с людьми падает», «Нету успокоения ни тому, который живет для мирских целей среди людей; ни тому, который живет для духовной цели один. Успокоение только тогда, когда человек живет для служения Богу среди людей» (12 июня 1898 г. [Толстой, 1928–1958, т. 53, с. 203–204]).

Проблема соотношения внешнего и внутреннего в жизни героя осмысливается автором повести многоаспектно – ключевые слова отнесены в «Отце Сергию» к очень разным явлениям жизни, практически все они многозначны, причем в повести есть и те значения, которые присутствовали в «Соединении...», и новые. Проследим, как формируется магистральный смысловой поток повести, выявляющий сложное соотношение внешнего и внутреннего в жизни героя. Повесть «Отец Сергий» композиционно делится на четыре части. Первая часть – главы 1–2, рассказывающие о жизни Касатского до поступления в монастырь. В юности жизнь героя полностью определялась внешними обстоятельствами: родители направили сына по тому пути, который был принят в высшем обществе, – отдали его в кадетский корпус. Автор повести показывает ложность представлений о жизни высшего общества, опираясь, во-первых, на библейский текст, который он берет в своей интерпретации, сложившейся в «Соединении...»; во-вторых, на древнерусские жития. Автор пове-

сти рассказывает о юности героя, используя ряд мотивов, характерных для «житий-биографий». В этом типе житий путь героя заранее предопределен: рожденного по молитвам сына благочестивые родители обещают отдать Богу по достижении двенадцати (или восемнадцати) лет. Герой жития уже в детстве проявляет необыкновенные способности к книжному учению. Путь Степана Касатского тоже предопределен заранее, но родители отдают его не в монастырь, а в кадетский корпус, и исключительные способности не приближают его к Богу, а поднимают по карьерной лестнице к ее вершине – к императору, которого высшее общество поставило на место Бога.

В связи с образом Николая I в повести приобретает актуальность оппозиция «внешнее – внутреннее» в значении, сложившемся в «Соединении...». Бог для Толстого – «начало духа в человеке» [Толстой 1928–1958, т. 24, с. 166], внутреннее, скрытое, глубинное, Николай же изображен как апофеоз внешнего, он – «фигура». У него нет самого главного, «тайника сердца», того, что связывает человека с высшим началом и с другими людьми: «После последней истории Касатского с офицером Николай Павлович ничего не сказал Касатскому, но, когда тот близко подошел к нему, он театрально отстранил его и, нахмурившись, погрозил пальцем и потом, уезжая, сказал: – Знайте, что мне все известно, но некоторые вещи я не хочу знать. Но они здесь. Он показал на сердце» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 10]. Противопоставление театральности внешней жизни и искренних чувств, скрытых в «тайне сердца», «сквозная» для толстовского творчества тема получает в позднем творчестве новое звучание и связана с «Соединением...» – вспомним толстовский перевод Нагорной проповеди, где противопоставлены люди, которые приносят милостыню как «комедианты», «чтобы хвалили люди», и те, кто милостив «в тайне сердца». Таким образом, автор «Отца Сергия», осуждая высшее общество, частично опирается и на древнерусские жития, и на библейские смыслы в их интерпретации из «Соединения...». Вместе с тем точка зрения Толстого не совпадает полностью с позицией древних авторов: по логике толстовского произведения ложной является сама изначальная предопределенность жизни, с которой начинают свой путь и герой жития, и Касатский, поскольку она исключает самостоятельность нравственного выбора и самостоятельность мысли и потому не дает проявиться в человеке божественному началу добра, скрытому в нем.

Свидание с Мэри изображено в повести как первая попытка героя освободиться от ложных идеалов, которая закончилась неудачей: «Он был очень влюблен и ослеплен и потому не заметил того, что знали почти все в городе, что его невеста была за год тому назад любовницей Николая Павловича» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 8]. Житийная метафора страсти-«ослепления», использованная автором «Отца Сергея», получила в повести новый, совсем не житийный смысл. В житиях эта метафора имеет устойчивую отрицательную семантику: ослепленный человек – не видящий истины, находящийся во власти дьявола. В толстовской же повести эта метафора приобрела положительный смысл: любовь-страсть дает герою возможность на мгновение вырваться из плена ложных представлений высшего общества. От жития автор повести взял минимальную общую часть семантики – представление о страсти как об ослепляющем всепоглощающем чувстве, целиком захватывающем человека, искажающем в его глазах окружающий мир, – при этом разность житийного и толстовского снова не важна для автора.

Однако вскоре атмосфера высшего общества вновь затянула героя, пробуждение искреннего чувства не стало началом пути к свету, а лишь усилило вспышку оскорбленной гордости. Первая и вторая главы повести связаны зеркально противоположными ситуациями. В первой главе директор корпуса «скрыл» неблаговидный поступок Касатского. А во второй главе Касатский, собирающийся жениться на любовнице императора, оказался в роли такой «ширмы»: «...вы знали это и мной хотели прикрыть их» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 10]. По мысли автора, высшее общество живет по неестественным законам, разные люди могут оказаться в одной и той же роли. Два зеркально противоположных эпизода объединены мотивами сокрытия, гнева (во втором случае упомянуты «трясущиеся скулы» героя – повторяющаяся в повести деталь) и смерти, погибели.

Эти мотивы присутствуют и в ряде других эпизодов «Отца Сергея», образующих значимую в композиционном отношении цепь эпизодов. Мотив гнева восходит к «Соединению...»: в толстовском переводе «Нагорной проповеди» первая заповедь – «не сердись» [Толстой, 1928–1958, т. 24, с. 166]. С одной стороны, гнев Касатского для автора – свидетельство того, что герой живет ложными представлениями о жизни (здесь автор повести близок Толстому-публицисту). Однако «гнев» Касатского автор рассматривает и с другой

точки зрения – как результат столкновения внутреннего мира героя, по Толстому, всегда сохраняющего связь с божественным началом, и внешних ложных форм жизни. Герой хочет соответствовать идеалу высшего общества, но достичь идеала не дают «вспышки гнева», не зависящие от воли героя. Здесь Толстой вновь опирается на древнерусские тексты, по-своему разворачивая чужие смыслы. В житиях греховные страсти возникают также помимо воли героя, «по наущению дьявола», – Толстой как бы повторяет этот ход, расширяя пространство художественной мысли: в повести «страсть» героя обнаруживает и свой соиздательный потенциал.

Во второй главе мы встречаем то же соединение мотивов погибели, гнева и сокрытия: «Он вскочил и бледный как смерть, с трясущимися скулами, стоял перед нею. – Вы знали это и мной хотели прикрыть их. Если бы вы не были женщины, – вскрикнул он, подняв огромный кулак над нею, и, повернувшись, убежал» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 10]. Мотив смерти появляется в ситуации, когда возможна смерть ложных представлений в сознании героя и возрождение его к новой жизни. После свидания с Мэри жизнь героя в высшем обществе закончилась, так как Касатский потерял жизненно необходимую для него безуокризенность. Однако герой не встал на путь истины: в сознании героя один «обман» сменился другим, на место идеалов высшего общества пришло церковное мировоззрение.

Вторая часть повести (глава 3) рассказывает о жизни Касатского – отца Сергея в монастыре. Этапы этого ложного пути отмечены словом «Покров». В праздник Покрова Касатский поступил в монастырь, а несколько лет спустя в этот день состоялась служба в столичном монастыре, после которой Сергий ушел в скит. Название церковного праздника переосмыслено автором повести: с уходом Касатского в монастырь, а затем в скит – истинное, человеческое все глубже скрывается под покровом церковного «обмана». Ложность церковного порядка жизни и его вредное влияние на героя раскрываются в повести через систему ключевых слов: «самозабвение» (во время службы Сергий испытывал «самозабвение в сознании исполнения должного» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 14–15]), «успокоение» (служба церковная «давала ему несомненное успокоение и радость» [Толстой 1928–1958, т. 31, с. 12]), «спокойствие» («Касатский жил не по своей воле, а по воле старца, и в этом послушании было особенное спокойствие» [Толстой 1928–1958, т. 31, с. 13]), «усып-

ление», «скуча» («Вообще на седьмой год своей жизни в монастыре Сергию стало скучно. Но зато состояние усыпления становилось все сильнее и сильнее» [Толстой 1928–1958, т. 31, с. 13]), «привычка» («Совершение проскомидии приводило его в восторженное, умиленное состояние». Потом «чувство это ослабело, но осталась привычка» [Толстой 1928–1958, т. 31, с. 13]). Во всех словах, образующих это смысловое поле, актуализирована сема «отсутствие воли, внутреннего сознательного импульса». Слова «усыпление», «спокойствие» из этого смыслового поля связаны с толстовским Евангелием. Понятие «воскресение» Толстой толкует как «пробуждение от сна», «перерождение духом». Слово «усыпление» в дальнейшем «прорастет» в трех сюжетных ситуациях «пробуждения от сна» – перед встречей с Маковкиной, с купцовой дочерью и с Пашенькой, – указывающих на возможность «перерождения духом», реализовавшуюся только в третий раз. Слово «спокойствие» встречается в повести многократно. В «Соединении...» спокойствие – это состояние, которое испытывает человек, уразумевший истину, познавший Бога в себе. В 11-й главе «Бог дух есть любовь», рассказывающей о прощании Иисуса с учениками, Толстой приводит строки канонического Евангелия: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается» (Ин. XIV, 27) и переводит их: «Я оставлю вам спокойствие; не такое, какое дают люди, я даю вам; не смущайтесь сердцем, не ройтесь» [Толстой, 1928–1958, т. 24, с. 728]. Этот фрагмент Толстой комментирует: «Εἰρήνη здесь должно быть переведено не мир, а спокойствие, которое дает знание истины» [Толстой, 1928–1958, т. 24, с. 728]. В начале повести «спокойствие» Сергия – это спокойствие ложное, которое «дают люди» – «сознание смирения и несомненности поступков, всех определенных старцем» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 12].

В центральном эпизоде второй части (всенощная служба в церкви столичного монастыря) вновь соединяются мотивы гнева и сокрытия. Честолюбие Сергия разразилось новой вспышкой гнева, после которой герой стал монахом-отшельником.

Следующая, третья часть повести – эпизод встречи Сергия с Маковкиной (главы 4–5), – это краткий момент обретения героем своего истинного внутреннего «я» среди лжи церковной и отшельнической жизни. В основе этого эпизода лежит древнерусский источник – Житие Иакова

Постника, на что указывали и первые читатели повести, и многие исследователи (вопрос об источниках повести подробно рассмотрен в работе А. Г. Гродецкой, где освещена и история изучения вопроса [Гродецкая, 2000, с. 207–256]). Для читателя знание источника не является необходимым, однако оно существенно углубляет смысловую перспективу повести. Сопоставление агиографического текста и толстовской повести лишь изредка становится смыслообразующим, и эти смысловые взаимодействия очень локальны. Важнее всего в этих главах – отношение самих героев к житию, именно в нем раскрывается движение художественной мысли автора. Автор показывает читателю, что ситуация, в которой оказались герои, только внешне напоминает житийную, а по сути в корне от нее отлична. В Житии Иакова Постника язычники специально нанимают блудницу за денежное вознаграждение, чтобы она склонила к падению святого Иакова, распространяющего в их стране христианское учение. Маковкина же идет в келью исключительно по собственному внутреннему побуждению, в поисках новых ярких впечатлений. Отец Сергий тоже не очень похож на героя жития, это различие осознает и сам герой: «Да, похоть, да, с нею боролись святой Антоний и другие, но вера. Они имели ее, а у меня вот минуты, часы, дни, когда нет ее» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 19]. Сопоставляя себя с героям жития, Сергий начинает сомневаться в правильности выбранного пути: «Но не соблазн ли то, что я хочу уйти от радостей мира и что-то готовлю там, где ничего нет, может быть» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 19]. Однако возврат к миру сопряжен для него с оживлением прежних греховых помыслов (особенно гордости, похоти), так как они были не побеждены, а только скрыты, заслонены молитвой и послушанием. Потому и «спокойствие», которое дает ему «церковная» вера («Шоры выдвинулись опять, и он успокоился» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 19]), – тоже «ложное», кратковременное, в отличие от истинного «спокойствия», которое дает «знание истины».

В начале эпизода автор подчеркивает сходство двух героев, которые в житии являются двумя полюсами – добра и зла, божественного и дьявольского. Героев же Толстого объединяет ощущение скуки жизни в высшем обществе, оба они находятся вне иерархической системы высшего общества, складывающейся на материальных и карьерных основаниях: он – «погиб» в мнении высшего общества, испортил свою карьеру, Маковкина – «разводная жена, красавица, богачка и

чудачка, удивлявшая и мутившая город своими выходками» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 17]. Сложность и неоднозначность ситуации, в которой оказались герои, подчеркивает время действия – масленица. Слово «масленица» в повести многозначно: во-первых, это время, предшествующее Великому Посту и Пасхе, слово указывает на возможность будущего обретения истины, духовного воскресения героев; во-вторых, слово «масленица» входит в ассоциативный ряд: масленица – масляная, широкая, ровная, хорошая дорога («Погода была прекрасная, дорога как пол», «ровная, масленая дорога быстро убегала назад» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 17–18]). Этот ассоциативный ряд актуализирует в повести евангельский контекст: «Входите узким (тесным) входом, потому что вход ровный и дорога широкая ведут в погибель, и многие входят. И узкий вход и тесная дорога ведут в жизнь, и немногие находят его» (Мф. VII, 13–14; в толстовском переводе – [Толстой 1928–1958, т. 24, с. 275]). В этом значении время действия «масленица» указывает на возможность гибели героев – таким образом, в 4 главе подспудно возникает важнейший в повести мотив «погибели».

В сцене встречи с Маковкиной автор изображает колебания в душе Сергея: он то стремится вести себя как святой, как будто ориентируясь на житийный текст, то реагирует на происходящее очень естественно, искренне, по-человечески. Услышав стук в дверь, Сергей сразу представил себя в житийной ситуации: «Да неужели правда то, что я читал в житиях, что дьявол принимает вид женщины...» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 20]. Но затем реакция Сергея – живая, невольная, он удивлен и напуган; желая отогнать наваждение, он не крестное знамение творит, как святой, а произносит: «„И голос нежный, робкий и милый! Тыфу!“ – он плонул» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 20]. Но тут же, как святой, он встает на молитву. А дальше – снова прорывается искреннее чувство: «– Пустите. Ради Христа... Казалось, вся кровь прилила к сердцу и остановилась. Он не мог вздохнуть» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 20–21]. Словом «сердце» в повести, как и в толстовском Евангелии, обозначается истинное, происходящее в глубине души человека, в отличие от внешнего, наигранного. В первые минуты встречи Маковкина и Сергей глубоко поняли друг друга: Маковкина уловила его потребность в обычном человеческом общении и, смеясь над «житийной» ситуацией, в которой они оказались, стремилась уйти от типа общения, диктуемого

житийным сюжетом: «– Да я не дьявол... – И слышно было, что улыбались уста, говорившие это. – Я не дьявол, а просто грешная женщина, заблудилась – не в переносном, а в прямом смысле (она засмеялась), измерзла и прошу приюта...» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 21]. В повести обыгрывается многозначность слова «заблудиться», причем эту многозначность осознает сама Маковкина, в отличие от героини древнерусского текста. У Толстого слово «заблудиться» имеет три значения: два значения, которые реализовывались в древнерусском тексте, где многозначность также имела место («потерять дорогу в лесу» и «потерять истинный путь»), и третье – толстовское, восходящее к его «Соединению...». В этом сочинении Толстого «заблудившиеся» противопоставлены «православным». «Заблудившиеся» близко к истине, потому что они ищут ее, а «православные» далеко от истины, потому что они уверены в своей правоте и гордятся своей праведностью, основанной на следовании ложным, по Толстому, правилам православного церковного учения. В «Соединении...» читаем: «И случилось так, что, когда сидел Иисус у него (Матвея) в доме, пришли еще откупщики податей и заблудшие к нему и сидели с Иисусом и учениками его» [Толстой, 1928–1958, т. 24, с. 111]. Толстой комментирует: «Аμαρτωλοί – ошибающиеся. Я перевожу ошибающиеся, а не грешники, потому что грешник получило уже другое значение. Здесь Аμαρτωλοί имеет значение, противоположное фарисеям, то есть православным, людям, считающим себя правыми. И потому я ставлю слово, отвечающее и слову Аμαρτωλοί и противоположное слову „православный“ – „заблудший“» [Толстой, 1928–1958, т. 24, с. 111]. «Люди, исполняющие внешние обряды, этим исполнением считают себя правыми, а считая себя правыми, уже не ищут избавления от заблуждений» [Толстой, 1928–1958, т. 24, с. 112]. Для избавления от заблуждений нужны не обряды, а «любовь к людям». Если принять во внимание это собственно толстовское значение слова, то в повести складывается ситуация, противоположная житийной: не святой должен вывести к истине блудницу, а Маковкина, «блудницу», может избавить Сергея от его ложного мировоззрения.

Однако взаимопонимание героев было очень кратковременным, Сергей боялся возврата к своему прошлому, к греховным помыслам – не преодоленным, а скрытым слоем новых впечатлений, – одновременно боялся оказаться в глазах Маковкиной не святым – и потому развернул

дальнейший ход событий по житийному сюжету, который стал препятствием в общении между героями. Сергий, как и святой Иаков, затворился во внутренней келье, оставив блудницу во внешней. И Маковкина как будто попала в эту колею житийного поведения, и, не осознавая того, вела себя как блудница, которая притворною болезнью хотела выманить святого.

Желая побороть искушение, Сергий вспоминает два житийных «средства»: «сожжение руки» и «отсечение соблазна». В житийной традиции эти «жесты» аналогичны, однако в толстовской повести они, на наш взгляд, противопоставлены друг другу. Сергий вспомнил, как святой Иаков спрavился с искушением – в течение нескольких часов держал руку на огне. Сергий понимал, что в нем нет такой внутренней силы, как у святого, что ему не вытерпеть боль: «...он сморщился весь и отдернул руку, махая ею. „Нет, я не могу этого!“» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 25]. Отсюда – жест, вызванный вспышкой оскорбленной гордости, – «отсечение соблазна» (отрубание пальца), мгновенное импульсивное действие, не требующее длительного испытания сил. Важно, что эпизод «отсечения соблазна» Толстой поставил в один ряд с эпизодами, когда вспыхивал гнев Касатского и его оскорбленная гордость (случай с экономом в 1 главе, свидание с Мэри во 2 главе, встреча с полковым командиром во время церковной службы). Общность с этими эпизодами подчеркивает повторяющаяся деталь – дрожащая щека: «Она взглянула на его побледневшее лицо с дрожащей левой щекой, и вдруг ей стало стыдно» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 25]. В итоге не Маковкина пробудила Сергия от ложных представлений о жизни, а он заставил ее переключиться в русло житийного сценария: Маковкина уходит в монастырь, но этот уход представлен у Толстого как вынужденный шаг, не вытекающий из потребностей духа героини.

Главы 6–8, в которых изображена жизнь Сергия после встречи с Маковкиной, образуют в повести новое единство (четвертая часть) со своей особой поэтикой. Эпизод с Марьей написан Толстым вслед за житийным сюжетом об Иакове Постнике. Молодой Иаков не поддался на искушение блудницей, а в старости пал с отроковицей, из-за того что слишком возгордился своей святыней. Основной сюжетный ход Толстой повторяет, но при этом вносит и свой смысловой акцент – подчеркивает взаимосвязь внешнего и внутреннего в человеке. Падение Сергия произошло в тот момент, когда жизнь «для Бога» была полностью

заменена жизнью «для людей»: «они затолкли все, осталась одна грязь» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 28]. Эпизод с Марьей завершает цепочку эпизодов, связанных мотивами погибели, сокрытия и гнева. Но в этом эпизоде, в отличие от предыдущих сцен, отсутствует мотив гнева. Гнев появлялся в повести в момент трагического несогласия, расхождения внешнего и внутреннего в герое. Здесь же, в 7 главе, внутреннего, истинного в Сергии как будто уже не осталось, ничто не сопротивлялось в нем искущению. Падение Сергия произошло в день церковного праздника Преполовения, который отмечается в середине периода между Пасхой и Троицей, но этот церковный смысл праздника в толстовском произведении не важен. Автор повести по-своему интерпретирует слово «Преполовение»: это веха, отмечающая, что Сергий прошел половину пути к истинной жизни, – ложные «покровы» спали. Но впереди у героя – поиск нового смысла жизни. После падения с Марьей Сергий ушел из скита, переодевшись в мужицкое платье, – «скрылся». Сергий не пережил позор, а ушел от него, поэтому в полуслоне он вспомнил именно Пашеньку, и как раз в тот момент, когда она терпит унижение, показывает, как надо «плавать посуху», а все смеются над ней. Кроме того, мысль о Пашеньке – это возвращение в детство, в самый ранний период его жизни – до того, как он был направлен по общепринятому ложному пути.

Главы 7–8 связаны друг с другом двумя парами перекликающихся образов, опирающихся на толстовское «Соединение...». В 7-й главе евангельские образы выражают ложное мнение окружающих о Сергии как о святом и одновременно мысль героя о самом себе. Первый образ – «воды живой»: «Он чувствовал, как внутреннее перешло во внешнее, как иссякал в нем источник воды живой...» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 29]. Второй – образ «светильника горящего»: «Он думал о том, что он был светильник горящий...» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 29]. В 8 главе этим евангельским образом противопоставлены образы, рисующие бытовую ситуацию: «Когда она вошла с жестяной, без колпака, лампочкой, он поднял на нее свои прекрасные, усталые глаза и глубоко, глубоко вздохнул...»; «Да, одно доброе дело, чашка воды, поданная без мысли о награде, дороже благодетельствованных мною для людей», – думал Сергий [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 43–44]. Вместо «источника воды живой» – «чашка воды», вместо «светильника горящего» – «лампочка». И важно, что лампочка «без колпа-

ка», открытый источник света; вспомним толстовское Евангелие: «И кто зажигает свет, тот не ставит его под четверик, а ставит его на подсвечник, чтобы он светил всем в горнице» [Толстой, 1928–1958, т. 24, с. 207]. Превращение евангельского символа в бытовой предмет в толстовской повести – это не снижение образа, а особый способ символизации – прозревание в бытовой ситуации «далнего» смысла, слияние глубинного плана бытия и каждого дня бытowego дела человека. Образы, рисующие бытовую ситуацию, не теряют связь с «Соединением...» и через него – с каноническим Евангелием, но показывают особое отношение автора повести к Евангелию: для него это не особый авторитетный текст, а слово истины, которое должно жить в человеке; и положительные герои позднего Толстого, иногда и не знающие евангельского слова, интуитивно воплощают его в своих делах и поступках.

Жизнь Пашеньки нарисована автором как светлая, лишенная эгоизма жизнь «для Бога», непрестанное служение людям «без мысли о награде». Однако было бы не точно говорить, что Пашенька – это образец, идеал, к которому должен прийти Сергей. Встреча с Пашенькой дала герою понимание не того, как надо жить, а понимание прошлого: «Да, нет Бога для того, кто жил, как я, для славы людской. Буду искать его» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 44]. Образ Пашеньки лишь намечает направление истинного пути для Сергея, но ему надо найти «своего Бога». Завершающая сцена произведения – встреча странников, среди которых идет Сергей, с путешественниками. На вопрос путешественника, «твердо ли они уверены, что их паломничество угодно Богу», старушки отвечали: «Как Бог примет. Ногами-то были, сердцем будем ли» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 45]. Центральная оппозиция произведения «внешнее – внутреннее» выражается здесь через противопоставление «ноги – сердце». Найдет ли Сергей «сердцем» свой путь и своего Бога? Для Толстого-автора этот вопрос остается открытым. Интересно, что в finale повести Сергей испытывает не истинное евангельское «спокойствие», основанное на твердом сознании Бога в себе, а только «радость»: «И Касатскому особенно радостна была эта встреча, потому что он презрел людское мнение» [Толстой, 1928–1958, т. 31, с. 46]. Согласно толстовскому учению, выраженному в его публицистических сочинениях и по-своему преломившемуся в повести, важно не просто чувство, но осознание Бога в себе, осознание

своей сыновности Богу, которое у героя еще впереди.

Заключение

Повесть «Отец Сергий» видится нам как трагическая история поиска героем «своего Бога», скрытого божественного «тайника души». Центральная оппозиция в повести «внешнее – внутреннее» реализуется через систему ключевых слов, связанную с толстовским «Соединением...». Разные значения «ключевых» слов, переплетаясь друг с другом, сталкиваясь, обнаруживают сложный и противоречивый процесс взаимодействия внутреннего мира героя и различных внешних влияний и обстоятельств.

Идеологическая структура повести «Отец Сергий», как и многих произведений Толстого 1890–1900-х гг., формируется с опорой на «Соединение...». Важные смысловые линии оказываются не видны читателю, не знакомому с толстовским Евангелием. Не случайно первые читатели повести упрекали Толстого в отсутствии целостности произведения [Булгаков, 1912, с. 92; Кузмин, 1912, с. 71].

Понятие «художественная целостность произведения» в науке многозначно. Проблема целостности имеет длительную историю осмысливания в литературоведении, обобщение исследовательской литературы по теме подводит к выводу: «художественная целостность произведения исторически изменчива, индивидуальна у каждого произведения, связана с его художественной философией и опирается как на структурные, так и на континуальные „составляющие“ произведения» [Кочешкова, 2006, с. 67], целостность может быть осмысlena с точки зрения ее основания (двуединство системно-структурного и континуального аспектов [Шатин, 1992]) и с точки зрения ее «закончения» [Бахтин, 2003].

В позднем творчестве Толстого художественная целостность произведения формируется как динамическое равновесие, с одной стороны, опирающееся на идеологическую структуру, ядро которой составляет система оппозиций, восходящих к «Соединению...», и как бы в «готовом» завершенном виде воплощенная и в художественном произведении, с другой стороны, – предлагающая и многозначность, подвижность структуры ключевых слов, составляющих оппозиции. «Чужое» слово играет большую роль в создании свободного художественной слова произведения, многозначности и сложности смысла, но это художественность особого рода, как ни парадок-

сально, она опирается на «готовые» смыслы, связанные с публицистическими сочинениями Толстого, вырастает из них.

На основе образов и оппозиций, связанных с толстовскими трактатами, формируется особый тип символа в художественных произведениях Толстого 1890–1900-х. По наблюдениям Б. М. Эйхенбаума, особую роль символ приобрел в творчестве Толстого уже в 1870-е годы, исследователь подчеркивает разнообразие символических образов: это и символические образы, близкие к аллегории, и лирические символы [Эйхенбаум, 2009, с. 671–684].

Современные исследователи, анализируя повесть «Отец Сергий», пишут как о символах [Переверзева, 2008; Романьчева, 2021], так и об эмблемах, родственных аллегории [Лученецкая-Бурдина, 2019]. Современный исследователь Р.Ф.Густафсон определил художественный метод позднего Толстого как «эмблематический реализм»: «концепция реальности расширяется за пределы исторического материального мира, дабы открыть Божественное внутри и во вне» [Густафсон, 2003, с. 211]. Различия в концепциях современных ученых, на наш взгляд, подчеркивают сложность и уникальность толстовских образов, которые сложно точно определить, используя термины «символ» и «аллегория», однако всеми литературоведами отмечается некий порыв за пределы литературной реальности, сложное соотношение реалистического изображения и религиозно-философских смыслов.

Думается, в творчестве 1890-х–1900-х гг. появляется качественно новый тип символа, отправной точкой для которого являются образы «Соединения» (например, образ лампы – «светильника горящего», образ чаши воды – «воды живой»). В художественном произведении символ указывает и на смыслы, связанные с духовной сферой, и, не теряя символической энергии, вместе с тем превращается в повести в реалистический образ, вписанный в бытовую ситуацию – и соотношение этих разных смыслов подвижно, оно становится в произведении источником смыслопорождения. Важно подчеркнуть, рождение образа – это движение смыслов от ключевых образов и оппозиций «Соединения...», являющихся основанием художественной целостности произведения, – к сложности и многозначности художественного слова. Художественная целостность произведений позднего Толстого формируется не только с выходом за пределы литературной реальности, но и с выходом за пределы конкретного произведения в

межтекстовое пространство, к контексту творчества Толстого, и при активной позиции читателя.

Библиографический список

1. Афанасьев Э. С. «Народная литература» в художественно-эстетической системе Л. Н. Толстого. Москва, 1979. 21 с.
2. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 7 т. / под ред. С. Г. Бочарова и др. Т. 1. Философская эстетика 1920-х гг. Москва : Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 69–265.
3. Бахтина О. Н. Проблема житийного канона в повести Л. Н. Толстого «Отец Сергий» // Лев Толстой и время. Томск : Издательство Томского университета, 2010. С. 35–39.
4. Булгаков С. Н. Человекобог и человекозверь: По поводу последних произведений Л. Толстого «Дьявол» и «О. Сергий» // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 2 (112). С. 55–105.
5. Гродецкая А. Г. Ответы предания: Жития святых в духовном поиске Льва Толстого. Санкт-Петербург : Наука, 2000. 263 с.
6. Гроссман Л. П. «Отец Сергий». История писания и печатания // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 31. Москва : Худож. лит., 1954. С. 257–267.
7. Густафсон Р. Ф. Обитатель и чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого. Санкт-Петербург : Академический проект, 2003. 480 с.
8. Дергунова Н. Г. Традиции жанра жития в повести Л. Толстого «Отец Сергий» // Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве. Часть III. Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021. С. 147–150.
9. Жданов В. А. Творческая история повести «Отец Сергий» // Ученые записки Горьковского университета. 1963. Т. 60. Вып. 5. С. 75–98.
10. Кочешкова Л. Е. Художественная философия и поэтика «малой» прозы Л. Н. Толстого в свете проблемы целостности: (От повести «Казаки» к рассказу «Алеша Горшок»). Санкт-Петербург, 2005.
11. Кузмин М. Заметки о русской беллетристике // Аполлон. 1912. № 2. С. 71–73.
12. Купреянова Е. Н. Эстетика Л. Толстого. Москва; Ленинград : Наука, 1966. 324 с.
13. Лученецкая-Бурдина И. Ю. Эмблематическое письмо Л. Н. Толстого // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 4 (19). С. 25–29.
14. Николаева Е. В. Жанр народного рассказа в творчестве Льва Толстого // Жанровое своеобразие произведений русских писателей XVIII–XIX веков. Сб. науч. трудов. Москва, 1980. С. 68.
15. Переверзева Н. А. Художественная функция символа и «контекст прошлого» в повести Л. Н. Толстого «Отец Сергий» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 10 (66). С. 83–91.

16. Романьчева Л. Ю. Образ-символ времени в повести Л. Н. Толстого «Отец Сергий» // Материалы толстовских чтений 2020 года в Государственном музее Л. Н. Толстого. Москва : РГ-Пресс, 2021. С. 29–39.
17. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Москва : Худож. лит., 1928–1958.
18. Шатин Ю. В. Жанрообразовательные процессы и художественная целостность текста в русской литературе XIX века (Эпос. Лирика). Москва, 1992. 189 с.
19. Шупьц С. А. Традиции Д. Дидро и готического романа в повести Л. Н. Толстого «Отец Сергий» // Русская литература. 2013. № 1. С. 111–130.
20. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой : исследования. Статьи. Санкт-Петербург, 2009. 952 с.

Reference list

1. Afanas'ev Je. S. «Narodnaja literatura» v hudozhestvenno-jesteticheskoy sisteme L. N. Tolstogo = «Folk Literature» in the Artistic and Aesthetic System of L. N. Tolstoy. Москва, 1979. 21 s.
2. Bahtin M. M. Avtor i geroj v jesteticheskoy dejatel'nosti = The author and the hero in aesthetic endeavor // Bahtin M. M. Sobranie sochinenij: V 7 t. / pod red. S. G. Bocharova i dr. T. 1. Filosofskaja jestetika 1920-h gg. Москва : Russkie slovari; Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. S. 69–265.
3. Bahtina O. N. Problema zhitijnogo kanona v povesti L. N. Tolstogo «Otec Sergij» = The problem of the hagiographic canon in Leo Tolstoy's story Father Sergius // Lev Tolstoj i vremja. Tomsk : Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2010. S. 35–39.
4. Bulgakov S. N. Chelovekobog i chelovekozver': Po povodu poslednih proizvedenij L. Tolstogo «D'javol» i «O. Sergij» = Man-God and Man-Beast: On L. Tolstoy's last works The Devil and Father Sergius // Voprosy filosofii i psihologii. 1912. Kn. 2 (112). S. 55–105.
5. Grodeckaja A. G. Otvety predanija: Zhitija svjatyh v duhovnom poiske L'va Tolstogo = Answers of tradition: Lives of the saints in Leo Tolstoy's spiritual search. Санкт-Петербург : Nauka, 2000. 263 s.
6. Grossman L. P. «Otec Sergij». Istorija pisanija i pechatanija = Father Sergius. History of writing and publishing // Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch.: v 90 t. T. 31. Москва : Hudozh. lit., 1954. S. 257–267.
7. Gustafson R. F. Obitatel' i chuzhak. Teologija i hudozhestvennoe tvorchestvo L'va Tolstogo = The resident and the stranger. Leo Tolstoy's theology and literary work. Санкт-Петербург : Akademicheskij proekt, 2003. 480 s.
8. Dergunova N. G. Tradicij zhanra zhitija v povesti L. Tolstogo «Otec Sergij» = Traditions of the hagiography genre in L. Tolstoy's story Father Sergius // Russkij jazyk v global'nom nauchnom i obrazovatel'nom prostranstve. Chast' III. Москва : Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A. S. Pushkina, 2021. S. 147–150.
9. Zhdanov V. A. Tvorcheskaja istorija povesti «Otec Sergij» = Creative history of the story Father Sergius // Uchenye zapiski Gor'kovskogo universiteta. 1963. T. 60. Vyp. 5. S. 75–98.
10. Kocheshkova L. E. Hudozhestvennaja filosofija i pojetika «maloj» prozy L. N. Tolstogo v svete problemy celostnosti: (Ot povesti «Kazaki» k rasskazu «Alesha Gorshok») = Artistic philosophy and poetics of «small» prose of L. N. Tolstoy in the light of the integrity issue: (From the story Cossacks to the story Alyosha Gorshok). Sankt-Peterburg, 2005.
11. Kuzmin M. Zametki o russkoj belletristike = Notes on Russian fiction // Apollon. 1912. № 2. S. 71–73.
12. Kuprejanova E. N. Jestetika L. Tolstogo = L. Tolstoy's esthetics. Москва; Leningrad : Nauka, 1966. 324 s.
13. Lucheneckaja-Burdina I. Ju. Jemblematiceskoe pis'mo L. N. Tolstogo = L. N. Tolstoy's emblematic letter // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2019. № 4 (19). S. 25–29.
14. Nikolaeva E. V. Zhanr narodnogo rasskaza v tvorchestve L'va Tolstogo = The folk story genre in Leo Tolstoy's work // Zhanrovoe svoeobrazie proizvedenij russkih pisatelej XVIII–XIX vekov. Sb. nauch. trudov. Москва, 1980. S. 68.
15. Pereverzeva N. A. Hudozhestvennaja funkcija simvola i «kontekst proshloga» v povesti L. N. Tolstogo «Otec Sergij» = The artistic function of the symbol and the «context of the past» in Leo Tolstoy's story Father Sergius // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2008. № 10 (66). S. 83–91.
16. Roman'cheva L. Ju. Obraz-simvol vremeni v povesti L. N. Tolstogo «Otec Sergij» = The symbol of time in Leo Tolstoy's story Father Sergius // Materialy tolstovskih chtenij 2020 goda v Gosudarstvennom muzee L. N. Tolstogo. Москва : RG-Press, 2021. S. 29–39.
17. Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch. v 90 t. = Complete works in 90 vols. Москва : Hudozh. lit., 1928–1958.
18. Shatin Ju. V. Zhanroobrazovatel'nye processy i hudozhestvennaja celostnost' teksta v russkoj literature XIX veka (Jepos. Lirika) = Genre formation processes and literary integrity of the text in XIX century Russian literature (Epos. Poetry). Москва, 1992. 189 s.
19. Shup'c S. A. Tradicij D. Didro i goticheskogo romana v povesti L. N. Tolstogo «Otec Sergij» = Traditions of D. Diderot and the Gothic novel in Leo Tolstoy's story Father Sergius // Russkaja literatura. 2013. № 1. S. 111–130.
20. Jejhenbaum B. M. Lev Tolstoj: issledovanija. Stat'i = Leo Tolstoy: research. Articles. Санкт-Петербург, 2009. 952 s.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 13.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 22.09.2025; approved after reviewing 13.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 821.161.1.0

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-19

EDN: UXECIT

Своя «чужая бабушка»: сюжет обретения прародителя в современной отечественной прозе для детей и подростков

Жанна Константиновна Гапонова¹, Елена Викторовна Никкарева^{2✉}

¹Кандидат филологических наук, декан факультета русской филологии и культуры, доцент кафедры русского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республикаанская, д. 108/1

²Старший преподаватель кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республикаанская, д. 108/1

¹jangap1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9248-226X>

²enikkareva@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-0014-1404>

Аннотация. В современной прозе для подростков одним из распространенных сюжетных мотивов остается преодоление героем одиночества на пути взросления. В статье на материале произведений современной прозы для подростков, в которых высвечивается несостоительность родителей, на первый план выходят образы замещающих прародителей (бабушки или дедушки). Статья посвящена рассмотрению особенностей формирования особой модели отношений между поколением потенциальных прародителей и поколением внуков, которую по аналогии с замещающим родительством авторы определяют как замещающее прародительство. Сюжет взросления в этом случае реализуется как альтернативный эскапистскому дискурсу нарратив поиска «своей» бабушки или «своего» дедушки. Тенденция преодоления дихотомии «свой – чужой» и формирования представления о прародительстве как ценности в целом соответствует и современным практикам социализации, когда в обществе приобретает популярность поиск бабушки и / или дедушки для ребенка, развиваются проекты по созданию приемных семей для пожилых людей. Авторы приходят к выводу, что сюжет обретения «своего» прародителя как вариативная сюжетная модель может рассматриваться в качестве способа презентации в отечественной прозе для подростков прародительского текста, в котором концептуально-архетипическая и аксиологическая направленность получает конкретно-образное воплощение на сюжетно-композиционном, хронотопическом, мотивном и др. уровнях развертывания художественного дискурса. Авторы акцентируют внимание на том, что преодоление отношения к другому (изначально не своему) как к чужому реализуется в произведениях через присвоение внуками-преемниками характерных для прародителей выражений и оборотов речи, через изменение системы наименований, показывающих теплое отношение приобретенных родственников друг к другу, сюжетно.

Ключевые слова: прародительский текст; аксиологический код; сюжет; замещающий прародитель; В. Ошева; А. Кашура; И. Данилова; А. Зенькова

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01541, <https://rscf.ru/project/25-28-01541/>

Для цитирования: Гапонова Ж. К., Никкарева Е. В. Своя «чужая бабушка»: сюжет обретения прародителя в современной отечественной прозе для детей и подростков // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 19–27. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-19>. <https://elibrary.ru/UXECIT>

Original article

One's own «someone's grandmother»: the plot of finding the progenitor in modern Russian prose for children and teenagers

Zhanna K. Gaponova¹, Elena V. Nikkareva^{2✉}

¹Candidate of philological sciences, dean of the faculty of Russian philology and culture, associate professor at the Russian language department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

²Senior lecturer, department of cultural studies, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

¹jangap1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9248-226X>

²enikkareva@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-0014-1404>

Abstract. One of the common motifs in contemporary prose for teenagers is overcoming the character's loneliness on the way to adulthood. On the basis of modern teenage prose works, emphasizing the failure of parents, the authors of the article focus on the images of substitute progenitors (grandmothers or grandfathers). The article examines the specifics of forming a model of relations between the generations: potential grandparents and grandchildren, which, by analogy with substitute parenting, the authors define as substitute grandparenting. In this case, the coming-of-age plot is realized as a narrative of searching for 'one's own' grandmother or 'one's own' grandfather, as an alternative to escapist discourse. The tendency of overcoming the dichotomy «one's own – someone else's» and forming the understanding of grandparenting as a value generally corresponds to modern socialization practices, where the search for a grandmother and/or grandfather for a child is gaining popularity, and foster families projects for the elderly are developing. The authors conclude that the plot of finding «one's own» progenitor as a variable plot model can be regarded as a way of presenting the progenitor text in Russian teenage prose, in which the conceptual-archetypal and axiological direction is embodied in specific imagery at the levels of plot and composition, chronotope, motivation, and other aspects of the literary discourse. The authors underline that the overcoming of the attitude to others (originally not their own) as strangers is realized in the works through adopting expressions and turns characteristic of the progenitors' speech by the successor grandchildren, through changing the system of names that show the warm attitude of the newly acquired relatives to each other, and through the plot.

Key words: progenitor text; axiological code; plot; substitute progenitor; V. Osheeva; A. Kashura; I. Danilova; A. Zenkova

The study was supported by grant № 25-28-01541 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/25-28-01541/>

For citation: Gaponova Zh. K., Nikkareva E. V. One's own «someone's grandmother»: the plot of finding the progenitor in modern Russian prose for children and teenagers. *Verhnevolzhski filological bulletin. 2025;(4):19–27. (In Russ.).* <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-19>. <https://elibrary.ru/UXECIT>

Введение. В современной прозе для подростков одним из распространенных сюжетных мотивов остается преодоление героем одиночества на пути взросления. Если в европейской литературе (например, Э. Куиперс «Я и Я», А. Бенджамин «Доклад о медузах», Дж. Доннелли «Революция» и др.) подросток в одиночку проходит инициацию (хотя рядом с ним могут находиться родные и / или друзья, учитель, но в момент совершения нравственного выбора герой оказывается один), то в русской культурной традиции в соответствии с формулой волшебной сказки героя должен сопровождать наставник. В целом ряде текстов отечественной литературы персонажем, в образе которого находит воплощение архетип Мудрого Старца, – персонификацией смысла и знания, необходимого в тот момент, когда «герой находится в безнадежном и отчаянном положении» [Юнг, 1997, с. 300], выступает один из прародителей (Д. Доцук «Голос» и др.). В то же время одним из проявлений кризиса современной – нуклеарной по преимуществу [Итоги ВПН 2020] – семьи становится разрыв межпоколенных связей, приводящий, с одной стороны, к тому, что прародители «исключаются» из состава семьи, не принимают участия в жизни внуков, а с другой – к явлению, определяемому психологами как депривация – ощущению дискомфорта, фрустрации из-за отсутствия возможности самореализации в роли бабу-

шек / дедушек [Янак, 2021, с. 54]. Социальные и этические аспекты конфликтных внутрисемейных взаимоотношений также находят отражение в современной литературе для детей и подростков (А. Зайцева, К. Комарова «По ту сторону кошки», А. Петрова «Бабушка дело такое» и др., И. Мышковая «Мальчики не плачут» и др.).

Однако в условиях трансформации представлений о традиционной семье в современной отечественной прозе для подростков активное развитие получает и еще один сюжет, в основе которого лежит попытка преодоления противоречия между объективной необходимостью получения помощи прародителей, пониманием их значимости, востребованностью среди современного поколения внуков таких прародительских ресурсов, как личностные (здравье, чувства, авторитет, родственные отношения и особенно время) и духовные (интеллектуальный ресурс, культурный ресурс, ценности) [Янак, 2021, с. 56], и доминированием в современном обществе немодальных семей. Неслучайно современная литература для подростков, высвечивая несостоительность родителей – их несамостоятельность или отсутствие [Горенинцева, 2017, с. 182], выдвигает на первый план прародителей (бабушку или дедушку) [Проблемное поле..., 2025, с. 46], роль которых в системе персонажей определяется уже не просто «необходимостью поддержки гендерного кон-

тракта „работающей матери”, как это было в советской литературе, но особенностями реализации прародительского кода – формированием ценностных установок в картине мира подростка, связанных с такими понятиями, как родина, память, в том числе историческая, семья, труд, человеколюбие, служение. Отмечаемая Н. В. Свitenko универсальность аксиологического подхода к исследованию литературы для подростков, предполагающего исследование художественного произведения как структуры, «элементы которой обусловлены совокупностью аксиологических факторов» [Цит. по: Свitenko, 2022, с. 38], позволяет применить именно этот подход к анализу произведений, в которых поднимается проблема экзистенциального сиротства подростков, а «подлинная близость ребенка и взрослого определяются по духовной линии» [Горенинцева, 2017, с. 178].

Выявление особенностей репрезентации в произведениях, рассматриваемых нами в рамках прародительского сверхтекста, сюжета поиска и обретения бабушки / дедушки, формирования особой модели отношений между поколением потенциальных прародителей и поколением внуков, которую по аналогии с замещающим родительством можно определить как замещающее прародительство, является целью данной статьи.

Прародительский текст как изначальная матрица представлений русского человека о прародителях, получающая репрезентацию в текстах культуры, описывается нами через систему инвариантных (лингвосемиотический, аксиологический, архетипический) и вариативных кодов (субурвней), выстраивающихся вокруг ядерных компонентов – *бабушка* и *дед / дедушка* – и обеспечивающих реализацию «максимальной смысловой установки» [Топоров, 2003, с. 27]. В то же время концептуально-архетипическая и аксиологическая направленность прародительского текста получает в современной литературе для детей и подростков конкретно-образное воплощение на сюжетно-композиционном, хронотопическом, мотивном и др. уровнях развертывания художественного дискурса. Восприятие прародительства в детской и подростковой литературе зиждится на устойчивых для носителя русского языка ассоциативно-смысловых связях, повторяемых авторами произведений через реализацию определенного рода стратегии «обретения семейной идентичности» через посредническую роль бабушки или дедушки. Анализируемый сюжет поиска прародителя соотносится, таким образом, с вариативной

для отечественной литературы моделью репрезентации прародительства как обретения подростком (реже ребенком) замещающего прародителя и может быть рассмотрен как одна из форм диалектического освоения фундаментальной для русского национального сознания дилеммы «свой – чужой» [Галмагова, 2025; Неверович, 2016; Аниськина, 2017]. При этом за рамками статьи остаются произведения, сюжет которых развивается как формирование семейно-родовой идентичности в ситуации замещающей семьи (например, повесть Т. Михеевой «Легкие горы»).

Материалом статьи стали повести А. Кашуры «Мираморе» (Пять четвертей, 2021), А. Зеньковой «Те, кого не было» («КомпасГид», 2023), В. Ошевоевой «Будьте моей бабушкой» («Аквилегия-М», 2024) и рассказ В. Даниловой «Чужая бабушка» («Волчок», 2024), не исчерпывающие перечень произведений, в основе которых лежит сюжет поиска / обретения «своего» прародителя, но отражающие различные варианты его развития. При этом наиболее детально нами рассматривается повесть А. Кашуры, позволяющая показать специфику репрезентации данного сюжета в отечественной прозе для подростков.

Результаты исследования. В экспозиции повести Алёны Кашуры «Мираморе», опубликованной в 2021 г. издательством «Пять четвертей» и адресованной младшим подросткам, мы видим следование «рецепту» У. Старка из повести «Умеешь ли ты свистеть, Йоханна» – «...найти себе дедушку» в доме престарелых [Старк, 2018, с. 8]. Если выбор Берры определяется случаем («этот вполне подходящий»), то в основе выбора Мирры – главной героини повести А. Кашуры – авантюрная ситуация узнавания «своего» дедушки по примете, признаку: «Она ... увидела старика! <...> Старик читал книгу, опершись подбородком на костишки пальцев. „Так делает мама, разбирая документы!“ – осенило Миру. А потом она заметила родимое пятно у старика на щеке и чуть не вскрикнула. Точно такое же пятно, в форме крупного кофейного зернышка, было и у мамы!» [Кашура, 2021, с. 13–14].

Основу сюжетно-фабульной организации повести А. Кашуры составляет совместное путешествие взрослого и ребенка, поэтому концептуализирующую роль в ней играют архетипические мотивы пути и дома [см. об этом: Гримова, 2024, с. 12], формальная сторона которого реализуется в «сознательно предпринятом движении <...> по свободному пространству дороги в избранном направлении ради достижения поставленной це-

ли» [Колесов, 2014, с. 141], а содержание представляет собой духовное развитие героев-путешественников. Символически воплощенный в названии повести мотив исполнения заветного желания – путешествия к морю, которое старику подарила Мира, благодаря фонетической ассоциации с испанской фразой «*mi amor*» / «*моя любовь*» также отсылает к мотиву преодоления одиночества, обретения близкого, любимого человека.

Ориентированный на традиционную формулу сюжет путешествия (ход из дома, встречи на дороге, преодоление границ и препятствий, достижение цели, возвращение), усложняется за счет семантики бегства и цепи инициальных мотивов, а также за счет интерпретации событий относительно двух субъектов, позволяющей говорить об посвящении героя не как об испытании одиночеством, вопреки сложившейся в литературе традиции, но как об испытании умением быть вместе. Сюжетной мотивацией пути геройни является ее решение подарить дедушке на юбилей путешествие к морю, но, будучи реализовано в аспекте бегства («...не просто путешествие, а побег!» [Кашура, 2021, с. 19]), путешествие позволяет увидеть более глубокие причины: неблагополучие ребенка (психологическое одиночество, экзистенциальная утрата связи с матерью, отсутствие связи с предками) и неблагополучие взрослого (социальное и психологическое одиночество, неразрешенный конфликт с дочерью), стремление обоих преодолеть одиночество, обрести семью, дом: «дед-дом» и «одиночество в большой квартире», репрезентирующие идею псевдодома, противопоставлены настоящему дому с совместными ужинами и долгими разговорами. Таким образом, парадигма смыслов, актуализируемых в повести, определяется как семантической емкостью общекультурной мифологемы «путь» (жизнь / смерть, поиск, судьба и др.), так и произвольными, индивидуально-авторскими «смысловыми коррелятами» (например, переход от молчания к разговору, от экзистенциального сиротства к единению с семьей, пониманию своих близких) [см. об этом подробнее: Гапонова, 2024]. Наиболее востребованными ресурсами прародителя в повести, таким образом, оказываются время и чувства.

Акцент на прошлом, определяющем положение дел в настоящем, «удвоение» субъектов, с которыми связаны сюжетные мотивы утраты (ссора матери Миры со своим отцом и, как следствие, потеря дедушки Мирой; ссора деда Димы со своей дочерью) и последующего обретения,

позволяют говорить о характерном для русской литературной традиции – аксиологическом по преимуществу – варианте презентации конфликта отцов и детей: поступок ребенка приводит взрослого к переоценке ценностей, а эмоциональная привязанность друг к другу, совместное преодоление препятствий рассматриваются как более прочная, чем кровные узы, связь. Это подчеркивается тем, что ситуация узнавания трансформируется в финале повести в ситуацию ложного узнавания, что не меняет онтологического статуса персонажа, изначально воспринимаемого героиней Своим: «*Она не знала, как объяснить, что теперь любит его сильней, чем прежде. Как рассказать о тех ниточках, которые соединили их крепче любых кровных связей*» [Кашура, 2021, с. 175].

При этом обретение внучки важно для старика в той же степени, что и для героини обретение дедушки. Это позволяет ему не только реализоваться в семейной роли (в начале повести обитатели дома престарелых показаны как одинокие старики, но постепенно, знакомясь с их историями, читатель узнает, что практически у всех них есть семья), но и выполнить онтологическую миссию прародителя, корнями восходящую к архетипу Мудрого старца, – стать проводником и наставником героя-подростка в момент прохождения им инициации.

Сюжет совместного путешествия реализуется и в повести Валерии Ошевовой «Будьте моей бабушкой» (Аквилегия-М, 2024), однако в этой повести семейный конфликт приобретает еще большую остроту: главная героиня – четырнадцатилетняя Женя, потерявшая мать, – чувствует себя одиноко и в семье со старшей сестрой и отцом, который работает вахтами, и в школе. Однако, выбирая форму повествования от третьего лица и меняя от главы к главе фокального персонажа, В. Ошева меняет точку зрения на описываемые события.

Уйдя из дома, она встречает «странную» бабушку Тамару Михайловну, сбежавшую из дома престарелых, куда ее определили сын с невесткой, став законными хозяевами квартиры. Образ «чужой» бабушки вербализован в повести через прилагательные со значением ‘странный’ («*странная бабулька*», «*непонятной бабке*» [Ошева, 2024, с. 12–13], «*странная старушка*» [Ошева, 2024, с. 23], «*чудная бабка*» [Ошева, 2024, с. 23]), но по мере развертывания повествования авантюрный мотив случайной встречи, ставшей судьбоносной для обоих героев («*Зачем-то бог тебя мне по-*

стал» [Ошевеева, 2024, с. 26]), получает в повести развитие в мотиве обретения «родственной души», спасающей подростка в трудный период переосмыслиния ценностей: «Женя поймала себя на мысли, что ей нравится называть Тамару Михайловну бабушкой. Наверное, ей всегда не хватало такого человека рядом – готового пуститься с ней в любую авантюру. Человека, с которым всегда можно поболтать по душам» [Ошевеева, 2024, с. 245]. Однако если семейную историю Тамары Михайловны Женя реконструирует из разговоров со старушкой, в прошлом расписывавшей елочные игрушки на фабрике в Клину, то бабушка узнает историю Жени из сыгранного ею монодраматического спектакля, в котором звучат и стихи героини, до этого момента без атрибуции размещаемые в качестве эпиграфов к каждой главе. В этом монодраматическом исповеди героиня впервые отказывается от маски шута («Да, я играла шута. И это моя любимая роль» [Ошевеева, 2024, с. 16] – «у меня вместо сердца – // сквозная дыра, <...> я придворный дурак...» [Ошевеева, 2024, с. 11]) в пользу принятия своего собственного «Я». Ключевыми темами поэтических стихотворений Жени становятся чувство сиротства при живых родственниках, ощущение чуждости в собственном доме: «на летящем в пространстве шарике // день за днем и за годом год // задыхаются в мрачном мареве // миллиарды таких же сирот» [Ошевеева, 2024, с. 23]; «под одной мы кровлей, связанные кровью, только быть с тобою я не хочу» [Ошевеева, 2024, с. 42]. Мотив сиротства получает развитие в историях следователя Алексея, переживающего смерть матери, и отца Жени и Даши, выросшего в детском доме, – «вечного беглеца», не имеющего «ни малейшего представления, как общаться с собственными дочерьми» [Ошевеева, 2024, с. 256]. Система зеркал, умножая портреты: реальных (Тамара Михайловна бежит из геронтологического центра, Женя – из дома) и экзистенциальных беглецов (Александр выбирает работу вахтами, поскольку чувствует свою несостоительность как отец), позволяет говорить об эсапистском дискурсе повести, несостоительность которого показывает В. Ошевеева. Рецептом преодоления одиночества в повести становится любовь, признание героями своего права любить и быть любимыми, а также открыто говорить о своих чувствах.

Совместные приключения / испытания создают между Женей и Тамарой Михайловной неразрывную связь и прозвучавшее в начале пути предложение, вынесенное в заглавие книги – «Будьте моей бабушкой» [Ошевеева, 2024, с. 29], –

в финале наполняется ценностным содержанием: «Она не чужая. Она мне как бабушка» [Ошевеева, 2024, с. 261]. Ключевой особенностью повести является подчеркнутая агентность подростка: как и Мира в повести А. Кашуры, Женя обеспечивает их с Тамарой Михайловной движение к обозначенной цели – найти Семена Юрьевича. Встреча с «чужой» бабушкой позволяет подростку избавиться от чувства одиночества, перестать быть «обузой», каковой она чувствует себя рядом с сестрой. Ресурсность прародителя раскрывается в этой повести как личностная по преимуществу (время и чувства), однако рядом с Тамарой Михайловной героиня учится быть более открытой к людям, приобретая социализационный опыт, меняет отношение к своему поэтическому и актерскому таланту, начинает лучше понимать отца и сестру. В. Ошевеева, выстраивая психологический нарратив о подростке благодаря стихотворениям самой героини – эпиграфам к главам, расставляет акценты и в конце самого повествования: она оставляет открытым финал, когда Женя и папа говорят друг другу о своей любви, пока героиня лежит в больнице. В эпилоге читатель знакомится с двумя письмами – бабушка пишет Жене, а Женя отвечает, при этом автор лишь несколькими словами подчеркивает, насколько значимо для подростка эпистолярное общение с Тамарой Михайловной: «Женя вприпрыжку бежала домой. Игорь настойчиво предлагал проводить ее, но сегодня Жене было не до поцелуев – она торопилась проверить почтовый ящик. Есть!» [Ошевеева, 2024, с. 263]. Важными оказываются и выбираемые героями подписи: «С горячим приветом, твоя бабушка, Т.М.» и «С любовью, ваша внучка Женя Елохина». Актуализация прародительского текста происходит во взаимном обретении родственников, формировании семейной идентичности подростком, возможности Тамары Михайловны быть бабушкой, а Жени – внучкой. Путь обретения себя героиня называет воскресением, подчеркивая значимость произошедшего с ней: «мой друг, сядь поближе, в зеленое кресло. // взгляни же скорее в глаза. // вчера я болела, сегодня – воскресла, в душе прекратилась гроза» [Ошевеева, 2024, с. 263].

Показателен и опубликованный в серии «Рассказы Волчка» рассказ Ирины Даниловой «Чужая бабушка», открывающийся фразой «Бабушка Зина мне вовсе никакая не бабушка. Просто меня к ней прошлым летом в деревню отправили. Потому что меня девать в городе было некуда, а своей дачи у нас нет. И бабушки своей тоже нет. Мамина мама давно умерла, я её даже не помню. А

папы у нас никогда и не было» [Данилова, 2024, с. 14]. Традиционная для отечественной литературы для детей ситуация «лето у бабушки» в начале рассказа иронически показана как скитания повествователя, которого «всё время отовсюду домой возвращали» [Данилова, 2024, с. 16], по дачам одноклассников и знакомство с их бабушками. Герой-недотепа, непривычный к деревенскому труду, постоянно попадает в комические ситуации, после которых его отправляют обратно в город, пока, наконец, не оказывается в деревне у Зинаиды Михайловны, которая не просто принимает его, но и способна оценить его доброе сердце и стремление быть полезным, помогать по хозяйству. Это движение навстречу друг другу, присвоение бабушки внуком в финале приводит к изменению номинаций: «*А мне от бабушки Зины письмо в конверте пришло через месяц. Она там писала, что нормальный внук бы спрашивать не додумался, можно или не можно*» [Данилова, 2024, с. 35]. После чего герой добровольно едет уже «к *своей* бабушке – снег помогать чистить» [Данилова, 2024, с. 36]. Роль прародителя в рассказе, таким образом, можно определить как приобретение героя социализационного опыта, однако ключевой особенностью презентации прародительского текста в отечественной литературе для подростков является его аксиологическая ориентация – формирование ценностного отношения к семье, своим обязанностям, межличностным отношениям. Мотив физической немощи стариков, которых герои встречают на своем пути, получает в этих произведениях презентацию в аспекте становления агентности героя (инициативность, умение принимать решения и брать на себя ответственность).

Сюжетную основу повести А. Зеньковой «Те, кого не было», опубликованной издательским домом «КомпасГид» в 2023 г., составляет ситуация, ориентированная на современные практики социализации, когда в обществе приобретает популярность поиск бабушки и / или дедушки для ребенка, развиваются проекты по созданию приемных семей для пожилых людей, а также проекты, направленные на межпоколенческое взаимодействие, например, «Бабушка на час» Досугового центра «Поколение». Изолированные на острове посреди моря одинокие дети и старики – участники социального «эксперимента» – постепенно становятся «своими» друг для друга: «*Берут сирот и стариков из дома престарелых. И объединяют. Получается, у детей появляются взрослые. А у взрослых – дети. В каком-то смысле – неверо-*

ятно! Потому что сироты – они же никому не нужны. А старики – тем более. А их делают нужными друг другу» [Зенькова, 2023, с. 79]. Поднимаемая автором проблема сиротства не только детей, но и взрослых («...надо написать о нас книгу. И назвать ее „Сироты“» [Зенькова, 2023, с. 138]), содержательно развернутая в мотивах бездомности и «безымянности», получает развитие в системе имен. Имя, реализуя функцию индекса, выполняет функцию идентификации и самоидентификации персонажа, участвует в формировании образа и характеристики субъектно-объектных отношений [Виноградова, 2001]. Смена нарраторов, а также изменение способа их маркирования в третьей части, когда персонаж, который в начале повести представлен читателю по фамилии Петрович, становится Дедом для Тоси и Алексеем Петровичем (хотя его отчество Сергеевич) для ее старшей сестры Леси, а девочка, представляющаяся в начале повести как Таисия Павловна, обретает домашнее имя Тося. Повесть демонстрирует еще один вариант развития исследуемого сюжета: процесс преодоления дихотомии «свой – чужой» показан как совместный (двуконтактный) и постепенный процесс преодоления внутренних барьеров, изживания травм прошлого, обретения аксиологической установки на дальнейшую жизнь.

Удачно выбранный автором эпиграф – стихотворение американского поэта, комиксиста и музыканта Шела Сильверстайна «The Little Boy and the Old Man» в переводе Валентина Савина: «*Малыш сказал: „Я иногда роняю ложку“. // А дед в ответ: „Я тоже, милый ты мой крошка“. // Малыш шепнул: „Я писаюсь в штанишки“. // „И я“, – смеясь, ответил дед мальчишке. Малыш сказал: „Я часто плачу“. // Стариk поддакнул: „Я тем паче“. // „Но хуже нет, – вздохнул малыш, бубня, – // когда большим нет дела до меня“. // Коснулась внука нежная рука. // „Я знаю“, – дрогнул голос старика*» [Зенькова, 2023, с. 8] подчеркивает в некотором смысле сходство старииков и детей, их чувств, переживаний ситуации вынужденного одиночества. Одна из основных функций эпиграфа состоит в том, что он «выступает в качестве средства организации смысловой структуры последующего текста» [Горенинцева, 2017, с. 31], который является своеобразной «разверткой» эпиграфа или экспликацией подтекста, содержащегося в тексте-доноре [Шишкина, 2014, с. 36]. Автор выстраивает повествование как параллельные линии нескольких «больших» и «маленьких», пока еще «чужих» героев, демонстри-

руя сложные перипетии судеб и событий, которые в последней части сходятся в аксиологических точках, расставленных каждым из героев: «*Были бы люди, а дом найдется*» [Зенькова, 2023, с. 202]. Отношения героев описаны через метафору дома, который в повести определяется через присутствие близких людей: «*я – твой дом*» [Зенькова, 2023, с. 138]. Актуализируемые в парадоксальном названии повести – «Те, кого не было» – положительные и отрицательные коннотации не только отсылают к системе персонажей повести, заставляя читателей размышлять, о ком идет речь, но и выстраивают в заголовочно-финальном комплексе систему смыслов, определяемых глаголом *быть*: *быть* – ‘находиться’ (оставлять следы на песке), *быть* – ‘существовать’ («*Мы же есть, дед?*» [Зенькова, 2023, с. 202]) и *быть* – ‘жить для другого’ («*…я есть, потому что ты есть*» [Зенькова, 2023, с. 202]). Осознание смысла жизни, предназначения себя, веры друг в друга – то, что обретают герои повести.

С утилитарной функции прародительства (уход и присмотр) акцент смещается на духовную. Встреча «прапородителя» и «внука» – это поворотный момент в биографии обоих героев. Герой-подросток получает мудрого наставника, понимающего и принимающего подростка таким, какой он есть (В. Даниловой «Чужая бабушка»), а прародителю появление внука дает повод переосмыслить свою жизнь, исправить ошибки. Так, в повести А. Зеньковой социальный эксперимент по совместному проживанию детей-сирот и одиночных старииков позволяет ребенку чувствовать себя ребенком, а деду – осознать, что добровольное исключение себя из социума, намеренное ограничение жизни – путь тупиковый.

Ситуация обретения / присвоения бабушкой/дедушкой внука/внучки и наоборот явлена во всех произведениях двунаправленной: оба героя обретают члена семьи, и в этом обретении реализуется традиционная для прародителя миссия по передаче духовно-нравственного взгляда на мир, понимания семьи, своего места в мире, а для внука происходит присвоение такого взгляда как высшей ценности. Реализация прародительского кода через сюжет присвоения позволяет говорить о включении указанных произведений в прародительский сверхтекст с константами-прапародителями и внуками-преемниками.

Заключение. Из социологической плоскости сюжет, репрезентирующий отношения детей и подростков и пожилых людей, выстраиваемые по

модели замещающего прародительства, в современной отечественной литературе для подростков выходит в аксиологическую плоскость. Так, интерпретация ценностно окрашенной оппозиции «свой – чужой» имеет тенденцию к преодолению и, развиваясь в аспекте «перевоплощения Чужого в Другого и Своего» [Неверович, 2016, с. 34], направлена на формирование представления о прародительстве как ценности, которая должна восприниматься в качестве таковой обоими героями. Важно подчеркнуть, что актуализация аксиологического кода в анализируемых произведениях позволяет нам рассматривать их в рамках прародительского текста. Функция бабушек и дедушек связана с их личностной (время и чувства по преимуществу), социальной (приобретение социализационного опыта) и духовной (ценности) ресурсностью. Описание совместного путешествия, выполнения домашней работы, во время которых между героем и прародителем происходят долгие разговоры, замедляет развитие действия, но позволяет обозначить границы своего «Я», выход за пределы которого становится важным шагом на пути взросления героя.

Особое внимание авторы уделяют этапу «присвоения», на котором возникает подлинная близость чужих по крови ребенка и взрослого, что позволяет старикам выполнять роль наставника в инициации героя. Преодоление отношения к Другому как к Чужому показано с помощью таких приемов, как:

- присвоение языка, характерных для прародителя выражений и оборотов речи;
- антропонимический код, представленный через изменение системы наименований, сближение с внутрисемейными именованиями (Мироша – деда Дима; Дед – Тася);
- сюжетно (сюжет совместного путешествия, сюжет совместной изоляции, когда, оказавшись в одном пространстве, герои проходят испытание умением быть рядом, и др.).

Роль замещающего прародителя как мудрого наставника, сопровождающего героя на пути взросления, поддерживающего его агентность, позволяющего осознать свое предназначение, наметить векторы дальнейшего развития, позволяет нам рассматривать сюжет обретения «своего» прародителя как вариативную модель репрезентации в отечественной прозе для подростков прародительского текста.

Библиографический список

1. Виноградова Н. В. Имя персонажа в художе-

ственном тексте (Функционально-семантическая типология). Тверь, 2001. 213 с.

2. Галмагова Г. М. Конструирование культурной идентичности в ценностно-смысlovой системе «свой – чужой»: теоретико-методологические аспекты / Г. М. Галмагова, О. С. Красильникова // Общество: философия, история, культура. 2025. № 7(135). С. 27–33.

3. Гапонова Ж. К. «Возраст – он всегда переходный»: семантический комплекс путешествия в повести А. Кашуры «Мираморе» / Ж. К. Гапонова, Е. В. Никкарева // HOMO ITER: Путешествие как феномен культуры (Россия и Китай: научное сотрудничество «中俄学术合作»丛书). Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. С. 258–265.

4. Гилева А. В. Прапородители в системе семейных отношений // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2024. № 3. С. 46–50.

5. Горениццева В. Н. Новая модель «значимого взрослого» во внутрисемейных отношениях (по материалам современной российской прозы для детей и подростков) / В. Н. Горениццева, А. Н. Губайдуллина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 176–187.

6. Грикова О. А. Мифологемы «дом» и «путь» в литературе для подростков / О. А. Грикова, А. Н. Юркова // Актуальные вопросы гуманитарных исследований : сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Российской академии наук, Краснодар, 27 марта 2024 года. Краснодар : Издательство ФГБОУ ВО «КубГТУ», 2024. С. 12–16.

7. Данилова И. Чужая бабушка // Читать вслух. Москва : Волчок, 2024. С. 14–36.

8. Зенькова А. Те, кого не было : для старшего школьного возраста. Москва : КомпасГид, 2023. 203 с.

9. Итоги ВПН-2020. Том 2 Возрастно-половой состав и состояние в браке // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brike (дата обращения: 01.08.2025).

10. Кашура А. Мираморе : [для младшего и среднего школьного возраста]. Москва : Пять четвертей, 2021. 207 с.

11. Колесов В. В. Словарь русской ментальности : в 2 т. Т. 2 : П – Я. Санкт-Петербург : Златоуст, 2014. 592 с.

12. Неверович Г. А. Архетипическая мифологема «свой / чужой / другой» в художественном мире детства деревенской прозы (В. П. Астафьев «Далекая и близкая сказка») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4–2(58). С. 33–35.

13. Ошева В. В. Будьте моей бабушкой : повесть. Москва : Аквилегия-М, 2025. 266 с.

14. Проблемное поле современной детскo-юношеской прозы: литературный обзор / Г. Н. Божкова, С. А. Софонова, А. Н. Шакирова, Э. И. Ахметзянова // Успехи гуманитарных наук. 2025. № 2. С. 43–49.

15. Свитенко Н. В. «Вольные» взрослые и «кничайные» дети: проблемы нуклеарной семьи в современной прозе для подростков // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 5. С. 37–41.

16. Старк У. Умеешь ли ты свистеть, Йоханна? : [для младшего школьного возраста]. Москва : Самокат. 2018. 47 с.

17. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы : избранные труды. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2003. 612 с.

18. Шевченко В. Д. Интерференция дискурсов в англоязычной публицистике. Санкт-Петербург, 2011. 39 с.

19. Шишкина М. В. Взаимодействие эпиграфа и текста-реципиента в русском поэтическом дискурсе конца XX – начала XXI в // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 5 (32). С. 34–38.

20. Юнг К. Г. Душа и миф : Шесть архетипов. Москва : ЗАО «Совершенство» ; Киев : Порт-Рояль, 1997. 382 с.

21. Янак А. Л. «Нереализованные» бабушки и дедушки: прародительская ресурсность vs прародительская депривация // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1(57). С. 54–69.

Reference list

1. Vinogradova N. V. Imja personazha v hudozhestvennom tekste (Funktional'no-semanticeskaja tipologija) = A character's name in literary text (Functional-semantic typology). Tver', 2001. 213 s.

2. Galmagova G. M. Konstruirovaniye kul'turnoj identichnosti v cennostno-smyslovoj sisteme «svoj – chuzhoj»: teoretiko-metodologicheskie aspekty = Constructing cultural identity in the value-meaning system «one's own – someone else's»: theoretical and methodological aspects / G. M. Galmagova, O. S. Krasil'nikova // Obshchestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2025. № 7(135). С. 27–33.

3. Gaponova Zh. K. «Vozrast – on vsegda perehodnyj»: semanticeskij kompleks puteshestvija v povesti A. Kashury «Miramore» = «Age is always transitional»: the semantic complex of travel in A. Kashura's story «Miramore» / Zh. K. Gaponova, E. V. Nikkareva // HOMO ITER: Puteshestvie kak fenomen kul'tury (Rossija i Kitaj: nauchnoe sotrudnichestvo «中俄学术合作»丛书). Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2024. S. 258–265.

4. Gileva A. V. Praroditeli v sisteme semejnyh otnoshenij = Progenitors in the system of family relations // Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tehnologicheskogo universiteta. 2024. № 3. S. 46–50.

5. Goreninceva V. N. Novaja model' «znachimogo vzrosloga» vo vnutrisemejnyh otnoshenijah (po materialam sovremennoj rossiijskoj prozy dlja detej i podrostkov) = A new model of the «significant adult» in family relations (based on contemporary Russian prose for children and adolescents) / V. N. Goreninceva, A. N.

Gubajdullina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2017. № 50. S. 176–187.

6. Grimova O. A. Mifologemy «dom» i «put'» v literature dlja podrostkov = The mythologemes «home» and «way» in literature for adolescents / O. A. Grimova, A. N. Jurkova // Aktual'nye voprosy gumanitarnykh issledovanij : sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashchennoj 300-letiju Rossiskoj akademii nauk, Krasnodar, 27 marta 2024 goda. Krasnodar : Izdatel'stvo FGBOU VO «KubGTU», 2024. S. 12–16.

7. Danilova I. Chuzhaja babushka = Someone else's grandmother // Chitat' vsluh. Moskva : Volchok, 2024. S. 14–36.

8. Zen'kova A. Te, kogo ne bylo : dlja starshego shkol'nogo vozrasta = Those who didn't exist : for high school children. Moskva : KompasGid, 2023. 203 s.

9. Itogi VPN-2020. Tom 2 Vozrastno-polovoj sostav i sostojanie v brake = Results of the VPN-2020. Volume 2 Age-sex structure and marital status // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (data obrashhenija: 01.08.2025).

10. Kashura A. Miramore = Miramore: [dlja mlashego i srednego shkol'nogo vozrasta]. Moskva : Pjat' chetvertej, 2021. 207 s.

11. Kolesov V. V. Slovar' russkoj mental'nosti = Dictionary of Russian mentality : v 2 t. T. 2 : P – Ja. Sankt-Peterburg : Zlatoust, 2014. 592 s.

12. Neverovich G. A. Arhetipicheskaja mifologema «svoj / chuzhoj / drugoj» v hudozhestvennom mire detstva derevenskoj prozy (V. P. Astaf'ev «Dalekaja i blizkaja skazka») = Archetypal mythologeme «own / alien / other» in the childhood fiction world of village prose (V. P. Astafiev's Distant and Close Tale) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 4–2(58). S. 33–35.

13. Osheeva V. V. Bud'te moej babushkoj = Be my granny : povest'. Moskva : Akvilegija-M, 2025. 266 c.

14. Problemnoe pole sovremennoj detsko-junosheskoy prozy: literaturnyj obzor = Problem field of contemporary children's and youth prose: a literary review / G. N. Bozhkova, S. A. Sofronova, A. N. Shakirova, Je. I. Ahmetzjanova // Uspehi gumanitarnykh nauk. 2025. № 2. S. 43–49

15. Svitenco N. V. «Vol'nye» vzroslye i «nichejnye» deti: problemy nuklearnoj sem'i v sovremennoj proze dlja podrostkov = «Free» adults and «nobody's» children: the problems of the nuclear family in contemporary teenage prose // Uspehi gumanitarnykh nauk. 2022. № 5. S. 37–41.

16. Stark U. Umeesh' li ty svistet', Johanna? = Can you whistle, Johanna? : [dlja mlashego shkol'nogo vozrasta]. Moskva : Samokat. 2018. 47 s.

17. Toporov V. N. Peterburgskij tekst russkoj literatury = Petersburg text in Russian literature : izbrannye trudy. Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPB, 2003. 612 s.

18. Shevchenko V. D. Interferencija diskursov v anglojazychnoj publicistike = Discourse interference in English-language journalism. Sankt-Peterburg, 2011. 39 s.

19. Shishkina M. V. Vzaimodejstvie jepigrafa i teksta-recipienta v russkom pojetichestskom diskurse konca XX – nachala XXI v. = Interaction of epigraph and recipient text in Russian poetic discourse of the late XX – early XXI century // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. № 5 (32). S. 34–38.

20. Jung K. G. Dusha i mif : Shest' arhetipov = Soul and myth : Six archetypes. Moskva : ZAO «Sovershenstvo» ; Kiev : Port-Rojal', 1997. 382 s.

21. Janak A. L. «Nerealizovannye» babushki i dedushki: praroditel'skaja resursnost' vs praroditel'skaja deprivacija = «Unrealized» grandparents: foreparent resourcefulness vs foreparental deprivation // Izvestija vyschih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki. 2021. № 1(57). S. 54–69.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 13.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 22.09.2025; approved after reviewing 13.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 821.161.1-93/930.253

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-28

EDN: ZHQIOO

Духовный мир «простого человека» в прозе русского неореализма: художественно-когнитивные акценты

Николай Николаевич Иванов

Доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республикаанская, д. 108/1

Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Аннотация. Научное знание о соотнесённости в русской литературе рубежа XIX – начала XX столетий системы персонажей и концептуальной парадигматики текстов имеет большой потенциал для корректировки и дополнений. В неореализме, в творчестве А. П. Чехова, М. Горького, Л. Н. Андреева, наблюдается повышенный интерес к нравственно-психологическим типам не идеальным, далеким от классического понимания героизма. Не принадлежа к социальной элите, они обладали богатым внутренним миром, оказывались способны на сильные нравственные поступки, поэтому повествование о быте такого рода персонажей, не из мира дворцов, становилось изучением разных ипостасей духовного бытия человека. Ценностно-содержательный контент художественных текстов часто обнажается именно на границах множественных переплетений системы персонажей. Цель статьи – представить характер, логику нахождения, комментирования, истолкования таких пограничных смыслов, развернуть функции персонажей второго и даже третьего плана. Достижение цели способствует объективации авторских установок, пониманию художественных версий нравственных категорий, национальных ценностей и поднимает восприятие литературы на более высокий уровень.

Основные задачи работы: тип «простого человека» в литературе, раскрытие его художественной феноменальности; выявление авторской тенденциозности в отношении первоценностей личностного существования означенного типа; анализ эстетики, поэтики отдельных рассказов, повестей А. П. Чехова, М. Горького, Л. Н. Андреева.

Решение задач сопровождалось изучением творческих связей между писателями, установлением типологических перекличек, параллелей между произведениями, интерпретацией символики, поэтики, мотивов, предметного мира и его функций.

В работе получено новое знание о ценностных смыслах, эстетике, поэтике, мотивах, архетипах прозы русского неореализма: уточнены авторские позиции, обновлены трактовки произведений Чехова, Горького, Л. Андреева, установлена типология между ними. Приведены оригинальные находки и сделан ряд заключений; обновлена методика исследования и намечены его перспективы.

Материал статьи интерпретируется в событийно-биографическом, историко-литературном аспектах. Работа адресована филологам, литературоведам, исследователям русской литературы XIX–XX веков.

Ключевые слова: мотивы, архетипы и образы русского неореализма; поэтика прозы А. П. Чехова, М. Горького, Л. Н. Андреева; функциональные аспекты системы персонажей; аллюзии в искусстве слова; предметный мир произведения литературы; типологические отношения в художественном творчестве; осмысление произведения литературы

Для цитирования: Иванов Н. Н. Духовный мир «простого человека» в прозе русского неореализма: художественно-когнитивные акценты // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 28–35. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-28>. <https://elibrary.ru/ZHQIOO>

Original article

Spiritual world of a «common man» in russian neorealism: artistic and cognitive aspects

Nikolai N. Ivanov

Doctor of philological sciences, professor at the department of theory and methodology of teaching philological disciplines, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Abstract. Scientific knowledge about the correlation between the character system and conceptual paradigms in Russian literature at the turn of XIX–XX centuries has a great potential for adjustments and additions. Neorealism, in particular the works by A. P. Chekhov, M. Gorky, L. N. Andreev, show an increasing interest in moral and psychological types of characters that are not ideal, far from the classical understanding of heroism. Not being part of the social elite, they have a rich inner world and are capable of great moral deeds, therefore the account of the life of such characters, not from the world of palaces, becomes an examination of different hypostases of human spiritual existence. The value content of literary texts is often clearly revealed through the interaction of the character systems. The aim of the article is to present the nature, the logic of commenting on, and interpreting such boundary meanings, and to elaborate on the functions of supporting characters. Achieving its goal, the article contributes to the objectification of authorial attitudes, to understanding literary versions of moral categories and national values, and raises the perception of literature to a higher level.

The main tasks of the work: revealing the artistic phenomenality of the «common man» in literature; showing the writer's bias with regard to the primary values of this person's existence; analyzing aesthetics and poetics of particular stories and novels by A. P. Chekhov, M. Gorky, L. N. Andreev.

The research also involves studying creative connections between the writers, establishing typological similarities and parallels in the works, interpreting symbolism, poetics, motifs, the objective world and its functions.

The research methods used are metatextual, motif, structural-semantic, semiotic analyses; cultural approach to the text; as well as historical-literary, comparative-historical, biographical, value-axiological methods.

The most significant results of the work are as follows: new understanding of the value meanings, aesthetics, poetics, motifs, archetypes of Russian neorealism prose including clarifying the authorial positions, updating the interpretations of the works by Chekhov, Gorky, L. Andreev, and describing their typology. The author presents some original findings and makes a number of conclusions; the research methodology is updated and its prospects are outlined.

The material of the article is interpreted in event-biographical, historical and literary aspects. The work is addressed to philologists, literary critics, and researchers of XIX–XX centuries Russian literature.

Key words: motifs, archetypes and images of Russian neorealism; poetics of the prose by A. P. Chekhov, M. Gorky, L. N. Andreev; functional aspects of character systems; allusions in the art of the word; the objective world of a literary work; typological relations in creative work; comprehension of a literary work

For citation: Ivanov N. N. Spiritual world of a «common man» in Russian neorealism: artistic and cognitive aspects. *Verhnevolzhski filological bulletin. 2025;(4):28–35. (In Russ.).* <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-28. https://elibrary.ru/ZHQIOO>

Введение. Постановка проблемы. Актуальность.

Русский неореализм, литература конца XIX – начала XX столетий и классический реализм XIX века существенно отличается мировоззренчески и эстетически. Философия неореализма обогатила знание о духовном мире, изменила концепцию личности, ввела новый тип героя – т. н. срединного человека. А. П. Чехов, М. Горький, А. М. Ремизов, Л. Н. Андреев, другие писатели разрабатывали этот тип в контексте представлений о т. н. человеке простом, в плане социальном далёком от идеалов искусства XVIII, XIX веков, в плане нравственно-психологическом на героизм не претендующем [Иванов, 2022]. В области эстетики, поэтики усложнились структура повествования, отношения между автором, повествователем и героем, концептуальность системы персонажей стала иной: изображение быта перетекает в подробное изучение духовного мира личности, целей, возможностей её существования, смысла и бессмыслицы бытия. Множественные переплетения персонажей, повествования, мотивов, предметного мира обнажили ценностно-содержательный контент прозы. Потому представляется актуальным наметить пути изучения возможных перекличек, связей, проекций системы персонажей и концептуальной парадигматики

текстов по линии этих обнажений. С другой стороны, избранное направление анализа должно прояснить художественную типологию неореализма, что уже само по себе имеет научную привлекательность.

Цель работы – представить логику нахождения, истолкования пограничных смыслов, развернуть функции персонажей второго, третьего плана. Достижение цели способствует объективации авторских версий личностных и национальных ценностей, углубляет восприятие литературы.

Основные задачи работы: раскрыть тип *простого, срединного человека* как художественный феномен; выявить авторскую тенденциозность в отношении первоценностей личностного существования означенного типа; проанализировать эстетику, поэтику отдельных рассказов, повестей А. П. Чехова, М. Горького, Л. Н. Андреева, установить художественную типологию в творческом поиске разных авторов. Рассмотреть проблему художественного мастерства.

Материал исследования: художественные произведения, варианты, дневники, публистика, переписка писателей и воспоминания о них, биографические данные; научные, справочные труды по теме.

Основные методы исследования: метатекстальный, мотивного анализа, семиотический, структурно-семантический; культурологический, ценностно-аксиологический, контекстный подход, творческие интерпретации произведения литературы; были востребованы также историко-литературный, сравнительно-исторический, биографический методы.

Описание проведённого анализа. Процесс исследования. В работе исследуются авторские концепты, художественные версии духовного мира русского человека, преимущественно, человека простого. С целью объективации выводов и ожидаемых результатов был проведён детальный анализ текстов: структура, повествование, мотивы, система персонажей, предметный мир, разного рода атрибутика и детали произведений.

Доминирующий персонаж русской литературы XIX века – дворянский интеллигент, часто аристократ, пусть и обедневший, реже – разночинец, ещё реже представитель экзотического мира – простолюдин. Личностная, социальная дифференциация персонажей – аристократия, творческая интеллигенция и простые люди – отчётили просматривается у Чехова, Андреева, А. Толстого, Горького и даже Пришвина. Духовные, нравственные ценности, эстетические идеалы тех и других в значительной степени были детерминированы социальным статусом, средой, родом деятельности. Культура усадеб, дворцов, искусство, образование формировали идеалы, ментальность господ. Интеллигентализм – профессия и образ жизни дворянского интеллигента. В конце XIX века и начале XX многие основания сдвинулись, акценты сместились.

1. Среда, природа и культура в проекциях на духовный мир детей-простолюдинов. Мотивы учения, скуки, рефлексии. Мир изысканный и обнажённый. Критерии эстетического совершенства человека.

Нравственные коллизии, ценностно-смысловые отношения А. Чехов обсуждать не любил; избегая дидактизма, мог выдвинуть на первый план детей и даже собак; так сделаны рассказы второй половины 1880-х годов – «Кухарка женится», «Ванька», «Каштанка». Аналогичный приём использовал и Л. Н. Андреев: в рассказах рубежа XIX–XX столетий «Петъка на даче», «Ангелочек», «Кусака» главные герои – дети, собаки, будь то мальчик из парикмахерской Петъка, или не состоявшийся гимназист Сашка, или дачница Лёля, или собаки Кусака, Васюк. Сочинения эти не детские, а писатели – не анималисты. Личностной пессимизм Чехова, Андреева не исключал повествования о гармонии между людьми, напо-

минал о привязанностях сильных, потребностях естественных; эту задачу намёков решали существа искренние и часто бессловесные: дети, дети-простолюдины, собаки, мир которых сформирован не культурой или знанием, но первоосновами чувственного бытия: боль – это боль, любовь – любовь.

В 1886 году опубликован рассказ Чехова «Ванька», герой которого, Ванька Жуков, прерываясь на воспоминания, сочиняет письмо дедушке. В рассказе четыре части собственно письма и пять от повествователя.

Девятилетний Ванька три месяца назад отдан «в ученье» к сапожнику. После смерти его матери Пелагеи, горничной у господ, Ваньку «спровадили в людскую кухню к деду, а из кухни в Москву к сапожнику Аляхину» [Чехов, 1978, с. 31]. Эпистолярный жанр, литературные приёмы – не стиль Ваньки; более того, фон письма – недавняя смерть матери; в мифопоэтике это – первоначальная беда [Пропп, 1998]; она мыслится как та непреодолимая сила, которая выталкивает человека в мир внешний, враждебный, жестокий. Голод, унижения, побои обостряют душевные страдания Ваньки-сироты. О сиротстве говорит два раза он сам и один раз автор. Нет у него, «сироты несчастной», «ни отца, ни маменьки», только один дедушка Константин Макарыч [Чехов, 1978, с. 31].

Литературный родственник Ваньки – десятилетний Петъка из рассказа Л. Андреева «Петъка на даче», 1899. Он – сын кухарки Надежды, живёт в Москве, отдан в ученье к парикмахеру Осипу Абрамовичу. Один рассказ – четыре страницы, другой – немногим более, но оба прошиты сложной системой мотивов.

Среда, люди: дед, собаки, барышня. Склонившись над листом бумаги, Ванька живо вообразил «милого дедушку, дедушку милого». Дедушка служит у господ Живарёвых ночным сторожем. Это «маленький, тощенький, но необыкновенно юркий и подвижный старишка», лет шестидесяти пяти с вечно смеющимся лицом и пьяными глазами» [Чехов, 1978, с. 28]. Опустив головы, за ним шагают две собаки – старая Каштанка и кобелёк Вьюн. Зачем они, как связаны люди и собаки? Годом позднее вышел рассказ «Каштанка» (1887), кличу собаки он повторил, мотивы рассказа «Ванька» воспроизвёл. Вникая в духовные потенции человека не по линии анимализма, но общих для всех живых существ законов, Андреев более, нежели Чехов, демонстрирует антропологический пессимизм. В начале 1902 г. он писал К. И. Чуковскому об исследовании не социального статуса героев, но «одной души» всего живого, «одних страданий», равенства «перед грозными силами

жизни» [Чуковский, 1959, с. 270]. Контекст соседства людей и собак работает на иллюстрацию столь грозных сил, которые дети, четвероногие чувствуют тоныше, воспринимают полнее.

Живучесть деда Ваньки, собак – природная. Выну «не раз отбивали задние ноги, раза два его вешали, каждую неделю пороли до полусмерти, но он всегда оживал» [Чехов, 1978, с. 29]. Под «почтительностью и смирением» этого пса скрывается «самое иезуитское ехидство» [Чехов, 1978, с. 29]. Дед уравнял баб, собак, предлагая тем и другим нюхать табак. Каштанка «крутит мордой и, обиженная, отходит в сторону» [Чехов, 1978, с. 29], бабы чихают, а дед приходит в неописанный восторг, заливается весёлым смехом.

Мотивы учения, рефлексии, скуки. Чему, как и зачем учила Ваньку его *любимица* – барышня Ольга Игнатьевна? «Когда ещё была жива Ванькина мать <...> Ольга Игнатьевна кормила Ваньку леденцами и от нечего делать выучила его читать, писать, считать до ста и даже танцевать кадриль» [Чехов, 1978, с. 31]. Педагогические инициативы барышни как лейтмотив литературы XIX, XX веков производны от романтизма, рефлексии и откровенной скуки: Ольга Игнатьевна учила Ваньку «от нечего делать»; в рассказе «Петька на даче» скучающая барыня жалеет Петьку, стоя перед зеркалом; скучает Лёля в рассказе Андреева «Кусака», в его же рассказе «Ангелочек» Софья Дмитриевна определяет Сашку в гимназию, затем, накануне Рождества, в ремесленное; из гимназии Сашку как представителя «подлого народа» [Данилевский, 1891] выгнали за «дурную кровь» [Андреев, 1983, с. 32]. Дополним: противоречия духовного роста Николеньки Иртеньева и народные школы уже знаменитого Толстого, поездка Чехова на Сахалин, учительство в биографии, творчестве М. Пришвина – повесть «Мирская чаша»; наконец, характерная повесть В. Распутина «Уроки французского». Данная тематика разворнута в изобразительном искусстве, в кино.

Оксюморон – Ванька и кадриль – выдаёт иронию Чехова в отношении учительских начинаний Ольги Игнатьевны. Ваньку она не учит, но выучивает, будто дрессирует; результаты даны по восходящей: умения читать, писать, считать до ста, но самый сложный и высокий – танцевать кадриль.

Собачку Каштанку дрессирует (учит) в цирке её новый хозяин и вполне успешно. «И он стал учить её разным наукам. В первый урок она училась стоять и ходить на задних лапах, что ей ужасно нравилось. Во второй урок она должна была прыгать на задних лапах и хватать сахар <...> она плясала, бегала на корде, выла под му-

зыку, звонила и стреляла, а через месяц уже могла с успехом заменять Фёдора Тимофеича в „египетской пирамиде”. Училась она очень охотно и была довольна своими успехами; беганье с высунутым языком на корде, прыганье в обруч и езда верхом на старом Фёдоре Тимофеиче доставляли ей величайшее наслаждение. Всякий удившийся фокус она сопровождала звонким, восторженным лаем, а учитель удивлялся, приходил тоже в восторг и потирал руки. – Талант! <...> – Ну-с, Тётушка <...> сначала мы с вами споём, а потом попляшем». Хозяин цирка раскрыл талант Каштанки и добился успеха. Ольга Игнатьевна мотивирует Ваньку леденцами; сапожник – колодкой и шпандырем: «А намедни хозяин колодкой по голове удрил, так что упал и насилиу очухался» [Чехов, 1978, с. 31]. «А вчера мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосья на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятёнка в люльке и по нечаянности заснул <...> Подмастерья надо мной насмехаются, посылают в кабак за водкой и велят красть у хозяев огурцы, а хозяин бьёт чем попадя» [Чехов, 1978, с. 29].

Учение Петьки. Дети-простолюдины в прозе Чехова, Андреева, Горького учатся не из стремления к знаниям, но от нужды: мать Ваньки умерла; мать Петьки, кухарка Надежда, полагает, что Осип Абрамович выведет в люди сына, её единственную опору. Сходные обстоятельства направляют Алексея Пешкова в мир ремесла, знания, науки: повести «В людях», «Мои университеты» [Белова, 2004]. Парикимахерская, школа Петьки, соседствует с кварталом домов «дешёвого развода» [Андреев, 1988, с. 20]; вводит его и в профессию, и в жизнь на три года старший товарищ Николка. «Николка важничал и держался, как большой: курил папиросы, сплёвывал через зубы, ругался скверными словами и даже хвастался Петьке, что пил водку, но, вероятно, врал <...> Петьке было десять лет; он не курил, не пил водки и не ругался, хотя знал очень много скверных слов, и во всех этих отношениях завидовал товарищу» [Андреев, 1988, с. 20, 21]. Накапливая опыт, Петька начинает понимать, что и жестокость, и любовь – в глубине людской природы, но в парикмахерской, в Москве, он видит грубую физиологию, деформации обнажённой натуры. «Николка знал по именам многих женщин и мужчин, рассказывал о них Петьке грязные истории и смеялся, скаля острые зубы. А Петька изумлялся тому, какой он умный и бесстрашный, и думал, что когда-нибудь и он будет такой же. Но пока ему хотелось бы куда-нибудь в другое место» [Андреев, 1988, с. 22].

Гармония природы и культуры как вершина эстетического совершенства человека. Идеалы Руссо. Антитеза леса и сада. Мать и Петька едут к господам на дачу в Царицыно. Из «пропитанной скучным запахом дешёвых духов, полной надоедливых мух и грязи» парикмахерской [Андреев, 1988, с. 20], из грязного квартала Петька переносится в чудесный мир: зелёное царство природы; дворец, парк, пруды усадьбы Царицыно. Небо здесь смеялось, «как мать», и было «удивительно ясным и широким» [Андреев, 1988, с. 23, 24]. Робкая «душонка» Петьки «смята» богатством, силой новых впечатлений; «слабый и беспомощный» [Андреев, 1988, с. 24] перед лицом природы, через два дня он при содействии гимназиста Мити из Старого Царицына вступил с ней «в полное соглашение» [Андреев, 1988, с. 25]. Мудрец Вергилий, проводник заблудившегося в волшебном лесу Данте, выводит поэта к свету. Вергилий владеет божественным миропорядком и может подготовить миссию по спасению одной души, он обладает тайным знанием [Энциклопедия символов, с. 135]. Чтобы преодолеть Ад и подняться на вершину горы, Данте должен пройти через подземный мир [Auerbach Erich, 1967; 2007].

Парикмахерская – ад Петьки. Митя-гимназист имеет доступ к знанию; Старое Царицыно – его родная среда. «Неистощимый на выдумки» [Андреев, 1988, с. 25] Митя – антипод порочного Николки – ведёт Петьку из ада к естественной жизни, знакомит с природой, достижениями культуры: купаются, ловят рыбу и проч., исследуют развалины дворца, поднимаются на крышу, видят растущие на камнях молодые рябины, берёзки. «Там было очень хорошо» [Андреев, 1988, с. 25]. Лицо Мити было «смуглого-жёлтым <...> волосы на макушке <...> были совсем белые – так выжгло их солнце» [Андреев, 1988, с. 25]. Петька снял гимназическую куртку, бегал босой, что «в тысячу раз приятнее, чем в сапогах с толстыми подошвами», он «изумительно помолодел» [Андреев, 1988, с. 26]. Дети варьируют идеал т. н. естественного человека Жана-Жака Руссо: внутренний мир личности раскрывается на лоне природы при условии свободы от внешнего насилия.

В Царицыно бывали статусные, в современной терминологии, дачники: Ф. М. Достоевский, Ф. И. Тютчев, А. П. Чехов, И. А. Бунин, М. А. Балакирев, П. И. Чайковский, В. О. Ключевский, К. А. Тимирязев, С. А. Муромцев (председатель первой Государственной Думы). Л. Андреев написал здесь рассказ «Петька на даче», повесть «Жизнь Василия Фивейского», 1903 [Дякина, 2022; Кен, Рогов, 2010].

Дачи располагались на землях прежней царской резиденции: дворцы, бывшие кавалерийские корпусы, исторический парк. Архитектурный стиль ансамбля – русская готика – синтез средневекового и древнерусского стилей. По велению Екатерины II комплекс создавали Василий Баженов, Матвей Казаков. Большой дворец, Хлебный дом, Оперный дом; фасады, белокаменная резьба, башенки, флигели, ажурные арки, фигурные мосты – все постройки эстетически безупречны. Композиция зданий, ландшафта парка, прудов решала задачу гармонии архитектуры и природы.

После смерти императрицы в 1796 году комплекс запустил. Большой дворец напоминал классические руины; в 1880 году частично обрушилась кровля; остатки крыши снесли, готические завершения башен разобрали. Снесли заброшенное оранжерейное хозяйство, но и в таком состоянии ансамбль производил сильное впечатление [Москва, которая есть, 2013]. В 1865 году была открыта станция Царицыно Курской железной дороги, по ней и добирались на дачу Петька и мать.

Архитектурные параллели Андреев не развернул, дал аллюзивно. Изображение архитектуры в искусстве слова, экфрасис [Есаулов, 2001; Минералова, 2019] продуцирует идеи величия, гармонии, совершенства, красоты, эстетических возможностей человека. Царицынские руины, классика архитектуры, как и тайные движения стихий природы, повернули мальчика из парикмахерской именно в эту сторону. «Постепенно Петька почувствовал себя на даче как дома и совсем забыл, что на свете существует Осип Абрамович и парикмахерская» [Андреев, 1988, с. 25].

Чудесный случай привёл Петьку на дачу; враждебная необходимость заставила её покинуть: в письме из города «куфарке Надежде» Петьку затребовали в парикмахерскую. Показательна сцена расставания. Осознав неизбежность отъезда, Петька кричит, катается по земле. Он удивил мать, *расстроил* барыню и барина [Андреев, 1988, с. 27]; последние в роли наблюдателей, статистов; им жаль Петьку, но духовные запросы господ далеки от страданий мальчика. Лёля в рассказе «Кусака», беседуя с мамой о судьбе собаки, порывалась заплакать, но этого не случилось. Лёля ведом широкий спектр нравственных движений, и она успешно управляет ими, смиряя естество воспитанием.

Ваньку выучили и выкинули, как ненужную собаку, как когда-то потеряли Каштанку; приучили, затем бросили Кусаку; без явного сочувствия вернули в парикмахерскую Петьку. Мотив *дети и господа* в прозе неореализма не перифе-

рийный: Петыкино горе не отвлекло господ от подготовки к танцам в саду Дипмана, и барыня перед зеркалом вкальвает в волосы белую розу. Эта деталь оттеняет элегантность, утончённость барыни, подчёркивает искусственность её украшательств. Красива, но декоративна и пресыщена любимица Ваньки Ольга Игнатьевна.

Ценностный мир парикмахерской, мастерской сапожника построен вокруг обнажения порочной, деформированной натуры; духовность персонажей-дачников облагорожена, как сад, отшлифована воспитанием, культурой, спокойно-умеренная, без эмоциональных амплитуд. Внутренний мир детей-простолюдинов, Ваньки, Петыки, Сашки, других, лишён эстетизма и естественный, как лес.

2. Сокровенное и сакральное в духовном мире детей-простолюдинов. Инферно. Мотивы чудесного вмешательства и преодоления страданий. Дети и ангелы. Детские души и мотив несостоявшегося падения.

Сокровенное в духовном мире детей-простолюдинов по-своему сакрально: письмо Ваньки, ангелочек в одноимённом рассказе Андреева, царицынские впечатления Петыки, религиозные переживания Алексея Пешкова в иконописной мастерской. Время в рассказе Чехова – Рождественская ночь; хозяева и подмастерья ушли к заутрене. Создание письма синхронизировано с церковной службой; над Ванькой – тёмный образ, сам он – на коленях перед скамьей, на которой лежит бумага, как перед алтарём, тёмное окно отражает его свечку. Внутренний взор девятилетнего мальчика устремлён в безбрежность, резонирует с величием звёздного неба. Медитация, молитвенность, священное действие – таков Ванькин порыв, и он продуктивнее, чем вкальвание розы в волосы, пусть и белой.

Сакральность – инфернальный контент рассказа. Это Рождественские архетипы, мотивы, атрибутика: заутреня, ночной сторож, звёздная ночь; ель в лесу, чудесное избавление от страданий, бездомности, сиротства. Атрибуты сокровенного мира Ваньки – малые детали в письме: ёлочные украшения, гостицы с ёлки у господ (золочёный орех), зелёный сундучок, чтобы этот орех спрятать, музыкальный инструмент гармония.

В процессе письма Ванька подумал, что дед сейчас «стоит у ворот, щурит глаза на ярко-красные окна деревенской церкви» [Чехов, 1978, с. 29]. Дневная ипостась деда – бытовая: людская кухня, общество кухарок, собаки. Другая ипостась – инфернальная: дед – ночной сторож. «А погода великолепная. Воздух тих, прозрачен и свеж. Ночь темна <...> Всё небо усыпано <...> звёздами, и Млечный Путь вырисовывается так

ясно, как будто его перед праздником помыли и потёрли снегом <...> Ванька вздохнул <...> и продолжал писать» [Чехов, 1978, с. 29]. В волшебном ночном пейзаже, нежной лунной гамме угадываются мифопоэтические мотивы, в религиоведении трактуются неоднозначно [Simmons, 2018], приметы немецкой рождественской песни (Das Weihnachtslied) «Тихая ночь» – «Stille Nacht, heilige Nacht» [Иванов, Зимина, 2020]. Приводим основные со ссылками на один из вариантов текста песни; впервые исполнена во время мессы 25 декабря 1818 года в кафедральном соборе Оберндорфа.

Stille Nacht, heilige Nacht! – буквально – тихая святая ночь. Все спят, один Ночной Сторож на небе, на вахте: Alles schläft, einsam wacht. Сцены с пастухами, ангелом, приходом Божьего Сына (Gottes Sohn) венчаются прославлением свершившегося чуда и всеобщим ликованием – Христос, Спаситель, уже здесь: Tönt es laut von fern und nah: Christ, der Retter, ist da!

Дед-сторож актуализирует мотив неба, оберегает покой Рождества; причастен к нему и Ванька, соработник, не одинокий созерцатель: его письмо-молитва непременно дойдёт, смеются же над концовкой письма «на деревню дедушке» люди жестокосердные, ограниченные, недалёкие. Контаминации деда с Дедом Морозом и Святым Николаем уместны в фольклорно-мифологической парадигме рождественских чудес. Ванька вспомнил, что ночью дед окутан в просторный тулуп, что ёлку из леса господам приносили он и внук. У ёлки «больше всех хлопотала барышня Ольга Игнатьевна, любимица Ваньки» [Чехов, 1978, с. 31]. Как и другие несчастные дети, которые пишут Деду Морозу [Душечкина, 2003; Хромова, 2003], Ванька верит в мистические способности деда. Мотивы чудесного вмешательства, преображения усилены деталью: Пелагея, мать Ваньки, повторяет имя ключницы Пелагеи из повести С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука»; ключница исцелила больного Серёжу, погрузив его в волшебный мир сказки «Аленький цветочек». Дедушка масштабнее Ваньки, он и есть главный герой повествования, вероятно. Имманентный смысл рассказов Чехова, Андреева: Рождества без ангелов не бывает. Бытовой план рождественских текстов сакрализован: дети-простолюдины встречаются с ангелами, могут взять на себя их функции, узреть небесный свет. Андреевский Сашка изгнан из гимназии, прошёл через материнские кулаки, но ангелочек в виде ёлочной игрушки явился и напомнил ему об ином мире. Петыка открыл мир чудесный на даче; Ванька – над листом бумаги. У Ваньки – «всё небо усыпано весело ми-

гающими звёздами», у Петьки небо «удивительно ясное и широкое» и «тёмно-синее», которое «звало его к себе и смеялось, как мать» [Андреев, 1988, с. 24].

Чехов, Андреев, Горький связали мотивы страдания, преображения и несостоявшегося падения детских душ: преображение как результат преодоления страданий, как новое качество духовного бытия Ваньки, Петьки, Сашки, Алексея Пешкова обеспечено внутренними усилиями, глубиной страдания. Дети причастны к тайнам; преображение страхует от падения. Преображение Ваньки – в его письме, оно сочинялось на фоне смерти матери (умерла 3 месяца назад); нравственная боль усугублена физическими мучениями: Ваньку бьют, морят голодом, лишают сна, унижают. Преображение Петьки – созерцание гармонии природы и архитектуры. В отличие от открытых финалов рассмотренных рассказов Чехова, финалы рассказов склонного к антропологическому пессимизму Андреева «Петька на даче», «Ангелочек», «Кусака» и многих других смонтированы так, что персонажи возвращаются к исходной точке странствий, констатируют равенство «перед грозными силами жизни». Духовное сиротство, бездомность при живых родителях и наличии дома выталкивают в большой мир Алексея Пешкова.

Результаты исследования. Заключение. Выводы. Расширенный инструментарий филологического исследования, в частности, комплексный метатекстуальный подход к произведению литературы, позволил получить новое знание и дополнить научные представления о прозе русского неореализма в соотнесённости с реализмом XIX века. Были изучены творческие связи, установлены типологические переклички между писателями, прежде всего, А. П. Чеховым, Л. Н. Андреевым, по определённым тематическим направлениям; в функциональных аспектах интерпретировались мотивы, архетипы, символика, поэтика, предметный мир в сочинениях, главными героями которых является т. н. «простой человек» и дети-простолюдины как его разновидность.

Сформулированы сущностные характеристики персонажей, относимых к типу «простого человека», раскрыта его художественная феноменальность; выявлена авторская тенденциозность в отношении первоценностей личностного бытия представителей описанного типа. Функции персонажей, принадлежащих к указанному типу, развернуты в процессе объективации авторских установок, прояснения их художественных версий нравственных, национальных ценностей.

Авторские концепции духовного мира детей-простолюдинов в сочинениях Чехова, Андреева, Горького выделены, описаны, систематизированы со стороны фольклорно-мифологических мотивов и архетипов, пожалуй, впервые. Восполнены связи, переклички по означенным линиям между произведениями названных писателей, каждый из которых является индивидуальностью выдающейся и творчески неповторимой. Поэтика произведений Чехова, Андреева обусловлена строем авторских раздумий, запечатлённых открыто или ассоциативно, средствами подтекста: уход от дидактизма и морализаторства, усиление веса внешожетных средств создания образности. Следует назвать также уплотнение письма, текста, наполнение повествования мотивами, архетипами, переклички с литературной традицией XIX века, но и полемизм с нею. Подобная соотнесенность со действовала, во-первых, представлениям о состоянии, содержании современной писателям жизни, прояснению её первооснов. Во-вторых, уточнению авторских эстетических идеалов прозаиков через данную в их текстах соотнесённость детей и взрослых, господ и простых людей, культуры и природы, наконец, прошлого и настоящего, разума и материи.

Продемонстрированная в работе методология и приёмы анализа, интерпретации, осмысливания художественного материала может оказаться продуктивной при изучении последующих периодов русской литературы.

Библиографический список

1. Андреев Л. Н. Избранное / сост. В. А. Богданов. Москва : Сов. Россия, 1988. 336 с.
2. Ауэрбах Э. Данте и Вергилий. Эссе / перевод Н. Ковалева // Prosodia, 2020/12.
3. Белова Т. Д. Эволюция эстетических взглядов М. Горького (1890-е – 1910-е гг.) в контексте культурологических исканий эпохи : монография. Москва : Изд-во Моск. обл. ун-та, 2004. 344 с.
4. Данилевский Г. П. Из литературных воспоминаний // Исторический вестник, 1891. Т. 43. № 1. С. 32–69.
5. Душечкина Е. В. Сборники детских поздравительных стихов XIX века // Детский сборник. Антропология. Фольклор. Новые исследования. Москва : ОГИ (Объединённое гуманитарное издательство), 2003. 448 с. С. 17–27.
6. Дякина А. А. Иван Бунин – публицист. Москва : Флинта, 2022. 164 с.
7. Есаулов И. А. Экфрасис в русской литературе нового времени: картина и икона // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 43–56.
8. Иванов Н. Н. Типы и образы национальной культуры в прозе русского неореализма : научная монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 235 с.
9. Иванов Н. Н., Зимина Л. И. Царство «небесно-земное, духовно-плотское»: рецепция мотивов Гёте в

- творческой эволюции М. Пришвина Лесной царь, Фауст, Мефистофель // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2. С. 43–48.
10. Кен Л. Н., Рогов Л. Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. Санкт-Петербург : Коста, 2010. 428 с.
11. Минералова И. Г. Основы филологической работы с текстом. Анализ художественного произведения : учеб. пособие для академического бакалавриата. Москва : Юрайт, 2019. 200 с.
12. Москва, которая есть / сост. А. Алексеев. Москва : Департамент культурного наследия г. Москвы, 2013. С. 56–62.
13. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. Москва : Лабиринт. Т. 1, 2. 1998. Смерть матери, первоначальная беда.
14. Хромова А. В. Письма детей Деду Морозу // Детский сборник: Статьи по детской литературе и антропологии детства / сост. Е. В. Кулешов, И. А. Антипова. Москва : ОГИ, 2003. С. 99–109.
15. Чехов А. П. Рассказы. Казань : Татарское кн. изд-во, 1978. 320 с.
16. Чуковский К. И. Из воспоминаний. Москва : Советский писатель, 1959. 464 с.
17. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. Москва : Локид; Миф, 1999. 576 с.
18. Auerbach E. Geschichte und Aktualität eines europäischen Philologen/ Karlheinz Barck, Martin Tremml (Hrsg.). Berlin : Kulterverlag Kadmos, 2007.
19. Auerbach Erich. MIMESIS. Dargestellte Wirklichkeit in der abendländischen Literatur. Bern und München, 1967. 532 p.
20. Simmons K. An Examination of the Christmas Date in Several Early Patristic Writers // Questions Liturgiques, № 98, 2018. 38 p.
- Reference list**
1. Andreev L. N. Izbrannoe = Selected works / sost. V. A. Bogdanov. Москва : Sov. Rossija, 1988. 336 s.
 2. Auferbah Je. Dante i Vergilij. Jesse = Dante and Virgil. Essays / perevod N. Kovaleva // Prosodia, 2020/12.
 3. Belova T. D. Jevoljucija jesteticheskikh vzgljadov M. Gor'kogo (1890-e – 1910-e gg.) v kontekste kul'turologicheskikh iskanij jepohi = Evolution of M. Gor'ky's aesthetic views (1890s – 1910s) in the context of cultural quests of the time : monografija. Москва : Izd-vo Mosk. obl. un-ta, 2004. 344 s.
 4. Danilevskij G. P. Iz literaturnyh vospominanij = From literary memoirs // Istoricheskij vestnik, 1891. Т. 43. № 1. С. 32–69.
 5. Dushechkina E. V. Sborniki detskih pozdravitel'nyh stihov XIX veka = Collections of children's congratulation poems of XIX century // Detskij sbornik. Antropologija. Fol'klor. Novye issledovanija. Москва : OGI
 - (Ob#edinjonnoe gumanitarnoe izdatel'stvo), 2003. 448 s. S. 17–27.
 6. Djakina A. A. Ivan Bunin – publicist = Ivan Bunin – a publicist. Москва : Flinta, 2022. 164 s.
 7. Esaulov I. A. Jekfrasis v russkoj literature novogo vremeni: kartina i ikona = Ekphrasis in Russian literature of the modern time: the picture and the icon // Problemy istoricheskoy pojetiki. 2001. № 6. S. 43–56.
 8. Ivanov N. N. Tipy i obrazy nacional'noj kul'tury v proze russkogo neorealizma = Types and images of national culture in the Russian neorealist prose : nauchnaja monografija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. 235 s.
 9. Ivanov N. N., Zimina L. I. Carstvo «nebesno-zemnoe, duhovno-plotskoe»: recepcija motivov Gjote v tvorcheskoj jevoljucii M. Prishvina Lesnoj car', Faust, Mefistofel' = The kingdom of «heavenly-earthly, spiritual-carnal»: reception of Goethe's motifs in M. Prishvin's creative evolution The Forest King, Faust, Mephistopheles // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2020. № 2. S. 43–48.
 10. Ken L. N., Rogov L. Je. Zhizn' Leonida Andreeva, rasskazannaja im samim i ego sovremennikami. = Leonid Andreev's life as told by himself and his contemporaries. Sankt-Peterburg : Kosta, 2010. 428 s.
 11. Mineralova I. G. Osnovy filologicheskoy raboty s tekstom. Analiz hudozhestvennogo proizvedenija = Basic philological work with the text. Analyzing a work of fiction: ucheb. posobie dlja akademicheskogo bakalavriata. Москва : Jurajt, 2019. 200 s.
 12. Moskva, kotoraja est' = Moscow which exists / sost. A. Alekseev. Москва : Departament kul'turnogo nasledija g. Moskvy, 2013. S. 56–62.
 13. Propp V. Ja. Morfologija volshebnoj skazki. Istoricheskie korni volshebnoj skazki = Morphology of the fairy tale. Historical roots of the fairy tale. Москва : Labirint. Т. 1, 2. 1998. Smert' materi, pervonachal'naja beda.
 14. Hromova A. V. Pis'ma detej Dede Morozu = Children's letters to Father Frost // Detskij sbornik: Stat'i po detskoj literature i antropologii detstva / sost. E. V. Kuleshov, I. A. Antipova. Москва : OGI, 2003. S. 99–109.
 15. Chehov A. P. Rasskazy. = Short stories. Kazan' : Tatarskoe kn. izd-vo, 1978. 320 s.
 16. Chukovskij K. I. Iz vospominanij = From memories. Москва : Sovetskij pisatel', 1959. 464 s.
 17. Jenciklopedija simvolov, znakov, jemblem = Encyclopedia of symbols, signs, emblems. Москва : Lokid; Mif, 1999. 576 s.
 18. Auerbach E. Geschichte und Aktualität eines europäischen Philologen/ Karlheinz Barck, Martin Tremml (Hrsg.). Berlin : Kulterverlag Kadmos, 2007.
 19. Auerbach Erich. MIMESIS. Dargestellte Wirklichkeit in der abendländischen Literatur. Bern und München, 1967. 532 p.
 20. Simmons K. An Examination of the Christmas Date in Several Early Patristic Writers // Questions Liturgiques, № 98, 2018. 38 p.

Статья поступила в редакцию 25.09.2025; одобрена после рецензирования 14.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 25.09.2025; approved after reviewing 14.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 821.161.1; 82-312.7

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-36

EDN: LZXRXO

Семантические варианты мотива смерти в неомодернистском романе Лены Элтанг «Каменные клёны»

Елена Александровна Полева^{1✉}, Оксана Петровна Величко²

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Томский государственный педагогический университет. 634061, г. Томск, ул. Киевская, д. 60

²Аспирант историко-филологического факультета, Томский государственный педагогический университет. 634061, г. Томск, ул. Киевская, д. 60

¹polewaea@rambler.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-4224-8456>

²oksana_kolesnikova@list.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1259-8432>

Аннотация. В статье доказывается, что функции, варианты реализации и семантика мотива смерти позволяют интерпретировать роман Л. Элтанг «Каменные клёны» как (нео)модернистский. Мотив воплощён на разных уровнях поэтики романа (повествовательном, интертекстуальном,fabульно-сюжетном). Наряду с мотивом смерти в романе реализуется мотив мнимой смерти, который представлен в нескольких вариантах ('суициальном', игре в похороны, обустройстве кенотафа, вымысле сюжета об убийстве). Основными актантами ('носителями' мотива) являются две сестры Саша и Эдна, а также потенциальный жених первой Луэллин. Значимую роль в формировании семантики анализируемого мотива играет архаический интертекст (цитация и аллюзии на мифы, легенды, сказки, литературу античности), что в соединении с поэтикой психологии служит созданию неомодернистского художественного мира автора. Для Л. Элтанг архаические образы и сюжеты – не предмет деконструкции, а часть собственного языка, проявление самоидентичности, способ создания персонального мифа о мире, в котором культура замещает историю и социальные связи. Писатель использует не только аллюзии на античные сюжеты, но и воспроизводит архаические модели, связанные со смертью (имитация похорон, хождение в царство мёртвых и возвращения в мир живых и т. д.). Смерть интерпретируется автором как индивидуальный опыт утраты. Синонимичными мотиву смерти являются мотивы молчания, одиночества, отсутствия любви. Вместе с тем смерть осмысляется как онтологическая закономерность, «в ней нет ничего бесчеловечного». И в структуре исследуемого мотива, и в логике сюжета мортальная семантика уравновешивается витальной: начинаясь со смерти, роман завершается рождением, что соответствует архаическому пониманию смерти как части жизни.

Ключевые слова: Л. Элтанг; современная русскоязычная литература; «Каменные клёны»; (нео)модернизм; мотив; архаическая семантика; смерть; мнимая смерть; игра в похороны; преодоление смерти; витальность

Для цитирования: Полева Е. А., Величко О. П. Семантические варианты мотива смерти в неомодернистском романе Лены Элтанг «Каменные клёны» // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 36–50. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-36>. <https://elibrary.ru/LZXRXO>

Original article

Semantic variants of the death motif in Lena Eltang's neo-modernist novel Stone Maples

Elena A. Poleva^{1✉}, Oksana P. Velichko²

¹Candidate of philological sciences, associate professor at the department of russian literature, Tomsk state pedagogical university. 634061, Tomsk, Kievskaya str., 60

²Postgraduate student at the faculty of history and philology, Tomsk state pedagogical university. 634061, Tomsk, Kievskaya str., 60

¹polewaea@rambler.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-4224-8456>

²oksana_kolesnikova@list.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1259-8432>

Abstract. The article proves that the functions, variants of realization and semantics of the death motif make it possible to interpret L. Eltang's novel Stone Maples as (neo)modernist. The motif is realized at different levels of the novel's poetics (narrative, intertextual, plot). Along with the death motif, the novel realizes the motif of imaginary death

presented in several variants ('suicidal', the funeral game, the cenotaph arrangement, the murder plot fiction). The main actants (the 'bearers' of the motif) are the two sisters Sasha and Edna, as well as the potential fiancé of the first, Llewellyn. The significant role in forming the semantics of the analyzed motif is played by archaic intertext (citation and allusions to myths, legends, fairy tales, and ancient literature), which together with the poetics of psychologism helps to create a neo-modernist literary world of the writer. For L. Eltang, archaic images and plots are not a subject of deconstruction, but a part of her own language, manifestation of self-identity, a way of creating a personal myth about the world in which culture substitutes for history and social connections. The writer not only uses allusions to ancient plots, but also reproduces archaic models associated with death (imitation of a funeral, going to the realm of the dead and returning to the world of the living, etc.). Death is interpreted by the writer as an individual experience of loss. Synonymous with the death motif are the motifs of silence, loneliness, lack of love. At the same time, death is understood as an ontological regularity, «there is nothing inhuman in it». Mortal semantics is balanced by vital semantics both in the motif's structure and in the logic of the plot: beginning with death, the novel ends with birth, which corresponds to the archaic understanding of death as a part of life.

Key words: L. Eltang; contemporary Russian-language literature; Stone Maples; (neo)modernism; motif; archaic semantics; death; imaginary death; funeral game; overcoming death; vitality

For citation: Poleva E. A., Velichko O. P. Semantic variants of the death motif in Lena Eltang's neo-modernist novel Stone Maples. *Verhnevolzhski filologicheskiy vestnik*. 2025;(4):36–50. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-36>. <https://elibrary.ru/LZXRXO>

Введение

В центре исследовательского внимания – мотив смерти в романе современного русскоязычного писателя Л. Элтанг «Каменные клёны». Это второй её роман, изданный в 2008 году, отмеченный премией «Новая словесность – 2009». Критики относят его к интеллектуальной прозе.

По мысли А. Урицкого, «Каменные клёны» имеет «...псевдодетективный костяк, окутанный густым мифологическим и интертекстуальным облаком, [что] позволяет включить расплывающийся, лишенный четких границ текст Элтанг в один ряд как с романами Джойса и Вирджинии Вулф, так и с сочинениями постмодернистов, играющих цитатами и массовыми жанрами» [Урицкий, 2010, с. 27]. На наш взгляд, соотносить роман одновременно и с модернизмом, и с постмодернизмом не вполне корректно. Считаем, что анализ специфики обращения к фольклорно-мифологическим мотивам в художественном мире автора позволит определить, какая из эстетик писателю ближе. В частности, постмодернизм предполагает демифологизацию, ироничное снижение мифологических мотивов и сюжетов [Зайнуллина, 2004, с. 19], тогда как модернизм и его современная модификация неомодернизм – неомифологизацию, использование архаических мифов как основы моделирования персонального мифа о мире. Согласимся с точкой зрения А. А. Житенева и Е. С. Стрельниковой: (нео)модернистский неомифологизм обладает «созидающей потенцией, которая, трансформируя известное, переосмыслияет его с целью создания собственного» [Житенев, Стрельникова, 2022, с. 313]. «Миф – объектен, неомиф – субъектен», он «выстраивается автором на основе

имеющегося мифологического культурного опыта», через «сознательное оперирование известными мотивами» [Житенев, Стрельникова, 2022, с. 309–310].

Методология и методы исследования

Исследование выполнено методом анализа мотива с опорой на теоретические работы о повествовательном мотиве, о закономерностях использования архаической семантики образов и мотивов (в частности смерти) в литературе.

Повествовательный мотив

Основными признаками повествовательного мотива являются «семантическая целостность», повторяемость [Веселовский, 1989, с. 301, Томашевский, 1996, с. 182, Силантьев, 2024, с. 17], вариативность, интертекстуальность [Гаспаров, 1994; Неклюдов, 2021, с. 23]. С. Ю. Неклюдов отметил, что «мотив должен удовлетворять следующим условиям: относиться исключительно к плану содержания; быть устойчивым, многократно воспроизводимым и опознаваемым благодаря наличию у него содержательных подобий – в самом тексте и за его пределами; иметь „семантическое ядро“ ... и „семантическую периферию“...» [Неклюдов, 2021, с. 23–24]. Мотив, как и сюжет, – «универсальный способ передачи фольклорно-мифологической информации» [Неклюдов, 2021, с. 24]. В каждом конкретном тексте семантика мотива не реализуется в полной мере, потому что мотив «принадлежит ... традиции в целом»; его анализ должен «копираться на „знание традиции“». Семантика мотива конкретизируется в нарративной и сюжетной логике определённого произведения [Силантьев, 2024], однако интертекстуальная

природа мотива делает перспективным его соотнесение с «мировым сюжетно-мотивным фондом» [Неклюдов, 2021, с. 25].

О. Н. Турышева, обращаясь к работам Р. Барта, предлагает рассматривать мотив «как трамплин интертекстуальности»; выделение интертекстуальной и нарративной функции мотива позволит «отграничить мотив как безличный элемент повествовательного языка, самопроизвольно фигурирующий в литературе, от мотива как сознательно вводимую автором ссылку на precedentный текст, в свою очередь, породившую ее активное функционирование в качестве концептуальной метафоры в последующей литературе» [Турышева, 2017, с. 7].

Мотив, как отметил Б. М. Гаспаров, – «кросс-уровневая единица» художественного текста: он «варьируется и переплетается с другими мотивами, создавая в тексте неповторимую поэтику» [Гаспаров, 1996, с. 30], воплощён и проявляется на самых разных уровнях поэтики произведения (сюжет, система персонажей, повествование, время и пространства и т. д.).

Эти положения определили подход к анализу мотива в нашей работе: учитывается семантическая и дихотомическая теория мотива; комментируется интертекстуальный потенциал мотива, выявляется его воплощение и семантика на разных уровнях поэтики романа. В данной статье не освещается реализация мотива в пространственной поэтике романа, что обусловлено ограниченным объёмом статьи (планируется отдельная публикация) и тем, что в исследованиях уже была отмечена эта тема. Например, Г. Михайлова и А. Самойленко выявили, что пансион семьи Сонли Каменные клёны (основной пространственный образ в романе) имеет семантику пограничного пространства между жизнью и смертью, трактир Трилистник – посредник между миром Каменных клёнов и внешним ему, приземленным Вишгардом [Михайлова, Самойленко, 2013].

Мотив смерти: его составляющие и архаическая семантика

При анализе мы учитываем точку зрения Р. Л. Красильникова, уточнившего составляющие мотива смерти: «Танатологический мотив в узком смысле состоит из предикативного ядра, актантов (действующих лиц) и сирконстантов (обстоятельств события)». И далее: «Танатологические сирконстанты реализуются при описании, различных обстоятельственных признаков события смерти: времени, места, способа, при-

чины, цели, условия, уступки и т. д. <...> На пересечении актантной и сирконстантной сфер выделяются предметы, причиняющие смерть <...>, и предметы мемориального свойства...» [Красильников, 2011, с. 11–12].

Мотив смерти – повторяющийся, общекультурный, архетипический, берущий своё начало в архаике. В исследованиях фольклора и античных мифов обозначены основные варианты мотива смерти, который рассматривается как парный: он реализуется во взаимосвязи с мотивами, репрезентирующими жизнь. Изначально, как отметила О. М. Фрейденберг, синонимичными мотивам рождания – смерти – рождения являются относящиеся к солярной и растительной семантике: восход – заход – восход солнца, захоронение и прорастание зерна [Фрейденберг, 1997]. По этой аналогии идентичной семантикой наделялись другие пары действий (состояний): молчание – говорение, засыпание – пробуждение, болезнь – выздоровление, голод – принятие пищи, уход – возвращение и т. д. [Фрейденберг, 1997]. В архаической (фольклорно-мифологической) модели мира они циклично повторяются, и смерть рассматривается как одно из состояний существования: «‘смерть как жизнь’; «смерти, как чего-то необратимого, нет; все умирающее возрождается в новом побеге, в приплоде, в детях» [Фрейденберг, 1997, с. 65, 62].

Как отметили авторы работы «Категории поэтики в смене литературных эпох», архаический период, «которому свойственно мифопоэтическое сознание», представлен тремя группами, условно говоря, текстов: архаическим фольклором, который «реконструируется преимущественно путем сравнительного изучения наличного фольклора бесписьменных народностей», архаическая литература и «традиционный фольклор, развивающийся параллельно с литературой и во взаимодействии с ней» [Аверинцев, Андреев, Гаспаров, Гринцер, Михайлов, 1994]. Это духовно-художественная словесность, в том числе устная, представления о которой возникли вследствие более поздней письменной фиксации (мифов и фольклора). Развивающиеся после фольклорно-мифологического два других типа художественного сознания («традиционистский или нормативный» и «индивидуально-творческий или исторический») наследуют накопленное в период архаики (по утверждению Е. М. Мелетинского, «словесное искусство восходит к мифу» [Мелетинский, 2000, с. 5]), однако происходят существенные изменения, связанные с появлением

собственно поэтики и эстетики, индивидуально-авторского начала. В. Ш. Кривонос отметил, что литература «переводит» миф на свой «язык»; для неё «мифологическая архаика оказывается не только материалом, но средством изображения и формой художественной герменевтики, позволяя придать повествованию смысловую глубину» [Кривонос, 2012, с. 835].

По сравнению с архаикой в последующие периоды развития словесной культуры меняются не столько сами мотивы, сколько расширяется их интерпретация. Это касается исследуемого мотива: «...циклическая модель, господствующая в мифологическом и фольклорном сознании», по мысли Ю. М. Лотмана, является «первым этапом» борьбы с идеей конечности существования; «после того (вернее – по мере того), как мифологическое мышление сменилось историческим, понятие „конца“ приобрело доминирующий характер» [Лотман, 1994, с. 419], а вместе с ним и проблема смерти. Если в архаической картине мира смерти как исчезновения нет из-за цикличности, то складывающиеся в последующие эпохи индивидуально-авторские её интерпретации реализуют варианты, восходящие к разным культурным традициям.

Архаика и (нео)модернизм

Системное и мировоззренчески обоснованное обращение к фольклорно-мифологическим мотивам свойственна модернизму. Мелетинский отметил, что в «литературе XX в. „мифологизм“ выступает в качестве художественного средства, соответствующего определенной концепции мира. <...> Пафос мифологизма состоял в обнаружении постоянных и вечных принципов, скрытых под обыденной поверхностью и сохраняющихся неизменными при любых исторических изменениях» [Мелетинский, 2001, с. 129].

Модернизм характеризуется актуализацией, во-первых, фольклорно-мифологического типа сознания с характерным для него переносом свойств с одного объекта на другой, мышления аналогиями; во-вторых, архаической семантики мотивов, в том числе, мотива смерти, интерпретация которого, однако, не ограничивается только архаическими смыслами. Они дополняются индивидуально-авторскими значениями, что обусловлено модернистским мировоззрением, в котором функциями преодоления смерти наделяются память и творчество. В поэтике модернизма мифологизм соединён с психологизмом, который принципиально не свойственен архаической словесности. По мысли Мелетинского, в

«модернистском мифологизме» проявляется «синтез „мифологии“ и „психологии“» [Мелетинский, 2001, с. 130].

Под неомодернизмом, вслед за Житеневым, мы понимаем не попытки «преодоления постмодернистской парадигмы» в современной литературе, а «родовое обозначение всего множества художественных практик второй половины XX – начала XXI веков, развивающих традиции модернизма и авангарда» [Житенев, 2012, с. 4–5].

Результаты исследования

Повествовательный уровень.

Лексическая представленность мотива в повествовании. В романе «Каменные клёны», включающем три главы, наблюдается нисходящая градация анализируемого мотива: от первой к третьей главе частотность употребления слова «смерть», производные от него («смертный», «смертельный» и т. д.) и семантически связанных с ним лексем («умер», «умерла», «умерли», «умерший», «кладбище», «могила», «похороны» и т. д.) уменьшается: в первой главе сто употреблений, во второй главе – шестьдесят, в третьей – сорок четыре. Это наблюдение относится и к отдельным лексемам, репрезентирующими смерть. Например, слово «похороны» и производные от него встречаются в первой главе 13 раз, второй – 7, третьей – 3. Снижение насыщенности повествования лексикой, связанной со «смертью», соответствует фабульно-сюжетной логике. Если начинается роман со смерти собаки центральной героини Саши Сонли, то заканчивается торжеством жизни: у новой собаки, пришедшей в её поместье, рождаются щенки.

Интертекстуальная реализованность мотива смерти в повествовании. Центральные персонажи – владелица дома-гостиницы на уэльском побережье Саша и постоялец Луэллин (Лу) – книжечки. Он бывший преподаватель античной истории, она не окончила школу, но знает несколько языков, мифологию и фольклор разных народов мира. Оба окружающую их действительность объясняют, описывают в своих дневниках, сопоставляя с сюжетами и образами мировой культуры (литературы, живописи, музыки и т. д.); фольклорно-мифологические и античные аллюзии наиболее частотны. Акцент на архаике и шире античности – элемент повторяющейся автохарактеристики персонажей: «Почему, когда я думаю о Лу Элдербери, в голову лезут сплошь драматические античные эпизоды?» (Саша) [Элтанг, 2008, с. 354]; «у меня

столько античного мусора в голове» (Луэллин) [Элтанг, 2008, с. 99]; «Господи, то Финей с Фетидой, теперь Юнона – почему я все утро думаю то о греках, то о римлянах? Может быть, потому, что учитель античной истории поселился у меня в голове...» (Саша) [Элтанг, 2008, с. 149]. Интертекст для персонажей и для автора является неотъемлемой и органичной частью собственно го языка.

События смерти, воспоминания об утрате близких передаются через отсылки к самым разным мифам, легендам, сказаниям, литературным текстам, произведениям искусства, которые ассоциативно всплыли в сознании персонажей в тот или иной момент личного переживания или рефлексии, выраженной в письме. Поэтому в одном фрагменте «соседствуют» аллюзии, не связанные друг с другом одним историко-культурным полем, но близкие тематически. Повествовательным принципом их сближения является работа памяти и сознания персонажа.

Так, в завязке в момент переживания смерти своих собак в мыслях Саши всплывает несколько конкретных цитат и образов, которые помогают ей уяснить себе и оформить в дневниковом слове ещё один внезапный опыт утраты. Готовя собак к захоронению, она вспоминает строки из «Гамлета» У. Шекспира и ассоциирует себя с могильщиком: «Вот и могила, думала я <...>, вот и могильщик, спокойный, как тот, что пел песенки датскому принцу: я тридцать лет при погосте, с малолетства» (цитата выделена курсивом Элтанг – Е.П., О.В.) [Элтанг, 2008, с. 8]. Имена убитых собак также аллюзивны: Хугин и Мунин – вороны скандинавского бога Одина, «связанного с царством мёртвых»; один воплощает мысль, а второй – память [Мифы народов мира, 2008, с. 204, 745]. Саша размышляет, какие растения ей посадить на могиле собак. И в связи с этим вспоминает легенду о случайном убийстве Гермесом смертного юноши Крокуса, в честь которого и был назван цветок (по легенде проросший из крови убитого): «Что мне посеять здесь: розмарин, которым пахнет время, или крокус – тело убитого Меркурием друга, или белый вереск, спасающий от чумы?» [Элтанг, 2008, с. 8]. Думая, «что написать» на могиле, Саша перечисляет и «гомеровскую строку про бессмертных собак Гефеста», и «угрюмые слова зороастрийского бога», который «сказал, что убийца собак, стерегущих дом, поплатится сильнее, чем волк, попавший в смертельную западню»: «Где вторая из этой земли наибезрадостнейшая? И

сказал Ахура-Мазда: „Где большие всего останков закопано мертвых людей и мертвых собак”» (курсив цитаты из «Авесты» Элтанг – Е.П., О.В.) [Элтанг, 2008, с. 9].

По ходу повествования Саша возвращается к событию смерти собак, и новые упоминания дополняют интертекстуальное поле исследуемого мотива. Так, держа вернувшуюся в поместье сводную сестру в состоянии сна (ближе к финалу романа), Саша подмечает, что «могла бы бросить ей лепешку со сноторвным, как бросил кто-то моим собакам, начитавшись школьного Вергилия» [Элтанг, 2008, с. 336–337]. В комментариях отмечено: имеется в виду лепешка, замешанная на зельях и меде, которой Сивилла Кумская усыпляет пса Кербера (Вергилий. «Энеида», VI, 419–423)» [Элтанг, 2008, с. 409]. Через эту аллюзию проявляется тема сна как варианта смерти (временной), сестра соотнесена и с собственными собаками-стражниками дома, и с Цербером, охранявшим выход из Аида, что и пространству Клёнов, и образу сестры в сознании Саши придаёт амбивалентную семантику и живого, и мёртвого. Сама же Саша, получается, ассоциируется с Сивиллой Кумской, а значит со способностями к прорицанию, к прохождению через границу живого и мёртвого.

Систематизация всех аллюзий, связанных с семантикой смерти, не входит в наши задачи, во-первых, из-за ограниченности объёма статьи, во-вторых, из-за интертекстуальной перенасыщенности повествования, «сопротивляющейся» упорядочиванию. Нам важно показать, как осуществляется принцип интертекстуальности в романе. Л. Элтанг создаёт персонажа, для которого обращение к текстам культуры, архаическим мифам и фольклору, во-первых, самоидентификационный механизм сознания (например, возраст шекспировского могильщика – повод обозначить свой возраст: «я тридцать три года»); во-вторых, инструмент описания, перевода собственного опыта утраты на понятные образы, в условно-символический план. Интертекст проявляет множественность культурных ассоциаций, возникающих у персонажа как отклик на событие. На авторском уровне интертекст «собирает» образы персонажей, передаёт специфику одновременно и их, и собственного писательского мышления культурными образами. Один фрагмент текста может содержать «пучок» аллюзий, которые работают на усиление или взаимодополнение той или иной семантики.

Мысли героини концентрируются на утратах, но за счёт интертекстуальных отсылок к архаическим мифам проявляется семантика преодоления смерти: в упоминаемом ею мифе о Крокусе гибель компенсируется закреплением жизни в цветке; имена собак связаны с мыслью и памятью как механизмами сопротивления исчезновению. «Вечнозелёный» розмарин, который Саша планирует посадить на могиле собак, начиная с культур древности (Египет, Греция), соотносится и с погребальными обрядами, и с возрождением, вечной памятью (здесь также отметим эффект «сквозной» аллюзии, когда один образ отсылает и к архаической образности, и к литературным источникам, в частности к «Гамлету», в котором о свойствах розмарина упоминает Офелия). А вереск, целебную силу которого обозначает Саша («от чумы»), связан с культом Осириса [Мифы народов мира, 2008, с. 766], воплощающего идею преодоления смерти.

Так же «работает» сознание и второго центрального героя – Луэллина. О матери Саши, чей призрак он видел в Клёнах, герой говорит своему психоаналитику: «у нее тоже полный рот подземной воды», намекая на образ реки Леты в Аиде [Элтанг, 2008, с. 257]. Читая надпись о злых собаках на воротах Каменных клёнов, он ассоциативно соотносит «постоялый двор сонли» (курсив Л. Элтанг; здесь и далее сохранена авторская орфография, отражающая специфику письма персонажа – Е.П., О.В.) [Элтанг, 2008, с. 79] с подземным царством из скандинавской мифологии: «где же злые собаки? молча сидят на волшебной цепи глейпнир?» [Элтанг, 2008, с. 79]. Эта цепь внешне мягка и тонка, но прочна, способна удержать волшебного волка Фенрира, угрожающего смертью Одину [Мифы народов мира, 2008, с. 1026].

Обозначенные во фрагментах письма Луэллина аллюзии, во-первых, поддерживают центральную в повествовании семантику «единства противоположностей», соединения мнимо хрупкого, но прочного или наоборот, внешне каменного, но внутри живого (проявляемую в образах Саши и Каменных клёнов прежде всего). Во-вторых, они – часть семиотического внутритекстового кода, указывающего на незримую, но прочную связь между Луэллином и Сашей. Это проявляется не только сюжетно, но и через перекличку аллюзий, продуцируемых текстами двух центральных персонажей: Луэллин ассоциирует собак с мифами об Одине, Саша же дала им имена воронов Одина, образ которого несёт семантику

смерти-воскресения (он владелец Вальхаллы – в скандинавской мифологии небесного дворца, в котором обитали / воскресали погибшие воины).

В повествовании сопровождение событий смерти / мыслей о ней отсылками к конкретным архаичным сюжетам или художественной литературе не является обязательным. Например, смерти мамы Саши, отца Луэллина описаны физиологично и без явного культурно-ассоциативного контекста, что, скорее, служит приёмом выделения, значимости этих смертей для персонажей. С другой стороны, и эти смерти соотносятся с архаичным ритуалом жертвоприношения (о чём подробнее – ниже), то есть они имплицитно интертекстуальны.

Интертекстуальность проявляется во многих эпизодах, связанных с темой смерти, не только отсылками к конкретным мифам, легендам, образом или ритуалу в целом, но и упоминанием специфики мировосприятия древних. Например, Саша пишет: «...мачеха не думает об отцовской болезни, как о беде, червоточине, напасти, пагубе или злополучии – до нее просто не доходит, что отец может не проснуться однажды утром. С таким же небрежным видом древние кельты, убежденные в бессмертии души, одолживали друг другу деньги с условием вернуть их в Другом Мире...» [Элтанг, 2008, с. 130]. То есть Саша интерпретирует мысли Хедды через понятное ей свойство архаического сознания не различать, воспринимать в единстве и цельности запредельное эмпирическому опыту, материальное и социальное.

Заметим, что цитаты в тексте часто (но не всегда) выделены курсивом или вынесены в эпиграфы / преамбулы к дневниковым записям, однако авторство не обозначено: читатель для их атрибуции должен владеть контекстом, знать или интуитивно вычленять интертекст. Предположим также, что эта стратегия работает и как «внутритекстовая», на уровне коммуникации персонажей в границах художественного мира романа. Предполагая, что у её дневника может появиться читатель (Луэллин), которого окружающие ошибочно принимают за инспектора полиции, она начинает сочинять текст о замысле убийства Дрессера, мужа (вероятно, мнимого, выдуманного) младшей сводной сестры Эдны, в убийстве которой, в свою очередь, её подозревают соседи. К записи о встрече с Дрессером Саша выбирает в качестве эпиграфа слова проклятия / заклинания на смерть врага, которые, как приводит П. Гиро в книге «Частная и общественная

жизнь римлян», произносили древние римляне [Гиро, 1899]: «Кто бы вы ни были, присутствующие при том, как я совершаю свою месть, произносите слова скорби, покажите проклятому лицо, омоченное слезами. Вот, вот алтарь, воздвигнутый для твоей смерти. Все готово для торжественных похорон» [Элтанг, 2008, с. 137]. Саша использует в дневнике цитаты из литературы и отсылки к архаическим обрядам, образам и мотивам, рассчитывая на понимающего читателя – Луэллина.

На признание Саши в убийстве сестры «я ее здесь похоронила» Луэллин отвечает цитатой из поэмы Лукреция «О природе вещей»: «трепетали тогда в смятении полном, и каждый своих хоронил мертвцев как придется» (курсив Элтанг – Е.П., О.В.) [Элтанг, 2008, с. 99]. Такая реакция героя в целом демонстрирует модернистскую этику: с одной стороны, частному признанию о единичной смерти придаёт глобальный масштаб (Лукреций так описывает эпидемию в Афинах), с другой стороны, переводит социальный и моральный дискурс в культурологический: Лу не удивляется, не осуждает, а даёт цитату-отклик на услышанное.

Интертекст становится для Саши способом и кодирования информации, загадывания загадки, и поиска не только конгениального читателя, но и спутника жизни, подлинного жениха.

Мотив смерти на фабульно-сюжетном уровне

События смерти

«Каменные клёны» – дневниково-эпистолярный роман; сюжетно-фабульный уровень в нём ослаблен, представляет собой несколько приездов Луэллина в уэльский городок Вишгард и его встречи с Сашей. От линии центральных персонажей ответвляются (не влияющие на движение сюжета) встречи и (или) переписка с второстепенными персонажами, являющимися или двойниками-дублёрами (двойник Саши – Табита, влюбившаяся в Луэллина, двойник Луэллина бывший жених Саши Дэффидд Монмут), или двойниками-антагонистами (Сондерс Брана, псевдо-жених Саши, сводная младшая сестра Саши Эдна). «Событие рассказывания», пользуясь терминологией М. Бахтина, является «рассказанным событием». Но благодаря тому, что персонажи – авторы своих текстов, возникает событийный уровень их дневников. Если к настоящему взаимоотношений героев относятся только смерти собак Саши, то их про-

шлое наполнено событиями смерти, причём, как правило, случайной.

Саша в дневнике вспоминает смерти:

- соседа, тайно влюблённого в маму и завещавшего ей все свои сбережения, на которые и был куплен дом в Вишгарде;
- бывшего владельца усадьбы;
- мамы в «восемьдесят седьмом году»;
- отца, которая не была внезапной, но вызвана случайным трагическим событием – автомобильной аварией;
- в «восемьдесят пятом году» «...мисс Мойл уронили там на землю, а когда она приехала домой, то стала понемногу чахнуть... Так же, как мой папа после той аварии на Кардиффском шоссе...» [Элтанг, 2008, с. 147–148];
- собак, которых подростки хотели на время усыпить, но не рассчитали дозу снотворного: «...мои собаки лежали посреди заросшей мятыком поляны с закрытыми глазами, будто сраженные внезапным сном» [Элтанг, 2008, с. 7].

Луэллин также в своём тексте возвращается к событиям смерти, упоминая:

- смерть матери, которая никак не комментируется, только констатируется и сопряжена с продажей дома;
- смерть отца: «мой отец упал с такой же узкой дубовой лестницы, только ведущей вниз, в подвал...» [Элтанг, 2008, с. 121];
- гибель щенка, уснувшего в барабане стиральной машины [Элтанг, 2008, с. 171].

Указывая год свершения событий, герои обозначают только десятки и единицы, из-за чего социально-историческая конкретика уступает место индивидуально-личностной: смерть значима в масштабах жизни персонажа. А сопровождение событий аллюзиями на мифологические образы привносит универсально-символическую семантику. В этом мы видим аргумент в пользу трактовки творчества Элтанг как модернистского, в котором, по замечанию Е. М. Мелетинского, взаимосвязь психологии подсознания с архаикой обуславливает возможность определённой «эмансипации» личности (персонажа) «от социальных обстоятельств» и истории, а на авторском уровне «психология специфически индивидуальная трактуется в то же время как универсальная, что позволяет ее интерпретировать в терминах символико-мифологических» [Мелетинский, 2001, с. 130].

Парадоксальность в том, что самые любимые или те, кто в будущем станут близкими, как бы соучаствуют в отнятии жизни: мама Саши умер-

ла, потому что отец не смог удержать вывеску с надписью «ГОСТИНИЦА» (заглавные буквы Элтанг – Е.П., О.В.); дочь стала свидетелем мгновенной смерти Лизы: «...Саша успела отбежать, а мама упала на редкий грязноватый снег...» [Элтанг, 2008, с. 85]. Призрак отца Луэллина («суконщик») «пишет» сыну фразу, намекающую на вину Саши в смерти матери: «ведьма всегда виновата в смерти своей матери» (курсив Элтанг – Е.П., О.В.) [Элтанг, 2008, с. 263]. Луэллин, который станет близким Саше, – в прошлом виновник аварии, из-за которой заболел и умер её отец. Отец Луэллина, так и не дождавшись приезда сына, умер в одиночестве, упав с лестницы. Из-за смертей обоих отцов Лу испытывает муки совести, и оба они являются ему в изменённом алкоголем состоянии сознания в виде призраков – Плотника и Суконщика (такое их именование Луэллином содержит намёки на похоронную и, соответственно, загробную семантику).

Смерть отца Лу описана фрагментарно, но с акцентированием физиологических деталей: его тело стало пищей для запертой в доме кошки. Это отсылает к архаическим ритуалам поедания тела старшего члена рода, что означало жертвоприношение ради смены поколений и утверждения продолжения жизни [Данилова, 2016, с. 51]. Луэллин многократно видит сны о месте смерти отца или о встрече с ним, уже мёртвым (на что указывают детали: «синеватые губы», во сне отец прощает ему «этую проклятую кошку») [Элтанг, 2008, с. 63, 314, 140, 159].

Описание смерти матери Саши также физиологично: «Мамино лицо куда-то пропало.

Вместо мамы на Сашу смотрел кто-то другой. Это, наверное, была смерть.

У смерти было гадкое, гладкое лицо, и Саша в него расхохоталась» [Элтанг, 2008, с. 85].

Отметим изменение синтаксиса в этом отрывке. Приём парцелляции усилен ещё и тем, что короткие предложения оформлены в отдельные абзацы. Такое графически-смысловое акцентирование свидетельствует об авторском и нарраторском выделении этого события, об его исключительности (заметим также, что Элтанг использует автоповтор: практически идентично описана смерть мамы Вирги в романе 2015 года «Картахена»).

Невольное соучастие отца в гибели мамы не комментируется и не рефлексируется Сашей, но на авторском уровне в произошедшем проявляется архаическая логика: случайные смерти или

намеренные (убийства) являются жертвенными. Жертвоприношения и устанавливают порядок, и уравновешивают смерть и жизнь, так как отнятие жизни производится для её продолжения, воспроизводства [Фрейденберг, 1998, с. 124].

Архаическому сознанию присуще, как отметил Ф. Кликс, «непознанное, новое, незнакомое в событиях, воздействиях и явлениях природы интерпретир[овать] по аналогии с известным» [Кликс, 1983, с. 154–155]. Это свойственно и Саше. Проявляется в её размышлениях и характерный для мифологического мышления дуализм и восприятие антонимичных явлений как органичного целого, в частности, смерти как части жизни: «Смерть – это одна из вещей, на которых построен мир, в ней нет ничего бесчеловечного» [Элтанг, 2008, с. 88]. Но человек не свободен от психологического переживания утраты, страха одиночества, вины перед ушедшим. В сознании Саши метафорическое, ненастоящее убийство сводной сестры связано с гибелью матери. Смерть другого сопряжена с чувством вины перед ним: «...я убила свою сестру, потому что виновата перед ней, а мне хочется думать, что я виновата не перед ней, а перед мамой, перед которой – ну в чём я виновата?» [Элтанг, 2008, с. 368]. Чувство вины перед плотником и суконщиком (своим и Сашиным отцами) сопровождает Луэллина.

Ю. Н. Данилова, со ссылкой на работы Дж. Фрезера и З. Фрейда, объясняет рождение чувства вины в архаичном обществе из противоречия: необходимости убивать / приносить в жертву того, кто на время персонифицируется с богом. Так передаётся, по мысли древних, «из поколения в поколение молодость и сила всех людей и животных» (Фрезер) «и сохраняется постоянство сил природы» [Данилова, 2016, с. 51]. Анализ фрагмента о вине Саши за смерть мамы, в которой она не виновата, позволяет констатировать, что Элтанг использует фрейдистскую трактовку архаики, а это одна из мировоззренческих основ модернизма.

Мышление фольклорно-мифологическими образами способствует переводу индивидуального опыта в условно-символический план и восприятию персонажем себя как части не историко-социального, а онтологического и общекультурного бытия, не преходящего, а вечного. Погружение в память и «текст» не только личный, но и всей культуры, помогает пережить разрушение социальной реальности, устойчивого мира семьи. На авторском уровне частная судьба и

повторяет универсальные сюжеты, и способствует созданию собственного мифа о мире.

Мотив мнимой смерти / убийства

В архаике проигрывание смерти обусловлено обрядом инициации. Но мнимая смерть для архаического сознания была подлинной: проходящий инициацию в сознании соплеменников по-настоящему умирал и воскресал в ином статусе [Элиаде, 1999].

В романе мотив мнимой смерти / убийства связан с образом младшей сводной сестры Саши Эдны (Дрины). Завязка романа уже фиксирует этот мотив: собаки были отравлены соседскими мальчишками, так как те подозревали, что Дрина убита и закопана в саду Каменных клёнов. Рейфрен в их блоге – «let us find edna's rotten skull» («давайте найдем гнилой череп Эдны»). Однако Саша называет развороченную землю кенотафом, то есть мнимой могилой, а в финале сестра возвращается в поместье.

Образ Дрины связан и с солярной, и с вегетативной архаическими версиями смерти / воскресения, причём, это проявляется в разных контекстах, из которых можно вычленить несколько вариантов воплощения мотива:

- 1) ‘суицидальный’ (при разных конфликтах Эдна ‘уходила умирать’);
- 2) игра в похороны;
- 3) имитация могилы сестры;
- 4) признание Сашей в убийстве Эдны и её мужа в своих текстах.

Суицидальный вариант в повествовании обусловлен, прежде всего, психологией ребёнка, который посредством ‘умирания’ реагирует на ссору и обиду. Из-за чего можно умереть, Эдне подсказала Саша, желая манипулировать поведением младшей сестры: «Если тронешь это дерево – ты умрешь, – сказала Саша сестре в их первое лето, потому что там, под деревом, под бесплодной яблоней, был секрет» [Элтанг, 2008, с. 103]. Но благодаря образам бесплодного дерева, которому приписывается способность убивать, и зарытого в землю секрета бытовая сцена обретает и условно-символический смысл, ассоциативно связанный с архаичными мифами и сказками. Возникают множественные аллюзии: в основе Сашиного поведения лежит запрет – одна из функций волшебной сказки; в мифах и сказках яблоня часто воплощает древо жизни (молодильные яблочки), а здесь, из-за того, что она бесплодная, возникает противоположная семантика дерева смерти. Секрет под деревом ассоциируется

с закапыванием и раскапыванием дневника-травника повзрослевшей Сашей, что в повествовании напрямую соотнесено с вегетативными вариантами мифов о захоронённом и воскресшем зерне, с идеей смерти как рождения: «*могила это пребывание в теле матери*» (курсив Элтанг – Е.П., О.В.) [Элтанг, 2008, с. 321].

Итак, Эдна запомнила слова о свойстве этого дерева, и «спустя два года, после горючей, невыносимой ссоры, <...> пошла в дальний конец сада и стала трогать яблоню, чтобы умереть.

Через час Саша обнаружила сестру в детской – вытянувшуюся на кровати, со сложенными на груди руками...» [Элтанг, 2008, с. 104]. Описание ‘умирающей’, лежащей в позе покойника Эдны дано развернуто и предельно детализировано – ей посвящена отдельная запись в дневнике-Травнике. Саша решила, что «Эдне непременно скоро надоест, и она воскреснет. // Но Младшая и не подумала оживать...»; «Саша не стала топить на ночь», и Эдна выдержала холод, лёжа неподвижно [Элтанг, 2008, с. 104]. Саша рассматривает мимо мёртвую сестру, лежащую в *холодной* комнате (холод – атрибут смерти), но её взгляд концентрируется на ‘детской складке’ между широко раскинутых ног, которая вызывает у неё ряд вегетативных ассоциаций (с маковым бутоном, сердцевиной шампиньона, листком мать-и-мачехи), сама же Эдна соотносится с ‘Араньяни’ – божеством леса в индуистской мифологии, матерью зверей, покровительницей растительного мира [Мифы народов мира, 2008, с. 81]. Эрос, потенциальное материнство Эдны как бы уравновешивает танатос, преодолевает его. Главка об умирании сестры не имеет значения для развития сюжета, не несёт инициального смысла, но ярко демонстрирует, как в детском образе Эдны мортальная семантика соединяется с витальной.

Второй из выделенных нами вариантов мотива мнимой смерти проявлен в эпизоде *игры в ‘русские похороны’*. Соседка Саши рассказала Луэллину: «...мы маленьками играли в русские похороны, <...> вместо гроба у нас был ящик из под консервов, совсем небольшой, ноги сгибать в коленях не хотелось, мертвые же прямо лежат, поэтому всегда клали эдну александрину, так жалко её было, я даже плакала! <...> мы целовали покойницу в лоб, читали отходную и заваливали ящик листьями и папоротником...» [Элтанг, 2008, с. 200].

В. Я. Пропп доказал, что ‘игра в похороны’ сопровождала ряд праздников (‘Во многих

праздниках можно установить какую-то имитацию похорон и похоронных процессий) и имеет прямое отношение к аграрно-солярным мифам о захоронении – воскресении зерна, «богов растительности» и т. п. [Пропп, 2000, с. 81, 109]. И открытое место (поляна), и осень как вероятное время года, когда проходила игра («заваливали ящик листьями»), поддерживают ассоциацию с архаическими мнимыми похоронами, имеющими смысл утверждения жизни через смерть.

Дети играли в «русские похороны». Это означает, что инициатором, придумщиком игры была Саша, единственная из всех, имеющая отношение к русской культуре, которую освоила через общение с мамой и её книги. А объектом мнимого захоронения опять выступает Эдна, *самая младшая девочка* (в архаике ребёнок, как и старик, ближе всего к границе жизни/смерти). Эпизод можно прочитывать, как и предыдущий, на двух уровнях: психологическом (как попытку детей через игру испытать сложные эмоции, связанные с утратой и конечностью жизни, что актуально, прежде всего, для Саши, пережившей смерть матери и переносящей таким образом чувства от её утраты на Эдну, играющую роль покойницы) и условно-символическом (явление архаической цикличности, повторяемости ритуалов захоронения – воскресения).

Наличие кенотафа можно трактовать во взаимосвязи с игрой в похороны, однако там Эдна сама соглашалась имитировать образ покойника, здесь ей эту роль приписали другие, тогда как она вообще ‘вне игры’, её нет в Клёнах, она не знает, что соседские мальчишки ищут её труп в саду, а Саша признаётся мнимому инспектору Луэллину в убийстве.

Этот вариант мотива мнимой смерти с предыдущими роднит соединение мортальной и витальной семантики. Во-первых, могилка ассоциируется с грядкой, с почвой для воспроизведения жизни: «...могилу сестры вскопали старательно и пышно, будто грядку с георгинами» (Саша) [Элтанг, 2008, с. 8]; «в могильном холмике, в черной жирной цветочной земле была утоплена круглая коробка из-под печенья» (Луэллин) (курсив авторов статьи) [Элтанг, 2008, с. 236]. Место расположения кенотафа – в саду, общекультурная семантика образа которого противоположена смерти. Во-вторых, Дрина уехала к матери в Индию, связанную в сознании Саши с торжеством жизни, что подчёркнуто в её дневнике аллюзией на архаичный обряд возрождения: «В Индии <...> умеют возрождать к новой жизни просто и

без особого труда. Того, кто должен возродиться, затаскивают в золотую корову, а потом вынимают – через то место, откуда появляются телята» [Элтанг, 2008, с. 269]. Возвращение сестры соединено с торжеством жизни, воплощённом в материнстве Дрины – она вернулась с маленькой дочкой.

Если женские образы (Эдны и Саши) связаны с захоронением как частью воспроизведения жизни (умирает Эдна, чтобы после воскреснуть, хоронит свой дневник-травник Саша, чтобы потом достать его из тайника и наполнить новым текстом, прирастить текст), то мужские (соседские мальчишки и Луэллин) в романе выступают разрушителями могилки. Ими движет любопытство, на поверхностном (сюжетном) уровне так организуется детективная интрига. Однако в общем контексте развития мотива смерти в романе обнаруживается более глубинная, архаическая семантика: и мужчины, и женщины утверждают жизнь, но мужчины – через акт насилия, разрушения, а женщины – через восстановление, воспроизведение. Разрушение мнимой могилы многократно и по разным поводам ассоциируется с эротическим актом, с насилием. Соседские мальчишки вскапывают мнимую могилу Эдны для того, чтобы обнаружить смерть (они ищут ‘гнилой череп Эдны’). Саша это комментирует в дневнике: «Выглядело это *противно истыдно...*» (курсив авторов статьи) [Элтанг, 2008, с. 8]. К образу мальчиков и в другом эпизоде привносится семантика потенциальных насильников. Они укради из поместья дочь Эдны Фенни, возвратившая девочку бабушка одного из них Гвеневер говорит Саше: «С ней ничего плохого не приключилось, уверяю тебя, ничего непоправимого» [Элтанг, 2008, с. 355]. Этот эпизод подтверждает гендерное распределение ролей в синонимичном в архаике смерти-воскресению мотивном комплексе ухода-возвращения: мальчики способствуют уходу Фенни во внешнее, потенциально опасное пространство, женщина – возвращению обратно домой.

Объясняя, почему прячет травник в земле, в «пустой могиле», Саша использует фредовский, восходящий к архаике образ, ассоциируя захоронение в земле с материнством [Элтанг, 2008, с. 321]. В этом контексте действия мальчиков, разворотивших кенотаф, и Луэллина, опустившего тайник, укравшего дневник-травник, соотносятся с физическим насилием, которое, по архаической логике, и разрушительно, и созида-

тельно, так как последствием может стать новая жизнь.

В целом, все рассмотренные варианты мотива мнимой смерти накладываются на солярную формулу, своеобразно описанную в «Первом письме Эдны Александрины Сонли. 2006», толи действительно написанным ею, толи фальсифицированным Сашей: «Помнишь то лето, когда мы с тобой строили баррикаду, чтобы остановить солнце?», «а солнце спокойно скользнуло поверху, и фыают!» [Элтанг, 2008, с. 94]. Саша констатирует, что Эдна, вопреки ожиданию окружающих, жива: «А Младшая не умерла, хотя все ее давно похоронили» [Элтанг, 2008, с. 88]. Кто и сколько бы не хоронил Младшую, она жива и более того в её образе концентрированно представлена семантика жизненности, эроса, побеждающего тонатос: Эдна предмет любовного интереса сестры и удачливая соперница, уводящая у Саши её женихов; уйдя из Клёнов, она возвращается обратно с востока (из Индии), связанного с жизнью, восходом. К мотиву возвращения присоединяется в её образе ещё один мотив преодоления смерти – в потомстве. Эдна пришла в Клёны с маленькой дочерью, и Саша полагает, что в ближайшее время и постоянно в их семье будет пополнение: «...нас быстро станет четверо, а то и пятеро, уж я-то свою сестру знаю» [Элтанг, 2008, с. 368].

Четвёртый вариант мотива мнимой смерти существенно отличается от первых трёх. Здесь речь не идёт о физической имитации, а о *ментальной и условно-текстовой репрезентации Эдны как погибшей*. В этом варианте мотива, как и в ранее рассмотренных, основными актантами вновь выступает Саша (в роли убийцы) и Эдна (в роли жертвы).

Для Элтанг использование этого мотива – способ, во-первых, построения и детективной, и любовной интриги; во-вторых, демонстрации манипулятивного потенциала и амбивалентной функции текста, который может выполнять роль и алиби, и улики, в-третьих, проявления философии авторства, создания художественного текста, цена которого – принесение в жертву персонажей; их смертью оплачивается рождение сюжета. Элтанг воплощает свою концепцию творчества в письме персонажа: «...ведь мы выдумываем новую реальность для того, чтобы аккуратно разрушить ее...», – пишет Саша [Элтанг, 2008, с. 251].

Повествовательная линия общения Саши с Луэллином по поводу исчезновения сестры про-

читывается метафорически: загадывания и отгадывания загадки, испытания невестой суженного и прохождения испытания потенциальным женихом. Мотив мнимой смерти здесь связан с мотивом судьбы: Луэллин пришёл в Каменные клёны, так как заключил пари с призраками двух отцов (своего и Сашиного), что разгадает тайну исчезновения Эдны, выяснит, убила ли её Саша. Саша, в свою очередь, намерена запутать Лу, которого жители Вишгарда приняли за инспектора полиции: «...ничего не поделаешь, мне придется запутать вас, как несуществующие питанцы из Спарты запутали Геродота...» [Элтанг, 2008, с. 90].

Его «расследование» осложняется тем, что после смерти собак Саша решила замолчать и общаться с окружающими посредством письменных текстов, а её дневники и письма – смесь правды и вымысла, частично написанные на незнакомом Луэллину русском языке. Детективная интрига является своеобразным способом построения интриги любовной, а расследование убийства мужа Дрины Дрессера способом познания Саши, которая выдумала этого «персонажа», как и сюжет об убийстве. Воплощение Сашей и чтение Луэллином сюжета о смерти оказывается жизнестроительным, приводит к сближению и воссоединению двух влюблённых: «Тогда мне казалось, что это забавно – дать ему сразу все улики, на глазах превращающиеся в книгу, будто русалочки слезы в гальку. Теперь мне кажется: я просто хотела, чтобы он задержался подольше» [Элтанг, 2008, с. 353].

В сюжетной линии и наррации Саши проявляются функции текста, подобные функциям земли в архаичных представлениях. Текст воплощает материнское начало, как в земле похороненное зерно превращается в новый росток, а мёртвая трава в удобрение, так и в творчестве принесённые в жертву персонажи рождают не только текст, но и новые отношения. А перенесённые из жизни в текст обида, гнев, ненависть переплавляются, освобождают место в жизни для любви: «Зачем я пишу дневники, вместо того, чтобы разговаривать вслух?

Затем же, зачем галлы, явившись на похороны, бросали в костер письма, адресованные мертвым.

Затем, что слова душат меня, не умея вырваться из моего тела, сорваться с распухшего, тяжелого от обиды языка. <...> Почему Гамлет медлит и не убивает короля? Не потому ли, что ему будет смертельно скучно жить без ненави-

сти....». И далее: «...Гамлет убьет короля, а я придумаю себе нового персонажа» [Элтанг, 2008, с. 251]. Луэллин, засомневавшийся, что смотритель Дрессер и сестра Саша существовали в действительности, пишет: «хотел бы я знать, жили ли эти двое вообще на белом свете, а может, и не хотел бы – главное, что этот мир умещается в ее дневнике, и он безвреден, хотя полон угольной тлеющей ненависти» (курсив авторов статьи) [Элтанг, 2008, с. 264]. Отчтываясь перед призраками двух отцов, Лу резюмирует: «эта женщина не способна причинить зла, она просто сочиняет истории» [Элтанг, 2008, с. 266].

Наконец, Саша многократно использует слова об убийстве сестры как метафоры, объясняющие взаимоотношения сестёр: «Я убила свою сестру, потому что она хочет быть хозяйкой и всюду сует свой нос.

Нет – я убила свою сестру, потому что она перестала быть красивой, и мне стыдно думать, что девять лет назад я целовала ее грудь и живот.

Нет – я убила свою сестру, потому что виновата перед ней...» [Элтанг, 2008, с. 368].

Из приведённой цитаты можно выделить несколько смыслов «убийства» Эдны. Во-первых, это метафора попытки избавления от негативных эмоций. Условное убийство сестры в тексте обусловлено, как выразился в письме к Саше её бывший жених Дэффидд Монмут, «антиничн^{ым} чувство^м вины» [Элтанг, 2008, с. 305], желанием избыть вину перед Эдной. Но это чувство соединено с другими, с ощущением виновности Эдны перед ней. Приход «младшей» в Каменные клёны ознаменовал появление мачехи и как бы предательство отца, утрату его безусловной любви и защиты, а вместе с этим выход из детства.

Во-вторых, «младшая» лишила Сашу чувства устойчивости существования, цельности. Сводная сестра – потенциальная наследница, из-за которой Саша боится лишиться родительской усадьбы. Причина этих эмоций не корысть, а страх утраты фамильного дома, места связи с умершими родителями, со своим прошлым. Кроме этого, Эдна посягнула на то, что определяло личностную уникальность центральной героини: потребовала себе Сашину имя, и родители позволили ей называть себя Александриной (отсюда второе имя Дрина). Поэтому фантазия об убийстве сестры связана с комплексом ‘идентификационных’ мотивов (двойничества, раздвоенности, соперничества, гомосексуализма и андрогинии): «Вот и я <...> так привыкла к Млад-

шей, что сама стала Младшей, я впитала ее полностью...» [Элтанг, 2008, с. 165]; «А Младшая не умерла, <...> Она просто раскололась посередине – будто говорящий камень Алекс Лавар...» [Элтанг, 2008, с. 88]. Саша в дневнике признаётся, что испытывала эротическое влечение к сводной сестре, и любовь воспринималась ею как альтернатива желанию убить: «...часы Младшей тикали там, внутри ее тела <...> На мгновение ей захотелось сжать руками горло сестры, чтобы остановить ее часы» [Элтанг, 2008, с. 62].

В-третьих, вернувшаяся Дрина перестала быть ребёнком, подростком, «обратилась в Хедду» (то есть в свою мать, в ненавистную Саше мачеху). Смерть Младшей – метафора исчезновения прежней девочки и девушки, проявление онтологической закономерности взросления: «Младшая перестала быть младшей...» [Элтанг, 2008, с. 250].

Наконец, мысль об убийстве проявляет желание Саши освободиться от тяжёлых воспоминаний, которые подпитывают негативные эмоции: «...проще всего убить ее именно так, как все они этого хотели. Убить и закопать в саду. Две вещи, к которым я одновременно потеряла интерес – Младшая и мои воспоминания о ней, – достойны быть похороненными вместе...» [Элтанг, 2008, с. 337].

Но и этот вариант мотива мнимой смерти завершается утверждением жизни, что проявляется к отсылке к образу Осириса, бога и загробного мира, и плодородия в древнеегипетской мифологии. Саша перестаёт поить Эдну сонными травами и признаёт в ней «прежнюю девочку, будто Осириса в вересковом стволе...» [Элтанг, 2008, с. 383].

Мотивы смерти и возрождения в поэтике финала

Вернувшись, Луэллин видит, что одежда хозяйки Клёнов запятнана кровью, он предполагает, что Саша совершила настоящее убийство: «она все-таки сделала это, она сделала это, бедная девочка, скажи же мне, Эвтифон, что называешь ты святым и что несвятым? – святым я называю именно то, что теперь делаю, то есть – преследую убийцу» (курсив Элтанг – Е.П., О.В.) [Элтанг, 2008, с. 387]. Всплывшая в его памяти цитата из «Евтифона» Платона знакома, так как в этом диалоге с Сократом акцентируется тема амбивалентного понимания высшего закона (святыни) и морали, мнимой неоспоримости того, что принимается за истину

и правду. Дальнейшее общение Лу с Сашей построено на принципе сократовского диалога.

Весь финальный эпизод возвращения Луэллина в Клёны и его общения с Сашей представляет противоборство двух мотивов – смерти и жизни.

Луэллин заходит в комнату, и ему во всём видится смерть: в углу, на ковре «лежало что-то темное, *мертвое, скомканное*» (курсив здесь и далее авторов статьи) [Элтанг, 2008, с. 388], а на самом деле там находилась собака-роженица. И щенки ему вначале кажутся неживыми: «доставая из собаки что-то скользкое и с виду *совсем неживое*» [Элтанг, 2008, с. 389]. Саша буквально помогает рождению, из с виду неживого высвобождает жизнь: «она *взяла неживое*, разрезала его, достала оттуда маленькую, мокро блестящую собаку» [Элтанг, 2008, с. 389]. Даже держа в руках новорожденного, Луэллин использует ассоциации со смертью: «глаза его были зажмулены, как будто он *насмерть* перепугался» [Элтанг, 2008, с. 389].

Амбивалентность ситуации рождения поддерживается аллюзиями: собаку зовут Ку-ши – как мифологического пса, считавшегося предвестником смерти, но Саша так назвала беременную собаку, что меняет семантику образа на предвестника жизни: «она сунула мне горячих влажных щенков, и я замолчал, застыв с ними наподобие античной фигуры с двумя гроздьями винограда» [Элтанг, 2008, с. 390]. Описание отсылает к фигуре Диониса, бога плодородия, которого часто изображали с виноградом в руках.

В образе Саши же концентрировано воплощена семантика жизни. Она вернулась к речи, «засмеялась», сосредоточена на принятии родов у собаки. Поэтому фразу Луэллина «che la mia ferita sia mortale» («да будет моя рана смертельна – <...> ритуальная надпись на ноже для вендетты») она не слышала: «да будет моя что смертельной? рассеянно спросила саша, щенок в ее руках встрепенулся и издал слабый птичий свист» (курсив Элтанг – Е.П. О.В.); «живой! сказала саша и подышала щенку в нос» [Элтанг, 2008, с. 390].

У Ку-ши рождаются три щенка как бы взамен двух умерших Сашиных собак и погибшего щенка Лу.

Кроме конкретного смысла торжества жизни в факте рождения щенков, финал содержит разрешение в той же логике центральных мотивов романа, связанных со смертью. Луэллин повторяет «про себя все, что хотел сказать, будто

строчки илиады перед экзаменом» [Элтанг, 2008, с. 387]. Упоминание «Илиады», центральными темами и мотивами которой являются гнев и месть, перекликается с основным пафосом речи Луэллина, обращённой к Саше, но напрасно, так как она уже завершила свой сюжет противоборства с сестрой, поэтому фраза о вендетте, которая ранит и мстящего, уже не актуальна, Саша её не слышала.

Луэллин просит у Саши прощения, сравнивая его с обновлением, торжеством жизни, с восстановлением космического порядка через отсылку к мифу о похищении и возвращении богини плодородия Идунн и её молодильных яблок: «простить – это как вернуть на место украденные яблоки идунн, без которых даже боги старели и умирали, понимаете?» [Элтанг, 2008, с. 390].

Луэллин также говорит об исчерпанности своих чувств вины и страха. Он рассказывает о своей поездке в Бэксфорд, где умер отец, сосредоточие его вины, его неспособности двигаться *вперёд*, пока он не побывал в городе «со словом *назад* внутри названия» (курсив авторов статьи). Посещение дома отца имеет инициальный смысл и соотносится с хождением в царство мёртвых, возвращение из которого меняет его статус на героя, способного снять сонные чары с Каменных клёнов и изменить судьбу Саши (как ей в девичестве предсказала мать).

Луэллин признаётся, что призраки двух отцов покинули его: «они покинули меня, оба! и я подумал о вас, ведь, если бы не ваша злость, я не уехал бы в бэксфорд, а теперь, когда я вернулся оттуда, мне так странно и свежо, как в зарослях мокрого дрока, после ночного дождя, понимаете?» [Элтанг, 2008, с. 390–391].

Во время принятия родов у Саши «волосы расплелись», и эта деталь является аллюзивным элементом, отсылающим к славянской традиции расплетения косы в знак прощения с девичеством перед вступлением в брак. Молчание завершается речью, одиночество – воссоединением возлюбленных, месть и злость – прощением, вина – освобождением, а смерть – жизнью.

Заключение

Проведённый анализ доказывает, что мотив смерти является центральным в романе и реализуется в разных вариантах в паре с мотивом жизни. Как отметил Р. Л. Красильников, наиболее часто мотив смерти завершает сюжет или сюжетную линию персонажа [Красильников, 2011]. У Элтанг же используется реверсивная схема:

сюжет начинается со смерти, а завершается торжеством жизни. Эта общая логика поддерживается развитием вариантов мотива смерти. Более того, в содержательной структуре самого мотива мортальная семантика уравновешивается витальной. Значимую роль в этом играет архаический интертекст, аллюзии на фольклорные и мифологические образы, объединяющие в себе смыслы и смерти, и жизни.

Понятийная система центральных персонажей совпадает с авторской, что является знаком модернистского отсутствия «вненаходимости» автора. Персонаж транслирует авторское понимание смерти, жизни, любви, сущности творчества и процесса рождения писателя.

Неомодернистской является поэтика интертекстуальности в романе: перенасыщенность повествования аллюзиями «собирает» образ персонажа, живущего в мировой культуре и текстах больше, чем в социальной и исторической действительности. Обращение к архаическому мифу и фольклору не носит характер деконструкции; вся ткань мировой культуры является «своим» текстом, безопасным, освоенным «домом бытия».

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Категории поэтики в смене литературных эпох / С. С. Аверинцев, М. Л. Андреев, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер, А. В. Михайлов // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Сб. статей. Москва : Наследие, 1994. С. 3–38. URL: <https://forlit.philol.msu.ru/libru/history-poetic> (дата обращения: 24.07.2025).
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Москва : Высшая школа, 1989. 404 с.
3. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: очерки русской литературы XX века. Москва : Наука: Восточная литература, 1994. 304 с.
4. Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян / пер. с фр. под ред. С. П. Моравского. Санкт-Петербург : Издание Л. Ф. Пантелеева, 1899. URL: <https://textarchive.ru/c-1231231-pall.html> (дата обращения: 12.06. 2025).
5. Данилова Ю. Н. Возникновение вины и стыда в архаичных и древних культурах // Вестник Курганского государственного университета. 2016. № 1 (40). С. 50–53.
6. Житенев А. А. Порождающие модели и художественная практика в поэзии неомодернизма 1960-х – 2000-х гг. Воронеж, 2012. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01005092614.pdf (дата обращения: 02.08. 2025).
7. Житенев А. А., Стрельникова Е. С. Нео-мифология: опыт уточнения современной исследовательской терминологии // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 5. С. 302–319.
8. Зайнуллина И. Н. Миф в русской прозе конца XX – начала XXI веков. Казань, 2004. 24 с.
9. Кликс Ф. Пробуждающее мышление: У истоков человеческого интеллекта. Москва : Прогресс, 1983. 302 с.
10. Красильников Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе. Москва, 2011. 53 с.
11. Кривонос В. Ш. Миф в западноевропейской литературе и культуре // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 2–3. С. 835–837.
12. Лотман Ю. М. Смерть как проблема сюжета // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. Москва : Гнозис, 1994. С. 417–431.
13. Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. Москва : Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2001. 169 с.
14. Мифы народов мира: энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. Москва : Советская Энциклопедия, 1980, 2008. 1147 с.
15. Михайлова Г., Самойленко А. Художественная картина мира в романе Лены Элтанг «Каменные клёны» // Literatura. Вильнюс. Вильнюсский университет. 2013. С. 91–105.
16. Неклюдов С. Ю. О структуре и семантике мотива // Фольклорный мотив: инструмент анализа и объект изучения: материалы Международного круглого стола (Москва, РГГУ, 23–24 апреля 2021 г.) / сост.: О. Б. Христофорова, В. А. Черванёва. Москва : РГГУ, 2021. С. 23–25.
17. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования). Москва : Лабиринт, 2000. 185 с.
18. Силантьев И. В. Теория мотива и проблемы мотивного анализа. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2024. 368 с.
19. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. Москва : Аспект Пресс, 1996. 334 с.
20. Турышева О. Н. Мотив как «трамплин интертекстуальности» // Сюжетология и сюжетография. 2017. № 2. С. 5–13.
21. Урицкий А. Переводные картинки, или борьба с небытием // Новое литературное обозрение. 2010. № 104. С. 27–28.
22. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.
23. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / под ред. Н. В. Брагинского. Москва : Лабиринт, 1997. 448 с.
24. Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. Москва, Санкт-Петербург : Университетская книга, 1999. 356 с.

Reference list

1. Averincev S. S. Kategorii pojetiki v smene literaturnykh jepoh = Categories of poetics at the turn of literary

- epochs / S. S. Averincev, M. L. Andreev, M. L. Gasparov, P. A. Grincer, A. V. Mihajlov // Istoricheskaja pojetika. Literaturnye jepohi i tipy hudozhestvennogo soznanija. Sb. statej. Moskva : Nasledie, 1994. S. 3–38. URL: <https://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/history-poetic> (data obrashhenija: 24.07.2025).
2. Veselovskij A. N. Istoricheskaja pojetika = Historical poetics. Moskva : Vysshaja shkola, 1989. 404 s.
3. Gasparov B. M. Literaturnye lejtmotivy: ocherki russkoj literatury XX veka = Literary leitmotifs: essays on XX century Russian literature. Moskva : Nauka: Vostochnaja literatura, 1994. 304 s.
4. Giro P. Chastnaja i obshhestvennaja zhizn' rimljan = The Romans' private and public life / per. s fr. pod red. S. P. Moravskogo. Sankt-Peterburg : Izdanie L. F. Panteleeva, 1899. URL: <https://textarchive.ru/c-1231231-pall.html> (data obrashhenija: 12.06. 2025).
5. Danilova Ju. N. Vozniknovenie viny i styda v arhaichnyh i drevnih kul'turah = Origins of guilt and shame in archaic and ancient cultures // Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 1 (40). S. 50–53.
6. Zhitenev A. A. Porozhdajushchie modeli i hudozhestvennaja praktika v poezii neomodernizma 1960-h – 2000-h gg. = Generative models and artistic practice in neomodernist poetry of the 1960s-2000s. Voronezh, 2012. URL: https://new-dissser.ru/_avtoreferats/01005092614.pdf (data obrashhenija: 02.08. 2025).
7. Zhitenev A. A., Strel'nikova E. S. Neo-mifo-logika: opyt utochnenija sovremennoj issledovatel'skoj terminologii = Neo-mytho-logic: experience in clarifying modern research terminology // Nauchnyj dialog. 2022. T. 11. № 5. S. 302–319.
8. Zajnullina I. N. Mif v russkoj proze konca HH – nachala XXI vekov = Myth in Russian prose in late XX – early XXI centuries. Kazan', 2004. 24 s.
9. Kliks F. Probuzhdajushhee myshlenie: U istokov chelovecheskogo intellekta = Awakening thinking: the roots of human intelligence. Moskva : Progress, 1983. 302 s.
10. Krasil'nikov R. L. Tanatologicheskie motivy v hudozhestvennoj literature = Thanatological motifs in fiction. Moskva, 2011. 53 s.
11. Krivonos V. Sh. Mif v zapadnoevropejskoj literature i kul'ture = Myth in Western European literature and culture // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2012. T. 14. № 2-3. S. 835–837.
12. Lotman Ju. M. Smert' kak problema sjuzheta = Death as a plot problem // Ju. M. Lotman i tartusko-moskovskaja semioticheskaja shkola. Moskva : Gnozis, 1994. S. 417–431.
13. Meletinskij E. M. Ot mifa k literature = From myth to literature. Moskva : Izdatel'skij centr Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 2001. 169 s.
14. Mify narodov mira = Myths of the world : jenciklopedija / gl. red. S. A. Tokarev. Moskva : Sovetskaja Jenciklopedija, 1980, 2008. 1147 s.
15. Mihajlova G., Samojlenko A. Hudozhestvennaja kartina mira v romane Leny Jeltang «Kamennye kljony» = The literary picture of the world in Lena Eltang's novel Stone Maples // Literatura. Vil'njus. Vil'njusskij universitet. 2013. S. 91–105.
16. Nekljudov S. Ju. O strukture i semantike motiva = On structure and semantics of motif // Fol'klornij motiv: instrument analiza i ob'ekta izuchenija: materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola (Moskva, RGGU, 23–24 aprelja 2021 g.) / sost.: O. B. Hristoforova, V. A. Chernyova. Moskva : RGGU, 2021. S. 23–25.
17. Propp V. Ja. Russkie agrarnye prazdniki (Opyt istoriko-jetnograficheskogo issledovanija) = Russian agricultural holidays (Experience of historical and ethnographic research). Moskva : Labirint, 2000. 185 s.
18. Silant'ev I. V. Teorija motiva i problemy motivnogo analiza = Theory of motif and motif analysis problems. Moskva : Izdatel'skij Dom JaSK, 2024. 368 s.
19. Tomashevskij B. V. Teorija literatury. Pojetika = Theory of literature. Poetics. Moskva : Aspekt Press, 1996. 334 s.
20. Turysheva O. N. Motiv kak «trampolin intertekstual'nosti» = Motif as a «springboard for intertextuality» // Sjuzhetologija i sjuzhetografija. 2017. № 2. S. 5–13.
21. Urickij A. Perevodnye kartinki, ili bor'ba s nebytiem = Transfer pictures, or the struggle against non-existence // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. № 104. S. 27–28.
22. Frejdenberg O. M. Mif i literatura drevnosti = Myth and Ancient literature. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 1998. 800 s.
23. Frejdenberg O. M. Pojetika sjuzheta i zhanra = Poetics of plot and genre / pod red. N. V. Braginskogo. Moskva : Labirint, 1997. 448 s.
24. Jeliade M. Tajnye obshhestva. Obrjady iniciacii i posvjashchenija = Secret societies. Rites of initiation and ordination. Moskva, Sankt-Peterburg : Universitetskaja kniga, 1999. 356 s.

Статья поступила в редакцию 27.09.2025; одобрена после рецензирования 16.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 27.09.2025; approved after reviewing 16.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Медиакоммуникации и журналистика

Научная статья

УДК 81'42:659.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-51

EDN: JFLVFF

Стилевая диффузия медиатекстов в эпоху маркетизации дискурса СМИ

Лариса Владимировна Ухова

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

larissauchowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6502-2540>

Аннотация. Современный медиатекст, и журналистский в том числе, неизбежно становится единицей продвигающих коммуникаций, в котором используется, с одной стороны, уже сложившийся арсенал языковых средств (языковой инструментарий), обслуживающих маркетинговый дискурс (семантические пресуппозиции, вопросительные конструкции с имплицитной семантикой, имплицитная логическая связь, опровержение скрытого тезиса, апелляция к авторитетам и фонду общих знаний, коммуникативно-стилевая мимикрия и т. д.), а с другой – характерные для маркетинговой лингвистики смысловые и лексико-грамматические атTRACTоры и психологические триггеры.

В поле продвигающих коммуникаций устойчиво функционируют как продвигающие, так и продающие медиатексты, грань между которыми постепенно стирается. Процесс создания продающего текста крайне алгоритмизирован: текст имеет устойчивую структуру, очевидный и нарочитый набор вербальных и психологических приемов привлечения и удержания внимания адресата, понуждения к принятию решения. Продвигающий же текст, имея целью сформировать доверие адресата к заложенной в тексте информации и, в идеале, долгосрочные взаимоотношения, имеет специфические закономерности текстопорождения: в этом случае задача копирайтера – не спугнуть и не отпугнуть целевую общественность, а максимально корректно вовлечь ее в процесс создания положительного имиджа субъекта / продукта / услуги, и если и воздействовать на адресата, то за тщательно создаваемой иллюзией объективности.

Наблюдения последних лет показывают, что даже новостной медиатекст все чаще приобретает черты не продвигающего, а продающего текста, что, по мнению автора, свидетельствует о неизбежной маркетизации дискурса СМИ, когда активно используется имплицитная информация, на основе которой строится прием латерального (побочного) программирования – воздействие на человеческое поведение в обход сознания и воли адресата.

Ключевые слова: медиадискурс; медиатекст; стилистика медиатекста; маркетинговый дискурс; маркетинговая лингвистика; продвигающие коммуникации; продвигающий текст; продающий текст; новостной медиатекст; маркетизация дискурса СМИ

Для цитирования: Ухова Л. В. Стилевая диффузия медиатекстов в эпоху маркетизации дискурса СМИ // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 51–59. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-51>. <https://elibrary.ru/JFLVFF>

Media communication and journalism

Original article

Style diffusion of media texts in the time of media discourse marketization

Larisa V. Ukhova

Doctor of philological sciences, associate professor, professor at the department of journalism and media communications, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

larissauchowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6502-2540>

Abstract. Modern media text, including journalistic text, is inevitably becoming a part of promotional communications. On the one hand, it uses an already existing arsenal of linguistic means (language tools) in marketing discourse (semantic presuppositions, interrogative constructions with implicit semantics, implicit logical connection, refutation of a hidden thesis, appeal to authorities and to general knowledge, communicative and stylistic mimicry, etc.). On the other hand, there are semantic and lexical-grammatical attractors and psychological triggers characteristic of marketing linguistics. Both promotional and selling media texts function steadily in the field of promotional communications, and the boundary between them is gradually disappearing. Creating a sales text is highly algorithmic: the text has a stable structure, an obvious and deliberate set of verbal and psychological techniques to attract and hold the addressee's attention, to encourage decision making. The promotional text, aiming to build the addressee's trust in the information contained in the text and, ideally, long-term relationships, has specific patterns of text generation: the copywriter's task is not to frighten or scare off the target audience, but to involve them properly in the process of creating a positive image of the subject / product / service, and, if the text is to influence the addressee, it should create an illusion of objectivity. Recent observations show that even the news media text is acquiring more and more features of a selling text rather than a promotional one, which, according to the author, indicates the inevitable marketization of media discourse, with active use of implicit information, on the basis of which a lateral (side) programming is based – to influence human behavior bypassing the addressee's consciousness and will.

Key words: media discourse; media text; media text stylistics; marketing discourse; marketing linguistics; promotional communications; promotional text; selling text; news media text; media discourse marketization

For citation: Ukhova L. V. Style diffusion of media texts in the time of media discourse marketization. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2025;(4):51–59. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-51.https://elibrary.ru/JFLVFF>

Постановка проблемы. В современных исследованиях журналистский текст принято обозначать термином «медиатекст», подчеркивая его неразрывную связь с различными типами мас-медиа, а не только с печатными СМИ, поскольку медиатекст передается по различным медийным каналам. К медиатекстам относятся телетексты, радиотексты, печатные тексты, рекламные тексты и, в том числе, интернет-тексты [Клушина, Иванова, 2017, с. 121–122]. Но сегодня журналистика является отнюдь не единственной профессией, поставляющей содержание для СМИ. Безусловно, она сохраняет свои традиционные черты и предметную деятельность, предполагающую одновременно и выполнение профессиональных обязанностей, и реализацию творческого потенциала, и социальную активность. Однако в данном случае за пределами внимания все-таки остается системная и целенаправленная деятельность компаний СМИ по организации производства комплекса медиатекстов, по приятию медиатекстам законченной медиаформы, по их дальнейшему распространению.

В связи с этим представляется актуальным разделить понятия «СМИ» и «журналистика», с одной стороны, по сфере функционирования, с другой – по их сущности. Журналистика – профессия очень конкретная, прикладная. Задача журналиста очевидна: найти новость, изложить ее в том виде, в каком это требуется для конкретного органа СМИ, и в принципе на этом она может считаться выполненной. Встроить эту но-

вость в более широкий информационный контекст, передать ее затем аудитории должен уже не журналист, а редакция, медиаорганизация, – канал СМИ.

Журналистика применительно к СМИ – это, безусловно, прежде всего содержание, или контент, но это профессия и вид профессиональной (творческой) деятельности, на которую опирается социальная система, являющаяся одновременно мощнейшей отраслью современной экономики. Понятие «СМИ» сегодня описывает индустрию, систему производства содержания (от создания до упаковки) и отчасти организации каналов по его распространению. А особенностью медиаиндустрии всегда был и остается высокий уровень индустриализации.

Журналисты как важнейший сегмент на рынке труда в медиаиндустрии занимаются созданием содержания (контента). Однако сегодня не только журналисты занимаются производством медиатекстов. Новости, документальные фильмы, аналитические программы сегодня мирно соседствуют с рекламными материалами, художественными фильмами, развлекательными шоу и т. д. Анализируя сегодня положение журналистских текстов, содержания, произведенного журналистами в СМИ, мы понимаем, что их необходимо встраивать в более широкий контекст сферы производства содержания / информации. Основываясь на индустриальном подходе к СМИ, декан факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, медиаэкономист Елена Леонидовна Вартанова, предлагает рассматри-

вать сами СМИ частью формирующегося кластера индустрий (производства) содержания, в котором журналисты только частично выполняют задачи создания, обработки, распространения и хранения информации [Вартанова, 2009].

Но есть еще и другая сторона медали – потребитель этой информации. Ситуация такова, что все важные политические решения современный человек «сверяет» со СМИ. Личного опыта или времени оказывается недостаточно для того, чтобы сформировать мнение или отношение к событию / явлению действительности, и СМИ, как самые близкие, доступные и распространенные источники информации, начинают играть в процессе выбора важную роль. Это с одной стороны.

С другой – само содержание СМИ приобретает ценность в процессе «потребления» его аудиторией. Присутствие человека в медиапространстве означает одновременно и удовлетворение его медиапросов, и вовлечённость его в процессы потребления. В результате, по словам Е. Л. Вартановой, наш современник из человека «экономического и социального» постепенно превратился в «человека медийного» (*homo mediatus*), и это становится сегодня важнейшей особенностью общества. «Человек медийный» – это член общества, бытие которого определяется и в значительной степени формируется содержанием СМИ как продуктом, производимым отдельной отраслью современной экономики – медиаиндустрией – и потребляемым в процессах массовой / социальной коммуникации, а также коммуникационными отношениями и интересами индивида [Вартанова, 2009]. Следовательно, мировоззрение современного человека, его мнения, оценки и даже убеждения во многом формируются именно благодаря средствам массовой информации, а последние, в свою очередь, еще и очень умело манипулируют этим общественным мнением.

Обсуждение проблемы. Но, несмотря на все вышеизложенное, речь в статье пойдёт именно о журналистике, которая, являясь традиционной компонентой массовой коммуникации, сегодня существует в пространстве массмедиа с рекламой и PR. В отличие от других форм массовой коммуникации (например, кинематографа) функционирование журналистики, рекламы и PR очень взаимосвязано, и отсутствие или ограниченное функционирование одной из этих родственных сфер принципиально влияет на состояние двух других. Они обречены на взаимное со-

трудничество прежде всего потому, что работа журналистов, рекламистов и PR-специалистов тесно связана с информацией. Однако качество этой информации в каждом случае разное [Основы ..., 2017, с. 36].

Основная характеристика журналистской информации по сравнению с рекламной и PR-информацией – ее релевантность, то есть возможность и необходимость наиболее полного и адекватного аудитории информирования о социальных субъектах и процессах. Рекламная и PR-информация представляет собой инициированные (субъектами рекламы и PR), селективные (отобранные) и оптимизированные (наиболее выгодно представляющие заказчика информации) сведения о чем-либо [Кривоносов, 2002, с. 153].

Журналистика – это искусство оперативной передачи и обработки информации. Новостной журналист отличается от остальных тем, что должен передавать информацию без искажений. Он – транслятор информации. Это не значит, что он только повторяет то, что сообщают новостные агентства или очевидцы события. Скорее, он старается осветить одно и то же событие с нескольких точек зрения, давая адресату возможность самому сделать выводы. Для того чтобы читатель / слушатель / зритель располагал всей необходимой информацией, новостной журналист использует разные инструменты: он может изложить факты в определенном порядке, указать на нестыковки в сообщениях источников, наконец, напомнить адресату о предыстории происходящего, чтобы тот понял, в каком направлении развиваются события.

Итак, информация – это совокупность фактов, событий, явлений. Задачей журналиста является поиск социально значимой информации, ее обработка по канонам журналистского творчества и размещение в средствах массовой информации. Однако сегодняшние новости, которые транслируются по каналам как федерального, так и регионального уровней, резко отличаются о того новостного материала, который мы воспринимали еще 10–15 лет назад, и объясняется это, на наш взгляд, неизбежной маркетизацией дискурса современных СМИ.

Под маркетизацией понимается процесс, включающий несколько элементов в общем виде: **коммодификацию** – превращение объекта в вещь для использования, встраивание её в мир актора, **квалификацию**, то есть выделение значимых характеристик, характеризующих его в ка-

честве блага; *стандартизацию* – процесс превращения качественных характеристик блага в измеряемые количественные оценки, сопряжённый, в том числе, с использованием различных текстов, дискурсов и нарративов; *определение цены* – процесс, сопряжённый со столкновением противоречивых определений и оценок благ и выработкой механизмов ценообразования [Жукова, 2018]. Очевидно, что в нашем случае в качестве такого блага выступает информация, которая в маркетинге наряду с физическими объектами, услугами, лицами, организациями, идеями является тем, что может удовлетворить нужду или потребность и предлагается рынку в целях привлечения внимания, приобретения, использования или потребления; сочетанием материальных и нематериальных компонентов, объединенных с целью предоставления потребителям того, что они хотели бы иметь, то есть товаром [Котлер, 1996]. Что касается журналистского текста, то наблюдения за новостным дискурсом региональных СМИ последних лет свидетельствуют об очевидной его маркетизации, когда активно используется имплицитная информация, на основе которой строится прием латерального (побочного) программирования – воздействие на человеческое поведение в обход сознания и воли адресата [Имплицитность в языке и речи ..., 1999]. Журналистика все чаще приобретает черты «продвигающих» коммуникаций [Кара-Мурза, 2015], а медиатекст – черты продвигающего / продающего текста [Ухова, 2018, с. 283]. И если черты продвигающего текста в новостном контенте являются отчасти оправданными, поскольку латентной задачей любого СМИ является формирование имиджа региона, то в продающем тексте СМИ угадывается так называемая «джинса» (коммерческий заказной материал, имеющий вид журналистского текста) – сленговое словечко, которое всё чаще звучит в последнее время при оценке различных новостных сюжетов.

Результаты анализа. Итак, «продающий» текст должен склонить потребителя к нужному для актора действию (покупке / повторной покупке), поэтому при текстопорождении не следует забывать о том, кому он предназначается, *какие потребности* может удовлетворить и *какую выгоду* получит аудитория при его покупке.

Известная с античности композиция готового текста: Exordium (вступление), Narratio (изложение), Confirmatio (утверждение), Peroratio (заключение) – в «продающем» тексте напоминает

классическую модель рекламного воздействия AIDA (Attention – внимание, Interest – интерес, Desire – желание, Action – действие):

1. *Exordium* (вступление). Начните с интригующего заявления, которое привлечет внимание целевой аудитории.

2. *Narratio* (изложение). Озвучьте проблему, которая имеется у читателей / слушателей и которую сможет решить ваш продукт.

3. *Confirmatio* (утверждение). Пообещайте решение, подкрепив обещание убедительными доказательствами.

4. *Peroratio* (заключение). Назовите преимущества, которые получит человек, воспользовавшийся вашим предложением, и призовите к действию.

Следовательно, при желании практически любой человек, воспользовавшись такими незатейливыми рекомендациями и предложенными шаблонами, может создать продающий текст для своего товара / услуги с целью их сбыта, если, конечно, не воспользуется возможностями искусственного интеллекта (далее – ИИ), грамотно сформулировав промт (от англ. «prompt» – текстовая команда или описание, которое используется для генерации контента). В качестве эксперимента мы предложили **чат-боту с генеративным искусственным интеллектом ChatGPT** создать текст для мастерской художественной ковки «Вакула», которая решила расширить свои возможности за счет вновь созданного сайта-визитки. Речь идет о тексте для главной страницы сайта «О компании» (см. Пример 1).

Пример 1

Мастерская художественной ковки «Вакула»

Добро пожаловать в мастерскую художественной ковки «Вакула»! Мы рады представить вам уникальные изделия, созданные с любовью и мастерством. Наша мастерская была основана с целью вернуть традиции ковки в современный мир, сочетая древние технологии с современным дизайном. Каждое изделие, которое мы создаем, – это не просто предмет, а настоящая часть искусства, которая обладает душой и характером.

О нас

Мастерская «Вакула» получила свое название в честь знаменитого кузнеца и художника. Мы гордимся тем, что в нашем коллективе работают профессионалы с многолетним опытом в ковке, дизайне и искусстве. Наша команда состоит из мастеров, которые владеют как традиционными методами

Л. В. Ухова

ковки, так и современными технологиями, позволяющими создавать уникальные и функциональные изделия.

Мы не просто изготавливаем предметы, мы создаем атмосферу. Наша цель – превратить каждое изделие в произведение искусства, которое будет вдохновлять и радовать своих владельцев.

Наши услуги

Мастерская «Вакула» предлагает широкий спектр услуг в области художественной ковки:

- **Изготовление ворот и заборов.** Создайте стильный и безопасный вход на вашу территорию с помощью наших оригинальных ворот и заборов, которые подчеркнут индивидуальность вашего дома.
- **Кованая мебель.** Мы изготавливаем уникальную кованую мебель для вашего интерьера. Обеденные столы, стулья, лестницы и другие элементы обстановки – всё это можно заказать в нашей мастерской.
- **Декор для интерьера.** Искусно выполненные кованые подсвечники, каблучки для окон, статуэтки и другие элементы декора привнесут в ваш дом уют и стиль.
- **Кованые детали для архитектуры.** Мы разрабатываем и изготавливаем детали, которые гармонично впишутся в архитектурные проекты. Оригинальные перила, балконы и арки создадут неповторимый облик вашего здания.
- **Индивидуальные заказы.** Мы всегда открыты новым идеям и готовы воплотить в жизнь ваши самые смелые пожелания! Каждый проект рассматривается индивидуально.

Почему выбирают нас?

Мы ценим качество и внимание к деталям. Используя только высококачественные материалы, мы гарантируем долговечность и надежность каждого изделия. Наши мастера тщательно работают над каждым элементом, чтобы вы получили именно то, что хотите. Мы рады предложить конкурентоспособные цены и гибкие условия сотрудничества.

Контакты

Понравилась наша работа? Хочите обсудить свой проект? Свяжитесь с нами! Мы находимся в (указан адрес), и будем рады вас видеть. Вы можете также позвонить нам по телефону (указан телефон) или написать на электронную почту (указан e-mail).

Мастерская художественной ковки «Вакула» – это вдохновение, творчество и качество в каждом изделии!

Давайте вместе создавать красоту!

В течение недели созданный ИИ текст занял 7 строчку в поисковой системе Яндекс (вошел в топ-10), причина чему видится только в том, что этот текст не вполне соответствует условиям, выдвинутым заказчиком (текст должен быть уникальным и иметь объем не менее 400 слов),

что связано с дальнейшей оптимизацией текста на сайте.

Отметим, что нужную аттрактивность и привлекательность придают «продающему» тексту триггеры – психологические приемы, которые мотивируют слушателя на конкретное действие здесь и сейчас. Чаще других используются следующие:

«Однозначность»: надо предоставлять слушателю однозначную информацию с первых же секунд; это облегчит ему понимание информации и мотивирует на дальнейшее взаимодействие;

«Сделаем за вас»: не надо заставлять слушателя напрягаться; чем больше он думает и размышляет, тем меньше шансов, что воспользуется вашим товаром или услугой;

«Стадность»: необходимо упомянуть, сколько клиентов купили услугу / продукт, усилив фразу словом «уже»; если слушатель поймет, что он не один и многие уже успешно работают с вами, он решит, что ему тоже стоит попробовать;

«Индивидуальность»: этот триггер, напротив, базируется на желании человека как-то выделяться, почувствовать себя исключительным, поэтому надо апеллировать к чувству превосходства, играть на его тщеславии;

«Жадность»: необходимо показать слушателю, какую выгоду он упустит, если немедленно не воспользуется вашим предложением; это подтолкнет его к действию;

«Дедлайн»: ограниченное время – сильный триггер. Потенциальный покупатель понимает: если не успеть сейчас, такого предложения больше не будет;

«Недоверие»: человеку свойственно сомневаться, не доверять, а проверять. А для этого свои слова следует подтверждать официальными документами (сертификаты качества, лицензии, дипломы, премии, портфолио) – это лучшее доказательство вашей компетентности.

Главное, чтобы триггеры были правдивыми (демонстрируете сертификаты – они должны быть подлинными), не были обильными (не следует использовать все известные триггеры в одном тексте), навязчивыми и не отвлекали от основной информации, а дополняли ее.

По такой схеме строится, как правило, традиционный рекламный текст. Но особой аттрактивностью обладает рекламный жанр житейской истории – вид драматизированной рекламы, для которого характерно наличие сюжета, причем различные сюжетные варианты развиваются, как правило, по одной схеме, описанной в книге

В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» [Пропп, 2009]. Базисными элементами этой схемы являются **беда, герой, волшебное средство** и др. В начале текста описывается проблемная ситуация (беда), которая является отправной точкой развития сюжета. Беда предстает в различных формах и обличиях. Герой должен преодолеть беду с помощью некоего волшебного средства. «Давая в руки героя волшебное средство, сказка достигает своей кульминации. С этого момента развязка уже видна...» [Пропп, 2009, с. 166].

Нarrативная схема драматизированной рекламы развивается в пяти основных частях: 1) вводное утверждение; 2) актуализация драматического момента; 3) появление «героя» и / или «волшебного средства»; 4) аргументация; 5) генерализация аргументации и представление товара / услуги / организации. Безусловно, некоторые элементы могут и отсутствовать (в частности, не всегда в рекламе используется введение), однако общая схема, как правило, соблюдается [Аниськина, Колышкина, 2010]. В журналистике тоже есть жанр житейской истории, но в новостном контенте она чаще всего приобретает черты именно рекламного жанра, за которым непротиворечиво угадывается заказчик.

В качестве примера приведем новостной сюжет региональной телекомпании, который сразу после выхода в эфир попал в поле зрения УФАС (во избежание репутационных потерь название компании не называется – прим. автора).

I. Ведущий новостей предваряет сюжет: У тех, кто не может добиться решения проблем от управляющей компании, появилась альтернатива. Мэрия города N учредила муниципальную управляющую компанию. К необходимости создания такой структуры городские власти подтолкнули многотысячные жалобы горожан, которые часто не находят помощи в своих управдомах (*вводное утверждение, обозначение проблемы, беда*).

II. Появляются герои сюжета – жители дома по улице X.

Галина Алексеевна: Дворник убирается из рук вон плохо. Люки загрязнены, вода не уходит. Грязь под дом стекает. Жаловались, ходили, сказали, писать коллективное (*актуализация драматического момента*).

Журналист: Галине Алексеевне вторит соседка. Двор заполонили машины и клиенты миграционной службы. Навести порядок во дворе невозможно, дворник только изображает дея-

тельность. Даже высаженные деревья исчезают на следующий день (*актуализация драматического момента*).

Ирина Ивановна: Надо нам, чтобы крышу переделали. Это безобразие (*актуализация драматического момента*).

Журналист: Жаловались в управляющую компанию? (*актуализация драматического момента*).

Ирина Ивановна: Как не жаловались, жаловались. Сменилось 5 компаний, которые делали крышу, положили все шиворот-навыворот. Вся крыша течет (*актуализация драматического момента*).

Журналист: Таких домов, увы, немало в городе N. Если взаимопонимание между жильцами и управляющей компанией не достигнуто, в ход могут идти другие, более мощные механизмы, нежели жалобы. В городе N создана муниципальная управляющая компания (*появление «героя» / «волшебного средства»*).

III. На экране появляется начальник этой муниципальной управляющей компании.

Начальник: Муниципальная управляющая организация уже начала свою работу. Все помнят, раньше по районам были ДЕЗы, дирекции единого заказчика. Сейчас мы – Управляющая дирекция города N, это наше официальное название. Мэром города поставлена задача – в первую очередь навести порядок там, где его нет. Как это сделать, мы знаем (*аргументация + триггер «Сделаем за Вас»*).

Журналист: В управление муниципалы будут брать тех, кто придет, с их проблемами и жалобами, и, безусловно, новые дома (*аргументация*).

Начальник: Самое главное наше преимущество, что мы не частная управляющая компания, у которой есть владельцы, а у них – заинтересованность получить прибыль, у нас другая задача – грамотно управлять многоквартирными домами (*генерализация аргументации и представление товара/услуги/организации + отстройка от конкурентов, преимущества предложения, триггер «Однозначность»*).

IV. Журналист: Механизм перехода не сложен. Позвонить по телефону ХХ-ХХ-ХХ (телефон дан на экране – прим. автора). Главное требование перехода – наличие представительного органа, совета дома, а если его нет, то его помогут создать. А далее сроки и порядок решается индивидуально. Звонки, говорят специалисты,

поступают каждый день. Около 10 домов уже в стадии перехода в новую муниципальную управляющую компанию (*призыв к действию, триггер «Стадность»*).

Как видно из сюжета, новостной контент выстает по принципу продающего текста и призван склонить потребителя к нужному для инициатора (заказчика) действию – как можно быстрее воспользоваться услугами указанной организации.

Заключение. В заключение отметим следующее. Современный медиатекст (и журналистский, в том числе) неизбежно становится единицей продвигающих коммуникаций, в котором используется, с одной стороны, уже сложившийся арсенал языковых средств (языковой инструментарий), обслуживающих маркетинговый дискурс: семантические пресуппозиции, вопросительные конструкции с имплицитной семантикой, имплицитная логическая связь, опровержение скрытого тезиса, апелляция к авторитетам и фонду общих знаний, «свернутые», или эллидированные, сравнения; логика абсурда и наглая аналогия, узурпация номинаций, эмпатия, коммуникативно-стилевая мимикрия и т. д. (Аниськина, Ухова 2018; Иссерс 2009; Медведева 2011; Падучева 1985; Пирогова 2001, 2002; Ухова 2018; Ягодкина 2013; Diaz 2011; Zurstige, 2015), а с другой – характерные для маркетинговой лингвистики **смысловые** (的独特性 самого события; уникальность формы воплощения; уникальность персоны / личности; уникальность масштаба / географии события; присутствие VIP-персон) и **лексико-грамматические** маркеры базисного субъекта PR (наименование организации, фирмы, персоны); эмотивные (очень, *совершенно*), лексические (*первый, лучший, элита, одержать верх, взять под опеку, найти контакт*) и синтаксические интенсификаторы (восклицательные предложения, конструкции с устойчивой структурой, различные типы сложных предложений); элементы креолизованного текста, аттракторы и психологические триггеры.

В поле продвигающих коммуникаций устойчиво функционируют как продвигающие, так и продающие медиатексты, грань между которыми тоже постепенно стирается. Процесс создания продающего текста крайне алгоритмизирован: текст имеет устойчивую структуру, очевидный и нарочитый набор вербальных и психологических приемов привлечения и удержания внимания адресата, понуждения к принятию решения. Продвигающий же текст, имея целью сформировать

доверие адресата к заложенной в тексте информации и, в идеале, долгосрочные взаимоотношения, имеет специфические закономерности текстопорождения: в этом случае задача копирайтера – не спугнуть и не отпугнуть целевую общественность, а максимально корректно вовлечь ее в процесс создания положительного имиджа субъекта / продукта / услуги, и если и воздействовать на адресата, то за тщательно создаваемой иллюзией объективности. Наблюдения последних лет показывают, что даже новостной медиатекст все чаще приобретает черты не продвигающего, а продающего текста, что, на наш взгляд, свидетельствует о неизбежной маркетизации дискурса СМИ.

Библиографический список

1. Аниськина Н. В., Колышкина Т. Б. Рекламный текст: теория и практика анализа. Ярославль : РИО ЯГПУ. 2010. 178 с.
2. Аниськина Н. В., Ухова Л. В. Коммуникативно-стилевая мимикрия как важный прием создания «продвигающего» текста // Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста: коллективная монография / под ред. Е. Г. Борисовой, Л. Г. Викуловой. Москва : Флинта : Наука, 2018. С. 57–65.
3. Вартанова Е. Л. Основы медиабизнеса : учебное пособие. Москва : Аспект Пресс, 2009. 360 с.
4. Жукова А. Г. «Маркетинговое красноречие»: о риторическом облике дискурса продаж // Русский язык за рубежом. 2018. № 2 (267). С. 29–35.
5. Имплицитность в языке и речи / под ред. Е. Г. Борисовой, Ю. С. Мартемьянова. Москва : Языки русской культуры, 1999. 200 с.
6. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». Москва : Флинта: Наука, 2009. 224 с.
7. Кара-Мурза Е. С. Анализ «продвигающего» текста: риторический, композиционный и стилистический аспект // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты: материалы V Межд. науч. конф. Тольятти : РИО ТГУ, 2015. С. 200–207.
8. Клушина Н. И., Иванова М. В. Трансформация медийных жанров в коммуникативном пространстве интернета // Вестник РГФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 121–129.
9. Котлер Ф. Основы маркетинга. Москва : Ростинтэр, 1996. 704 с.
10. Кривоносов А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2002. 369 с.
11. Медведева Е. В. Узурпация номинаций в рекламном дискурсе // Человек. Русский язык. Информационное пространство: межвузовский сборник

- научных трудов / под науч. ред. Н. В. Аниськиной. Т. 1. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2011. С. 252–255.
12. Основы маркетинговой лингвистики: учебник / под общ. ред. Л. Г. Викуловой. Москва : Языки Народов Мира, 2023. 217 с.
13. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Москва : Наука, 1985. 272 с.
14. Пирогова Ю. К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) // Проблемы прикладной лингвистики. Москва : Азбуковник, 2001. С. 209–227.
15. Пирогова Ю. К. Информационная безопасность и языковое манипулирование в рекламном дискурсе // Информационная и психологическая безопасность в СМИ: в 2 т. Т. 1: Телевизионные и рекламные коммуникации. Москва : Аспект Пресс, 2002. С. 243–262.
16. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Москва : Лабиринт, 2009. 336 с.
17. Ухова Л. В. «Продвигающий текст»: понятие, особенности, функции // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 71–82.
18. Ухова Л. В. PR-информация // Медиалингвистика в терминах и понятиях. Словарь-справочник. Москва, 2018. С. 303–305.
19. Ягодкина М. В. Реклама в коммуникационном процессе. Санкт-Петербург : Питер, 2013. 304 с.
20. Diaz M. A. Manipulation of teenagers through advertising: critical dis course approach. URL: <http://dx.doi.org/10.4995/rlyla.2011.879> (дата обращения 08.08.2025).
21. Zurstige G. Medien und Werbung. Wiesbaden : Springer Fachmedien, 2015. 218 с.
6. Issers O. S. Rechevoe vozdejstvie: ucheb. posobie dlja studentov, obuchajushhihsja po special'nosti «Svjazi s obshhestvennost'ju» = Speech Influence: textbook for students majoring in Public Relations. Moskva : Flinta: Nauka, 2009. 224 s.
7. Kara-Murza E. S. Analiz «prodvigajushhego» teksta: ritoricheskij, kompozicionnyj i stilisticheskij aspekt = Analyzing «promotional» text: rhetorical, compositional and stylistic aspects // Tekst: filologicheskij, sociokul'turnyj, regional'nyj i metodicheskij aspekty: materialy V Mezhd. nauch. konf. Tol'jatti : RIO TGU, 2015. S. 200–207.
8. Klushina N. I., Ivanova M. V. Transformacija medijnyh zhanrov v kommunikativnom prostranstve interneta = Transformation of media genres in the Internet communicative space // Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki. 2017. № 3. S. 121–129.
9. Kotler F. Osnovy marketinga = Basic marketing. Moskva : Rostintjer, 1996. 704 s.
10. Krivonosov A. D. PR-tekst v sisteme publichnyh kommunikacij = PR-text in the public communications system. Sankt-Peterburg : Peterburgskoe Vostokovedenie, 2002. 369 s.
11. Medvedeva E. V. Uzurpacija nominacij v reklamnom diskurse = Usurping nominations in advertising discourse // Chelovek. Russkij jazyk. Informacionnoe prostranstvo: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov / pod nauch. red. N. V. Anis'kinoj. T. 1. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2011. S. 252–255.
12. Osnovy marketingovoj lingvistiki = Basic marketing linguistics : uchebnik / pod obshh. red. L. G. Vikulovoy. Moskva : Jazyki Narodov Mira, 2023. 217 s.
13. Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesenost' s dejstvitel'nost'ju = Utterance and its relation to reality. Moskva : Nauka, 1985. 272 s.
14. Pirogova Ju. K. Implicitnaja informacija kak sredstvo kommunikativnogo vozdejstvija i manipulirovaniya (na materiale reklamnyh i PR-soobshhenij) = Implicit information as a means of communicative influence and manipulation (on the material of advertising and PR-messages) // Problemy prikladnoj lingvistiki. Moskva : Azbukovnik, 2001. S. 209–227.
15. Pirogova Ju. K. Informacionnaja bezopasnost' i jazykovoe manipulirovanie v reklamnom diskurse = Information security and language manipulation in advertising discourse // Informacionnaja i psihologicheskaja bezopasnost' v SMI: v 2 t. T. 1: Televizionnye i reklamnye kommunikacii. Moskva : Aspekt Press, 2002. S. 243–262.
16. Propp V. Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki = Historical roots of the magic fairy tale. Moskva : Labirint, 2009. 336 s.
17. Uhova L. V. «Prodvigajushhij tekst»: ponjatie, osobennosti, funkci = «Promotional text»: concept, specifics, functions // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. № 3. S. 71–82.

Reference list

1. Anis'kina N. V., Kolyshkina T. B. Reklamnyj tekst: teorija i praktika analiza = Advertising text: theory and practice of analysis. Jaroslavl' : RIO JaGPU. 2010. 178 s.
2. Anis'kina N. V., Uhova L. V. Kommunikativnostilevaja mimikrija kak vazhnij priem sozdanija «prodvigajushhego» teksta = Communicative and stylistic mimicry as an important technique for creating a «promotional» text // Marketingovaja lingvistika. Zakonomernosti prodvigajushhego teksta: kollektivnaja monografija / pod red. E. G. Borisovoj, L. G. Vikulovo. Moskva : Flinta : Nauka, 2018. S. 57–65.
3. Vartanova E. L. Osnovy mediabiznesa = Basic media business : uchebnoe posobie. Moskva : Aspekt Press, 2009. 360 s.
4. Zhukova A. G. «Marketingovoe krasnorechie»: o ritoricheskem oblike diskursa prodazh = «Marketing eloquence»: on the rhetorical image of sales discourse // Russkij jazyk za rubezhom. 2018. № 2 (267). S. 29–35.
5. Implicitnost' v jazyke i rechi = Implicitness in language and speech / pod red. E. G. Borisovoj, Ju. S. Martem'janova. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. 200 s.

18. Uhova L. V. PR-informacija = PR information // Medialingvistika v terminah i ponjatijah. Slovar'-spravochnik. Moskva, 2018. S. 303–305.
19. Jagodkina M. V. Reklama v kommunikacionnom processe = Advertising in communication process. Sankt-Peterburg : Piter, 2013. 304 s.
20. Diaz M. A. Manipulation of teenagers through advertising: critical dis course approach. URL: <http://dx.doi.org/10.4995/rlyla.2011.879> (data obrashhenii 08.08.2025).
21. Zurstige G. Medien und Werbung. Wiesbaden : Springer Fachmedien, 2015. 218 s.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 12.10.2025; принятa к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 20.09.2025; approved after reviewing 12.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 659.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-60

EDN: HOKLYQ

Возможности генеративных сетей в производстве рекламного контента

Ильмира Сяитьевна Крымская

Аспирант института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, Московский педагогический государственный университет. 109240, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18
mira155z@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-5862-873X>

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию влияния генеративных нейронных сетей на рекламную индустрию и анализу их интеграции в процессы создания рекламного контента. В исследовании выделены основные преимущества и сложности, связанные с внедрением таких технологий, включая этические и правовые аспекты. Рассматриваются конкретные примеры использования генеративных сетей в рекламе, такие как кейсы бренда Epica и платформы Яндекс Рекламы, демонстрирующие успешное использование генеративных технологий для создания текстового и визуального контента.

Исследование показывает, что генеративные сети способны существенно автоматизировать и оптимизировать процессы создания рекламных материалов, что приводит к значительному сокращению времени и затрат. В то же время возможность адаптации контента под конкретные потребности и предпочтения целевой аудитории значительно повышает эффективность рекламных кампаний.

Использование генеративных технологий поднимает серьезные этические и правовые вопросы, связанные с авторским правом и потенциальными рисками дезинформации. Важно отметить, что для эффективного использования генеративных сетей необходимо развивать навыки написания промтov и контроля качества генерируемого контента. В этом контексте роль человека остается значительной, так как контроль за соблюдением этических норм и стандартов качества является критически важным. Генеративные нейронные сети занимают важное место в современной рекламной индустрии, открывая новые горизонты для инноваций и улучшения взаимодействия с целевой аудиторией. Ожидается, что их значимость будет возрастать в связи с непрерывным развитием технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: генеративные сети; нейросети; реклама; искусственный интеллект; персонализация; контент; рекламная индустрия; автоматизация

Для цитирования: Крымская И. С. Возможности генеративных сетей в производстве рекламного контента // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 60–67. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-60>. <https://elibrary.ru/HOKLYQ>

Original article

Possibilities of generative networks in producing advertising content

Ilmira S. Krymskaya

Postgraduate student, institute of journalism, communications and media education, Moscow pedagogical state university. 109240, Moscow, Verkhnyaya Radischevskaya str., 16-18
mira155z@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-5862-873X>

Abstract. This paper examines the impact of generative neural networks on the advertising industry and analyzes their integration into producing promotional content. The study highlights the main benefits and challenges related to employing such technologies, as well as various ethical and legal aspects. The author considers particular examples of generative networks in advertising, such as the cases of the Epica brand and the Yandex Advertising platform, which demonstrate that generative technologies succeed in creating textual and visual content.

The study shows that generative networks can significantly automate and optimize the processes of creating promotional materials, leading to significant time and cost reductions. At the same time, the ability to adapt the content to the target audience's specific needs and preferences significantly increases the effectiveness of advertising campaigns.

The use of generative technologies raises serious ethical and legal issues related to copyright and potential risks of disinformation. It is important to note that the effective use of generative networks requires the development of skills in writing prompts and controlling the quality of the generated content. In this context, the role of man remains significant, as the monitoring of ethical and quality standards is critical. Generative neural networks occupy an important place in today's advertising industry, opening up new horizons for innovation and better interaction with the target audience. Their importance is expected to be increasing due to constant development of artificial intelligence technologies.

Key words: generative networks; neural networks; advertising; artificial intelligence; personalization; content; advertising industry; automation

For citation: Krymskaya I. C. Possibilities of generative networks in producing advertising content. *Verhnevolzhskiy philological bulletin.* 2025;(4):60–67. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-60>. <https://elibrary.ru/HOKLYQ>

Введение

В современных условиях стремительного развития цифровых технологий и искусственного интеллекта, особую актуальность приобретает исследование роли генеративных нейронных сетей на различные отрасли, в том числе на рекламную индустрию. Генеративные сети представляют собой алгоритмы машинного обучения, способные создавать данные, аналогичные тем, на которых они были обучены [Zhang, Peng, 2018]. Эти технологии открывают совершенно новые возможности для разработки рекламных материалов.

Важность данной темы обусловлена в первую очередь значительным влиянием, которое генеративные сети могут оказать на производство, качество и эффективность рекламных продуктов. Д. А. Шевченко в своем исследовании приходит к выводу, что компании, выбирающие передовые технологические решения, оказываются на шаг впереди тех, кто выбирает классические методы рекламы [Использование возможностей …, 2024]. Использование новейших технологий позволяет автоматизировать процессы создания визуальных рекламных материалов, что в свою очередь может существенно снизить затраты на производство контента. Интерес для рекламной индустрии также представляет возможность нейронных сетей генерировать текстовый контент, так как это открывает перспективы создания эффективных рекламных текстов при минимальном участии человека [Червова, 2024]. Более того, такой текст может легко адаптироваться под конкретные потребности и интересы аудитории исходя из запроса, или, как его еще называют, – промта. Промтом называю текстовый запрос пользователя к нейросети [Как писать промты, чтобы …].

В связи с резким развитием генеративных нейронных сетей их внедрение в рекламную индустрию сопровождается рядом проблем и этических дилемм, касающихся в том числе автор-

ских прав. В данном исследовании будут рассмотрены возможности использования генеративных нейронных сетей в рекламе, изучены риски, связанные с их развитием, и на основе этого разработаны рекомендации по применению данных технологий сегодня.

Методы исследования

В исследовании применяется ряд подходов для изучения влияния генеративных сетей на рекламную индустрию. Основой работы стал анализ существующих литературных и научных источников, что позволило углубить понимание возможностей применения современных генеративных нейронных сетей в рекламе и выявить как сильные, так и слабые стороны этих технологий.

Проведен сравнительный анализ для различия традиционных методов создания рекламного контента и новых подходов, использующих нейронные сети. Это позволило выявить различия в затратах времени и ресурсов, а также сделать выводы о дальнейших перспективах и ограничениях применения генеративных сетей в рекламе.

Были изучены конкретные кейсы внедрения генеративных нейросетей в рекламе, что помогло оценить практическую эффективность их использования. Эти примеры из реальной практики показали, какие результаты можно ожидать от применения таких технологий и какие проблемы могут возникнуть в процессе. Данные методы в комплексе позволили получить наиболее полное представление о текущем состоянии и будущем генеративных технологий в рекламной индустрии.

Возможности и преимущества использования искусственного интеллекта

Развитие искусственного интеллекта (ИИ) и технологии больших данных уже давно дало большой толчок развитию в распространении рекламных материалов [Лукичева, Семенович,

2018], а теперь происходит революция в производстве самого рекламного контента благодаря генеративным сетям. Они способны генерировать новый контент, максимально приближенный к созданному человеком, что открывает новые пути оптимизации создания рекламных материалов.

Возможность применения генеративных сетей в рекламной индустрии можно разделить на несколько ключевых направлений: текст, изображения и видео. Уже сейчас данные технологии демонстрируют впечатляющие результаты в генерации контента. Разберем подробнее каждый из этих видов.

Текстовые генеративные модели имеют большой потенциал использования в рекламной индустрии, так как они способны быстро генерировать не только рекламные слоганы, но и описание продуктов и многое другое. Очевидные плюсы такого способа производства текста – это сокращение затрат времени и денег на его создание. Наиболее популярными моделями являются: ChatGPT, YandexGPT, GigaChat, Gemini Pro. [Солдаткина, Чернавский, 2023]

Исходя из этого еще одним из преимуществ технологии является способность быстро генерировать множество вариантов рекламных текстов. Благодаря этому рекламодатели могут при минимальных затратах определять наиболее эффективные текстовые решения для своих кампаний, основываясь на реальных данных о взаимодействии пользователей с контентом.

Генерация изображений с помощью нейронных сетей позволяет автоматизировать процесс создания изображений, поддерживающих рекламные кампании. Наиболее популярные ресурсы для создания – DALL-E, Midjourney, Шедеврум, Kandinsky, Stable Diffusion. Генерация изображений происходит в режиме реального времени, тогда как традиционное создание рекламных изображений может быть времязатратным и требовать больших финансовых затрат и человеческих ресурсов. Внедрение технологий генерации изображений нейронными сетями позволяет автоматизировать и существенно ускорить процесс.

Благодаря нейронным сетям рекламодатели также могут экспериментировать с различными визуальными стилями и элементами, быстро генерируя и тестируя новые идеи. Это позволяет не только находить наиболее эффективные решения, но и оперативно адаптироваться к изменениям на рынке и интересам аудитории.

Нейронные сети также помогают создавать не только одномерные изображения, но и 3D-модели продуктов, что позволяет потребителям рассмотреть изделие с разных сторон перед покупкой. В контексте развития онлайн-торговли это представляет особую ценность, устранив некоторые барьеры, связанные с отсутствием возможности потрогать продукт. Еще генерация изображений нейронными сетями делает возможным создание дополненной реальности – AR. Это полезно, например, для примерки мебели в помещении, одежды, обуви, аксессуаров и даже декоративной косметики [Голдыбаев, Суворова, 2023]. Такой подход не только увеличивает вовлеченность, но и помогает сократить количество возвратов товаров за счет более осознанных покупок.

Генерация видеоматериалов по своей сути схожа с генерацией изображений и позволяет решить схожие задачи. Однако стоит отметить, что данная технология на сегодняшний день еще развивается. В отличие от предыдущих видов генерации контента сгенерированные видео сильно отличаются по качеству от видео, снятого или отрисованного руками профессионала.

Важным аспектом использования генеративных сетей в рекламной индустрии является способность к быстрой адаптации рекламных материалов под различные аудитории и контексты. Как указывают исследования, эти системы могут обучаться на основе предпочтений целевой аудитории и исходя из этого генерировать рекламный контент [Artificial Intelligence in Advertising …, 2023]. Таким образом, контент будет оптимизирован для определенной аудитории, что позволит повысить эффективность рекламы, то есть увеличить вовлеченность в нее и конверсию в переходы. Персонализация давно активно применяется в производстве и размещении рекламы.

Еще одним важным преимуществом нейронных сетей является их способность генерировать креативные идеи для рекламных кампаний. В одном из исследований отмечается, что использование генеративных сетей позволяет значительно расширить границы креативности, давая рекламодателям уникальные идеи, которые были бы недостижимы при исключительном применении человеческого творчества [Jisu Huh, Michelle Nelson, Cristel Russell, 2023]. Особенно этот эффект будет заметен для небольших предприятий, которые не могут позволить себе тратить большие бюджеты на производство рекламы. Получается, что генеративные нейронные сети спо-

существуют оптимизации рекламных расходов [ChatGPT против фрилансеров ...].

Итак, использование генеративных нейронных сетей в рекламной индустрии открывает перед рекламодателями новые возможности по созданию, оптимизации и персонализации контента. Способность нейронных сетей генерировать качественные визуальные и текстовые материалы, адаптированные под конкретные аудитории и кампании, может значительно снижать затраты на персонал и производство контента, а также сокращать сроки производства, что очень важно в современном обществе. Согласно исследованию АКАР «Использование технологий ИИ и нейросетей в рекламе 2024», 97 % рекламных агентств уже используют генеративные сети для разработки своих рекламных продуктов [Использование технологий ИИ ...]. Эти технологии не только облегчают процесс создания контента, но и повышают его эффективность за счёт глубокого анализа предпочтений и поведения аудитории.

Благодаря этому подходу рекламодатели могут более точно прогнозировать успех своих кампаний и своевременно вносить изменения при необходимости. Использование генеративных нейронных сетей также открывает путь к более креативным и инновационным форматам рекламы, которые могут быть более интерактивными и привлекательными для покупателей. Уникальные возможности этих технологий позволяют экспериментировать с различными форматами и стильными решениями, что еще больше усиливает конкурентное преимущество брендов, стремящихся к лидерству на рынке. Реклама, созданная с использованием таких сетей, может быть интегрирована в различные цифровые платформы, укрепляя связь с потребителем.

Проблемы, связанные с применением генеративных сетей

Развитие искусственного интеллекта и генеративных сетей, безусловно, является одним из наиболее значительных технологических достижений последних лет, но и ставит перед рекламной индустрией новые вызовы, связанные с этическими и правовыми аспектами применения подобных технологий. Вопросы этики, авторского права, прозрачности происхождения контента и его достоверности требуют тщательного регулирования и стандартизации.

Рассмотрим этические вызовы, с которыми сталкиваются при использовании генеративных сетей. Важнейшая из проблем – это создание

изображений, которые настолько реалистичны, что их невозможно отличить от настоящих, может привести к распространению дезинформации и манипулированию общественным мнением [How generative AI can change ...]. Это особенно критично в сферах, где важна точность и достоверность информации, например, в политической рекламе или рекламе, касающейся здоровья и безопасности. Это также опасно для интернет-торговли: реклама от недобросовестных продавцов, которая показывает несуществующий товар или товар, который обладает совершенно другими свойствами, обманывает покупателей. Таким образом, вопрос прозрачности становится одним из ключевых. Потребители и пользователи контента должны быть в курсе происхождения рекламы, который они видят. Это включает в себя понимание, каким образом и с какой целью использовались генеративные сети. Такие меры могут повысить уровень доверия пользователей к компании и укрепить репутацию бренда на рынке.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что недобросовестное использование ИИ может привести к тому, что доверие потребителей к рекламе в целом будет падать. Использование генеративных сетей должно основываться на принципах, которые обеспечивают ответственное, осознанное и прозрачное использование этих технологий.

Еще одна проблема – авторское право, поскольку генеративные сети создают изображения и текст, основываясь на работах других авторов, которые есть в его базе данных. Определить, кто является автором сгенерированного контента – разработчик алгоритма или создатель данных, на которых алгоритм обучился, – становится проблемой, которая приводит не только к этическим, но и к юридическим спорам. Многие художники и писатели выступили против использования их произведений для обучения ИИ, они раздражены тем, что их разрешения никто не спросил, прежде чем обучить модель [Художники против искусственного интеллекта ...]. По состоянию на сегодняшний день четко выстроенное правовое регулирование в этой сфере отсутствует, из-за чего ведется много споров.

Активное обсуждение этих вопросов имеет важное значение для разработки нормативно-правовой базы и этических принципов применения технологий ИИ.

Еще одним ограничением использования генеративных сетей является то, что алгоритмы не всегда могут качественно обработать сложные

запросы, особенно по нишевым темам. Даже если тема популярная, для получения качественного результата нужно обладать специальными знаниями и опытом работы с генеративными сетями. Умение правильно формулировать запрос является важнейшим навыком при работе с нейросетями, поэтому ему нужно обучать, как любому другому [Плотникова, 2023].

Цифровые технологии, такие как алгоритмы машинного обучения, могут быть подвержены биасу и дискриминации. Биас ИИ – это аномалия в результатах работы алгоритмов машинного обучения из-за предвзятых предположений, сделанных в процессе разработки алгоритма, или предубеждений в обучающих данных [AI Bias: Definition, Examples, and Solutions ...]. Так как ИИ строят свои рассуждения на основе большого количества информации за разные временные промежутки, не вся она может соответствовать современным моральным нормам, то есть если первоначальные данные, на основе которых модели машинного обучения строят свои выводы, предвзяты или нерепрезентативны, то и конечный «продукт» может быть неприемлемым. Это может привести к негативным последствиям, таким как усиление существующих социальных и расовых неравенств. Поэтому К. Е. Виноградова в своем исследовании выделяет важность разрабатывать методы обнаружения таких ошибок [Виноградова, 2023].

Примеры использования генеративных сетей в рекламе

Как говорилось ранее, искусственный интеллект уже на протяжении многих лет используется в рекламной индустрии. Основная его сфера применения – настройка персонализированной рекламы в интернете. Однако сейчас новейшие технологии позволяют существенно расширить сферы применения.

Не только технологические рекламные кампании используют технологии искусственного интеллекта. Рассмотрим проект, инициированный торговой маркой йогуртов Epica в коллaborации с рекламным агентством DADA Agency. Он является наглядным примером применения технологий искусственного интеллекта в сфере рекламы и маркетинга. Компания решила на протяжении целого месяца генерировать новые изображения и распространять их через социальные сети бренда. Для разработки рекламных материалов компания задействовала нейронные сети DALL-E 2 и Midjourney.

Важно отметить, что подход компании Epica к созданию контента характеризовался не только применением нейронных сетей для генерации визуальных материалов, но и активным вовлечением аудитории в творческий процесс. Подписчики бренда каждый день предлагали идеи для генерации изображений, из которых наиболее удачные варианты использовались в последующих публикациях и постах.

Таким образом, данный проект демонстрирует потенциал применения генеративных нейронных сетей в сфере маркетинга, акцентируя внимание на возможности создания высококачественного и оригинального контента с высоким вовлечением целевой аудитории в процесс его создания [Большие бренды и нейросети ...].

В современной динамике развития информационных технологий компаний, занимающиеся рекламными B2B сервисами, демонстрируют тенденцию к внедрению функционала для прямой генерации рекламного контента в интерфейсе личного кабинета пользователя. К примеру, в 2023 году платформа Яндекс Рекламы интегрировала возможность автоматизированного создания рекламных текстов с помощью собственных нейросетевых алгоритмов. Данная технология проводит анализ профиля и описательных характеристик компании для дальнейшей генерации соответствующего контента, включая разработку эффективных заголовков и текстов объявлений. Компании-пользователи имеют возможность вносить корректиды в предложенные варианты или инициировать повторную генерацию для достижения наиболее удачного результата.

Аддитивно платформа обеспечивает функциональность создания визуального сопровождения объявлений через инструмент YandexART. На рисунке 1 проиллюстрированы примеры, которые показывают разнообразие и адаптивность вариантов визуализации, доступных для рекламного использования.

Рисунок 1. Пример иллюстраций, сгенерированных для рекламного объявления в Яндекс Рекламе

Тесты, проводимые внутри компаний, показали, что использование сгенерированных нейросетью объявлений приносит рекламодате-

лям до 5 % больше целевых действий. Данное наблюдение подчеркивает значимый потенциал интеграции нейросетевых технологий в процессы создания и оптимизации рекламного контента в цифровом пространстве [Как нейросети помогают создавать рекламу ...].

В заключение можно утверждать, что интеграция нейросетевых технологий в процессы создания рекламного контента представляет собой значимое направление в развитии современного рекламного бизнеса. Примеры эксперимента компании Epica и платформы Яндекс Рекламы, демонстрирующей реализацию автоматизированной генерации текстовых и визуальных рекламных материалов на основе анализа профилей клиентских компаний, отражают перспективность такого подхода. Помимо упрощения создания контента, эта практика способствует повышению его целевой эффективности и увеличению вовлеченности. Несомненно, можно говорить о том, что в ближайшем будущем таких примеров будет появляться все больше и больше.

Таким образом, внедрение искусственного интеллекта в рекламную индустрию не только оптимизирует процесс создания рекламного контента, но и открывает новые горизонты для его персонализации и увеличения вовлеченности аудитории. Будущее рекламы во многом будет определяться дальнейшим развитием и адаптацией искусственного интеллекта и машинного обучения, что, без сомнения, приведет к появлению новых инструментов и методов в этом направлении.

Рекомендации по использованию генеративных сетей в рекламе

Преимущества, которые предлагают генеративные нейронные сети, делают их перспективным инструментом в рекламной индустрии, несмотря на все ограничения. Генеративные сети могут служить инструментом для автоматизации и оптимизации производственных процессов в рекламе. Технологии, основанные на искусственном интеллекте, позволяют существенно сократить время и ресурсы, затрачиваемые на разработку рекламы, тем самым повышая общую эффективность рекламных кампаний [Benefits of Artificial Intelligence in Advertising ...].

Для бизнеса экономическая эффективность использования генеративных технологий неоспорима, так как тратится меньше времени, человеческих и финансовых ресурсов. Пока правовое регулирование в этой сфере отсутствует,

можно активно пользоваться данными технологиями. Однако, чтобы избежать репутационных рисков, лучше придерживаться некоторых правил при генерации такого контента, а именно:

- не вводить потребителя в заблуждение;
- обращать внимание на качество сгенерированного контента, так как роль человека в использовании этих технологий остается важной, нужно следить не только за соблюдением этических норм, но и направлять его, пока не найдется наилучшее сгенерированное решение;
- проверять контент на предвзятость и стереотипы (так как нейронные сети склонны к nim).

Итак, успех внедрения и использования нейронных сетей будет зависеть не только от технологических возможностей, но и от готовности рекламодателей к экспериментам, гибкости в применении новых подходов и, что самое главное, от внимания к поддержанию этических стандартов и уважения к потребителям. В этом контексте технологии не заменяют человека, а дополняют его усилия, позволяя создавать быстрые и более эффективные, таргетированные и персонализированные рекламные сообщения в соответствии с ожиданиями и интересами аудитории, что также подчеркивается в работе Л. О. Зиминой и Е. Б. Сваровской [Зимина, Сваровская, 2024].

Заключение

Изучение роли генеративных сетей в современной рекламной индустрии является многоаспектным и представляет собой не только техническую, но и социальную, этическую и экономическую проблематику, требующую тщательного анализа и комплексного подхода в исследовании.

Генеративные сети могут не только масштабировать и ускорить процесс создания рекламного контента, но и значительно повысить его персонализацию и эффективность, как показывает практика некоторых компаний. Интеграция таких технологий представляет собой жизнеспособный путь к инновациям и улучшению коммуникации между брендами и их целевыми аудиториями.

Учитывая динамичное развитие технологий искусственного интеллекта, можно ожидать, что в ближайшем будущем генеративные нейронные сети станут неотъемлемым компонентом рекламной индустрии, открывая новые возможности для творчества и инноваций. Однако исследования и практика показывают, что наиболее

эффективное использование генеративных моделей – это их интеграция в комплексную маркетинговую стратегию, где человеческий творческий подход сочетается с искусственным интеллектом. Так было и в рассмотренных примерах: итоговое решение о публикации того или иного контента всегда принимает человек. Такой симбиоз позволяет полностью раскрыть потенциал генеративных моделей, сделав рекламные сообщения не только привлекательными, но и уникальными и искренними.

Библиографический список

1. Большие бренды и нейросети: 5 рекламных кампаний, сгенерированных Midjourney // Skillbox URL: <https://skillbox.ru/media/design/midjourney-in-the-world/> (дата доступа: 01.09.2024).
2. Виноградова К. Е. Развитие искусственного интеллекта и трансформация журналистики: новые возможности и вызовы // Гуманитарный вектор. 2023. № 3. С. 121–129.
3. Голдыбаев Д. И., Суворова Т. В. Маркетинговые инструменты будущего: ИИ и нейросети, нейромаркетинг и AR/VR технологии // Современные технологии управления. 2023. № 4 (104). С. 121–129.
4. Зимина Л. О., Сваровская Е. Б. К вопросу об эффективности использования нейросетей в рекламной коммуникации // МНКО. 2024. № 4 (107). С. 388–390.
5. Использование технологий ИИ и нейросетей в рекламе 2024 // АКАР URL: https://www.akarussia.ru/press_centre/news/id10860 (дата доступа: 10.10.2024).
6. Как нейросети помогают создавать рекламу в Директе и Яндекс Бизнесе // Яндекс URL: <https://yandex.ru/adv/news/kak-neyroseti-pomogayut-sozdavat-reklamu-v-direkte-i-yandeks-biznese> (дата доступа: 01.09.2024).
7. Как писать промты, чтобы нейросеть выдавала нужный результат // Яндекс Образование. URL: <https://education.yandex.ru/journal/kak-pisat-prompty-ctoby-neyroset-vydaala-nuzhnyj-rezulat> (дата доступа: 07.08.2024).
8. Лукичева Т. А., Семенович Н. С. «Большие данные» в электронной коммерции: инвестиции и их ценность для потребителя // ЭКО. 2018. № 12 (534). С. 40–57.
9. Плотникова А. М. Нейросеть как ключевое слово текущего момента // Филологический класс. 2023. № 2. С. 45–53.
10. Солдаткина Я. В., Чернавский А. С. Генеративные языковые модели как актуальный феномен медиакультуры в начале XXI века // Наука и школа. 2023. № 4. С. 44–56.
11. Художники против искусственного интеллекта // Российская газета URL: <https://rg.ru/2023/02/03/hudozhniki-protiv-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата доступа: 07.08.2024).
12. Червова Н. В. Применение нейросетей в управлении продажами, маркетинге и рекламе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 6. С. 278–282.
13. Шевченко Д. А., Крюкова Е. М., Зеленов В. В., Галстян В. В. Использование возможностей искусственного интеллекта в рекламе // Практический маркетинг. 2024. № 1. С. 60–64.
14. AI Bias: Definition, Examples, and Solutions // Aimultiple URL: <https://research.aimultiple.com/ai-bias/> (дата доступа: 07.09.2024).
15. Benefits of Artificial Intelligence in Advertising // Datatobiz URL: <https://www.datatobiz.com/blog/artificial-intelligence-in-advertising/> (дата доступа: 10.09.2024).
16. ChatGPT против фрилансеров: сколько бизнес экономит на специалистах благодаря ИИ // forbes URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/489433-chatgpt-protiv-frilanserov-skol-ko-biznes-ekonomit-na-specialistah-blagodara-ii> (дата доступа: 10.08.2024).
17. Gao, B., Wang, Y., Xie, H., Hu, Y., & Hu, Y. Artificial Intelligence in Advertising: Advancements, Challenges, and Ethical Considerations in Targeting, Personalization, Content Creation, and Ad Optimization // SAGE Open, 13(4). 2023.
18. How Generative AI Can Change the Advertising Industry for Good // admiral media URL: <https://admiral.media/how-generative-ai-can-change-the-advertising-industry-for-good/> (дата доступа: 10.08.2024).
19. Jisu Huh, Michelle R. Nelson & Cristel Antonia Russell ChatGPT, AI Advertising, and Advertising Research and Education // Journal of Advertising, 2023. P. 477–482.
20. Zhang C., Peng Y. Stacking VAE and GAN for Context-aware Text-to-Image Generation. // IEEE Fourth International Conference on Multimedia Big Data (BigMM). 2018. P. 1–5.

Reference list

1. Bol'shie brendy i neyroseti: 5 reklamnyh kampanij, sgenerirovannyh Midjourney = Big brands and neural networks: 5 advertising campaigns generated by Midjourney // Skillbox URL: <https://skillbox.ru/media/design/midjourney-in-the-world/> (data dostupa: 01.09.2024).

2. Vinogradova K. E. Razvitie iskusstvennogo intellekta i transformacija zhurnalistik: novye vozmozhnosti i vyzovy = Evolution of artificial intelligence and transformation of journalism: new opportunities and challenges // Gumanitarnyj vektor. 2023. № 3. S. 121–129.

3. Goldybaev D. I., Suvorova T. V. Marketingovye instrumenty budushhego: II i neyroseti, nejromarketing i AR/VR tehnologii = Marketing tools of the future: AI and neural networks, neuromarketing and AR/VR technologies // Sovremennye tehnologii upravlenija. 2023. № 4 (104). S. 121–129.

4. Zimina L. O., Svarovskaja E. B. K voprosu ob jefektivnosti ispol'zovaniya nejrosetej v reklamnoj kommunikacii = Toward the question of the neural networks' effectiveness in advertising communication // MNKO. 2024. № 4 (107). S. 388–390.
5. Ispol'zovanie tehnologij II i nejrosetej v reklame 2024 = Using AI and neural network technologies in 2024 advertising // AKAR URL: https://www.akarussia.ru/press_centre/news/id10860 (data dostupa: 10.10.2024).
6. Kak nejroseti pomogajut sozdavat' reklamu v Direkte i Jandeks Biznese = How neural networks help to create advertising in Direct and Yandex Business // Jandeks URL: <https://yandex.ru/adv/news/kak-neyroseti-pomogayut-sozdavat-reklamu-v-direkte-i-yandeks-biznese> (data dostupa: 01.09.2024).
7. Kak pisat' promty, chtoby nejroset' vydavala nuzhnyj rezul'tat = How to write prompts to make the neural network produce the desired result // Jandeks Obrazovanie. URL: <https://education.yandex.ru/journal/kak-pisat-prompty-chtoby-neyroset-vydavala-nuzhnyj-rezul'tat> (data dostupa: 07.08.2024).
8. Lukicheva T. A., Semenovich N. S. «Bol'shie dannye» v elektronnoj kommersii: investicii i ih cennost' dlja potrebitelja = «Big Data» in e-commerce: investment and its value to the consumer // JeKO. 2018. № 12 (534). S. 40–57.
9. Plotnikova A. M. Nejroset' kak kljuchevoe slovo tekushhego momenta = Neural network as the keyword of the moment // Filologicheskij klass. 2023. № 2. S. 45–53.
10. Soldatkina Ja. V., Chernavskij A. S. Generativnye jazykovye modeli kak aktual'nyj fenomen mediakul'tury v nachale XXI veka = Generative language models as a topical phenomenon of media culture at the beginning of XXI century // Nauka i shkola. 2023. № 4. S. 44–56.
11. Hudozhnniki protiv iskusstvennogo intellekta = Artists against artificial intelligence // Rossijskaja gazeta URL: <https://rg.ru/2023/02/03/hudozhnniki-protiv-iskusstvennogo-intellekta.html> (data dostupa: 07.08.2024).
12. Chervova N. V. Primenenie nejrosetej v upravlenii prodazhami, marketinge i reklame = Neural network use in sales management, marketing and advertising // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshhestvennye nauki. 2024. № 6. S. 278–282.
13. Shevchenko D. A., Krjukova E. M., Zelenov V. V., Galstjan V. V. Ispol'zovanie vozmozhnostej iskusstvennogo intellekta v reklame = Using artificial intelligence potential in advertising // Prakticheskij marketing. 2024. № 1. S. 60–64.
14. AI Bias: Definition, Examples, and Solutions // Aimultiple URL: <https://research.aimultiple.com/ai-bias/> (data dostupa: 07.09.2024).
15. Benefits of Artificial Intelligence in Advertising // Datatobiz URL: <https://www.datatobiz.com/blog/artificial-intelligence-in-advertising/> (data dostupa: 10.09.2024).
16. ChatGPT protiv frilanserov: skol'ko biznes jekonomit na specialistah blagodarja II // forbes URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/489433-chatgpt-protiv-frilanserov-skol-ko-biznes-ekonomit-na-specialistah-blagodara-ii> (data dostupa: 10.08.2024).
17. Gao, B., Wang, Y., Xie, H., Hu, Y., & Hu, Y. Artificial Intelligence in Advertising: Advancements, Challenges, and Ethical Considerations in Targeting, Personalization, Content Creation, and Ad Optimization. // SAGE Open, 13(4). 2023.
18. How Generative AI Can Change the Advertising Industry for Good // admiral media URL: <https://admiral.media/how-generative-ai-can-change-the-advertising-industry-for-good/> (data dostupa: 10.08.2024).
19. Jisu Huh, Michelle R. Nelson & Cristel Antonia Russell ChatGPT, AI Advertising, and Advertising Research and Education // Journal of Advertising, 2023. R. 477–482.
20. Zhang C., Peng Y. Stacking VAE and GAN for Context-aware Text-to-Image Generation. // IEEE Fourth International Conference on Multimedia Big Data (BigMM). 2018. R. 1–5.

Статья поступила в редакцию 21.09.2025; одобрена после рецензирования 15.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 21.09.2025; approved after reviewing 15.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Русский язык

Научная статья

УДК 81'373.2: 81'37

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-68

EDN: OFFKOU

Фамильный антроним как эмблема персонажа

Светлана Алексеевна Кошарная

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
fotonija@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4541-3979>

Аннотация. В статье рассматриваются так называемые «говорящие» фамилии, выступающие значимым элементом языкового портрета персонажа, эмблемой его личности. Данные разноструктурные онимы включают в свой состав искусственные образования, созданные авторами по образцу реально существующих фамилий или с отклонениями от такого образца, а также элементы реального национального и инокультурного антронимикона («внеконтекстные» фамильные антронимы), денотат которых генерирует возможность выполнения ономома характеризующей функции.

Художественный антроним существует, с одной стороны, как элемент данного конкретного текста, с другой – находится в онтологической связи с антронимической системой языка, с культурной и литературной традицией, жанровой, стилистической направленностью произведения. Исходя из этого, анализ художественного антронимикона предполагает его лингвокультурологическую интерпретацию с учётом мировоззрения и идейно-художественного замысла автора. Выявление аксиологической и идеологической значимости именований персонажей и роли антронимов в художественном целом позволяет представить данные языковые единицы как вербализации элементов индивидуально-авторской концептосферы, а также как особое языковое изобразительное средство, обладающее коннотативным потенциалом и обеспечивающее программируемую ассоциативную реакцию читателя.

Выбор имён персонажей писателями – изобретение имён героев и привлечение именований из системы реального антронимикона – является в полной мере индивидуальный творческий акт и в то же время препрезентирует национальную литературную традицию создания художественного именословия, включая «говорящие» фамилии, генерирующие в сознании читателя заложенные автором ассоциации и коннотацию фамильного онома как «эмблемы» персонажа и эмблематики текста в целом.

Ключевые слова: художественный антроним; фамильный антроним, «говорящие» фамилии; лингвокультурологическая интерпретация; художественный концепт; языковой портрет персонажа; языковая игра; комический эффект

Для цитирования: Кошарная С. А. Фамильный антроним как эмблема персонажа // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 68–77. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-68>. <https://elibrary.ru/OFFKOU>

Russian language

Original article

Surname anthroponym as a character emblem

Svetlana A. Kosharnaya

Doctor of philological sciences, professor at the department of the russian language and russian literature, Belgorod state national research university. 308015, Belgorod, Pobeda str., 85
fotonija@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4541-3979>

Abstract. The article deals with the so-called «speaking» surnames, acting as a significant element of a character's linguistic portrait, a personality emblem. These multistructural onyms include artificial formations modeled by the writer according to real surnames or with some deviations from this pattern, as well as elements of real national and foreign cultural anthroponymicon («out-of-context» surname anthroponyms), whose denotative generates the possibility for the onym to perform its characterizing function.

The literary anthroponym is, on the one hand, an element of a particular text, and, on the other, it is ontologically linked to the anthroponymic system of the language, to the cultural and literary tradition, the genre and stylistic aspects of the work. Based on this, the analysis of the artistic anthroponymicon implies its linguoculturological interpretation with regard to the writer's worldview, their ideological and artistic intentions. Identifying axiological and ideological significance of character names and the role of anthroponyms in the literary work helps to describe these linguistic units as verbalized elements of the authorial individual concept sphere, and as specific figures of speech with connotative potential, providing the reader's predictable response.

The writer's choice of character names – inventing heroes' names or using names from the system of real anthroponymicon – is a completely individual creative act which, at the same time, represents the national literary tradition of creating a name list. The writer uses «speaking» surnames to generate in the reader's mind certain associations and connotation of the surname as an «emblem» of the character and of the text as a whole.

Key words: artistic anthroponym; surname-anthroponym; «speaking» surnames; linguoculturological interpretation; artistic concept; a character's linguistic portrait; language game; comic effect

For citation: Kosharnaya S. A. Surname anthroponym as a character emblem. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2025;(4):68–77. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-68>. <https://elibrary.ru/OFFKOU>

Введение

Антропонимическая лексика – один из давно и активно разрабатываемых объектов разноспектральных лингвистических исследований (работы Н. В. Васильевой, В. В. Виноградова, И. М. Ганжиной, Н. В. Даниловой, В. А. Дмитриевской и Т. М. Задорожной, И. А. Королёвой, С. И. Кормилова, А. А. Кунарева, В. А. Никонова, В. И. Супруна, А. В. Сусловой, А. В. Суперанская, Н. К. Фролова и др.). Между тем актуальность изучения антропонимов в художественном тексте не снижается, что доказывается трудами как маститых, так и молодых исследований (В. Д. Бондалетов, А. Г. Горнфельд, Ю. А. Карпенко, Ю. И. Левин, Н. В. Васенева, А. С. Врунова, Е. Ф. Исаева и др.). Более того, сегодня, с возникновением новых, интегративных подходов, художественная антропонимика обретает статус одного из ключевых объектов лингвокультурологического и концептуального анализа.

«Имя собственное в произведении, помимо уже имеющихся значений и ассоциаций, имеет некий подтекст – дополнительный эстетически нагруженный автором смысл (авторский концепт). Особый интерес представляет изучение авторского замысла, закодированного писателями в художественных антропонимах» [Васенева, 2023, с. 448].

«The anthroponymic stratum of the literary text is an important semantic component of the semantic structure of the work as a whole. <...> Literary anthroponyms are often a kind of key to the interpreta-

tion of literary texts. They act as the most important text-forming means, being one of the links of the formal coherence of the artistic space» («Антропонимический пласт художественного текста является важным компонентом смысловой структуры произведения в целом. <...> Литературные антропонимы часто являются своеобразным ключом к интерпретации художественных текстов. Они выступают важнейшим текстообразующим средством, являясь одним из звеньев формальной связности художественного пространства») [Zinnatullina, 2022, p. 214].

Неслучайно излюбленным объектом исследования в лингвистике оказываются так называемые «говорящие» фамилии, которые представляют собой значимую составляющую языкового портрета литературного героя, «эмблемируя» личность персонажа. В этом ключе художественный антропоним обретает признаки символа: слово-символ – это своеобразная формула, кодирующая взаимоотношения двух разных по своему характеру и противопоставленных по ряду признаков значений – лексического значения слова и значение символа. Первое опирается на определенные лексические связи, второе – подразумевается, для его раскрытия требуется своеобразная «разгадка» на основе контекста [Кошарная, 2002, с. 25] или языковой пресуппозиции. Именно символическая нагруженность генерирует прецедентный потенциал литературного антропонима (*Митрофанушка, Обломов, Плюшкин* и др.).

Такие «эталонные имена» включаются в «текст культуры», поскольку «эталон обладает следую-

шими признаками: является элементом наивного сознания; обладает прототипическим, парадигматичным, то есть не нуждающимся в контексте значением; генерирует вокруг себя лингвокультурную легенду, ассоциативно связаны с воспроизведенными лингвокультурными сюжетами; поддерживается семиотическими средствами других языков культуры» [Токарев, 2023, с. 51]. При этом под эталоном понимается «стереотипизированное качество или свойство человека» [Токарев, 2022, с. 52], в данном случае – литературного персонажа.

Целью настоящей работы является определение конституциональных признаков литературных антронимов, функционирующих в художественном тексте в качестве «говорящих» фамилий.

Актуальность исследования «говорящих» фамильных антронимов определяется следующими отправными позициями. Указанные антронимы рассматриваются нами в лингвокультурологическом аспекте, и в этой связи наше обращение к литературной традиции «говорящих» онимов обусловлено важностью установления концептуальных и конституциональных особенностей «говорящих» фамильных имён персонажей с учётом их генезиса, ассоциативных и прецедентных потенций в контексте постижения национальной языковой художественной картины мира.

В использовании «говорящих» фамильных онимов обнаруживается авторский замысел, презентирующий личностные установки писателей. Исходя из этого, в качестве иллюстративного материала нами привлекаются фамильные онимы, представляющие русскую литературную сатирическую традицию и функционирующие в произведениях Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, И. Ильфа и Е. Петрова, М. А. Булгакова и – эпизодически – других авторов, для которых несомненна значимость имени собственного как антронимического «маркера», эмблемы персонажа.

Методы и подходы

Наше внимание сосредоточено на фамильной антронимической лексике как эмблематике личности персонажей художественного произведения, что детерминирует использование в качестве основных следующие методы: *концептуальный анализ*, *метод лингвокультурологической интерпретации*: данный метод зиждется на интегративном подходе к слову как вербальному выражению концепта, что уже стало научной традицией и находит отражение в новейших отечественных и зарубежных исследованиях [Голубева,

Сухарева, 2022; Абдыкадырова, Назарова, 2022; Abdelhamid, Alefirenko, 2023, Нургазина, Тілеш и др., 2023], с обязательным привлечением фоновых сведений (исторических, культурных), составляющих культурный контекст. Дополнительно используются компонентный анализ и – в ряде случаев (для экспликации этимона антронима) – *этимологический анализ*.

Художественный антроним существует, с одной стороны, как элемент данного конкретного текста, с другой – находится в онтологической связи с антронимической системой языка, с языковой и культурной традицией, с исторической эпохой, общелитературной, жанровой, стилистической направленностью произведения, а потому представляет несомненный интерес анализ языка произведений, отражающих дух эпохи и в то же время несущих в себе комическое начало.

При этом в отношении художественного антронима мы можем говорить о *макроконтексте* совокупного художественного текста и *микроконтексте*, который трактуется нами как отрезок художественного пространства, в котором реализуется оним: «онимы вплетаются в текстовую ткань как обязательный и организующий компонент, они взаимодействуют с другими текстовыми элементами, демонстрируют свои изобразительные возможности в пределах узкого и широкого контекста» [Супрун, 2000, с. 118].

В силу этого, на наш взгляд, можно говорить об иерархии контекстов:

- *внешний макроконтекст* – контекст культурно-исторической эпохи, детерминирующий последующие контексты;
- *внутренний макроконтекст* – контекст художественного текста в целом;
- *микроконтекст* – отрезок художественного пространства, в котором реализуется оним.

Результаты и обсуждение

Можно утверждать, что имя собственное, антроним – это особая лингвокультурная и лингвокогнитивная единица, это – несомненно – особый «текст культуры», свёрнутый в слово.

В своих более ранних работах мы неоднократно высказывали мысль о том, что слово является собой «минимальный текст культуры»: «слово может быть рассмотрено как минимальный культурный текст, прочесть который и есть задача лингвокультуролога» [Кошарная, 2002, с. 18]. Как справедливо полагал ещё в конце XIX в. А. А. Потебня, слово создается художественным творче-

ством человека, так же, как пословицы, поговорки, песни. В слове заложено всё то, что можно выразить в высказывании, следовательно, в процессе лингвокультурологического анализа слово может и должно рассматриваться как своеобразный микротекст, повествующий о том или ином культурном факте. Об изоморфизме структуры значения слова и высказывания, о том, что в слове вычленяется идентифицирующее (или классифицирующее) основание (тема) и ассертивная часть (рема) писал Ю. С. Степанов [Степанов, 1975]. Между тем эта ассертивная часть не является «семантической долей» денотата, а значит, не относится с понятием. Это, скорее, «имплицитное высказывание» субъекта о ценности денотата, так называемая «оценочная модальность». Данное положение служит основанием трансформации компонентного анализа слова в анализ вербализованного концепта. И в этом ключе имя собственное в той же степени «концептуально», как и нарицательное. В особенности, если речь идет о концепте, который объективируется художественным ономом.

Художественный антропоним – это всегда носитель определённой культурной коннотации, которые могут быть осмыслены интегративно – как культурная семантика языковых знаков [Ковшова, Гудков, 2024], то есть как художественный антропоконцепт, вбирающий культурный фон (культурная коннотация) и детерминированную узусом или контекстом оценочность. В художественном антропоконцепте сопрягается узуальное и индивидуальное, поскольку такой концепт «имеет содержательную, оценочную, эмоциональную составляющую, которая выражает отношение автора» [Абыкадырова, Назарова, 2002, с. 113]. В силу этого можно полагать, что всякое имя персонажа обладает коннотацией, то есть является коннотативом.

Заметим, что нередко это справедливо и в отношении реальных носителей имён – известных исторических деятелей и т.п.: Сусанин, Кутузов, Суворов и др. Данный факт обусловлен тем, что у антропонима, помимо ближайших, формальных значений, существуют «значения дальнейшие» (энциклопедические), которые представляют собой весь комплекс знаний и информации о конкретном члене общества, носящем данное имя.

Как отмечает А. В. Рудакова, такие номинации содержат особые «семы, которые указывают на сложившиеся в языковом сознании носителей языка символические связи антропонима (типа

ЭЙНШТЕЙН – символ гения в науке») [Рудакова, 2022, с. 160].

Следовательно, антропоним в художественном произведении вербализует особую ментальную единицу – художественный антропоконцепт, который включает комплекс представлений, объединяющих индивидуально-авторскую и национальную концептосферы. Такие концепты мы полагаем ключевыми для индивидуально-авторской картины мира: «концепт, который выражает глубинный смысл текста, воплощающий авторские идеи, намерения, можно считать ключевым» [Нургазина и др., 2023, с. 24].

Таким образом, можно осмыслить художественный антропоконцепт как особый элемент индивидуально-авторской концептосферы, реализующийся в микро- и макроконтекстах, вбирающий авторские интенции, мыслимые в отношении героя произведения, и эксплицируемый именем собственным как «эмблематикой» персонажа.

Культурная информация, заключенная в художественном антропоконцепте, генерирует в сознании искущенного читателя, вступившего в коммуникацию в дискурсивной системе «автор – читатель», комплекс ассоциаций и программируемых автором интерпретаций, так как имена персонажей являются репрезентацией идеологических, социальных, этнокультурных установок автора, в том числе установки на языковую игру и достижение комического эффекта, реализации комического начала в целом, будь то юмор, сатира или ирония. Данную установку можно считать перлокутивной задачей введения в сатирический текст художественного, авторского, антропонима.

«Irony gives additional meanings to the very structure of the text. To understand, comprehend and perceive a work of art, you need a multidimensional interpretation. <...> Semantic, contextual, pragmatic aspects of the functioning of anthroponyms in a literary text, determined the functions of irony and the peculiarities of their implementation in the text under» («Ирония придает дополнительные смыслы самой структуре текста. Чтобы понять, осмыслить и воспринять произведение искусства, нужна многоплановая интерпретация. <...> Семантические, контекстуальные, прагматические аспекты функционирования антропонимов в художественном тексте, определены функции иронии и особенности их реализации в рассматриваемом тексте») [Borisova, Kuznetsova, 2021, с. 223].

В целом, лингвокультурная, семантическая, стилистическая специфика художественных антронимов обуславливается совокупно – целевой установкой автора, его идеально-эстетической позицией, коммуникативно-функциональным назначением и жанровыми признаками текста.

При этом возможно вычленить в ряду художественных антронимов «внеконтекстные» номинации, почерпнутые из реальной антронимии (из внешнего – культурно-исторического – макроконтекста), и искусственно созданные – собственно авторские, детерминируемые макроконтекстом художественного целого. Авторская установка обуславливает выбор фамилии персонажа из реально существующих в языковой антронимической системе именований («внеконтекстных» по своему генезису онимов) или создание так называемых «искусственных» фамильных антронимов.

При этом концептуальное содержание художественного фамильного антронима должно «считываться» воспринимающим субъектом, исходя из чего создаются так называемые «говорящие» фамилии, ассоциативный потенциал которых чаще всего базируется на этимологическом значении: *Простаков*, *Стародум*, *Правдин* и др. Иными словами, здесь реализуется ещё один значимый принцип – полисемический, основывающийся на многообразии потенциальных ассоциаций, которые литературный персонаж способен вызвать в историко-культурном поле.

Заметим, что к «говорящим» именам собственным чаще всего относят «несуществующие [выделено нами – С.К.] имена, несущие определенную смысловую нагрузку, содержащие оценочно-экспрессивные факторы и характеризующие персонажей в художественных текстах» [Врунова, 2025, с. 45]. В нашей работе мы попытаемся показать, что это не всегда так.

Традиция «говорящих» фамилий берёт начало в комедиях В. И. Лукина, Д. И. Фонвизина, А. С. Грибоедова и – в большей степени – в масштабном творчестве Н. В. Гоголя (согласно меткой фразе, приписываемой Ф. М. Достоевскому, «все мы вышли из гоголевской шинели»). Далее эта антронимическая языковая игра подхватывается сатирической литературой XIX и XX вв.: чеховские герои генерал *Хохотов*, студент духовной академии Иван *Великопольский*, учитель чистописания *Ахинеев*, пьяница *Хрюкин*, мелкий чиновник *Червяков* и многие другие [Чехов, 1979], и в особенности – первой половины

XX в. Обилие подобных антронимов обнаруживается, например, в сатирической прозе И. Ильфа и Е. Петрова: *Изнура́нков*, *Хворобьев*, *Поцелуев-Плотский*, *Шершеляфамов*, *Побиухин*, *Гигиенишивили* и др. Эти антронимы искусственного образования, созданные авторами по образцу реальных фамилий, отличаются высокой степенью оценочности, проявляющейся внутри и вне текста и основанной на этимологическом значении мотивирующих основ номинаций. Они характеризуются прозрачной семантикой, транслирующей культурную коннотацию и репрезентирующей личные качества персонажей, например: *Изнура́нков* – человек, который «подобно распёлённому малютке <...> находился в состоянии вечного беспокойства», изнуряя окружающих «излишком своей энергии» [Ильф, Петров, 1992, с. 151–152]. Характеристика персонажа согласуется со словообразовательной структурой онима, включающей суффикс -‘онк-/-‘онок- со значением лица, не достигшего зрелого возраста; ребенка.

Примечательно, что сатирики 30-х гг. XX в. аллюзивно отсылают нас к Н. В. Гоголю как основному зачинателю традиции «говорящих» имён. В частности, в романе «12 стульев» описывается постановка гоголевской пьесы «Женитьба», а на афише спектакля указаны следующие имена: «...текст – Н. В. Гоголя, стихи – М. Шершеляфамова, лимонтаж – И. Антиохийского, музыкальное сопровождение – Х. Иванова. Автор спектакля – Ник. Сестрин. Вещественное оформление – Симбивич-Синдиевич. Свет – Платон Плацук. Звуковое оформление – Галкина, Палкина, Малкина, Чалкина и Залкинда» [Ильф, Петров, 1992, с. 198]. В этом ряду присутствуют псевдонимы представителей «нового искусства», в частности: *Шершеляфамов*, *Антиохийский*. В комментариях к роману читаем: «Авторы романа создали обобщенную пародию на многочисленные авангардистские постановки, характерные для 1920-х гг. <...> В частности, на исходе 1926 года он <Мейерхольд> поставил комедию Н. В. Гоголя „Ревизор”, что вызвало ожесточенную полемику в тогдашней периодике: противники инкриминировали Мейерхольду злонамеренное искажение классики, едва ли не глумление над гоголевским текстом <...>. Сочетание „стихи – М. Шершеляфамова” напоминает и о французской поговорке „cherchez la femme” (фр. ищите женщину), и о скandalно известном поэте-имажинисте В. Г. Шершеневиче, дружившем с Мейерхольдом, „литмонтаж – И. Антиохийского” – о городе Ан-

тиохии, привычно ассоциируемом с событиями Священной истории» [Одесский, Фельдман, 1998, с. 206].

Ту же связь с гоголевским творческим подходом к художественному антропонимику наблюдаем в творчестве М. А. Булгакова, который сам подчёркивал значимость гоголевского художественного наследия для его собственной творческой мастерской, о чём свидетельствуют и полумифологические сообщения о призраке Гоголя в эпистолярии писателя, и получившие широкую известность пророческие слова М. А. Булгакова: «Учитель, укрой меня своей гранитной шинелью» (впоследствии на могиле М. А. Булгакова стараниями его вдовы действительно был установлен надгробный камень с могилы Н. В. Гоголя, убранный «за ненадобностью» после возвращения над гоголевской могилой мраморного саркофага).

«Говорящими» фамилиями в творчестве М. А. Булгакова является целый ряд антропонимов: *Преображенский*, (Полиграф Полиграфович) *Шариков*, немецкая «по внешнему облику» фамилия помощника профессора Преображенского *Борменталь*, (Иван) *Бездомный*, (Алоизий) *Могарыч* и др.

Попутно, вслед за Ю. В. Кондаковой, исследовавшей антропонимику М. А. Булгакова в сопряжении с гоголевской, заметим, что «принципы сочетания имени и фамилии, которыми характеризуются ономастические гибриды Гоголя (<...> *Балтазар Жевакин*, *Христофор Бурдюков* и др.) и Булгакова (*Адельфина Бузяк*, *Алоизий Могарыч* <...> и др.) практически одинаковы, но семантика гоголевских гибридов является более „мерцающей”» [Кондакова, 2001, с. 9].

Однако не всегда этимон искусственного – художественного – фамильного антропонима оказывается очевидным. Эта традиция «фамилии-загадки», как нам видится, тоже берёт начало от Н. В. Гоголя. В уже упомянутом нами диссертационном исследовании Ю. В. Кондаковой подобные гоголевские антропонимы названы «неявно говорящими». Так, ставшее прецедентным имя *Плюшкин* (генезис данного прецедентного имени подробно рассматривается в современных работах [Титова, 2021 и др.]), источником которого является гоголевская поэма «Мёртвые души», как будто «прозрачно» обнаруживает этимологический корень *плюши* – ‘шерстяная, шёлковая или хлопчатобумажная ткань с ворсом’ [Ожегов, 1991, с. 524]. Однако

мотивирующим, непосредственно связанным с «содержанием» образа, здесь выступает существительное *плюшка* (русские фамилии с суффиксом *-ин* образуются от имён существительных на *-а*). И здесь возникает вопрос по поводу семантики производящего имени.

Общеноардное слово *плюшка* – ‘маленькая сдобная булочка’ [Ожегов, 1991, с. 524] – этимологически не связано с именем существительным *плюши* в приведённом выше значении. Этимологи склонны полагать, что наименование выпечки *плюшка* является либо древнерусским суффиксальным производным от существительного женского рода *плюща*, образованного от глагола *ПЛЮЩИТИ* – ‘раскатывать, делать плоским’ с последующим изменением *-ицък-* > *-ицк-*, либо слово *плюшка* ‘сдобная булочка’ является результатом развития значения слова *плюшка* – ‘птица трясогузка’, которое сохраняется в ряде диалектов [Фасмер, Т. 3, 2003, с. 290] (ср. аналогичное название выпечки *жаворонки*).

В то же время значение слова ‘сдобная булочка’ отсутствует в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (1863), хронологически соотносимом с текстом поэмы Н. В. Гоголя (1842). В то же время в «Словаре русских народных говоров» имеется значение, известное и ныне в русских селениях: «2. Плюшка, ж. Женская верхняя одежда из плюша. <...> Курск., Краснодар., Казаки-некрасовцы, Амур., Хабар.» [СРНГ, 1992, В. 27, с. 173]. Заслуживает внимания помета «казаки-некрасовцы» – речь о потомках донских и хопёрских казаков, ушедших с Дона и поселившихся (частью) на Кубани и по южнорусскому пограничью. Кроме того, составителями словаря отмечен Курский ареал. Добавим, что значение ‘женская верхняя одежда из плюша’ фиксируется не только в курских диалектах, но и в говорах Белгородской области, что – с учётом упомянутых казаков-некрасовцев – позволяет расширить ареал распространения слова на всю Южную Россию и полагать, что именно это регионально маркированное слово могло быть использовано Н. В. Гоголем при создании фамилии персонажа. Безусловно, это предположение остаётся гипотезой, но обратим внимание на указание «женская» одежда, что согласуется с авторским описанием персонажа: «Долго он <Чичиков> не мог распознать, какого пола была фигура: баба или мужик. Платье на ней было совершенно неопределенное, похожее

очень на женский капот, на голове колпак, какой носят деревенские дворовые бабы, только один голос показался ему несколько сиплым для женщины» [Гоголь, 1982, с. 66]. Это описание похожего на деревенскую бабу Плюшкина коррелирует с предполагаемым этимоном его фамилии.

В отношении генезиса «говорящих» фамилий следует заметить, что даже реально существующие в языке фамильные антропонимы, выступая в сатирических текстах в качестве «эмблемы» персонажа, обретают статус художественного онима, «прирастая» новыми смыслами (здесь, вслед за В. В. Колесовым, можно говорить о «сгущении смысла»): «... „говорящие“ имена сгущают восприятие, причём не искажают жизненную правду, поддерживая иллюзию действительности» [Кондакова, 2009, с. 296]. В результате к этимологическому значению фамильного имени добавляется содержательная характеристика художественного образа: фамилия поэта *Рюхина* в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» [Булгаков, 2006] этимологически соотносится со словом *рюха* – ‘цилиндрическая чурка для игры в городки’, что эксплицирует примитивность персонажа, претендующего на статус поэта.

Возможно использование в качестве литературных «говорящих» антропонимов известных исторических фамильных имён. Так, в булгаковском романе председатель правления МАССОЛИТА имеет фамилию *Берлиоз*, отсылающую читателя к фамилии французского композитора Гектора *Берлиоза*, написавшего на сюжет поэмы Гёте драматическую ораторию «Осуждение Фауста», содержание которой перекликается с некоторыми эпизодами романа. Комизм ситуации подчёркивается фразой поэта *Рюхина*: «**Композитор – это однофамилец Миии Берлиоза!**» [Булгаков, 2006, с. 74], где композитор *Берлиоз* оказывается «вторичен» по отношению к председателю правления: «*Пришлоось применить третью редакцию, а та оказалась еще хуже первых двух: „...Берлиозом, который попал под трамвай...“* – а здесь еще прицепился **этот никому не известный композитор-однофамилец** [выделено нами – С.К.], и пришлоось вписать: „...не композитором...“» [Булгаков, 2006, с. 126].

Ещё одной историко-культурной аллюзией является в булгаковском романе фамилия *Римский*. Несмотря на вариативность этимологизаций данной фамилии, она не является уникальной в русском фамильном именослове. Однако в контексте

романа вероятнее всего предположить ассоциативную связь с фамилией композитора *Римского-Корсакова*: эту фамилию носит финансовый директор Варьете *Римский* (ср. с композитором *Берлиозом*). Примечательно, что первоначальная фамилия русского композитора – *Корсаков*. Однако «к концу XVII века дворянский род Корсаковых <...> стал настолько многочисленным, что представители наиболее крупных его ветвей всерьёз задумались о том, как выделиться среди однофамильцев» [Федосюк, 2011, с. 156]. Общий предок Корсаковых был подданным Римской империи, поэтому ряд представителей рода по указу царя в XVII в. получили право именоваться *Римскими-Корсаковыми*. Однако финанс-директор Варьете в булгаковском романе получает только первую часть фамилии композитора, «искусственно» приобретённую им, что, безусловно, знаково для осмыслиения сущности персонажа: его «поле деятельности» – финансы, а не музыка.

Таким образом, и «внеконтекстные» по своему происхождению фамильные антропонимы, генетически связанные с внешним макроконтекстом (в том числе – с национальной и инонациональной антропонимической системой), могут впоследствии выступать в качестве «говорящих» именований, транслируя контекстуальную и этнокультурную смысловую нагруженность.

Заключение

Можно заключить, что «лексическая мотивация может выступать в роли лингвопрагматического маркера авторской установки на приздание образу героякомической окраски за счёт приёма парадоксальной (нетиповой) мотивации» [Шебалов, 2004, с. 123]. В силу заданной коннотации и ассоциативных потенций авторский фамильный антропоним оказывается важным средством создания языковой игры и реализации комического начала, что активно используется в текстах сатирического характера. При этом культурной коннотацией и оценочной семантикой обладают как искусственно созданные – собственно авторские, детерминируемые макроконтекстом художественного целого, онимы, так и «внеконтекстные» номинации, почерпнутые из реальной антропонимии (из внешнего – культурно-исторического – макроконтекста).

Игровая направленность «говорящих» фамилий детерминирована их конституциональными признаками: такие онимы представляют собой разновидность коннотативных языковых единиц, в большинстве случаев имеющих «прозрачную»

этимологию и репрезентирующих жанровую и стилистическую направленность текста. Несомненна аксиологическая и идеологическая значимость «говорящих» фамильных антропонимов, обуславливающая их дискурсообразующую роль в художественном целом. Лингвокультурологический подход к данным номинациям позволяет представить художественные фамильные антропонимы как вербализации элементов индивидуально-авторской концептосферы, имеющих ключевой характер. Репрезентанты художественных антропоконцептов как персонажная эмблематика является собой индивидуально и этнокультурно маркированное языковое изобразительное средство, не только обеспечивающее реализацию авторского замысла и перлокативную установку на достижение комического эффекта, но и транслирующее особенности национальной культуры и литературной традиции.

Библиографический список

1. Абдыкадырова С. Р., Назарова М. К. Корреляция понятий концепт, художественный концепт и межкультурный концепт // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Языкоzнание и литературоведение. 2022. С. 110–114.
2. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита : роман. Москва : «Мартин», 2006. 448 с.
3. Васенева Н. В. Художественный антропоним как авторский концепт: на примере произведения М. Твена «Принц и нищий» // Современное педагогическое образование. Языкоzнание и литературоведение. 2023. № 12. С. 438–442.
4. Врунова А. С. Говорящие имена собственные: классификация и приёмы перевода // Молодой учёный. 2025. №27 (578). С. 45–47.
5. Гоголь Н. В. Мертвые души : Поэма / вступ. ст. С. И. Машинского. Москва : Просвещение, 1982. 254 с.
6. Голубева К. Г., Сухарева Т. В. Художественный концепт как инструмент интерпретации текста в образовательной парадигме филологов и лингвистов // Научный журнал «Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова». 2022. Вып. 59. С. 99–144.
7. Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев. Краснодар : Издательство «Советская Кубань», 1992. 285 с.
8. Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Культурная семантика языковых знаков : теория и эксперимент // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та. 2024. № 4. С. 181–189.
9. Кондакова Ю. В. Гоголь и Булгаков поэтика и онтология имени. Екатеринбург 2001. 27 с.
10. Кондакова Ю. В. Ономастический код в художественном мире Н. В. Гоголя // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2009. № 2 (63). С. 292–297.
11. Кошарная С. А. Миф и язык : Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира : монография. Белгород : Изд-во Белгор. гос. ун-та 2002. 288 с.
12. Нургазина А. Б., Тілеш Қ. Е., Аюпова Г. К. Художественный концепт «форсайты» в пространстве текста и способы объективации его смысла // Вестник Евразийского гуманитарного института. 2023. № 3. С. 20–37.
13. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Комментарии // И. Ильф, Е. Петров Двенадцать стульев : Первый полн. вариант романа с предисл. и comment. М. Одесского, Д. Фельдмана. Москва : Вагриус, 1998. 541 с.
14. Ожегов С. И. Словарь русского языка : 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва : «Русский язык», 1991. 917 с.
15. Рудакова А. В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической семасиологии и лексикографии : в 2-х т. Воронеж, 2022. 556 с.
16. СРНГ – Словарь русских народных говоров // Рос. акад. наук. Ин-т лингвист. исслед.; Вып. 27 / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. Санкт-Петербург : Наука, 1992. 401 с.
17. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / АН СССР. Ин-т языкоzнания. Москва : Наука, 1975. 311 с.
18. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград : Перемена, 2000. 172 с.
19. Титова А. С. Периферийная зона восприятия прецедентного имени: Плюшкин как полисемантическая единица коммуникативного сознания // Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2021. Т. 163, кн. 1. С. 162–169.
20. Токарев Г. В. Словарь лингвокультурологических терминов. Тула : Тульское производственное полиграфическое объединение, 2022. 57 с.
21. Токарев Г. В. Прецедентные имена в роли эталонов региональной культуры // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2023. № 1 (45). С. 46–52.
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : Т. 3. / пер. с нем. и доп. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. Москва : Астрель : Аст, 2003. 832 с.
23. Федосюк Ю. А. Русские фамилии : популярный этимологический словарь. Москва : Флинта : Наука, 2011. 237 с.
24. Чехов А. П. Рассказы и повести / вступ. ст. М. П. Громова. Москва : Правда, 1979. 639 с.
25. Шебалов Р. Ю. Ономастическая игра в художественном тексте : На материале ранних рассказов А. П. Чехова. Екатеринбург, 2004. 219 с.

26. Abdelhamid S., Alefirenko N. F. Speech acts and Russian text-generating discourse // Russian Language Studies. 2023. V. 21. № 1. P. 7–17.

27. Borisova T. G., Kuznetsova T. B. Anthroponyms using for creating an ironic beginning («Napoleon carts» by D. Rubina) // Proceedings of International Scientific Congress «Knowledge, Man and Civilization» (22–25 October, 2020) : Complex Scientific Research Institute named after H.I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences, Russia. 2021. P. 223–229.

28. Zinnatullina G. Kh. Anthroponyms and the fiction text. Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke // Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being. 2022. № 11. P. 211–216.

Reference list

1. Abdykadyrova S. R., Nazarova M. K. Korreljacija ponatij koncept, hudozhestvennyj koncept i mezhkul'turnyj koncept = Correlation between the concept, artistic concept and intercultural concept // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. Jazykoznanie i literaturovedenie. 2022. S. 110–114.
2. Bulgakov M. A. Master i Margarita = The Master and Margarita : roman. Moskva : «Martin», 2006. 448 s.
3. Vaseneva N. V. Hudozhestvennyj antroponim kak avtorskij koncept: na primere proizvedenija M. Tvena «Princ i nishhij» = Literary anthroponym as an authorial concept: the example of M. Twain's work «The Prince and the Pauper» // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. Jazykoznanie i literaturovedenie. 2023. № 12. S. 438–442.
4. Vrunova A. S. Govorjashchie imena sobstvennye: klassifikacija i prijomy perevoda = Speaking proper names: classification and translation techniques // Mlodoj uchjonyj. 2025. №27 (578). S. 45–47.
5. Gogol' N. V. Mertye dushi = The Dead Souls : Pojema / vstup. st. S. I. Mashinskogo. Moskva : Prosveshenie, 1982. 254 s.
6. Golubeva K. G., Suhareva T. V. Hudozhestvennyj koncept kak instrument interpretacii teksta v obrazovatel'noj paradigme filologov i lingvistov = Literary concept as a tool of text interpretation in the educational paradigm of philologists and linguists // Nauchnyj zhurnal «Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobroljubova». 2022. Vyp. 59. S. 99–144.
7. Il'f I. A., Petrov E. P. Dvenadcat' stul'ev. = Twelve Chairs. Krasnodar : Izdatel'stvo «Sovetskaja Kuban», 1992. 285 s.
8. Kovshova M. L., Gudkov D. B. Kul'turnaja semantika jazykovyh znakov : teorija i eksperiment = Cultural semantics of linguistic signs : theory and experiment // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Nizhniy Novgorod : Izd-vo Nizhegorod. un-ta. 2024. № 4. S. 181–189.
9. Kondakova Ju. V. Gogol' i Bulgakov pojetika i ontologija imeni = Gogol and Bulgakov poetics and ontology of name. Ekaterinburg 2001. 27 s.
10. Kondakova Ju. V. Onomasticheskij kod v hudozhestvennom mire N. V. Gogolja = Onomastic code in N. V. Gogol's fiction world // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki. 2009. № 2 (63). S. 292–297.
11. Kosharnaja S. A. Mif i jazyk : Opyt lingvokul'turologicheskoy rekonstrukcii russkoj mifologicheskoy kartiny mira = Myth and language : Experience of linguoculturological reconstruction of the Russian mythological worldview : monografija. Belgorod : Izd-vo Belgor. gos. un-ta 2002. 288 s.
12. Nurgazina A. B., Tilesh K. E., Ajupova G. K. Hudozhestvennyj koncept «forsajty» v prostranstve teksta i sposoby ob'ektivacii ego smysla = The «forsytes» literary concept in the text's space and ways of objectivizing its meaning // Vestnik Evrazijskogo gumanitarnogo instituta. 2023. № 3. S. 20–37.
13. Odesskij M. P., Fel'dman D. M. Kommentarii = Commentary // I. Il'f, E. Petrov Dvenadcat' stul'ev : Pervyj poln. variant romana s predisl. i komment. M. Odesskogo, D. Fel'dmana. Moskva : Vagrius, 1998. 541 s.
14. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka : 70 000 slov = Dictionary of the Russian Language: 70 000 words / pod red. N. Ju. Shvedovo. Moskva : «Russkij jazyk», 1991. 917 s.
15. Rudakova A. V. Teoreticheskie i prikladnye problemy psiholingvisticheskoy semasiologii i leksikografii = Theoretical and applied problems of psycholinguistic semasiology and lexicography : v 2-h t. Voronezh, 2022. 556 s.
16. SRNG – Slovar' russkih narodnyh govorov = Dictionary of Russian dialects // Ros. akad. nauk. In-t lingvist. issled.; Vyp. 27 / gl. red. F. P. Sorokoletov. Sankt-Peterburg : Nauka, 1992. 401 s.
17. Stepanov Ju. S. Metody i principy sovremennoj lingvistiki = Methods and principles of contemporary linguistics / AN SSSR. In-t jazykoznanija. Moskva : Nauka, 1975. 311 s.
18. Suprun V. I. Onomasticheskoe pole russkogo jazyka i ego hudozhestvenno-jesteticheskij potencial = Onomastic field of the Russian language and its literary and aesthetic potential. Volgograd : Peremen, 2000. 172 s.
19. Titova A. S. Periferijnaja zona vosprijatija precedentnogo imeni: Pljushkin kak polisemantichnaja edinica kommunikativnogo soznanija = Peripheral zone of a precedent name perception: Plushkin as a polysemantic unit of communicative mind // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija : Gumanitarnye nauki. 2021. T. 163, kn. 1. S. 162–169.
20. Tokarev G. V. Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov = Dictionary of linguoculturological terms. Tula : Tul'skoe proizvodstvennoe poligraficheskoe ob'edinenie, 2022. 57 s.
21. Tokarev G. V. Precedentnye imena v roli jetalonov regional'noj kul'tury = Precedent names as regional culture standards // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo. 2023. № 1 (45). S. 46–52.

22. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka = Etymological dictionary of the Russian language : T. 3. / per. s nem i dop. chlena-korrespondenta AN SSSR O. N. Trubacheva; pod red. i s predisl. prof. B. A. Larina. Moskva : Astrel' : Ast, 2003. 832 s.
23. Fedosjuk Ju. A. Russkie familii : populjarnyj jetimologicheskij slovar' = Russian surnames: popular etymological dictionary. Moskva : Flinta : Nauka, 2011. 237 s.
24. Chehov A. P. Rasskazy i povesti = Stories and novelettes / vstup. st. M. P. Gromova. Moskva : Pravda, 1979. 639 s.
25. Shebalov R. Ju. Onomasticheskaja igra v hudozhestvennom tekste : Na materiale rannih rasskazov A. P. Chehova = Onomastic game in fiction text : on A. P. Chekhov's early stories. Ekaterinburg, 2004. 219 s.
26. Abdelhamid S., Alefirenko N. F. Speech acts and Russian text-generating discourse // Russian Language Studies. 2023. V. 21. № 1. P. 7–17.
27. Borisova T. G., Kuznetsova T. B. Anthroponyms using for creating an ironic beginning («Napoleon carts» by D. Rubina) // Proceedings of International Scientific Congress «Knowledge, Man and Civilization» (22–25 October, 2020) : Complex Scientific Research Institute named after H.I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences, Russia. 2021. P. 223–229.
28. Zinnatullina G. Kh. Anthroponyms and the fiction text. Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke // Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being. 2022. № 11. P. 211–216.

Статья поступила в редакцию 26.09.2025; одобрена после рецензирования 17.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 26.09.2025; approved after reviewing 17.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 811

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-78

EDN: NFZJWR

Коммерческая эргонимика Астрахани как составляющая лингвистического пространства города

Юлия Александровна Васильева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева. 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а
gis_00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9374-1136>

Аннотация. Статья посвящена исследованию коммерческой эргонимики Астрахани как значимого элемента языкового ландшафта города. Городская номинативная система является своеобразным индикатором социально-экономических и культурных процессов. Изучение эргонимии Астрахани – города с уникальным статусом трансконтинентального и полигэтнического узла в низовьях Волги – позволяет диагностировать стратегии языковой и культурной адаптации бизнеса в полигэтнической среде, исследовать языковую экологию региона, то есть соотношение и взаимодействие разных языков в публичном пространстве, следовательно, оценить масштабы глобализации и силу локальных культурных сценариев. Коммерческие номинации можно рассматривать как когнитивные структуры (фреймы, концепты), актуализирующие те или иные ценности целевой аудитории. Анализ эргонимов позволяет выявить ключевые концепты и культурные доминанты, актуальные для массового сознания астраханцев, например, обилие названий, отсылающих к природным ресурсам, что является важной составляющей региональной идентичности. В статье анализируются структурно-семантические особенности названий предприятий и организаций, выявляется их роль в формировании городской идентичности и отражении социально-экономических процессов. Особое внимание уделяется взаимодействию русских и тюркских языковых элементов, а также влиянию глобализационных тенденций на местную эргонимическую систему. Приводятся результаты полевых исследований и корпусного анализа, демонстрирующие уникальность языкового ландшафта города. Обозначены главные тенденции развития городской ономастики в условиях социокультурных трансформаций: глобализация ономастического пространства, использование в качестве названий прецедентных имён, регионализация и «экологизация» эргонимикона, развитие креативных стратегий именования. Исследование позволило заключить, что коммерческая эргонимика Астрахани, являясь частью многокомпонентной системы, включающей различные исторические пласти и следы этнокультурного взаимодействия, отражает исторические, экономические и культурные особенности региона.

Ключевые слова: Астрахань; эргонимика; ономастика; языковая идентичность; регионализация; глобализация; креативные стратегии именования; нейминг

Для цитирования: Васильева Ю. А. Коммерческая эргонимика Астрахани как составляющая лингвистического пространства города // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 78–84. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-78>. <https://elibrary.ru/NFZJWR>

Original article

Astrakhan's commercial ergonymy as a component of the city linguistic space

Yulia A. Vasilieva

Candidate of philological sciences, associate professor at the russian language department, V. N. Tatishchev Astrakhan state university. 414056, Astrakhan, Tatishchev str., 20a
gis_00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9374-1136>

Abstract. The article examines commercial ergonymy of Astrakhan as a significant element of the city's linguistic space. The urban nominative system serves as an indicator of social, economic and cultural processes. Astrakhan is a city with a unique status of a transcontinental and multi-ethnic hub on the lower Volga banks, and studying its ergonyms helps to diagnose linguistic and cultural adaptation strategies for business in a multi-ethnic environment, to explore the linguistic ecology of the region, i.e., the relationship and interaction between different languages in the public space, and consequently, to assess the extent of globalization and the strength of local cultural scenarios. Commercial nominations can be viewed as cognitive structures (frames, concepts) that actualize certain values for the target audience. The analysis of ergonyms makes it possible to identify key concepts and cultural dominants relevant to Astrakhan's mass consciousness,

for example, plenty of names referring to natural resources, which is an important part of the regional identity. The article analyzes the structural and semantic features of naming enterprises and organizations, and describes their role in shaping urban identity and in reflecting socio-economic processes. The author pays special attention to interaction between Russian and Turkic linguistic elements, as well as the influence of globalization trends on the local ergonomic system. The results of field research and corpus analysis demonstrate the city's unique linguistic landscape. The article outlines the main trends in the development of urban onomastics in terms of sociocultural transformations: globalization of the onomastic space, using precedent names as titles, regionalization and «ecologization» of the ergonymicon, and the development of creative naming strategies. The study concludes that Astrakhan commercial ergonymy, as part of a multi-component system including various historical strata and signs of ethno-cultural interaction, reflects regional historical, economic and cultural specificities.

Key words: Astrakhan; ergonymy; onomastics; linguistic identity; regionalization; globalization; creative naming strategies; naming

For citation: Vasilieva Yu. A. Astrakhan's commercial ergonymy as a component of the city linguistic space. *Verhnevolzhski filologicheskiy vestnik*. 2025;(3):78–84. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-78>. <https://elibrary.ru/NFZJWR>

Введение

Ономастическая лексика неизменно находится в фокусе научного интереса специалистов, однако традиционно в работах по ономастике исследователи указывают на «нерешенность большого числа проблем собственных имен» [Руденко, 1988, с. 55]. Городской ономастикон как постоянно меняющееся явление представляет собой ценный лингвокультурный ресурс, изучение которого обладает значительной научной и практической значимостью, отражает историко-культурную динамику, маркирует языковую ситуацию и формирует городскую идентичность. В русле ономастических исследований эргонимы изучаются с 1970-х годов [Подольская, 1978]. В 1990-х годах появились первые научные исследования эргонимов как самостоятельного направления [Суперанская, 1985; Прокуровская, 1996; Земская, 1996; Голомидова, 1998; Романова, 1998 и др.]. Современная эргонимия является постоянно изменяющейся и развивающейся областью ономастики. Авторы научных работ последних лет акцентируют внимание на презентации культурного кода и идентичности региона посредством эргонимов [Боваева, Бураева, Дальдина, 2019; Гапонова, 2020; Голомидова, 2022; Замальдинов, 2021; Киселева, Хисамутдинова, 2024; Кривицкая, 2023; Салимова, 2023; Сафонова, 2019; Татевосян, 2025; Шмелева, 2020; Щербак, 2022]. Наименования коммерческих городских объектов становятся результатом нейминга, то есть речевыми продуктами, наделенными коммуникативно-прагматическим потенциалом [Ремчукова, 2017]. Коммерческая эргонимика как сегмент лингвистического пространства современного города выполняет несколько важных функций: идентификационную (различение субъектов экономической деятельности), коммуникативную (информирование о характере оказываемых услуг) и культурно-символическую (отражение местной языковой специфики).

Астрахань – полиэтничный город с богатой историей, расположенный на стыке Европы и Азии. Его лингвистическое пространство формировалось под влиянием русского, татарского, казахского, ногайского, армянского, персидского и других языков, что нашло отражение в местном ономастиконе. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью региональной ономастики в сравнении с центральными регионами России, уникальным многоязычием астраханского ономастикона, требующим комплексного анализа, динамичностью языкового ландшафта (исчезновение старых и появление новых названий).

Актуальность предпринятого исследования связана с необходимостью представить специфику системы коммерческих имен собственных и установить типы информации, традиционные для регионального лингвистического пространства. Цель работы – выявить лингвистические особенности эргонимикона Астрахани как отражения её лингвокультурной идентичности. Исследование эргонимов в рамках настоящей работы направлено на решение следующих задач: 1) сформировать презентативную выборку астраханских эргонимов; 2) описать основные тенденции развития региональной ономастики; 3) определить специфику лингвокультурной идентичности Астрахани, презентируемой в её эргонимиконе (выявить и интерпретировать прецедентные феномены, используемые в номинациях, проанализировать роль этнокультурного компонента в формировании уникального облика городской номинативной системы, оценить взаимодействие глобальных и локальных тенденций в эргонимии).

Материал и методы исследования

В качестве источника материала было использовано 120 номинаций коммерческих объектов города Астрахани, зафиксированных в результате непосредственного наблюдения. Сформулирован-

ные задачи определили выбор методов исследования. В качестве основных методов и приёмов были использованы общенаучные методы: анализ, синтез, обобщение. Для установления системы эргонимов в лингвистическом пространстве города автором применялись полевые исследования (фиксация названий городских коммерческих объектов, вывесок, рекламных текстов) и корпусный анализ (обработка архивных данных, СМИ).

Основные результаты исследования

Т. В. Шмелёва, А. Ш. Шарифуллин и другие ученые выделяют ряд ключевых тенденций, характеризующих развитие городской ономастики в условиях современных социокультурных трансформаций [Шмелёва, 2014; Шарифуллин, 2000]. Отметим характерные для города Астрахани тенденции.

1. Глобализация ономастического пространства, под которой мы понимаем активное проникновение интернациональных (преимущественно англоязычных) элементов, стандартизацию коммерческих наименований по международным образцам и формирование «транснационального» слоя городской ономастики: мастерская шоколада «Шоколад авеню», мебельный салон «Сити мебель», медицинские центры «GREEN LAB», фотостудии «Little story», «Фотостудио», стоматологические клиники «Status smile», «Love dent», свадебные салоны «Miss in white», «My love», кафе «Best food», «Яблоко street», «Мята halal», «Golden mangal», рестораны «Kirova street», «Mai Китай», «Пиранья Rest», гостиницы «Сити», «Apart Завод», «Granat», автосервисы «Zona avtoremonta», «Master Car», «Fit service», баня «Time House», цветочные магазины «Black Flowers», «Bloom», «Green Parad», пекарни «Kontrast», «Raxmet», магазин блюд на мангale «Barashka», кафе туркменской кухни «TM HOUSE» («национальная» принадлежность этого эргонима обозначена визуально: изображение туркменского флага «вписано» в букву О на вывеске), салоны красоты «Be beautiful», «Tegrapia», «WONDERROOM» и др. Отметим, что смешение культурных кодов в нейминге достигается разными способами: графодеривация, включение в названия коммерческих объектов латиницы, использование лексем русского и английского языков в одном названии и т.д. Транслитерация (передача иностранных слов буквами русского алфавита) активно используется в астраханском эргонимиконе: фотостудия «Селфклик», магазины «Дольче Вита», «Бьюти», «Бэст», «О'кей», «Даймонд», кафе «Релакс», компьютерный центр «Санрайз», торгово-сервисная компания «Тайм», сервисный центр

«Хайтек», медцентр «Клиника-сити», стоматологические клиники «Люкс Смайл», «Эстет клиник», «Юсмайл», цветочный салон «Фоловми», студия массажа «ЛавСкин» и др.

2. Использование прецедентных имен (в том числе с актуализацией литературно-мифологической тематики) для создания эргонимов как способ включения онима в культурный контекст: ресторан «Онегин», отель «Дама с собачкой», кафе «Тарантино», караоке-клуб «Синатра», бар «Чаплин», кафе «Челентано», массажный салон «Монро», ресторан восточной кухни «Аль-Фараби» (сокращение имени восточного философа и учёного X века), магазин детских товаров «Дюймовочка», спа-салон «Бастет», гостиница «Гагарин», мебельный салон «Шекспир», студии красоты «Клеопатра», «Нефертити», «Адам и Ева», «Афродита», спа-клиника «Исида», бани «Емеля», «Жар-птица», агентство юридических услуг «Фемида», магазин товаров для отдыха и рыбалки «Посейдон», магазины «Зевс», «Ной», салон свадебной моды «Феврония», магазин медицинской одежды «Эскулап», кафе «Колхида», гостиничный комплекс «Калипсо», магазин «1000 и одна сумка», автосервис «Сто друзей» (в последнем эргониме отметим языковую игру: лексема «сто», на вывеске написанная заглавными буквами, представляет собой аббревиатуру СТО – станция технического обслуживания) и др. Прецедентное имя – это «индивидуальное имя, связанное: 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных текстов; 2) с ситуацией, широко известной носителям языка [Гудков, 1999, 2003]. Отметим и эргонимы, содержащие отсылки к прецедентным текстам: магазин товаров для праздника «Ну, приходи!» (фраза «Ну, погоди!» из одноимённого мультфильма), магазины морепродуктов «Ловись рыбка» (прецедентное высказывание «Ловись, рыбка, большая и маленькая» из народных сказок) и «Пощучьему велению».

3. Регионализация эргонимикона: усиление локальной идентичности посредством включения в названия коммерческих объектов этнокультурных элементов, культурных, исторических и географических кодов, обращение номинаторов к местной топонимической традиции, благодаря чему формируется уникальный ономастический ландшафт города: торговый комплекс «Татар-Базар», ресторан «Каспий», стоматологическая клиника «Каспий-дент», кафе «Волга-Волга», «Ахтуба», туристическое агентство «Дельта-тур», автомагазин «Дельта моторс». Это маркетинговая стратегия, подчеркивающая связь бизнеса с территорией. Одним из аспектов регионализации астраханского эргонимикона являются историко-

культурные отсылки. На территории современной Астраханской области располагался город Сарай-Бату – бывшая столица Золотой Орды. Несколько эргонимов актуализируют эту лингвострановедческую информацию: культурно-исторический комплекс «Сарай-Бату», торговый центр и база отдыха «Итиль» (по названию средневекового города в дельте Волги, бывшей столицы Хазарского каганата в середине VIII–X вв.), гостиничный комплекс «Шёлковый путь», кафе «Khan».

Рыбная и икорная продукция – визитная карточка Астрахани, поэтому ряд эргонимов-брендов отражают природную специфику региона: рестораны «Белуга», «Щука», рыбный салон «Вобла», магазины «Арбуз», «астрравобла.рф», «Рыбачок», «Балык маркет», «Осетровая лавка», «Русская икра», «Каспийские деликатесы», «Астраханские деликатесы», «Золото Астрахани», «Рыбное изобилие», «Родом из Астрахани», «Дары Астрахани», «Волжанин», компания «Золотая стерлядь», гостиничный комплекс «Икра» и др.

Лотос – природный и культурный символ Астраханской области, поэтому коммерческие номинации, включающие название этого уникального растения, выполняют идентификационную (узнаваемость региона) и экономическую (повышение туристической привлекательности) функции. Название «Лотос» носит главная телерадиокомпания Астрахани, судостроительный завод, жилой комплекс («Лотос парк»), автосервис («Лотос-авто»), продуктовые магазины, кафе, столовая, студия йоги, строительный магазин («Лотостехно»), строительная компания («Лотос проект»), стоматологическая клиника и садово-водческое товарищество.

В поликультурной Астрахани проживают около 140 национальностей, сохранивших свои культурные особенности. В региональном эргонимиконе присутствует множество названий кафе и ресторанов, ориентированных на национальные кухни: грузинскую («Генацвале», «Кинза», «Мимино», «Хачапуридзе», «Хванчкара», «Колхети», «Karaköy»), азербайджанскую («Старый Баку», «Бастурма», «Gilavar»), узбекскую («Ташкент», «Чайхана Шоли», «Узбечка»), кавказскую («Мой Дагестан», «Khan», «Кухня с акцентом», «Восточный Райян», «У Фатимы», «Азбар», «Чабан», «Шатлык», «БарХан», «Аль-маидат»), армянскую («Аракс»), ливанскую («Finik&hummus») и др. Отметим и номинации, содержащие отэтнонимные прилагательные: торговый дом «Русский Холодъ», фирмы «Русский свет», «Русские медные трубы», магазин «Русская зима», банк «Русский стандарт», пекарня «Татарская выпечка», кафе «Вайнахский дворик» (вайнахи – появившийся в

начале XX века эндоэтноним чеченцев и ингушей, под которым в современном кавказоведении понимают большую часть носителей нахских языков – вайнахов Чечни и Ингушетии), бизнес-центр «Азербайджанский деловой центр».

Региональная специфика эргонимов проявляется также при включении в их состав территориального идентификатора. Ряд астраханских эргонимов содержит число «30» (региональный автомобильный код): магазин «Осётр 30», сувенирная лавка «Suvenerka_30», автошкола «30 регион», база отдыха «Рыбалка 30», магазины «Стройдвор30.рф» «Астра30», компания «Оптика30.рф» и др. Признак региональной идентичности представлен и в названиях сувенирных магазинов: «Наши Астраханские», «Астраханский сувенир», «Казачий сувенир», «У Пречистенских ворот». Последний эргоним содержит указание на местонахождение номинируемого объекта – в непосредственной близости от Пречистенских ворот, главных проездных ворот Астраханского кремля.

4. Развитие креативных стратегий именования: использование языковой игры и нестандартных словообразовательных моделей, появление «говорящих» названий с подтекстом: банкетный зал «Кабачок-Рыбачок», кабинет эпиляции «Для тебя и для него», салон красоты «Департамент всего красивенького». Значительную часть креативных номинаций составляют эргонимы-реплики: цветочный салон «Вам букет», пекарня «Тут пекут», фотостудия «Лови момент», магазин-чайная «Чай-пей», салон массажа «Промасажим» компания по реставрации мебели «Снова за старое», магазин инструментов «Режь! Сверли! Точи!», арт-студии «Рисовать легко и весело!», «Рисуй Лепи Твори», рыболовные магазины «Поймаешь», «Подсекай» и т. п.

5. «Экологизация» эргонимического пространства: включение «зеленой» тематики в названия, отражение экологических ценностей в городской ономастике, формирование экологического имиджа через систему наименований (торговая фирма «Эко-лайн», компании «ЭкоНорма», «Экология+», «Экостандарт», ЖК «Зелёные кварталы», автомойка «Чистый город», фирма «Чистая вода», магазин «Чистая планета»), а также демонстрация приверженности экологическим ценностям, традициям здорового образа жизни со стороны местных предпринимателей: магазин «Экоферма Сайфуллиных», магазины по продаже овощей и фруктов «ЭкоЛавка», «ЗдравоЕшка».

Рассмотрим наименования коммерческих объектов Астрахани в соответствии с классификацией А. В. Суперанской [Суперанская, 2007].

1. Эргонимы, образованные от имен живых существ и существ, воспринимаемых как живые

(антропонимы, названия животных, птиц): свадебные салоны «Вероника», «Аида», салоны красоты «Алиса», «Татьяна», «Диана», «Жанна», «Милена», «Камилла», базы отдыха «Елена», «Ольга», «Пеликан», «Лебедь», фитнес-клуб «Барс», фотостудия «Чайка», бары «Щегол», «Белка», кофейня «Сойка», магазины «Хомяк», «От сазана до фазана», «Акула», «Барракуда», рекламно-полиграфическая компания «Лиса», студии творчества «Хамелеон», «Птица», бар «Котики», ветеринарные клиники «Багира», «Алабай», «Акела», «Балу», магазин сумок «Кенгуру» и др.).

2. Эргонимы, образованные от названий неодушевленных предметов: автомойка «Гаражи», рестораны «Поплавок», «Миндаль», «Пряности», «Хурма и мандарин», салон-парикмахерская «Орхидея», базы отдыха «Блесна», «Фрегат», «Парус», парикмахерская «Расческа», гостиница «Апельсин», салоны красоты «Пудра», «Мята», «Жемчуг», «Калинка», «Конфетка», «Шоколад», «Карамель», художественная студия «Кисти и краски», гончарная школа «Колокол» и др.

3. Эргонимы, образованные от названий комплексных объектов (названий праздников, произведений искусства и литературы): рыболовные магазины «Щукарь», «Золотая рыбка», рестораны «Кавказская пленница», «Девичья башня», магазин игрушек «Буратин Карлович», магазин детской одежды «Мальвина», гостиницы «Сказка», «Золотой джин», «Эллада», спортзал «Витязь», музыкальная студия «Маэстро», туристическое агентство «Вокруг света» и т.д. Такие эргонимы образны и ассоциативны.

4. Эргонимы, образованные от слов-характеристик (как человека, так и предприя-

тия): базы отдыха «Прохладная», «Уютная», магазины стройматериалов «Профи», «Мастер», «Строитель», салоны красоты «Цирюльник», «Милашка», массажный салон «Стройная Я», пекарня «Любимая», салон красоты «Леди», магазины товаров для рыбаки «Рыболов», «Рыбачок», «Клёвый», автосервис «Механик», кондитерский цех «Стряпуха», хозяйственные магазины «Рукодельница», «Домашний», клининговая компания «Хозяюшка», патронажная служба «Добрые люди» и др. В подобные номинации включается информация о направлении деятельности и реклама предоставляемых услуг.

5. Эргонимы с затмненной семантикой понятны обычно самому номинатору: магазин стройматериалов «1+1», центры по ремонту компьютеров «ААА-сервис», «А.С.К.», «Абит», «Ант-сервис», магазин «ВладАнт», бар «718», банкетный зал «ДИЭЛ», магазин «Три-А», ООО «МПН». К этой группе мы относим и названия, вызывающие неоднозначные ассоциации (кафе «Сытая моль», магазин обуви и сумок «Гусеница Fresh», магазин «НОГИ в РУКИ», кафе «PuZo», фотостудия «Аперитив», магазин предметов интерьера «Полный прованс» и др.).

Прагматическим намерением номинатора может быть либо информирование о предлагаемых товарах или оказываемых услугах, либо создание экспрессивного, необычного названия, которое запомнится и выделит его на фоне конкурентов. В первом случае в качестве эргонима обычно используется конкретно-образное наименование, во втором – задействуются стилистический и оценочный компоненты значения лексем. Сравним некоторые эргонимы (табл. 1).

Таблица 1

Примеры эргонимов в зависимости от прагматических намерений номинатора

Конкретно-образные наименования	Наименования со стилистическим и оценочным компонентами значения лексем
«Обои», «Обои+», «Магазин обоев»	«Великая стена», «Магия обоев», «Обойная сила»
«Дом штор», «Магазин штор», «Салон штор»	«Золотая шпалька», «Любимый дом», «Престиж декор»
«Ремонт автомобилей», «Автосервис»	«АвтоЛекарь», «АвтоБрат», «Чип и Дейл», «Невозможное возможно»
«Наша пекарня», «Кулинария № 1», «Настоящая пекарня»	«Искусство хруста», «Братья Калачи», «Любовь и хлеб», «Чудо-печка», «Мамины вкусняшки», «Папин хлебъ», «Дом хлеба», «Добрый хлеб»

Анализ номинативных моделей астраханских эргонимов («Товары для дома» (прямое указание) vs «Седьмое небо» (метафора)) позволяет заключить, что доминирующей нейминговой тенденцией последних лет становится креативность. Утилитарность уступает ей место, так как фиксируется множество коммерческих номинаций со стилистическим и оценочным компонентами значения

лексем. По мнению Т. В. Щербаковой, коммерческие номинации можно оценивать как успешные при совпадении номинативных интенций номинатора и субъективных желаний адресата [Щербакова, 2009, с. 6]. В противном случае мы наблюдаем явление коммуникативной неудачи: магазин праздничных товаров «Мы шарим», тату-студия «На игле», караоке-клуб «Запой», ритуальное

агентство «Мир камней», сервис по ремонту телефонов «Дядя Миша» и т. п. Неудачные названия потребители товаров и услуг не понимают, не запоминают. Подобные эргонимы вызывают негативные или нежелательные для номинатора ассоциации.

Выводы

Таким образом, астраханские предприниматели создают оригинальные названия для своих коммерческих предприятий, но часто без опоры на какую-либо теоретическую базу. Маркетологи подчеркивают особую важность выбора коммерческой номинации в управлении восприятием потребителей и коммуникации. Помимо базовой (идентифицирующей) функции, коммерческие номинации призваны играть рекламно-маркетинговую, дифференцирующую, культурно-символическую, юридическую и экономическую роли.

Лингвистическое пространство Астрахани представляет собой сложную систему, в которой переплетаются исторические пласти (от золотоордынских времён до современности) и наблюдается этнокультурное взаимодействие (русские, татарские, кавказские влияния). Коммерческая эргономика Астрахани отражает исторические, экономические и культурные особенности региона. При формировании эргономического пространства взаимодействуют различные языковые традиции (русская, тюркская, англоязычная). Изучение коммерческих номинаций Астрахани позволяет через призму языка понять сущность современных социальных процессов в специфическом региональном преломлении. Перспективы исследования видятся нам в сопоставлении астраханского ономастикона с ономастиконами других южных регионов России и в изучении восприятия названий представителями разных возрастных и этнических групп.

Библиографический список

1. Боваева Г. М., Бураева Т. В., Дальдинова Э. О. Исследование эргонимов городского ономастикона // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2019. № 1. С. 84–87.
2. Гапонова Ж. К. Эргонимы на вывесках провинциального города: лингвокультурологический аспект // Верхневолжский филологический вестник, 2020. № 4 (23). С. 99–104.
3. Голомидова М. В. Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности: кейс города Уфы // Вопросы ономастики, 2022. № 19 (1). С. 160–179.
4. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998. 36 с.
5. Гудков Д. Б. Прецедентные имена и проблемы прецедентности. Москва : Изд-во МГУ, 1999. 149 с.
6. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. Москва : Гнозис, 2003. 288 с.
7. Замальдинов В. Е. Креативный нейминг нижегородских заведений общественного питания: графический аспект // Теоретическая и прикладная лингвистика, 2021. № 7 (2). С. 35–43.
8. Киселева Л. А., Хисамутдинова Д. Р. Эргономикон как важнейший компонент языкового ландшафта современного полиглантического города (на примере Уфы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2024. Т. 17, вып. 7. С. 2524–2530.
9. Кривицкая А. В. Эргонимы в лингвокультурном пространстве города (на материале питейных заведений Республики Башкортостан). Екатеринбург, 2023. 231 с.
10. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва : Наука, 1978. 200 с.
11. Прокуровская Н. А. Город в зеркале своего языка (на языковом материале г. Ижевска). Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1996. 224 с.
12. Ремчукова Е. Н., Соколова Т. П., Замалетдинова Л. Р. Прецедентные имена культуры в ономастическом пространстве современного города // Ценности и смыслы, 2017. № 6 (52). С. 94–108.
13. Руденко Д. И. Собственные имена в контексте современных теорий референции // Вопросы языкоznания, 1988. № 3. С. 55–68.
14. Салимова Д. А. Лингвокреативные тенденции в оформлении современного эргономикона: на материале наименований билингвальной Казани // Многоглазие в образовательном пространстве, 2023. № 2. С. 203–208.
15. Сафонова Н. Н., Ермаковская Т. А. Особенности эргономии города Сургута в начале XXI века (на материале коммерческих эргонимов) // Вестник урловедения, 2019. Т. 9. № 2. С. 260–270.
16. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного // Литературоведение и языкоznание. Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. 366 с.
17. Татевосян А. Г. Эргономика и дизайн городской среды // Культура и цивилизация, 2025. Т. 15, № 3А. С. 23–28.
18. Шарифуллин Б. Я. Языковая политика в городе: право языка vs. языковые права человека (право на имя) // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 172–181.
19. Шмелева Т. В. Великий Новгород: ономастический портрет : монография. Великий Новгород : ТПК «Печатный Двор», 2020. 288 с.: ил.
20. Шмелева Т. В. Ономастикон российского города. Саарбрюккен : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 137 с.
21. Щербак А. С. Введение в ономастическое лингвокраеведение. Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2022. 168 с.
22. Щербакова Т. В. Искусственная номинация коммерческих предприятий (на материале тюменских наименований). Тюмень, 2009. 175 с.

Reference list

1. Bovaeva G. M., Buraeva T. V., Dal'dinova Je. O. Исследование яргонимов городского ономастикона = Study-

- ing ergonyms of the urban onomasticon // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2019. № 1. S. 84–87.
2. Gaponova Zh. K. Jergonimy na vyveskah provincial'nogo goroda: lingvokul'turologicheskij aspekt = Ergonyms on signboards of a provincial city: linguocultural aspect // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik, 2020. № 4 (23). S. 99–104.
3. Golomidova M. V. Gorodskie toponimy v aspekte transljacji regional'noj identichnosti: kejs goroda Ufy = Urban toponyms in terms of regional identity translation: the case of the Ufa city // Voprosy onomastiki, 2022. № 19 (1). S. 160–179.
4. Golomidova M. V. Iskusstvennaja nominacija v russkoj onomastike = Artificial nomination in Russian onomastics. Ekaterinburg, 1998. 36 s.
5. Gudkov D. B. Precedentnye imena i problemy precedentnosti = Precedent names and problems of precedence. Moskva : Izd-vo MGU, 1999. 149 s.
6. Gudkov D. B. Teorija i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii = Theory and practice of cross-cultural communication. Moskva : Gnozis, 2003. 288 s.
7. Zamal'dinov V. E. Kreativnyj nejming nizhegorodskih zavedenij obshhestvennogo pitanija: graficheskij aspekt = Creative naming of Nizhny Novgorod public catering establishments: graphic aspect // Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika, 2021. № 7 (2). S. 35–43.
8. Kiseleva L. A., Hisamutdinova D. R. Jergonomikon kak vazhnejshij komponent jazykovogo landshafta sovremennoj poljjetnicheskogo goroda (na primere Ufy) = Ergonymicon as the most important component of the linguistic space in a modern multi-ethnic city (on the example of Ufa) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2024. T. 17, vyp. 7. C. 2524–2530.
9. Krivickaja A. V. Jergonimy v lingvokul'turnom prostranstve goroda (na materiale pitejnyh zavedenij Respubliki Bashkortostan) = Ergonyms in urban linguocultural space (on the names of drinking establishments in the Republic of Bashkortostan). Ekaterinburg, 2023. 231 s.
10. Podol'skaja N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii = Dictionary of Russian onomastic terminology. Moskva : Nauka, 1978. 200 s.
11. Prokurovskaja N. A. Gorod v zerkale svoego jazyka (na jazykovom materiale g. Izhevsk) = The city in the mirror of its language (on Izhevsk linguistic material). Izhevsk : Izd-vo Udmurt. un-ta, 1996. 224 s.
12. Remchukova E. N., Sokolova T. P., Zamaletdinova L. R. Precedentnye imena kul'tury v onomasticheskem prostranstve sovremennoj goroda = Precedent cultural names in the onomastic space of the modern city // Cennosti i smysly, 2017. № 6 (52). S. 94–108.
13. Rudenko D. I. Sobstvennye imena v kontekste sovremennyh teorij referencii = Proper names in the context of modern reference theories // Voprosy jazykoznanija, 1988. № 3. S. 55–68.
14. Salimova D. A. Lingvokreativnye tendencii v oformlenii sovremennoj jergonomikona: na materiale naimenovanij bilingval'noj Kazani = Linguistic-creative tendencies in designing modern ergonomicon: on the names of bilingual Kazan // Mnogojazychie v obrazovatel'nom prostranstve, 2023. № 2. C. 203–208.
15. Safonova N. N., Ermakovskaja T. A. Osobennosti jergonomii goroda Surguta v nachale XXI veka (na materiale kommercheskih jergonomov) = Specifics of Surgut ergonymy in the beginning of XXI century (on commercial ergonyms) // Vestnik ugrovedenija, 2019. T. 9. № 2. S. 260–270.
16. Superanskaja A. B. Obshhaja teorija imeni sobstvennogo = The proper name general theory // Literaturovedenie i jazykoznanie. Moskva : Izd-vo LKI, 2007. 366 s.
17. Tatevosjan A. G. Jergonomika i dizajn gorodskoj sredy = Urban ergonomics and design // Kul'tura i civilizacija, 2025. T. 15, № 3A. S. 23–28.
18. Sharifullin B. Ja. Jazykovaja politika v gorode: pravo jazyka vs. jazykovye prava cheloveka (pravo na imja) = Language policy in the city: language rights vs. human language rights (the right to a name) // Jurislingvistika-2: russkij jazyk v ego estestvennom i juridicheskem bytii. Barnaul, 2000. S. 172–181.
19. Shmeleva T. V. Velikij Novgorod: onomasticheskij portret = Veliky Novgorod: onomastic portrait : monografia. Velikij Novgorod : TPK «Pechatnyj Dvor», 2020. 288 s.: il.
20. Shmeleva T. V. Onomastikon rossijskogo goroda = Russian city onomasticon. Saarbrukken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 137 s.
21. Shherbak A. S. Vvedenie v onomasticheskoe lingvokraevedenie = Introduction to onomastic linguoregional studies. Tambov : Tambovskij gosudarstvennyj universitet imeni G. R. Derzhavina, 2022. 168 s.
22. Shherbakova T. V. Iskusstvennaja nominacija kommercheskih predprijatij (na materiale tjumenskih naimenovanij) = Artificial nomination of commercial enterprises (on the material of Tyumen names). Tjumen', 2009. 175 s.

Статья поступила в редакцию 24.09.2025; одобрена после рецензирования 14.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 24.09.2025; approved after reviewing 14.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 81.33: 659.4

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-85

EDN: QNSTJK

Топонимический текст Самары в аспекте отражения территориальной идентичности

Татьяна Павловна Романова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

romanovatp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6951-1111>

Аннотация. Статья посвящена анализу урбанонимического каркаса топонимического текста города Самары с целью выявить в нём ключевые элементы символического капитала самарской идентичности на основании универсальной методики исследования способовreprезентации территориальной идентичности в городском топонимическом пространстве, предложенной авторами монографии «Городская топонимия: современная политика и практика именования», которая предоставляет возможность сопоставительного изучения брэндингового потенциала разных российских городов. В результате проведенного нами исследования установлено, что в самарском топонимическом тексте находят отражение все основные параметры локации: природно-географические особенности, историческая коммеморация, специфика хозяйственной деятельности, этническая специфика города, социокультурные практики. Наиболее важным параметром ДНК территориальной идентичности для города, расположенного в непосредственной близости к рекам Волге и Самаре, Самарской Луке и Жигулёвским горам, являются природно-географические особенности, номинации которых занимают доминирующее положение в урбанонимическом каркасе Самары в качестве престижных знаков символического капитала. Исторические коммеморативные самарские топонимы посвящены преимущественно персоналиям, событиям и ценностным ориентирам, имеющим локальное и региональное значение. В структуре топонимического текста в той или иной степени представлены концептуальные темы каждого из основных периодов более чем 400-летней истории города: город-крепость, «хлебная столица», индустриально-промышленный центр, «запасная столица», авиационно-космический центр, «город-курорт». Основное направление в процессе формирования территориальной идентичности связано с актуализацией в топонимическом тексте города двух линий: «Самара космическая» и «Самара – город-курорт».

Ключевые слова: ономастика; топонимы; топонимический текст; урбанонимы; урбанонимический каркас; территориальная идентичность; символический капитал

Для цитирования: Романова Т. П. Топонимический текст Самары в аспекте отражения территориальной идентичности // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 85–96. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-85>. <https://elibrary.ru/QNSTJK>

Original article

Samara toponymic text as a reflection of territorial identity

Tatiana P. Romanova

Candidate of philological sciences, associate professor, department of the Russian language and mass communication, Samara national research university named after academician S. P. Korolev, 443086, Samara, Moskovskoe shosse, 34 romanovatp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6951-1111>

Abstract. The article analyzes the urbanonymic framework of Samara's toponymic text in order to identify the key elements of Samara identity. It is based on the universal methodology of research into the ways of territorial identity representation in the urban toponymic space. The methodology is proposed by the authors of the monograph «Urban Toponymy: Modern Politics and Naming Practices», providing an opportunity for a comparative study of the branding potential of different Russian cities. As a result of the research the author establishes that Samara toponymic text reflects all the main location parameters: natural and geographical characteristics, historical commemoration, economic sphere specifics, urban ethnic specificity, and socio-cultural practices. The most important DNA parameters of the territorial identity for the city, located in the immediate vicinity of the Volga and the Samara Bay, and

the Zhiguli Mountains, are the natural and geographical features, whose nominations occupy a dominant position in the urbanonymic framework as prestigious signs of Samara's symbolic capital. Historical commemorative toponyms in Samara are devoted mainly to personalities, events, and value landmarks of local and regional significance. The structure of the toponymic text presents, to a certain extent, the conceptual themes of each of the main periods in the city's more than 400-year history: the fortress city, the «bread capital», the industrial center, the «reserve capital», the aviation and space center, and the «resort city». The main focus in shaping territorial identity is related to two lines in the toponymic text of the city: «Samara as a Space City» and «Samara as a Resort City».

Key words: onomastics; toponyms; toponymic text; urbanonyms; urbanonymic framework; territorial identity; symbolic capital

For citation: Romanova T. P. Samara toponymic text as a reflection of territorial identity. *Verhnevolzhski filological bulletin.* 2025;(4):85–96. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-85.https://elibrary.ru/QNSTJK>

Введение

«Городское онимическое пространство образуют имена собственные разных онимических полей: антропонимического (личные имена, отчества, фамилии, прозвища и т. п.), топонимического (оиконимы, гидронимы, оронимы), урбанизического (собственно урбанизмы – годонимы и агоронимы, городские хоронимы, ойкодомонимы, экклезионимы и т. п.), эргонимического и ряда других. Все перечисленные поля тесно переплетены между собой благодаря различным типам отношений (деривационными, синонимическими, антонимическими и др.), возникающим между онимами, функционирующими в рамках пространства населенного пункта. Главным и наиболее функционально значимым из них является урбанизическое поле. Именно оно формирует образ города, создает его неповторимый пространственный текст, позволяющий узнать многое о прошлом и настоящем» [Разумов, 2022, с. 107–108].

Исследованию знаков территориальной идентичности в топонимическом тексте города посвящен целый ряд работ отечественных ономатологов [Вепрева, Харитонова, 2023; Голомидова, 2001, 2019, 2022, 2023; Голомидова, Дмитриева, 2023, 2024; Разумов, Горяев, 2020; Разумов, 2022; Романова, 2022 а, 2022 б, 2025; Федотова, 2020] и зарубежных ученых [Jaworski, 2015; Sandst, Syrjälä, 2020; Tufi, Blackwood, 2010].

Авторы коллективной монографии «Городская топонимия: современная политика и практика именования» отмечают, что «в ономастической науке внимание к вопросу территориальной идентичности не ослабевает с начала 2000-х гг., а в последнее время только усиливается» [Городская топонимия ..., 2022, с. 58]. В монографии представлена детально разработанная методика исследования способов презентации территориальной идентичности в городском топонимическом пространстве, практическое применение которой

наглядно показано на примере сравнительного анализа доминантной урбанизации Екатеринбурга и Челябинска, отражающей: 1) природно-географические особенности региона, 2) историческую коммеморацию, 3) специфику хозяйственной деятельности, 4) этническую специфику города / региона, 5) социокультурные практики [Городская топонимия ..., 2022, с. 70–102]. Использование этой методики актуально для сопоставительного изучения семантического поля территориальной идентичности топонимических текстов.

Цель нашего исследования заключается в выявлении ключевых элементов символического капитала самарской идентичности в составе урбанизического каркаса города Самары на основании использования данной универсальной методики.

Методология и база исследования

Для решения поставленной цели обратимся к использованию комплекса методов, который включает метод полевых наблюдений, ономасиологический, словообразовательный и структурно-семиотический анализ, а также метод культурно-исторической интерпретации.

Материалом исследования являются самарские доминантные урбанизмы: оиконимы, гидронимы, оронимы, астионимы, годонимы, хоронимы, агоронимы, монументонимы, ойкодомонимы, экклезионимы, городские дримонимы, фонтанонимы и др., собранные в 2025 г. методом полевых наблюдений, а также посредством мониторинга картографических и текстовых источников, в том числе, помещенных в интернете в открытом доступе. Для культурно-исторической интерпретации изучаемого контента привлекались также работы краеведческого характера [Моргун, 1986; Самарская топонимика ...; Самогоров, 2024].

Анализ результатов исследования

1. Природно-географические особенности региона играют важнейшую роль для определения территориальной идентичности города *Самары*. Вдоль высокого левого берега *Волги* город растянулся с севера на юг на 50 км и по правому берегу реки *Самары* – с запада на восток на 20 км. Строительство железнодорожного и 3-х автомобильных мостов через реку Самару позволяет вести активное строительство новых жилых районов на её левом берегу.

История города начинается с основания в 1586 г. на реке *Самаре* крепости *Самарский городок*, служившей естественной преградой от набегов степных кочевников и обеспечившей безопасность русского судоходства по Волге.

Самара относится к типу «пограничных» городов, которые расположены «на краю культурного пространства, на берегу моря, в устье реки» [Лотман, 1984, с. 31]. Не случайно в семантическом поле идентичности Самары ведущую роль играет «водная» тема.

Гидроним *Волга* проявляет наибольшую деривационную активность в ономастическом пространстве города, образуя онимы разных разрядов: хоронимы: *Волжский район*, *Приволжский микрорайон*, *«Волгарь»*; годонимы: *Волжское шоссе*, *Волжский проспект*, *улица Волгарей*; эргонимы: *«Волжский народный хор»*, гемеронимы: *«ВолгаНьюс.РФ»*; в советское время *«Волжская коммуна»*, *«Волжский комсомолец»*; ойкодомонимы: ЖК *«Волга»*, *«Волгарь»*, *«Волжский»*, *«Волжские высоты»*, *«Волжские огни»*, *«Волжские паруса»*, *«Приволжский»* и *«ЭкоГрад Волгарь»*. Именем *«Волга»* называются торговая и медицинская компании, мебельная фабрика, стадион, гостиница и ресторан, страховая компания *«Астро-Волга»*, бизнес центр *«Волга Плаза»*, производственная фирма *«Волга-С»*, гостиницы *«АСТ-Волга»*, *«Волжский бриз»*, торговый центр *«Русь-на-Волге»*, гипермаркет *«Волга-Волга»*, торговый комплекс *«Волга-Самара»*, магазин *«Волга-Продукт»*, ТД *«Волга АС»*, ДК *«Волжанин»* и *«Заволжье»*.

«Водную» номинативную тему продолжает серия популярных в Самаре номинаций жилых комплексов, многие из которых расположены в непосредственной близости к реке: *«Адмирал»*, *«Арго»*, *«Бриг»*, *«Бриг-3»*, *«Водников 99»*, *«Волна»*, *«Волна-Клуб»*, *«Две реки»*, *«Дом у озера»*, *«Ладья»*, *«Парус»*, *«Речной клуб»*, *«Остров»*, *«Островок»*, *«Фрегат»* [Романова, 2022а, с.103].

Гидроним *Самара*, давший имя городу, напротив, нечасто используется как деривационная основа. Редкие примеры его использования особенно интересны. Так, с конца XVII в. известно поселение за рекой – *Засамарская Слобода*. В начале XXI в. историзм *Засамарская Слобода* использован уже как коммеморативная номинация бульвара в новом микрорайоне *«Волгарь»*. Или название гостиницы и ресторана *«Самара»*, в котором на основании графического каламбура обыгрывается народная этимология гидронима, известная с середины XIX в.

По отношению к реке в речи местных жителей традиционно используется микротопоним *Самарка*, вероятно, с целью разграничения гидронима с астионимом, хотя в этом случае, в свою очередь, возникает омонимия с катойконимом. В основании номинации кафе *«Самарка»*, как и детского театра танца, вероятнее всего, лежит именно катойконим: «Ансамбль я назвала *«Самарка»* – в честь кадрили, которая долго время была визитной карточкой коллектива» [Исаева, 2024].

Астионим *Самара*, напротив, наиболее активно образует различные типы онимов, например, хороним *Самарский район*, годоним *Самарская улица*, агороним *Самарская площадь*, эргоним *Театр «Самарская площадь»*, гемероним *«Самарская газета»* (основана в 1884 году), экклезионим *Храм иконы Самарской Божией матери*, ойкодомонимы *«Новая Самара»*, *«Самара-Сити»*, *«SamaRanta»* и др. Этот компонент включается в состав большого количества официальных дескриптивных эргонимов – названий городских предприятий разного профиля: ГТРК *«Самара»*, киностудия *«Самарафильм»*, ООО *«Фабрика Самара»*, *«Самарский деловой центр»*, санаторий *«Самарский»*, СОК *«Самарский»*, МЦ *«Самарский»*, КП *«Самарский»*, ТЮЗ *«СамАрт»*, многопрофильная фирма *«Самара АЙС»* и др.

Историческое имя города всегда высоко оценивалось местным сообществом, в том числе в советский период, когда город назывался Куйбышевом (1935–1991 гг.). Построенные в 60–70-е гг. центральный универмаг и лучший кинотеатр получили почетное имя *«Самара»*. Об уровне престижности астионима говорит его использование в качестве коммеморативной составляющей в составе современных онимов рекламного характера. Это названия гостиниц: *Samara*, *Samara Lux*, *Grin Line Samara*, *Apartament in Center Samara*, *Alians Hotel Samarskiy*, *«Домик в Самаре»*, *«Самарский университет»*; отеля *«Самарский»*; кафе и ресторанов: *«Самара»*, *«Самара-116»*, *«Самарское»*,

«Самарский пивоваръ»; магазинов: *Samar*, «Самарский дом игрушки», «Самарский кондитер», «Самарский фермер», «Самарские кухни», «Самарские самоцветы», «Самарские сладости», «Самарские стулья», «Самарские фрукты», «Самцветок №1», «Самбук» (магазин сувениров). В основе имени турфирмы «Самара-городок» лежит название популярной песни – музыкального символа города.

Ороним Жигули (Жигулевские горы) обозначает часть Приволжской возвышенности, огибающую излучиной Самарской Луки, на территории которой расположены Жигулевский заповедник и национальный парк «Самарская Лука». У подножия Жигулевских гор находится основанное в XVII в. село Жигули и молодой город Жигулевск (1949 г.), в районе которого в середине XX в. построена Жигулевская ГЭС и плотина Куйбышевского водохранилища, неофициально называемого Жигулевским морем.

Ороним Жигули традиционно важен для локальной идентификации Самары как пространственный ориентир на Средней Волге. С высокого левого берега, на котором расположена Самара, открывается вид на Жигулевские горы и Жигулевские Ворота – самое узкое место, которое образуют горы Серная и Тип-Тяв. С середины XIX в. популярен туристический водный маршрут вокруг Самарской Луки – «Жигулевская кругосветка».

В Самаре есть улицы Жигулевская и Жигули, торговая фирма «Жигулевская жемчужина» (продажа воды), ЗАО «Финансовая компания Жигули», турбаза «Жигулевские просторы», туристический клуб, детский лагерь «Жигули», фирменный поезд Самара-Москва называется «Жигули». Ежегодно проводится Всероссийский конкурс молодых дарований по изобразительному искусству «Жигулёвская палитра». Ороним Жигули традиционно включается в состав номинаций самарских гостиниц и ресторанов: центральная гостиница и ресторан «Бристоль - Жигули» (до революции – «Бристоль», в советское время – «Жигули»), гостиничный комплекс, гостевой дом «Жигули», отель «Гостиница Жигули -Эконом». Именем «Жигули» называются учебный центр, подростковый клуб, спортивный клуб, сауна, баня – бильярдный клуб, бизнес-центр, застройщик, строится ЖК «Жигулевская долина».

Не случайно пивоваренный завод, построенный в Самаре в 1981 г. австрийскими подданными А. фон Вакано и М. Фабером и самарским купцом П. С. Субботиным, получил официальное имя

«Товарищество Жигулевского пивоваренного завода в г. Самаре». Основателям завода удалось создать пиво, обладающее уникальным вкусом, во многом благодаря особым качествам волжской воды и пшеницы «белогурка», производством которой славилась Самарская губерния. В настоящее время АО «Жигулёвское пиво» относится к числу ключевых предприятий города.

Названия магазинов и ресторанов, в которых предлагается самарское пиво, часто включают компонент Жигули. «Жигули» – пивная, ресторан, бар, сеть магазинов разливного пенного, кафе и пиццерия, ресторан-бар, паб, доставка. Кроме того, пивная «Жигулевская», кафе «Жигулевское», ресторан «Жигулевский», бар «Станция Жигулевская», ресторан «Коптильня-бар Жигули», магазины «Жигулевское СО ДНА», «Жигулевское пиво», «Пенные Жигули», «Жигул'ОК».

Наше исследование показало, что топонимы, определяющие основные природно-географические характеристики региона – гидроним Волга, астоним Самара и ороним Жигули, «являются ключевыми элементами символического капитала территориального бренда. Центральные маркеры образно-ментальной карты города оказываются вербальным семиотическим инструментом – транслятором городской идентичности, активное использование которого в рекламно-коммерческом дискурсе города Самары подтверждает достаточно высокий уровень самосознания горожан» [Романова, 2022 б, с. 177].

2. Историческая коммеморация. Модель номинации, представляющая собой почетное наименование, посвященное памяти уважаемого человека, группы лиц или символической ценности, в начале советского периода стала доминирующей и кардинально изменила топонимический ландшафт страны. Многочисленные переименования носили идеологический характер, меморативные онимы играли роль политической наглядной агитации. Коммеморативное «переименование символизировало закладку новой идентичности, а ее основные мировоззренческие посылы – Октябрьская революция как начало новой истории, гуманистическая ценность труда и труженика, героизм и священные жертвы борцов за новую жизнь – находят воплощение в измененном топонимическом тексте» [Голомидова, 2023, с. 42].

Именами революционеров и героев Гражданской войны назывались не только объекты культурного назначения, производственные предприятия, городские топографические объекты, но и населенные пункты разного масштаба. Так, в 1935

году Самара получила новое имя – *Куйбышев* (1935–1991) в честь крупного революционного деятеля В. В. Куйбышева. Переименование города ознаменовало кардинальный переход от имиджа хлеботорговой купеческой Самары к новой концепции советского индустриально-промышленного центра, которая получила в астиониме свое символическое вербальное воплощение.

Выбор нового имени для города связан с тем, что В. В. Куйбышев (1888–1935), до революции работавший фрезеровщиком на *Самарском трубочном заводе*, был одним из руководителей ячейки РСДРП(б), которому выпала честь провозгласить Советскую власть в городе. В. В. Куйбышев был избран первым председателем Революционного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов Самары.

Сразу же после переименования города имя *Куйбышева* получила центральная улица (прежде *Дворянская*). С 1938 года *Соборная площадь* стала носить его имя. На ней появились памятник *В. В. Куйбышеву* и *Дворец культуры и отдыха им. В. В. Куйбышева* (ныне *Самарский театр оперы и балета им. Д. Д. Шостаковича*). Таким образом, годоним, агороним, монументоним и эргоним вместе с невербальными знаками (самими объектами номинации) сформировали полисемиотический урбанизмический комплекс, посвященный В. В. Куйбышеву, важный для символического выражения территориальной идентичности советского периода. Этот вербально-визуальный коммеморативный текст является значимым символическим компонентом советской истории города, к которому можно добавить другие номинации: *Куйбышевский район*, *Куйбышевское водохранилище*, *Куйбышевская железная дорога* и пр.

М. В. Голомидова отмечает, что полисемиотические урбанизмические комплексы, формирующиеся вербальными и невербальными знаками, крайне важны «для символического означивания фрагментов городского пространства. Ведущая роль в организации таких комплексов отводится урбанизмам (городским топонимам), которые выступают в качестве ключевых знаков, направляющих на словесном уровне восприятие локации» [Голомидова, 2019, с.11].

Локации площадей, располагающиеся, как правило, на перекрестках дорог, играют роль ключевых точек в процессе формирования локальной идентичности, так как на них формируются полисемиотические урбанизмические комплексы – носители символического означивания

основных идеологических установок территории. В особенности роль площадей усиливается в постсоветский период, когда они становятся пространствами для проведения советских массовых общественно-политических мероприятий, парадов, митингов, демонстраций.

В 1918 году главную площадь Самары (прежде *Театральную*), переименовали в *Красную площадь*. В 1921 году она стала *площадью Парижской Коммуны*, здесь заложили *памятник III Интернационалу*, который, однако, так и не был открыт. В 1932 году площадь получила имя *В. И. Чапаева*, поскольку на ней был установлен *памятник В. И. Чапаеву и его боевым товарищам*, ставший одним из первых монументальных визуальных символов революционной истории города.

7 ноября 1927 года на *площади Революции* (до 1918 года *Алексеевской*) был установлен *памятник В.И. Ленину* на постаменте из красного мрамора, на котором прежде стоял *памятник императору Александру II*. Рядом с площадью находится здание *Самарского окружного суда*, в котором молодой *В. И. Ульянов* начинал работать в качестве присяжного поверенного. Семья Ульяновых с мая 1890 по сентябрь 1893 года жила в Самаре на улице *Сокольничей*, в 1957 году получившей название *Ленинской*. В доме № 135 открыт *Дом-музей семьи Ульяновых*. На площади рядом с музеем в 1980 году был выстроен мемориальный комплекс, включающий *памятник молодому В. И. Ульянову* и здание *«Ленинского мемориала»*, которое, однако, в 1993 году перепрофилировано в *Самарский областной историко-краеведческий музей имени П. В. Алабина*.

Героям революции и Гражданской войны, борцам за установление Советской власти в Самаре посвящен целый ряд монументов: *«Борцам революции 1917 года»*, *«Красное знамя»*; установлены бюсты *В. Арыбашева*, *А. Галактионова*, *Н. Щорса*. Центральные улицы города названы именами героев, вписанными преимущественно в региональную историю: *Арыбашевская*, *Венцека*, *Вилоновская*, *Братьев Коростелёвых*, *Галактионовская*, *Кутякова*.

Название улицы *Чапаевской* связано с освобождением Самарской губернии в 1918 г., в котором принимала участие 25-я Чапаевская стрелковая дивизия. На улице *Фрунзе* находится здание, в котором в 1919 г. жил М. В. Фрунзе и располагался штаб 4-й армии под его командованием, а в 1934 году был открыт *Дом-музей М. В. Фрунзе*. Улица *Гая* названа в честь Г. Д. Гая – командира 24-й стрелковой дивизии, получившей почетное

имя «Самаро-Ульяновская Железная дивизия», которое отражает также номинация улицы Железной дивизии.

7 ноября 1941 г., когда Куйбышев был «запасной столицей» (1941–1943), на площади им. Куйбышева состоялся военный парад в честь 24-й годовщины Октябрьской революции, успешное проведение которого продемонстрировало всему миру мощный военный и духовный потенциал страны. Начиная с 2011 г., 7 ноября на площади им. Куйбышева проходит акция «Парад Памяти», посвященная легендарному параду 1941 года. Рядом с площадью расположен сквер «Памяти Парада 7 ноября 1941 года в городе Куйбышеве». Историческим памятником военного времени является также уникальный музей – «Бункер Сталина», построенный на глубине 37 метров в 1942 году.

Коммеморативные годонимы периода Великой Отечественной войны преимущественно включают персоналии, имеющие какое-либо отношение к локальной истории: улицы Агабалова, Ивана Булкина, Губанова, Карбышева, Красильникова, Александра Матросова, Никонова, Потапова, Санфировой, Сорокина, Фадеева; проезд Мальцева. На территориях новой застройки персональные коммеморации более подробны: бульвары Ивана Фитюнина и Маршала Василевского; улицы Аркадия Макарова, Бориса Якушева, Виталия Жалнина, Михаила Волкова, Николая Баженова, Маршала Устинова; переулки Павла Маркина, Юрия Павлова.

Героям войны посвящаются меморативные агоронимы и городские дримонимы: скверы им. В. И. Фадеева, О. А. Санфировой, в котором установлен памятник легендарной летчице, ее именем назван Музей боевой и трудовой славы в школе-интернате №111. 6 мая 1977 года в центре парка на Самарской площади был установлен бюст Д. Ф. Устинова, а сама площадь переименована в площадь Д.Ф. Устинова (1985 -1988), однако историческое имя площади вскоре было возвращено. В парке Победы установлен памятник Д. М. Карбышеву и мемориальные доски с именами куйбышевцев – участников Парада Победы 1945 года. Школа № 28, расположенная рядом с парком на улице Карбышева, также носит имя Д. М. Карбышева. Памяти героической истории 21-й армии, состав которой формировался в Куйбышеве, посвящена локация площади Героев 21-й армии. В 2001 году на площади Памяти открыт мемориальный комплекс самарцам, погибшим в локальных конфликтах позднего советского и со-

временного периодов.

3. Специфика хозяйственной деятельности. В течение более чем 400-летней истории город несколько раз менял основное направление своей хозяйственной деятельности, поэтому «у Самары нет единственной темы территориальной идентичности, доминирующего образа, сохраняющегося на протяжении всего исторического периода существования города» [Романова, 2025, с. 201]. Основанный в 1586 году как город-крепость для защиты юго-восточных рубежей Российского государства, в середине XVII в. он утрачивает свою пограничную функцию. Во второй половине XIX в. Самара становится крупным транспортным узлом и торговым центром, местом производства сельскохозяйственной продукции, в основном – хлеба. «Хлебная столица» превращается в один из самых богатых городов Российской провинции, память о котором сохраняют архитектурные памятники: сооружения промышленной архитектуры, элеваторов, мельниц, банков, здания культурного и культового назначения, особняков состоятельных горожан и доходных домов.

В первое советское десятилетие город формируется как индустриально-промышленный центр, в котором широкое распространение получает модель эргонима, построенная по модели «предприятие имени» [Отин, 1993]. Так, главное промышленное предприятие города Самарский трубочный завод в 1923 году реноминируется в Завод имени Масленникова (ЗИМ) в честь погибшего в 1919 г. большевика А. А. Масленникова, который в 1918 году был председателем Самарского горисполкома. «Присвоение учреждению того или иного имени означало включение его в ранг флагманов социалистического строительства» [Бондалетов, Романова, 1997, с. 194].

В 1950-е годы первый построенный в городе проспект, ведущий к проходной ЗИМа, назван именем Масленникова. В 2006 г. после закрытия завода его эргоним стал меморативным символом в новой тематической локации, посвященной ЗИМу: бизнес-центр «ЗИМ», культурный центр «ЗИМ Галерея» и ЖК «ЗИМ Галерея». «Фабрика-кухня» завода – архитектурный памятник эпохи конструктивизма, построенный в 1932 году и в плане представляющий собой серп и молот, в 2024 реконструирован в Самарский филиал Третьяковской галереи.

В годы Великой Отечественной войны труженики города внесли огромный вклад в дело Великой Победы. В 1941 году в Куйбышев было эвакуировано 128 оборонных предприятий вместе с

рабочими коллективами. Объем промышленного производства увеличился во много раз. Основной военной продукцией куйбышевских заводов были боевые самолеты: истребители МиГ-3, штурмовики Ил-2, полностью бронированные Ил-10.

Трудовому подвигу рабочих военных заводов посвящен целый ряд памятников. Так, в 1971 г. на *площади Славы* над крутым берегом Волги установлен 53-метровый *монумент Славы*. Стальная фигура рабочего, поднимающая над головой символические крылья, представляет собой оригинальный визуально-семиотический символ города.

В 1975 году на пересечении Московского шоссе и проспекта Кирова создан *мемориальный комплекс штурмовику Ил-2*. Побывавший в боях самолет реставрирован и установлен как монумент на гранитном постаменте.

В 1985 году появилась «*Аллея трудовой славы*» – парковая зона протяженностью 2300 метров с галереей монументов, посвященных военной истории куйбышевских заводов. Главный архитектор города А. Моргун вспоминает: «...все заводы-участники создания Ил-2 успешно выразили свой конкретный вклад в изготовление этой боевой машины. В городе была построена громадная уникальная аллея с «биографией» многочисленных предприятий военного времени» [Как создавали...].

«За значительный вклад жителей города в достижение Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, обеспечение бесперебойного производства военной и гражданской продукции на промышленных предприятиях, проявленные при этом массовый трудовой героизм и самоотверженность Самара в числе 20 городов страны удостоена почётного звания РФ «Город трудовой доблести» [Указ Президента ...].

В 2021 году в начале «*Аллеи трудовой славы*» появились 26-метровая *стела «Город трудовой доблести»* и 10 пилонов, рассказывающих о геройском труде куйбышевских рабочих.

Во время войны и в послевоенный период в городе построен новый большой район – *Безымянка*, на территории которого располагаются промышленные предприятия и комфортабельные жилые кварталы для рабочих, спроектированные по принципу соцгорода. Названия станций метро *Безымянка* и *Юнгородок* сохраняют память об этом героическом периоде в истории города.

Большую роль в процессе формирования локальной идентичности играют основные промышленные предприятия. Так, *ООО «Завод „Металлург“»* (прежде *Куйбышевский металлургический завод*), с 1951 работающий для обеспечения потребностей авиационно-космической отрасли, построил комфортабельные жилые кварталы с главной транспортной артерией *проспект Металлургов*. Рядом находятся *парк Металлургов* (официально «*Парк имени 50-летия Октября*») и *Дворец культуры металлургов*, который в 2019 году получил имя первого директора завода – *П. П. Мочалова*. Его именем названа площадь, в центре которой установлен памятник *П. П. Мочалову*, школа № 96 носит его имя.

Культурным центром Кировского района в 1959 г. стала *площадь имени С. М. Кирова*, расположенная рядом с *проспектом Кирова*, на которой установлен памятник *С. М. Кирову* и возведен *Дворец культуры имени С. М. Кирова*. В 2002 г. дворец получил имя *В.Я. Литвинова* – директора *Куйбышевского авиационного завода №1*, который в 1950-е годы перепрофилирован в *ракетно-космический центр «Прогресс»*. Запуск первого искусственного спутника Земли и космического корабля «*Восток*» с первым космонавтом Ю. А. Гагарином на борту стали возможны благодаря продукции этого завода. Имя *В.Я. Литвинова* носит улица, школа № 86, на территории авиакосмического предприятия *ООО «ЦСКБ-Прогресс»* установлен памятник легендарному директору.

«*Космическую*» тему развивает коммеморативный комплекс на *площади имени Д. И. Козлова*. Памятник генеральному конструктору «*ЦСКБ-Прогресс*» *Д. И. Козлову* расположен рядом с *музейно-выставочным центром «Самара Космическая»*, на здании которого закреплена *ракета-носитель «Союз»*. Экспозиция музея посвящена истории освоения космоса при помощи ракетно-космической техники, созданной в том числе на самарских предприятиях.

Интересно отметить, что номинации жилых комплексов, расположенных в непосредственной близости к площади *Д. И. Козлова*, продолжают «*космическую*» тематику: *ЖК «Галактика»*, *«Звезда»*, *«Ракета»*, *«Спутник»*, в некотором отдалении находятся *«Королёв»*, *«Королёв Звездный»* и *«Король Лев»*, *ТЦ «Самолёт»*, *ТРК «Космопорт»*, *ЖК «Дом у Космопорта»*, *«Орбита»*, *«Пять звезд»*, *«Седьмое небо»*, *«Созвездие»*.

Для формирования имиджа Самары как авиационно-космического центра особое значение имеет коммеморативное использование имени академика С. П. Королёва в составе номинаций наиболее значимых предприятий, учебных и

культурных учреждений и локаций города. Так, основанному в 1942 году *Куйбышевскому авиационному институту* в 1966 году присвоено имя С. П. Королёва, в настоящее время преобразованному в *Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва*. В здании университета находится *Музей авиации и космонавтики имени С. П. Королёва*, рядом с корпусом установлен бюст С. П. Королёва. Лицей «Технический» также носит имя С. П. Королёва. *Самарскому аэропорту Курумоч* в 2019 году в результате народного голосования выбрано имя С. П. Королёва. В Куйбышевском районе города есть улица *Сергея Королёва*.

В честь куйбышевского соратника С. П. Королёва – *академика Н. Д. Кузнецова* названы сквер и улица, в парках установлены два бюста Н. Д. Кузнецова. Его успешной технической деятельности посвящен также монумент **«Ракетный дивизион НК-33»**.

Самарские граффити представляют портреты главных советских конструкторов космической техники: С. П. Королёва, Д. И. Козлова и Н. Д. Кузнецова, а также оригинальные картины на космическую тематику: «Борьба за Луну», «Гагарин», «Двойная ракета», «Девушка с планетами», «Ракета в объективе», «Самара – космическая. Гагарин».

Номинации парков и скверов города посвящаются подвигам советских космонавтов: Парк культуры и отдыха имени Ю. А. Гагарина, сквер «Первых космонавтов». В сквере «Самарских космонавтов» установлен монумент «Покорителям космоса».

4. Этническая специфика города. По данным переписи населения 2020 года в Самарской области проживают представители 157 национальностей, однако подавляющее большинство жителей – русские (около 90%). Вопросами межнациональных отношений занимается Дом дружбы народов Самарской области. В живописной природной зоне расположен этнокультурный комплекс парк Дружбы Народов в Самаре, в котором представлены подворья, наглядно рассказывающие о национальных традициях народов, проживающих на самарской земле: азербайджанцев, армян, башкир, белорусов, грузин, дагестанцев, евреев, казахов, карелов, киргизов, немцев, осетин, русских, таджиков, татар, туркмен, узбеков, украинцев, чувашей. Самарские годонимы отражают названия советских республик и их столиц: Белорусская, Грузинская, Латышская, Алматинская, Бакинская, Вильнюсская, Киевская,

Кишиневская, Минская, Рижская, Таллинская, Ташкентская.

Самара изначально была городом многонациональным и многоконфессиональным. «В конце XIX века за бурный экономический рост Самару называли «русским Чикаго», а за большую концентрацию храмов разных конфессий – «волжским Иерусалимом». Сохранившиеся на самарских улицах лютеранская кирха, католический собор, синагога, мечеть, старообрядческий храм и сегодня впечатляют туристов своим обликом, который добавляет эклектичности историческому центру города» [Полякова, 2023]. Православные храмы, конечно, количественно преобладают.

Особое место в истории города занимает православный *Иверский женский монастырь*, в котором было изготовлено священное *Самарское знамя*, ставшее символом освобождения Болгарии от 500-летнего турецкого ига. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. его вручил болгарским ополченцам самарский голова П. В. Алабин со словами: «Идите же под сенью, этого знамени. Пусть будет оно залогом любви к вам России... Пусть оно будет знаменем водворения в вашей многострадальной стране навсегда мира, тишины и просвещения!..» [Гальперин, 2007]. Священное Самарское знамя хранится в Национальном музее военной истории Болгарии, а его копия подарена Самарскому областному историко-краеведческому музею им. П. В. Алабина. Образ Самарского знамени дал идею для создания в 1998 г. оригинальных флагов города Самары и Самарской области, на полотнище которых повторяется тот же порядок расположения цветов: красный, белый, синий. Начиная с 2017, в городе ежегодно проводится *Международный патриотический фестиваль «Самарское Знамя»*.

5. Социокультурная тематика. В годонимии центральной части города широко представлены имена классиков русской литературы: улицы *Пушкина, Некрасовская, Маяковского*. Персональные посвящения нередко имеют особое значение для местной истории. Например, улица *Москательная* в 1910 году была переименована в улицу *Льва Толстого*, который оказывал большую помощь голодающим Поволжья. В 1983 году улица *Обороны*renomинирована в улицу *Алексея Толстого*, детство которого связано с Самарой. *Музей-усадьба Алексея Толстого* расположен рядом с *Литературным сквером*, экспозиция которого посвящена писателю и героям его произведений. Название улицы *Максима Горького* напоминает о том, что в 1895–1896 гг. А. М. Пешков начал

карьеру журналиста в «Самарской газете». В Струковском саду (ЦПКиО им. М. Горького), в котором любил гулять писатель, установлен его монумент. О событиях самарской жизни молодого Горького рассказывает экспозиция Литературно-мемориального музея им. М. Горького. Улица Неверова названа в честь писателя А.С. Неверова (Скобелева), биография которого связана с Самарой. Памяти автора сказки «Аленький цветочек» С. Т. Аксакова посвящены названия улицы Аксаковской и сквера Семьи Аксаковых, который украшает скульптурная композиция, изображающая писателя, его сына – самарского губернатора Г. С. Аксакова – и внучку Оленьку, для которой была написана сказка.

На территориях новой застройки персональные годонимы нередко отражают имена самарских деятелей культуры и искусства: улицы Петра Монастырского, Веры Еришёвой, Николая Симонова. Название улицы Эльдара Рязанова напоминает о том, что великий режиссёр родился и жил здесь во время эвакуации в 1941–1942 гг. Рядом с музеем Эльдара Рязанова расположен сквер его имени с памятником Э. А. Рязанову. Память об известных в Самаре деятелях науки сохраняют годонимы: улицы Академика Тихомирова, Ефрема Медведева, Софьи Агранович. Народное признание труда докторов отражают названия улиц Постников Овраг и Владимира Середавина.

Тема спорта в Самаре, начиная с советского периода, активно развивается: среди множества спортивных сооружений наибольшее значение имеют Дворец спорта им. В.С. Высоцкого и построенный к Чемпионату мира 2018 стадион «Самара-Арена» (ныне «Солидарность Самара Арена»), который стал спортивной базой для самарской футбольной команды «Крылья Советов». Архитектурной особенностью стадиона являются очертания купола из металлоконструкций, напоминающего летающую тарелку.

В культурном пространстве города особое место занимают *четыре набережные Волги* с хорошо оборудованными песчаными пляжами, общей протяженностью 4168,9 м. Они являются главной визитной карточкой города, в особенности впечатляющей туристов, прибывающих в Самарский речной пассажирский порт. Все они представляют собой парковые аллеи, на которых расположены знаковые арт-объекты, раскрывающие исторические вехи города и формирующие семантическое поле территориальной идентичности. На Старой набережной гостей встречает скульптура любимого киногероя *товарища Су-*

хова, воплотившего на экране образ коренного самарца, обладающего специфическим «волжским» характером. На Орловской набережной расположена скульптура *рабочего, поднимающего над головой первый искусственный спутник Земли*, успешный старт которого в 1957 г. обеспечила ракета-носитель, изготовленная на Куйбышевском заводе.

В структуре образа города К. Линч выделяет наиболее значимые элементы: пути, границы, районы, узлы и ориентиры, которые запоминаются большинству людей в первую очередь [Линч, 1982, с. 50–53]. Согласно его классификации, перекрестки улиц – это узлы, обладающие особой силой для презентации концептуальных смыслов территориальной идентичности.

На самарских набережных основные символические маркеры идентичности располагаются в местах пересечения главной природной «границы» города с перпендикулярными улицами («спусками»). Так, под Полевым спуском установлен памятник основателю города – князю Григорию Засекину; под Ленинградским – фонтан «Парус», символизирующий Волгу, и объемная бронзовая композиция «Бурлаки на Волге» по картине И. Е. Репина, написанной в заволжском селе Ширяеве. Под Красноармейским спуском установлен памятник П. В. Алабину (1824–1896) – самарскому голове, который внес наиболее существенный вклад в экономическое и культурное развитие города. Под Ульяновским спуском рядом с заводом АО «Жигулевское пиво» находится скульптурная композиция *Волжский пивовар*, которая символизирует исторического производителя брендовой марки.

Для формирования индивидуального образа Самары особенно важен архитектурно-ландшафтный ансамбль «Ладья», расположенный на Софийской набережной под Челюскинским спуском. Он включает стелу «Ладья», выполняющую роль смотровой площадки на Волгу и Жигулевские Ворота, а также расположенные над ней три здания ЖК «Ладья». Созданный к 400-летию города монумент «Ладья» с гербом Самары на белом парусе, стал визуальным романтическим символом города, олицетворяющим историческое прошлое и стремительное движение в будущее.

На Алексиевской набережной под Пионерским спуском располагается важный для понимания уникальности Самары комплекс, который включает часовню, освященную во имя покровителя Самары Святителя Алексия, построенную в 1890

г. и восстановленную в 1998 г., а также скульптурные изображения *Святителя Алексия и Сергея Радонежского*. Согласно легенде, митрополит Московский Святитель Алексий во время путешествия в Золотую Орду в середине XIV в. побывал здесь и оставил пророческие слова: «На месте этом будет град великий, в котором просияет благочестие, и никогда оный град разорению не будет подвержен...».

Заключение

На основании проведенного нами структурно-семиотического исследования топонимического текста города можно утверждать, что ключевыми элементами символического капитала территориальной идентичности Самары являются номинации основных природно-географических объектов: *гидроним Волга, астионим Самара и ороним Жигули*. Они доминируют в качестве престижных знаков проприальной номинации в составе местной топонимии, эргонимии и прагматонимии и, таким образом, не только актуализируют географическое положение региона, но и являются символическими знаками, положительно оцениваемыми местным сообществом. Коммеморативные урбанонимы Самары посвящаются персоналиям и событиям, вписанным в локальную и региональную историю, сохраняя память о героях революции, Гражданской и Великой Отечественной войны, о тружениках тыла, внесших неоценимый вклад в дело Великой Победы, за который город был удостоен звания «Город трудовой доблести».

Урбанонимический каркас современного самарского топонимического текста характеризуется многоплановостью реализованных в нем номинативных тем, демонстрирующих ключевые концепции основных периодов истории города. Основанный в 1586 году как крепость для защиты юго-восточных рубежей России, в XIX в. становится «хлебной столицей», в советский период индустриально-промышленным центром, в 1941–1945 гг. – «запасной столицей», в послевоенный период – авиационно-космическим центром, в постсоветский период развивается туристический бренд «город-курорт». В настоящее время в процессе формирования территориальной идентичности в топонимическом тексте Самары доминируют линии «Самара космическая» и «Самара – город-курорт».

Библиографический список

1. Артёмов А. Маршруты победителей: улицы Самары, названные в честь героев Великой Отечественной войны // Другой город : интернет-журнал о Самаре

и Самарской области. 2025. URL: <https://drugoigorod.ru/streetsoheroes/?ysclid=mct21zaju593629061> (дата обращения: 08.05.2025).

2. Бондалетов В. Д., Романова Т. П. Наименования предприятий и учреждений в первое советское десятилетие // Ономастика Поволжья : Материалы Седьмой конференции по ономастике Поволжья. Москва : Ин-т этнологии и антропологии, 1997. С. 189–197.

3. Вепрева И. Т., Харитонова А. В. Ономастическое пространство Екатеринбурга: уровневая организация маркеров региональной идентичности // Вопросы ономастики. Екатеринбург: УрФУ, 2023. Т. 20, № 3. С. 184–199.

4. Гальперин Ю. Самарское знамя // Вокруг Света : сайт. 2025. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/5649/?ysclid=md9zvfh9oy196030096> (дата обращения: 30.01.2025).

5. Голомидова М.В. Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург : образ города в динамике топонимического текста // Слово.ру: балтийский акцент. Калининград : БФУ, 2023. Т. 14, № 1. С. 29–53.

6. Голомидова М. В. Образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург : УрГУ, 2001. № 20. С. 19–25.

7. Голомидова М. В. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства // Коммуникативные исследования. Омск : ОГУ, 2019. Т. 6. № 1. С. 11–30.

8. Голомидова М. В., Дмитриева А. В. Территориальная идентичность в топонимическом ландшафте Урала // Вопросы ономастики. Екатеринбург : УрФУ, 2023. Т. 20. № 2. С. 144–173.

9. Голомидова М. В., Дмитриева А. В. Образ Екатеринбурга через призму урбанонимического дискурса // Вопросы ономастики. Екатеринбург : УрФУ, 2024. Т. 21, № 3. С. 213–236.

10. Городская топонимия: современная политика и практика именования : монография / М. В. Голомидова, Р. В. Разумов, А. В. Дмитриева и др. Екатеринбург : УрФУ, 2023. 226 с.

11. Исаева И. Руководитель образцового детского театра танца «Самарка» Людмила Попкова: «Творчество – смысл моей жизни» // Самарская газета. 16.04.2024. №243. URL: <https://sgpress.ru/news/439212> (дата обращения: 25.05.2025).

12. Как создавали Аллею трудовой славы. Часть 2. SGPRESS. Самара, люди, события. URL: <https://sgpress.ru/news/186518?ysclid=m5arm7zq1g297158738> (дата обращения: 30.01.2025).

13. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Труды по знаковым системам. Вып. 18. Тарту : ТГУ, 1984. С. 30–45.

14. Моргун А. Г. От крепости до города Куйбышева: Заметки об архитектуре. – Куйбышев : Куйбышевское книжное издательство, 1986. 224 с.

15. Отин Е. С. Из истории русской эргонимии // Народы и культуры: Материалы к серии Ономастика.

Вып. XXV. Кн. 1. Ч. 1. Имя и культура. Москва : ИЭИА РАН, 1993. С. 110–123.

16. Полякова О. Волжский Иерусалим : как Самара стала городом нескольких религий // Вокруг Света : сайт. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/volzhskii-ierusalim-kak-samara-stala-gorodom-neskolkikh-religii-id892950/?ysclid=mda2ri3kgt124100547> (дата обращения: 30.01.2025).

17. Разумов Р. В., Горяев С. О. Трансляция региональной идентичности в урбанизации российских городов: современное состояние // Вопросы ономастики. Екатеринбург : УрФУ, 2020. Т. 17, № 2. С. 201–219.

18. Разумов Р. В. Русская урбанизация : полевая организация. Модели номинации, социолингвистические особенности функционирования : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 387 с.

19. Романова Т. П. Наименования жилых комплексов как особый тип рекламного имени // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022 а. № 2 (29). С. 99–106.

20. Романова Т. П. Самарская идентичность в зеркале рекламно-коммерческих наименований // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Самара : Самарский университет, 2022б. Т. 28, № 1. С. 172–178.

21. Романова Т. П. Топонимический палимпсест как представитель Самарской идентичности. Статья первая // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Самара : Самарский университет, 2025. Т. 31. № 2. С. 199–209.

22. Самогоров В. А. Градостроительное формирование оборонного комплекса страны в г. Куйбышеве в годы Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. Волгоград : ВГУ, 2021. Вып. 4(85). С. 294–304.

23. Самарская топонимика / Барашков В. Ф., Дубман Э. Л., Смирнов Ю. Н. Самара : Самарский университет, 1996. 192 с.

24. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2020 г. № 444. О присвоении почетного звания Российской Федерации «Город трудовой доблести». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45655> (дата обращения: 30.01.2025).

25. Федотова Н. Г. Символические коды городской идентичности (на примере российского и американского городов) // Ученые записки Новгородского государственного университета. Новгород : НовГУ, 2020. № 8 (33). DOI: [http://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.8\(33\)](http://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.8(33)) (дата обращения: 30.01.2025).

26. Jaworski A. Globalese: a new visual-linguistic register // Social semiotics. 2015. No. 25(2). P. 217–235. URL: <https://doi.org/10.1080/10350330.2015.1010317> (дата обращения: 30.01.2025).

27. Sandst L., Syrjälä V. Proper names in the Linguistic Landscape: theoretical challenges in a multimodal discourse // Norna-Rapporter. 2020. Vol. 98. P. 337–355.

28. Tufi S., Blackwood R. Trademarks in the linguistic landscape: methodological and theoretical challenges in

qualifying brand names in the public space // International Journal of multilingualism. 2010. No. 7 (3). P. 197–210. URL: <https://doi.org/10.1080/14790710903568417> (дата обращения: 30.01.2025).

Reference list

1. Artjomov A. Marshruty pobeditelej: ulicy Samary, nazvannye v chest' geroev Velikoj Otechestvennoj vojny = Winners' routes: Samara streets named in honor of the heroes of the Great Patriotic War // Drugoj gorod : internet-zhurnal o Samare i Samarskoj oblasti. 2025. URL: <https://drugoigorod.ru/streetsheroes/> (data obrashchenija: 08.05.2025).
2. Bondaleto V. D., Romanova T. P. Naimenovanija predprijatij i uchrezhdenij v pervoje sovetskoe desjatiletie = Names of enterprises and institutions in the first Soviet decade // Onomastika Povolzh'ja : Materialy Sed'moj konferencii po onomastike Povolzh'ja. Moskva : In-t jetnologii i antropologii, 1997. S. 189–197.
3. Vepreva I. T., Haritonova A. V. Onomasticheskoe prostranstvo Ekaterinburga: urovnevaja organizacija markirov regional'noj identichnosti = Yekaterinburg onomastic space: level organization of regional identity markers // Voprosy onomastiki. Ekaterinburg: UrFU, 2023. T. 20, № 3. S. 184–199.
4. Gal'perin Ju. Samarskoe znamja = Samara banner // Vokrug Sveta : sajt. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/5649/?ysclid=md9zvfh9oy196030096> (data obrashchenija: 30.01.2025).
5. Golomidova M. V. Ekaterinburg – Sverdlovsk – Ekaterinburg : obraz goroda v dinamike toponimicheskogo teksta = Yekaterinburg – Sverdlovsk – Yekaterinburg : the city image in the toponymic text dynamics // Slovo.ru: baltijskij akcent. Kaliningrad : BFU, 2023. T. 14, № 1. S. 29–53.
6. Golomidova M. V. Obraz prostranstva i prostranstvennye obrazy v nazvaniyah starogo Ekaterinburga = Image of space and spatial images in the names of old Yekaterinburg // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekaterinburg : UrGU, 2001. № 20. S. 19–25.
7. Golomidova M. V. Urbanonimy kak resurs upravlenija vosprijatiem gorodskogo prostranstva = Urbanonyms as a resource for managing urban space perception // Komunikativnye issledovaniya. Omsk : OGU, 2019. T. 6. № 1. S. 11–30.
8. Golomidova M. V., Dmitrieva A. V. Territorial'naja identichnost' v toponimicheskem landshafte Urala = Territorial identity in the toponymic landscape of the Urals // Voprosy onomastiki. Ekaterinburg : UrFU, 2023. T. 20, № 2. S. 144–173.
9. Golomidova M. V., Dmitrieva A. V. Obraz Ekaterinburga cherez prizmu urbanonimicheskogo diskursa = Yekaterinburg's image through the prism of urbanonymic discourse // Voprosy onomastiki. Ekaterinburg : UrFU, 2024. T. 21, № 3. S. 213–236.
10. Gorodskaja toponimija: sovremennaja politika i praktika imenovanija = Urban toponymy: contemporary naming policies and practices : monografija / M. V. Golomidova, R. V. Razumov, A. V. Dmitrieva i dr. Ekaterinburg : UrFU, 2023. 226 s.

11. Isaeva I. Rukovoditel' obrazcovogo detskogo teatra tanca «Samarka» Ljudmila Popkova: «Tvorchestvo – smysl moej zhizni» = Ludmila Popkova, head of the exemplary children's dance theater «Samarka»: «Creativity is the meaning of my life» // Samarskaja gazeta. 16.04.2024. №243. URL: <https://sgpress.ru/news/439212> (data obrashhenija: 25.05.2025).
12. Kak sozdavali Alleju trudovoj slavy. Chast' 2 = How the Alley of Labor Glory was created. Part 2. SGPRESS. Samara, ljudi, sobytija. URL: <https://sgpress.ru/news/186518?ysclid=m5arm7zq1g297158738> (data obrashhenija: 30.01.2025).
13. Lotman Ju. M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda = St. Petersburg's symbolism and problems of city semiotics // Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury. Trudy po znakovym sistemam. Vyp. 18. Tartu : TGU, 1984. S. 30–45.
14. Morgun A. G. Ot kreposti do goroda Kujbysheva: Zametki ob arhitekture = From the fortress to the city of Kujbyshev: Notes on architecture. Kujbyshev : Kujbyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986. 224 s.
15. Otin E. S. Iz istorii russkoj jergonimii = Otin E. S. From the history of Russian ergonomics // Narody i kul'tury: Materialy k serii Onomastika. Vyp. XXV. Kn. 1. Ch. 1. Imja i kul'tura. Moskva : IJeIA RAN, 1993. S. 110–123.
16. Poljakova O. Volzhskij Ierusalim : kak Samara stala gorodom neskolkikh religij = Volga Jerusalem: How Samara became a city of several religions // Vokrug Sveta : sajt. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/volzhskii-ierusalim-kak-samara-stala-gorodom-neskolkikh-religii-id892950/?ysclid=mda2ri3kgt124100547> (data obrashhenija: 30.01.2025).
17. Razumov R. V., Gorjaev S. O. Translacija regional'noj identichnosti v urbanonimii rossijskih gorodov: sovremennoe sostojanie = Translation of regional identity in Russian cities' urbanonymy: current state of affairs // Voprosy onomastiki. Ekaterinburg : UrFU, 2020. T. 17, № 2. S. 201–219.
18. Razumov R. V. Russkaja urbanonimija : polevaja organizacija. Modeli nominacii, sociolinguisticheskie oso-bennosti funkcionirovaniya = Russian urbanonymy : field organization. Nomination models, sociolinguistic features of functioning : monografija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. 387 s.
19. Romanova T. P. Naimenovanija zhilyh kompleksov kak osobyj tip reklamnogo imeni = Names of residential complexes as a special type of advertising name // Verhnevolzhskij filologicheskiy vestnik. Jaroslavl' : RIO JaGPU. 2022 a. № 2 (29). S. 99–106.
20. Romanova T. P. Samarskaja identichnost' v zerkale reklamno-kommercheskih naimenovanij = Samara identity reflected in advertising and commercial names // Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija. Samara : Samarskij universitet, 2022b. T. 28. № 1. S. 172–178.
21. Romanova T. P. Toponimicheskij palimpsest kak reprezentant Samarskoj identichnosti. Stat'ja pervaja = Toponymic palimpsest as a representative of Samara identity. Article one // Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija. Samara : Samarskij universitet, 2025. T. 31. № 2. S. 199–209.
22. Samogorov V. A. Gradostroitel'noe formirovanie oboronnogo kompleksa strany v g. Kujbyshev v gody Velikoj Otechestvennoj vojny = Urban development of the country's defense complex in Kuibyshev during the Great Patriotic War // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Serija: Stroitel'stvo i arhitektura. Volgograd : VGU, 2021. Vyp. 4(85). S. 294–304.
23. Samarskaja toponomika = Samara toponymy / Barashkov V. F., Dubman Je. L., Smirnov Ju. N. Samara : Samarskij universitet, 1996. 192 s.
24. Ukaz Prezidenta Rossiijskoj Federacii ot 02.07.2020 g. № 444. O prisvoenii pochetnogo zvanija Rossiijskoj Federacii «Gorod trudovoj doblesti» = Decree of the Russian Federation President of 02.07.2020 № 444. On awarding the honorary title of the Russian Federation «City of Labor Valor». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45655> (data obrashhenija: 30.01.2025).
25. Fedotova N. G. Simvolicheskie kody gorodskoj identichnosti (na primere rossijskogo i amerikanskogo gorodov) = Urban identity symbolic codes (the example of Russian and American cities) // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Novgorod : NovGU, 2020. № 8 (33). DOI: [http://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.8\(33\)](http://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.8(33)) (data obrashhenija: 30.01.2025).
26. Jaworski A. Globalese: a new visual-linguistic register // Social semiotics. 2015. No. 25(2). P. 217–235. <https://doi.org/10.1080/10350330.2015.1010317> (data obrashhenija: 30.01.2025).
27. Sandst L., Syrjälä V. Proper names in the Linguistic Landscape: theoretical challenges in a multimodal discourse // Norna-Rapporter. 2020. Vol. 98. P. 337–355.
28. Tufi S., Blackwood R. Trademarks in the linguistic landscape: methodological and theoretical challenges in qualifying brand names in the public space // International Journal of multilingualism. 2010. No. 7 (3). P. 197–210. <https://doi.org/10.1080/14790710903568417> (data obrashhenija: 30.01.2025).

Статья поступила в редакцию 21.09.2025; одобрена после рецензирования 14.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 21.09.2025; approved after reviewing 14.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-97

EDN: RINAUK

Функции заимствованных слов в современной российской интернет-прессе

Евгения Петровна Гаран

Кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков, Азово-Черноморский инженерный институт (филиал Донского государственного аграрного университета). 347740, г. Зерноград, ул. Ленина, д. 21
garan24@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0409-621X>

Аннотация. В статье выявлены основные функции, которые выполняют в заголовках рубрики «Мнения» интернет-газеты «Известия» заимствованные слова, прежде всего англичаны. Отмечаются такие функции, как информационная (заимствованное слово используется для сообщения важной информации), номинативная (с его помощью называют явление, в том числе новое), образная (заимствование используется для конструирования средства выразительности: метафоры, каламбура, антитезы и др.), прагматическая (слово используется для убеждения адресата), экспрессивная (заимствование передаёт экспрессию, воздействует на чувства читателя), аппелятивная (привлекает внимание, формирует определённый настрой, побуждает к чему-либо), оценочная (служит для оценки события, явления, о котором говорится в публикации) и др. На основе англичанов нередко конструируются неологизмы (окказионализмы), выполняющие прагматическую и аппелятивную функции, призванные оказать интеллектуальное, эмоциональное или волевое воздействие на адресата речи, вызвать его реакцию. Чаще всего различные функции при употреблении заимствованного слова сочетаются. Делается вывод о важности заимствованного и, в частности, английского по происхождению слова в заголовках современных медиа для реализации целей авторов публикаций, донесения до читателей информации, привлечения адресатов к тексту статей, убеждения в чём-либо. Заявляется, что англичаны играют сегодня в языке значимую культурную роль как элементы, необходимые для стабильного культурного развития русского языка; их нельзя рассматривать как инструменты экспансии, поскольку заимствованное слово – один из значимых элементов стабильного языкового развития.

Ключевые слова: русский язык; английский язык; заимствованная лексика; неологизм; англичаны; интернет-СМИ; заголовок; функции

Для цитирования: Гаран Е. П. Функции заимствованных слов в современной российской интернет-прессе // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 97–104. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-97>. <https://elibrary.ru/RINAUK>

Original article

Functions of borrowed words in the modern Russian internet press

Evgenia P. Garan

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of humanities and foreign languages, Azov-Black Sea engineering institute (branch of the Don state agrarian university). 347740, Zernograd, Lenin str., 21.
garan24@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0409-621X>

Abstract. The article examines the main functions that borrowed words, primarily anglicisms, perform in the headings of the «Opinions» section in the online newspaper Izvestia. The author highlights the following functions of borrowed words: informational (to convey important information), nominative (to name a phenomenon, including a new one), figurative (to construct an expressive means: metaphor, pun, antithesis, etc.), pragmatic (to convince the addressee), expressive (to convey expression and affect the reader's feelings), appellative (to attract attention, create a certain mood, encourage to do something), evaluative (to evaluate an event or phenomenon discussed in a publication), etc. Neologisms (occasional words) are often constructed on the basis of anglicisms, performing pragmatic and appellative functions, designed to exert an intellectual, emotional or volitional impact on the addressee to elicit their reaction. Most often, various functions are combined when using a borrowed word. The article concludes that borrowed words, particularly those of the English origin, are important in modern media headlines in order to achieve the authors' goals of communicating information to readers, to engage them with the text, and to convince them of something. The author argues that anglicisms

play a significant cultural role in the language today as elements essential to the stable cultural development of the Russian language; they cannot be viewed as tools of expansion, since a borrowed word is a key element of stable linguistic development.

Key words: the Russian language; the English language; borrowed words; neologism; anglicism; online media; headline; functions

For citation: Garan E. P. Functions of borrowed words in the modern Russian internet press. *Verhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik*. 2025;(4):97–104. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-97>. <https://elibrary.ru/RINAUK>

Введение

Лексический состав языка является наиболее подвижным его слоем, живо реагирующим на происходящие в общественной жизни процессы. Наиболее заметные инновации в лексике традиционно связаны с заимствованиями. В последнее время вопрос о необходимости заимствованных слов в лексике русского языка приобрёл особенную актуальность и начал обсуждаться как никогда активно. Хотя в околонаучной среде время от времени высказываются мысли о ненужности и вредности заимствованной лексики в современном русском языке [Муравлева, 2020; Шаховалова, 2023], большинство учёных доказывает, что процесс заимствования является неотъемлемой и обязательной частью языкового развития [Крылова, 2023; Сатыбалдина, 2022; Ставицкая, 2023]. Исследователи, владеющие теорией языкоznания и знакомые с историей языка, утверждают, что «заимствованные слова – естественный компонент языка и нет необходимости тревожиться о русском языке, который по-прежнему велик, гибок, динамичен, который способен самостоятельно разобраться в том, нужно ли ему каждое конкретное иноязычное слово» [Крылова, 2023, с. 12], отмечают «важность заимствованных слов для обогащения словарного запаса и культурного разнообразия языка» [Kaigorodova, 2024, с. 338]. Социологи доказывают, что использование членами современного российского общества заимствованной лексики (как и сленга) только на первый взгляд может показаться негативным явлением [Человек в социокультурном ..., 2022, с. 122]. Лингвисты говорят о высокой степени русификации заимствованных слов в современном русском тексте, о том, что они получают в русском языке новую жизнь, развиваются новые значения и функции [Петрова, Самойлова, 2024, с. 79], отвечая высоким запросам богатого и разнообразного принимающего языка. Особым предметом исследования является в современной науке отношение общества к заимствованной лексике. Так, Е. А. Зайцева и др. утверждают, что нетерпимое отношение к англизмам коррелирует с возрастом носителей языка: чем старше человек, тем

более ему не нравятся заимствованные лексические единицы [Зайцева, Новикова, Гинзбург, 2024, с. 24]. А. В. Дегальцева и О. Б. Сиротинина напоминают, что «болезненное и нервное» восприятие иноязычного слова как враждебного для русской культуры достаточно традиционно [Дегальцева, Сиротинина, 2022, с. 8], поэтому может восприниматься как компонент культурного пространства.

Одна из сфер, в которой регулярно используются заимствованные слова, – заголовки средств массовой информации, заимствования в составе которых нельзя назвать достаточно изученными в лингвистике. Особенно активно в русский и другие языки в XX–XXI вв. входили и продолжают входить заимствования из английского языка, которые становятся предметом рассмотрения различных учёных [Абдреева, 2015; Гаран, 2023; Масленникова, 2023; Рождественская, Джулай, 2018; Bogunović, Coso, Guasch, Vilus, Ferré, Hinojosa, 2024; Erardi, Gardner, Comploi, 2022; Toxanbayeva, Kenzhekanova, Yerzhanova, 2025; Wolfer, Klosa-Kückelhaus, 2023; Zibin, 2019], но их функции в заголовках интернет-СМИ проанализированы не полностью.

Целью данного исследования стало выявление функций слов, заимствованных из английского языка, в заголовках авторских статей современного интернет-издания. Именно функциональный подход, по нашему мнению, позволяет максимально точно оценить необходимость и значимость заимствованной лексики, прежде всего англизмов, в современном русском языке. Функции слова показывают, с какой целью оно было выбрано носителем языка, почему стало востребованным, а значит, помогают понять, какова роль заимствованного слова в русском языке на данном этапе его развития.

Методы и материалы исследования

В ходе исследования использовались анализ, синтез, описательный, структурно-семантический, интерпретативный методы. Материалом для лингвистического и функционального анализа стали заголовки статей, которые входят в рубрику

«Мнения» интернет-газеты «Известия» [Известия, 2025] (2024–2025 гг.). Данная рубрика содержит не новостные сообщения, а авторские статьи, посвящённые оперативному комментированию происходящих в стране и мире событий. Заголовки статей рубрики «Мнения» обладают высокой оригинальностью, в них используются разнообразные средства выразительности [Крылова, 2021]. Для определения значения англицизмов применялся наиболее полный современный интернет-словарь [Викисловарь, 2025].

Результаты исследования

Заголовок является одним из ключевых элементов любого медиаконтента, выступая своеобразным навигатором и инструментом привлечения внимания аудитории. В современных условиях он играет решающую роль в успехе публикации. Заголовок сообщает читателю о содержании материала, побуждает его обратить внимание на публикацию, помогает ориентироваться в потоке информации, воздействует на восприятие информации читателем. Правильно составленный заголовок формирует первое впечатление о материале, создает ожидания от прочтения, определяет целевую аудиторию, устанавливает тон повествования, направляет восприятие информации. Эффективный заголовок должен легко читаться и запоминаться, соответствовать содержанию материала, быть понятным и информативным, вызывать интерес у целевой аудитории. В современных условиях заголовок стал важным инструментом медиаконтента. От его качества зависит успешность публикации, вовлеченность аудитории, распространение материала, коммерческий успех издания, доверие читателей. Он является фундаментальным элементом современных СМИ, определяющим успех публикации и влияющим на восприятие информации аудиторией.

Вышесказанное объясняет, почему в заголовках СМИ нередко применяются образные и выразительные средства языка, почему журналисты тщательно подходят к отбору для них языковых средств. Мы рассмотрели заголовки статей рубрики «Мнения» интернет-газеты «Известия» и выявили, что англицизмы разных периодов заимствования и сфер употребления выполняют в них различные функции.

Чаще всего можно отметить **информационную** (информационную) функцию. Заимствованное слово помогает журналистам передать сведения, сообщить о чём-то читателю. В данном случае заимствованное происхождение лексем не имеет

значения, они используются как важные в смысловом плане слова, необходимые для трансляции сведений, точного сообщения о чём-нибудь, а также для наименования, поэтому информативная функция обычно сочетается с номинативной.

Например: «*Дефляция и риски*» (12.03.2024). Статья сообщает об актуальной экономической ситуации, для чего используется англицизм, образованный от лексемы *deflation* (существующей в русском языке с 1891 г.). Семантика слова: ‘сокращение количества находящихся в обороте денежных знаков и банкнот’. Схожие примеры: «*Джентльменский игрок*» (09.01.2024), «*Эффект бумеранга*» (04.03.2024), «*Санкционная инерция*» (23.09.2025) и др.

Информационная функция является первичной для СМИ, основанных как ресурс для сообщения читателям различных сведений, поэтому включение заимствований в круг языковых единиц, помогающих статье (заголовку) выполнять информационную функцию, сполна обосновано.

При выполнении заимствованиями чисто **номинативной** функции английская лексика просто призвана называть то или иное описываемое автором явление. К примеру, в заголовке «*Спэринг от партнеров*» (14.02.2024) использован спортивный термин английского происхождения *спэринг*, произошедший от лексемы *sparring* – ‘схватка на огороженной площадке, ринге’ для описания товарищеских матчей сборной России по футболу с командами Сербии и Парагвая. Хотя при выполнении информативной и номинативной функций англицизмы в языке СМИ наименее выразительны, назвать их тусклыми и безликими нельзя. Как и всякие термины, они делают рассуждения журналистов более авторитетными, значимыми, убедительными. Схожие примеры: «*Карта биткоина*» (24.01.2024), «*Бизнес на вырост*» (06.03.2024), «*Курс – на цифровизацию*» (25.09.2025) и др.

Информативная и номинативная функции тесно сочетаются, поскольку для журналистов важно передать читателям информацию о явлениях, имеющих в современном русском языке англоязычные по происхождению наименования. Эти наименования являются актуальными, и сообщение не может обойтись без них для достижения своего правильного коммуникативного посыла.

Особым сегментом заголовков можно считать такие, где англицизмы являются неологизмами, сообщая читателям (по крайней мере, их части) не только о каком-то событии, но и о новом явлении, появившемся в общественной жизни и требую-

щем обсуждения и оценки. Например: «*Идеалы „трансгуманизма”*» (19.09.2025). Лексема *трансгуманизм* обозначает ‘возможность и желательность фундаментальных изменений человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение и смерть, а также значительно усилить его физические, умственные и психологические возможности’. Журналист в публикации призывает читателя обсудить данное явление, опираясь на новый роман Виктора Пелевина «*A sinistra*».

Неологизмы в номинативной функции могут быть специальными, редко употребляемыми. В этом случае важно понимать, почему журналист решает познакомить с ними широкую публику. Например, в заголовке «*О дронах и дроповодах*» (06.12.2024) использована лексема *дроп* (*дропер*) с семантикой ‘соучастник различного рода мошенничества с использованием банковских счетов, подставное лицо, на счёт которого зачисляются похищенные средства’. Обращение к данному термину связано с участвшимися в этот период (осень 2024 г.) мошенничествами, жертвами которых стало значительное число россиян.

При обращении к редко используемому, специальному заимствованию журналист в первом же предложении публикации должен пояснить смысл термина. Именно так поступает, к примеру, автор статьи «*Любители халвинга*» (22.04.2024), начинающейся так: «*В сети биткоина произошло важное и ожидаемое событие – халвинг. Это двукратное сокращение награды майнеров за „добытый” блок*». Заимствования нередко относятся к экономической сфере, где передают перестроение современной лексики «с целью отражения, воспроизведения и закрепления новых понятий в сфере экономики» [Зверева, Касьянова, 2022, с. 148], а также призваны «создавать впечатление профессионализма и уважения к международным экономическим тенденциям» [Аванесова, 2024, с. 213]. Примеры, помимо приведённых выше: «*Офис и работа*» (06.05.2024), «*Уйти от кэша*» (18.09.2024), «*Top-востребованность*» (30.11.2024) и др.

Образная функция выполняется заимствованным словом в том случае, если оно формирует средство выразительности. Часто с помощью англизмов строятся метафоры, создаётся образ, призванный точнее передать описываемое автором явление или событие. Например: «*Фол последней надежды*» (18.03.2024). Здесь слово *фол* образовано от *foul* – ‘грязный, подлый, нечестный’ и соотносится с выражением *foul play* –

‘грязная игра’. Этот спортивный термин участвует в создании спортивной метафоры и помогает автору создать у читателя впечатление нечистой игры западных политиков. Спортивные метафоры с использованием англизмов нередко становятся средствами образного представления действительности в анализируемом языковом материале.

Помимо метафор, заимствованные слова используются для создания каламбуров. Например, в заголовке «*Имя им легионеры*» (06.08.2025) происходит обыгрывание крылатого выражения «*Имя им – легион*», а в заголовке «*Саммит по себе*» (10.08.2025) – выражения «*Сам по себе*», то есть создаются каламбуры на основе прецедентных феноменов. Аналогичные примеры: «*Месяц – майнинг*» (21.11.2024) ← «*месяц май*», где *майнинг* – ‘процесс получения криптовалюты путем проведения сложных вычислений при помощи компьютера’; «*Низкий рестарт*» (07.04.2025) ← «*низкий старт*», где *рестарт* – ‘повторный запуск, перезапуск возобновление чего-либо’; «*Бренд какой-то*» (18.07.2024) ← «*Бред какой-то*» и т. п. Данный приём в заголовках рубрики «*Мнения*» отмечает М. Н. Крылова: «Важнейшим инструментом, с помощью которого создаётся выразительность, является каламбур, обыгрывание слов и фразеологических сочетаний» [Крылова, 2021, с. 110]. Также на основе заимствований становятся более яркими антитезы: «*Камбэки и провалы*» (15.04.2025) (*камбэк* – ‘возвращение’). Отметим, что создание подобных каламбуров очень ответственно: журналист должен быть уверен, что читатели, во-первых, знают значение использованных им заимствованных слов, во-вторых, находятся в одном культурном поле с ним, понимают использованные им аллюзии.

В заголовке «*Время спойлеров*» (15.03.2024) использовано слово, образованное от лексемы *spoiler* в значении ‘преждевременно раскрытая важная информация о сюжете литературного, кинематографического произведения’. Автор статьи пытается предугадать исход предстоящих выборов президента России и подать своё мнение как спойлеры – не предполагаемую, а точную информацию. В данном случае англизм выполняет не только образную, но и **прагматическую** функцию – нацелен на убеждение адресата, формирование его мнения о важном событии.

Различные функции заимствований часто сочетаются. Когда в заголовках встречается намеренное использование автором неологизма – малознакомой широкой аудитории английского слова, то англизм призван удивить, произвести

на читателя впечатление, побудить его к чтению данной статьи и можно говорить о сочетании таких функций англизизма, как **прагматическая** и **экспрессивная** (воздействие на чувства читателя). Например: «*Перейти в фиджитал*» (04.03.2024). Здесь слово *фиджитал* образовано от английского *phygital*, созданного с помощью совмещения двух английских слов: *physical* – ‘физический (материалный, реальный, осязаемый)’ и *digital* ‘цифровой (виртуальный)’. То есть значение слова – ‘физический + цифровой’. Отметим, что подобных «свежих» неологизмов в языке СМИ, особенно в заголовках, встречается немало. Основные сферы их применения – устная речь и интернет-коммуникация. Для журналиста важно, чтобы читатель понимал все используемые им слова, а в знании адресатом недавно проникших в язык неологизмов он не может быть уверен.

Нередко журналисты сами формируют неологизмы (окказионализмы) на основе англизмов. К примеру, статья от 30.01.2024 г. называется «*Блогосхема*». В заголовке использовано слово, очевидно, сконструированное автором статьи на основании лексем *блог* (от англ. *blog*) и *схема* (также заимствование, но более раннее, из латинского языка) с помощью способа словосложения. Журналист посредством ёмкого по смыслу неологизма передаёт мысль о новых схемах ухода от налогобложения, создаваемых авторами блогов. Схожий пример – окказиональное существительное в заголовке «*Обильный гаджетопад*» (03.01.2024). Оно сконструировано с помощью способа сложения с одновременной нулевой суффиксацией на основе лексем *гаджет* (от английского *gadget* – ‘устройство, приспособление’) и *падать* по модели русских существительных: *снегопад*, *ценопад* и др. Автор хочет привлечь внимание к проблеме появления компьютерных новинок 2024 г. и намекает в заголовке, что в данной сфере возможны неожиданности, стимулируя этим читательский интерес.

Окказионализмы-англизмы, на наш взгляд, направлены на выполнение **прагматической** и **апеллятивной** функций: нацелены на то, чтобыказать воздействие на эмоциональное состояние читателя, привлечь его внимание, сформировать у него определённый настрой. Экспрессивность и эмотивность действуют в данном случае как инструменты влияния, направлены на обращение к читателю и формирование у него определённого отношения к сообщаемому. Такие заголовки должны интриговать и вызывать любопытство, обладать объёмным смыслом. Они призваны при-

влекать внимание аудитории, формировать определённое отношение к сообщаемому и побуждать к действию.

Экспрессией обладает заимствованное слово и тогда, когда выполняет в заголовке СМИ **оценочную** функцию, то есть служат выражению авторской позиции, передаче субъективного отношения журналиста к сообщаемому, формированию определённого мнения читателя. Оценочная функция заголовка позволяет читателю уже на начальном этапе восприятия статьи понять авторскую позицию, эмоциональный настрой материала, сформировать предварительное мнение о содержании публикации, определить тон повествования. Оценка, выражаемая в заголовках с помощью заимствованной лексики, чаще всего является положительной: «*Драйвер перемен*» (20.12.2024), «*Саммит во имя будущего*» (10.08.2025). Оценка касается того, о чём сообщается в публикации, то есть какого-то произошедшего события, наблюданного явления. В деловой прессе оценка отходит на второй план, уступая место информативности, а в общественно-политических изданиях, к которым относится и газета «Известия», оценка сочетается с информативностью, не только информирует о содержании материала, но и формирует определенное отношение к нему, что делает её незаменимым элементом современной журналистики. Иноязычное слово в таких заголовках является важным инструментом воздействия на читателя.

Можно выделить ещё одну функцию заимствованной лексики – имиджевую, в соответствии с которой она способствует созданию человеком собственного имиджа, обозначению им принадлежности к определённой социальной группе, желанию быть «модным» [Шафигулина, Юсупова, 2023, с. 187]. В СМИ англизмы в имиджевой функции могли бы способствовать формированию облика издания, созданию узнаваемого стиля какого-либо журналиста, однако в проанализированном нами материале заимствований в такой функции не обнаружено.

По нашим наблюдениям, авторы публикаций рубрики «Мнения» газеты «Известия» обращаются в заголовках к заимствованным словам (новым заимствованиям) достаточно редко, примерно в 5 % случаев, тогда, когда это действительно необходимо. Это подтверждает мысль лингвистов: «Механизмы сохранения языковой самоидентичности успешно противостоят негативным воздействиям и преимущественно извлекают из новой лексики все функционально ценное и актуальное»

[Громова, 2023, с. 20]. Разнообразие наблюдаемых при этом функций иноязычных слов говорит о разных целях авторов публикаций и о вполне умелом оперировании ими заимствованиями как инструментами достижения этих целей.

Заключение

Заголовок является важной частью публикации интернет-СМИ. Он выполняет одновременно информативную, экспрессивную и рекламную функции, анонсируя содержание публикации, передавая отношение автора к теме или проблеме и призывая читателей перейти по гиперссылке и ознакомиться с полным текстом статьи.

В заголовках авторских статей современной российской интернет-прессы англизмы выполняют информационную, номинативную, образную, прагматическую, экспрессивную, апеллятивную, оценочную и другие функции, чаще всего выступая как средства привлечения внимания читателей к статье, выделения статьи из общего массива публикаций. Англоязычные заимствования являются одним из выразительных средств, функционирующих в русском языке, составляющих его богатство, помогающих говорящим в реализации их целей. Культура от наличия англоязычных заимствований не страдает, поскольку она может существовать только на пересечении традиции и инновации, а заимствованная лексика как раз и выступает одним из инновационных средств, обеспечивающих сохранение и развитие русской культуры. Более того, если заимствованное слово свободно употребляется журналистом, уверенным, что читатель поймёт его, оно, очевидно, уже стало компонентом русской культуры, а значит, необходимо ей, необходимо русскому языку.

Заимствованные слова, на наш взгляд, не должны трактоваться как инструменты экспансии, языковой или политической. Их включение в ткань языка обусловлено в первую очередь процессами непрерывного и поступательного языкового развития. Язык является самоорганизующейся системой, которая живо реагирует на общественные процессы, отражает в своём лексическом составе инновации жизни людей, общественные процессы и способна самостоятельно справиться с потоком заимствований, отобрав среди них только те, которые действительно необходимы.

Перспективы настоящего исследования состоят в анализе применения англоязычных заимствований разных периодов в других сферах использу-

зования русского языка: интернет-коммуникации, рекламе, устной речи и т. п. Необходимо разобраться в том, какие средства языка служат его поступательному, продуктивному развитию и какое место в этой системе лингвистических инструментов занимают английские заимствования.

Библиографический список

1. Абдреева М. П. Заимствованная английская лексика в структуре газетного текста // Новая наука : Теоретический и практический взгляд. 2015. № 6-2. С. 155–157.
2. Аванесова Э. Э. Заимствованная экономическая лексика в медиадискурсе 21 века // Казанская наука. 2024. № 7. С. 213–215.
3. Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/Викисловарь> (дата обращения: 20.09.2025).
4. Гаран Е. П. Функции англоязычных заимствований в современных интернет-СМИ // Балтийский гуманитарный журнал. 2023. Т. 12, № 1 (42). С. 81–84.
5. Громова Н. В. Заимствованная лексика : тенденции и перспективы // Евразийский филологический вестник. 2023. № 1 (1). С. 20–32.
6. Дегальцева А. В. Проблемы употребления заимствованной лексики в современных СМИ / А. В. Дегальцева, О. Б. Сиротинина // Филология и человек. 2022. № 4. С. 7–25.
7. Зайцева Е. А. Молодежный сленг : восприятие глагольных заимствований носителями языка / Е. А. Зайцева, И. В. Новикова, О. В. Гинзбург // Вопросы психолингвистики. 2024. № 3 (61). С. 24–36.
8. Зверева С. Б. Тематическая представленность заимствованной лексики в современном российском медиапространстве / С. Б. Зверева, Л. Ю. Касьянова // Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (82). С. 147–151.
9. Известия. URL: <https://iz.ru/blog> (дата обращения: 20.09.2025).
10. Крылова М. Н. Нужна ли в языке заимствованная лексика? // Век информации (сетевое издание). 2023. Т. 7, № 1 (22). С. 12–19.
11. Крылова М. Н. Средства языковой выразительности в заголовках рубрики «Мнения» интернет-газеты «Известия» // Век информации (сетевое издание). 2021. Т. 5, № 3 (16). С. 110–120.
12. Масленникова А. А. Англицизмы как тенденция развития современного русского языка // Трибуна ученого. 2023. № 6. С. 156–161.
13. Муравлева В. Р. Лингвоид как стратегия современных информационных войн // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 197–202.
14. Петрова Н. Е. «Инговые» существительные как разновидность процессуальной лексики : к проблеме освоения новейших заимствований русского языка / Н. Е. Петрова, Г. С. Самойлова // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 10. С. 65–83.

15. Рождественская С. В. Англицизмы в современном российском обществе: статус и функции / С. В. Рождественская, И. Ю. Джулай // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8-1 (86). С. 165–170.
16. Сатыбалдина Б. Д. Заимствования XXI века в сфере моды // *Ratio et Natura*. 2022. № 1 (5).
17. Ставицкая С. С. Активность слов с заимствованным префиксом *ре-* в медиапространстве маркетинга и сети интернет // *Linguistica Juvenis*. 2023. № 25. С. 168–174.
18. Человек в социокультурном измерении: монография / И. В. Глушко, Т. М. Зуева, М. Н. Крылова, И. М. Лаврухина, А. В. Яровой. Зерноград: АЧИИ, 2022. 222 с.
19. Шафигулина Н. Англицизмы: мода, престиж или необходимость? / Н. Шафигулина, М. Юсупова // Вестник Иссык-Кульского университета. 2023. № 54-2. С. 182–189.
20. Шаховалова Е. Г. Ценностный потенциал русского литературного языка в патриотическом воспитании современной молодежи // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2023. № 1 (7). С. 35–39.
21. Bogunović I. How do we feel about borrowed words? Affective and lexico-semantic norms for most frequent unadapted English loanwords in Croatian / I. Bogunović, B. Čoso, M. Guasch, E. P. Vilus, P. Ferré, J. A. Hinojosa // *International Journal of Bilingualism*. 2024. № 29 (5). P. 1309–1334.
22. Erardi S. Anglicisms in Ladin: Loanwords and Local Perceptions / S. Erardi, R. L. Gardner, S. Comploji // *Forum Italicum*. 2022. № 56 (2). P. 272–306.
23. Kaigorodova M. A. Linguistic and psychological reasons to borrow words from other languages / M. A. Kaigorodova // Наукосфера. 2024. № 4-2. С. 338–341.
24. Toxanbayeva R. Problems of Adaptation of Borrowings and Excessive Use of Borrowed Words in the Civil Codes of Post-Soviet Countries (on the Example of Kazakhstan) / R. Toxanbayeva, K. Kenzhekanova, S. Yerzhanova // *International Journal for the Semiotics of Law*. 2025. № 38. P. 901–921.
25. Wolfer S. Tracking the acceptance of neologisms in German: Psycholinguistic factors and their correspondence with corpus-linguistic findings / S. Wolfer, A. Klosa-Kückelhaus // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. № 10. P. 547.
26. Zibin A. A Phonological Analysis of English Loanwords Inflected With Arabic Morphemes in Urban Jordanian Spoken Arabic // *Sage Open*. 2019. № 9 (2).
2. Avanesova Je. Je. Zaimstvovannaja jekonomiceskaja leksika v mediadiskurse 21 veka = Borrowed economic vocabulary in 21st century media discourse // Kazanskaja nauka. 2024. № 7. S. 213–215.
3. Vikislovar' = Wikidictionary. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/Vikislovar'> (data obrashhenija: 20.09.2025).
4. Garan E. P. Funkcii anglojazychnyh zaimstvovanij v sovremennyh internet-SMI = Functions of English borrowings in modern Internet media // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2023. T. 12, № 1 (42). S. 81–84.
5. Gromova N. V. Zaimstvovannaja leksika: tendencii i perspektivy = Borrowed words: tendencies and prospects // *Evrazijskij filologicheskij vestnik*. 2023. № 1 (1). S. 20–32.
6. Degal'ceva A. V. Problemy upotrebljenija zaimstvovannoj leksiki v sovremennyh SMI = Problems of using borrowed vocabulary in modern mass media / A. V. Degal'ceva, O. B. Sirotinina // *Filologija i chelovek*. 2022. № 4. S. 7–25.
7. Zajceva E. A. Molodezhnyj sleng: vosprijatie glagol'nyh zaimstvovanij nositeljami jazyka = Youth slang: native speakers' understanding of verb borrowings / E. A. Zajceva, I. V. Novikova, O. V. Ginzburg // *Voprosy psicholinguistiki*. 2024. № 3 (61). S. 24–36.
8. Zvereva S. B. Tematicheskaja predstavlennost' zaimstvovannoj leksiki v sovremennom rossijskom mediaprostранstve = Thematic representation of borrowed words in modern Russian media space / S. B. Zvereva, L. Ju. Kas'janova // *Гуманитарные исследования*. 2022. № 2 (82). S. 147–151.
9. Izvestija = Izvestia. URL: <https://iz.ru/blog> (data obrashhenija: 20.09.2025).
10. Krylova M. N. Nuzhna li v jazyke zaimstvovannaja leksika? // Vek informacii (setevoe izdanie) = Is borrowed vocabulary necessary in the language? // The age of information (online edition). 2023. T. 7, № 1 (22). S. 12–19.
11. Krylova M. N. Sredstva jazykovoj vyrazitel'nosti v zagolovkah rubriki «Mnenija» internet-gazety «Izvestija» = Linguistic expressive means in the headlines of the «Opinions» section in the Izvestia online newspaper // Vek informacii (setevoe izdanie). 2021. T. 5, № 3 (16). S. 110–120.
12. Maslennikova A. A. Anglicizmy kak tendencija razvitiya sovremennoj russkogo jazyka = Anglicisms as a development trend in the modern Russian language // *Tribuna uchenogo*. 2023. № 6. S. 156–161.
13. Muravleva V. R. Lingvocid kak strategija sovremennoj informacionnyh vojn = Linguocide as a strategy of modern information wars // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2020. № 4. S. 197–202.
14. Petrova N. E. «Ingovye» sushhestvitel'nye kak raznovidnost' processual'noj leksiki: k probleme osvoenija novejshih zaimstvovanij russkogo jazyka = «Ing» nouns as a kind of procedural lexicon: towards the problem of mastering the newest borrowings of the Russian language / N. E. Petrova, G. S. Samojlova // *Nauchnyj dialog*. 2024. T. 13, № 10. S. 65–83.
15. Rozhdestvenskaja S. V. Anglicizmy v sovremennom rossijskom obshhestve: status i funkci = Anglicisms in modern Russian society: status and functions / S. V.

Rozhdestvenskaja, I. Ju. Dzhulaj // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 8-1 (86). S. 165–170.

16. Satybalina B. D. Zaimstvovanija XXI veka v sfere mody = XXI century borrowings in the field of fashion // Ratio et Natura. 2022. № 1 (5).

17. Stavickaja S. S. Aktivnost' slov s zaimstvovannym prefiksom re- v mediaprostranstve marketinga i seti internet = Active words with the borrowed prefix re- in the media space of marketing and the Internet // Linguistica Juvenis. 2023. № 25. S. 168–174.

18. Chelovek v sociokul'turnom izmerenii = Man in the socio-cultural dimension : monografija / I. V. Glushko, T. M. Zueva, M. N. Krylova, I. M. Lavruhina, A. V. Jarovoj. Zernograd : AChII, 2022. 222 s.

19. Shafigulina N. Anglicizmy : moda, prestizh ili neobhodimost' = Anglicisms : fashion, prestige or necessity? / N. Shafigulina, M. Jusupova // Vestnik Issyk-Kul'skogo universiteta. 2023. № 54-2. S. 182–189.

20. Shahovalova E. G. Cennostnyj potencial russkogo literaturnogo jazyka v patrioticheskem vospitanii sovremennoj molodezhi = Value potential of the Russian literary language in the modern youth patriotic education // Kul'tura v evrazijskom prostranstve : tradicii i novacii. 2023. № 1 (7). S. 35–39.

21. Bogunović I. How do we feel about borrowed words? Affective and lexico-semantic norms for most fre-

quent unadapted English loanwords in Croatian / I. Bogunović, B. Čoso, M. Guasch, E. P. Vilus, P. Ferré, J. A. Hinojosa // International Journal of Bilingualism. 2024. № 29 (5). R. 1309–1334.

22. Erardi S. Anglicisms in Ladin: Loanwords and Local Perceptions / S. Erardi, R. L. Gardner, S. Comploi // Forum Italicum. 2022. № 56 (2). R. 272–306.

23. Kaigorodova M. A. Linguistic and psychological reasons to borrow words from other languages / M. A. Kaigorodova // Naukosfera. 2024. № 4-2. S. 338–341.

24. Toxanbayeva R. Problems of Adaptation of Borrowings and Excessive Use of Borrowed Words in the Civil Codes of Post-Soviet Countries (on the Example of Kazakhstan) / R. Toxanbayeva, K. Kenzhekanova, S. Yerzhanova // International Journal for the Semiotics of Law. 2025. № 38. R. 901–921.

25. Wolfer S. Tracking the acceptance of neologisms in German: Psycholinguistic factors and their correspondence with corpus-linguistic findings / S. Wolfer, A. Klosa-Kückelhaus // Humanities and Social Sciences Communications. 2023. № 10. R. 547.

26. Zibin A. A Phonological Analysis of English Loanwords Inflected With Arabic Morphemes in Urban Jordanian Spoken Arabic // Sage Open. 2019. № 9 (2).

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 16.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 23.09.2025; approved after reviewing 16.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 811.111

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-105

EDN: AUPMNL

Интеграция современных инструментов искусственного интеллекта в образовательной языковой среде

Елена Александровна Мингажева¹✉, Елена Владимировна Викторова²

¹Кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка, Челябинский государственный университет. 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129

²Преподаватель кафедры английского языка, Челябинский государственный университет. 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129

¹Mingazheva.lena@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-8389-3283>

²evmatveeva1992@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-9827-5928>

Аннотация. В настоящее время все больше пользуются услугами искусственного интеллекта и его инструментами, такими как образовательные ресурсы и платформы, помогающие отрабатывать знания и совершенствовать навыки владения иностранным языком. Общество не стоит на месте, как и не стоят на месте технические разработки. В статье отражена информация об интеграции инструментов искусственного интеллекта в языковое образование обучающихся. В статье произведен анализ основных категорий, примененных на занятиях иностранного языка ИИ-технологий, определены методы исследования, а также представлены достоверные материалы исследования. Главной задачей публикации являлось изучение методов объединения, оценка влияния искусственного интеллекта на обучение языкам; объектами анализа выступили платформы Duolingo и Rosetta Stone. На основе уже базовых и рабочих шести аспектов: аудирования, говорения, грамматики, лексики, письма и чтения – преподавателями в процессе обучения языку распределяются задания, составленные с помощью инструментов искусственного интеллекта. Все задания отражают специфику сферы изучаемого языка и адаптированы под настоящие реалии. Составлено и проведено итоговое комплексное тестирование и проанализированы результаты по общеевропейской шкале CEFR. По результатам тестирования выявлена эффективность технологий искусственного интеллекта по ряду ключевых критерий: адаптированность технологий к индивидуальным требованиям, а также наличием понятного и простого интерфейса.

Ключевые слова: искусственный интеллект; лингводидактика; обучающие материалы; инструменты искусственного интеллекта; образовательные ресурсы; языковое образование, иностранный язык, сервисы ИИ

Исследование выполнено при поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ» 2025 г.

Для цитирования: Мингажева Е. А., Викторова Е. В. Интеграция современных инструментов искусственного интеллекта в образовательной языковой среде // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 105–115. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-105>. <https://elibrary.ru/AUPMNL>

Original article

Integrating modern artificial intelligence tools in educational linguistic environment

Elena A. Mingazheva¹✉, Elena V. Viktorova²

¹Candidate of pedagogical sciences, associate professor at the department of the english language, Chelyabinsk state university. 454001, Chelyabinsk, Brothers Kashiriny str., 129.

²Lecturer at the department of the english language, Chelyabinsk state university. 454001, Chelyabinsk, Brothers Kashiriny str., 129.

¹Mingazheva.lena@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-8389-3283>

²evmatveeva1992@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-9827-5928>

Abstract. Nowadays, more and more people are using artificial intelligence services and tools, such as educational resources and platforms that help them practice and improve their foreign language skills. Society is constantly evolving, and so are technological advancements. This article provides information about the integration of artificial

intelligence tools into language education and their application in language classes. The authors present working methods and reliable research materials. They also highlight and discuss the most applicable groups of artificial intelligence-based services used in foreign language teaching. The main purpose of the article was to analyze the integration tools by exploring the usefulness of artificial intelligence in language education. The research focused on the educational services Duolingo and Rosetta Stone. Based on the six basic and working aspects of language learning, such as listening, speaking, grammar, vocabulary, writing, and reading, the article presents assignments created using artificial intelligence tools. These assignments reflect the specific features of the target language and are tailored to the current realities. The article also includes a comprehensive final test and analysis of the results using the CEFR scale. According to the test results, the effectiveness of artificial intelligence technologies was revealed in a number of key criteria: the adaptability of technologies to individual requirements, as well as the availability of an understandable and simple interface.

Key words: artificial intelligence; linguistic didactics; teaching materials; artificial intelligence tools; educational resources; language education; foreign language; AI services

The study was supported by the Chelyabinsk State University Foundation for Advanced Scientific Research in 2025.

For citation: Mingazheva E. A., Viktorova E. V. Integrating modern artificial intelligence tools in educational linguistic environment. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2025;(4):105–115. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-105>. <https://elibrary.ru/AUPMNL>

Введение

С возникновением искусственного интеллекта (ИИ) – технологий, предназначенных для имитации процессов человеческого интеллекта, вроде обучения, рассуждения и решения задач, стремительно развивается ландшафт образования. Инструменты искусственного интеллекта используются в разных образовательных функциях, от персонализированных способов обучения и интеллектуальных систем репетиторства до автоматизации административных дел, таких как выставление баллов и составление расписания. Эти приложения обещают повышение эффективности, индивидуальную поддержку обучающихся и, возможно, улучшенные результаты обучения.

В данной статье утверждается, что искусственный интеллект в образовании может быть инструментом-помощником в изучении языков. Данный инструмент способен выполнять впечатляющие задачи, однако его результаты могут быть неточными, предвзятыми или поверхностными. **Актуальность** исследования обусловлена необходимостью анализа способов применения технологий ИИ в современных реалиях, а также оценки эффективности применения ИИ в языковом образовании. **Цель данной статьи** – проанализировать инструменты интеграции, исследуя полезность искусственного интеллекта в языковом образовании, объектом исследования стали образовательные сервисы Duolingo, Miro и Rosetta Stone. Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи исследования**: проанализировать принципы работы популярных образовательных платформ и ресурсов, базированные на искусственном интеллекте, которые предназначены для помощи в обучении иностранным языкам; определить связь повышения уровня мотивации

обучающихся с использованием ИИ-ресурсов; обозначить критерии оценивания эффективности совместной работы с ИИ-технологиями и обучения иностранному языку. **Научная новизна** исследования тесно связана с его теоретической значимостью. В данной статье подтверждается эффективность применения ИИ-технологий в образовании, однако в большей степени как один из способов закрепления уже изученного материала, поскольку на сегодняшний день ИИ-технологии не способны в полной мере заменить традиционные подходы к обучению. **Практическая значимость** заключается в возможности использовать полученные результаты для создания новых образовательных платформ, улучшения существующих технологий и повышения качества обучения в образовательных учреждениях.

Материалы и методы исследования

В области преподавания иностранных языков технологии искусственного интеллекта, включая анализ текста и алгоритмы глубокого обучения, способны значительно улучшить эффективность образовательного процесса в различных ситуациях и подходах. Широкий спектр инструментов включает чаты-помощники, платформы для создания текстов, интеллектуальные системы адаптации, способствующие облегчению процесса изучения иностранных языков [Сопуева, 2022]. Появляющиеся инновационные программы и платформы искусственного интеллекта нуждаются в дополнительном исследовании, которое способно открыть дополнительные возможности.

– Индивидуализация обучения: благодаря искусственным интеллектам педагоги способны разрабатывать уникальные образовательные ре-

сурсы, адаптированные под индивидуальные особенности и интересы учащихся.

– Искусственный интеллект способствует автоматизации определенных элементов разработки учебных материалов, таких как задания, упражнения или полные учебные планы, тем самым экономя ресурсы и усилия.

– Интерактивные инструменты, включая чаты-помощники и языковые программы, представляют учащимся мгновенную реакцию, делая обучение языку интереснее.

– Стандартизация. Искусственный интеллект гарантирует однородность и согласованность образовательных ресурсов, обеспечивая студентам равномерную точность и качество во всех созданных материалах.

– Адаптивность. Искусственный интеллект облегчает преподавателям разработку учебных ресурсов, подходящих для разнообразных методов обучения и образовательных контекстов.

– Экономический выигрыш. Искусственный интеллект способствует сокращению затрат на подготовку и распространение обучающих пособий, предоставляя преподавателям возможность перераспределить ресурсы на прочие аспекты обучения языком.

В настоящее время существует огромное разнообразие ИИ-инструментов. В своем исследовании мы использовали инструменты обработки естественного языка (NLP), которые помогают в понимании и обработке человеческого языка. Подобные ресурсы можно встретить на образовательных платформах для выполнения сложных задач, таких как перевод с иностранного языка и на него, резюмирование текста, а также для обработки текстового материала. Данные операции помогут минимизировать временные затраты и структурировать переводческие фрагменты.

Рассмотрим следующие группы сервисов, функциональные возможности которых основаны на искусственном интеллекте и широко применимы в языковом образовании:

Duolingo, Babbel и Rosetta Stone. На базе искусственного интеллекта данные приложения генерируют материалы для изучения языка. Разнообразные упражнения, отработка фонетических и грамматических навыков формируют базу для интерактивных и адаптированных уроков;

– LearnSmart, Knewton. Эти обучающие платформы способны корректировать учебный материал в процессе обучения, отслеживая прогресс успеваемости и адаптируя задания под потребности обучающегося;

– Google Speech-to-Text API – точно распознает речь и оценивает произношение. Представляет обратную связь, тем самым давая возможность улучшить фонетические навыки;

– GPT-3 от – генерирует языковые упражнения и подсказки для устных шаблонных ответов и предложений;

– ChatGPT-4, Midjourney, Подкаст, Synthesia – генерируют контент при помощи искусственного интеллекта, тем самым предоставляя обучающимся разнообразный и интересный контент для применения теории на практике. Данный спектр возможностей позволяет создать разнообразные материалы в процессе языкового обучения на основе заранее заданных критериев, начиная от упражнений и монологов и заканчивая тезисами докладов и статей. К примерам таких критериев можно отнести тему, цель обучения и уровень сложности.

В языковом обучении существуют следующие основные аспекты: «Аудирование», «Говорение», «Грамматика», «Лексика», «Письмо» и «Чтение». Рассмотрим, как с помощью технологий искусственного интеллекта можно эффективно прорабатывать вышеперечисленные навыки.

Аспект «Аудирование» (Listening) может сопровождаться не только аудио, но и видео. Перейдя по ссылке, можно просмотреть скрипт видеофрагмента, составить вопросы открытого типа, вопросы с множественным выбором или вопросы «Правда или Ложь».

В аспекте «Говорение» (Speaking) можно легко и быстро создать задания для разминки, основной темы урока, подвести итоги и перейти к рефлексии. Имеется возможность создания блока обсуждаемых вопросов на определенную заданную тему, фактов, высказываний для комментирования, плюсов и минусов предмета обсуждения.

В аспекте «Грамматика» (Grammar) подобные инструменты искусственного интеллекта могут составить для преподавателя упражнения на соединение предложений в правильном порядке употребления его частей, задания на раскрытие скобок (употребить глагол в правильном временном аспекте). Для отработки пройденной ранее лексики преподаватель может внедрить в грамматические упражнения нужный вокабуляр и закрепить его посредством повторения.

В процессе изучения «Лексики» (Vocabulary) можно создавать разнообразные упражнения, направленные на отработку новых фраз и выражений в аутентичном контексте. К примеру, могут быть сгенерированы задания на заполнения про-

пусков в тексте, соотнести слово и его дефиницию, задания на образование разных частей речи от одного слова путем добавления префиксов и суффиксов.

Помимо всего вышесказанного, преподавателю предоставляется возможность создать глоссарий слов и выражений по текущей обсуждаемой теме, которые в дальнейшем помогут обучающимся составлять предложения и небольшие монологические высказывания для отработки различных речевых структур на определенную тематику.

Как и преподавателями, так и студентами отмечается, что раздел «Письмо» (Writing) является одним из самых сложных аспектов. Это объясняется тем, что письменная речь тесно связана с навыками устной речи, умением излагать мысли на иностранном языке лексически и грамматически аутентично. При помощи сервисов, созданных на базе искусственного интеллекта, преподавателю можно подобрать темы эссе, которые могут стать завершающим этапом обсуждения той или иной темы и могут быть предложены обучающимся в качестве домашней самостоятельной работы.

Последний аспект «Чтение» (Reading) требует не меньшего внимания. Здесь искусственный интеллект может легко и быстро сгенерировать текст на любую указанную тему, указав количество слов, жанр и ключевые слова. Кроме того, можно выбрать уровень сложности генерируемого текста (A1–A2, B1–B2, C1–C2), опираясь на уровень обучающихся. Инструменты искусственного интеллекта помогут создать и задания к данному тексту: ответы на вопросы, соединить слово/фразу с его переводом, выбор наиболее подходящего заголовка для текста из предложенного списка [Fedotova, 2023].

Персонализация образовательного процесса помогает повысить качество усваиваемых аспектов языка и служит прекрасным способом повышения мотивации обучающегося к дальнейшему изучению материала. Технологии ИИ, которые широко используются в обучении языку, на сегодняшний день подразделяются на ряд основных категорий. Для адаптивных образовательных систем основой служат алгоритмы машинного обучения. С их помощью происходит анализ индивидуальных достижений студентов и выборка релевантных заданий. Системы автоматического распознавания и синтеза речи помогают улучшить навыки произношения и развить фонематический слух. Различные чат-боты в формате интерактива помогают практиковать языковые навыки обуча-

ющегося. По данным отчета об индексе ИИ Стэнфордского университета 2022 года, увеличение инвестиций в ИИ составило 40 % в 2021 году. Безусловно, это подчеркивает стремительно возрастающий интерес к возможностям искусственного интеллекта и в то же время возможности применения в языковом образовании. Сопуева Н. Дж. отмечает, что электронные пособия стали неотъемлемой частью обучения, включая программы, ресурсы, словари, тренажеры. Технологии значительно расширяют возможности применения ИИ в языковом образовании, делая его доступным и эффективным. Одним из самых популярных инструментов, скачанных более 500 раз миллионами пользователей по всему миру, является Duolingo, который применяет алгоритмы разделения машинного обучения для персонализации образовательного процесса, позволяя подбирать задания в зависимости деятельности от уровня обучающегося. Rosetta Stone, в свою очередь, предлагает обучение более чем 24 языкам и широко используется в школах. Платформа предоставляет интерактивные уроки и адаптивные упражнения, сочетая игровые элементы с глубоким погружением в языковую среду.

Таким образом, использование ИИ в образовательных процессах открывает новые возможности для адаптированного личного обучения, которое позволит повысить его доступность и эффективность, а лингвистическое образование является средой, в которой ИИ и работа с его возможностями разительно изменяет подходы к обучению, результатами которых является изучение иностранных языков на более глубоком уровне.

Тема внедрения технологий искусственного интеллекта в процесс образования стала широко обсуждаемой еще на самых ранних этапах развития данного цифрового инструмента. Однако впервые технологии искусственного интеллекта были применены еще в середине прошлого века. Сам термин «искусственный интеллект» был введен еще в 1956 году Джоном Маккартни, обозначившим данный феномен как «свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека» [Евстигнеев, 2024, с. 310].

Первые серьезные исследования по разработке этого феномена начались в 1960 году в Московском государственном университете. Уже в то время ученые высоко оценили потенциальные возможности компьютеров, приложений и платформ как средств повышения эффективности обучения. Первые эксперименты не увенчались успе-

хом, и полученные результаты показали, что разработка компьютерных программ с целью повышения качества образования требует огромных финансовых затрат, времени и ресурсов. Ученые не опустили эту идею, но далее мы наблюдаем весьма нестабильный прогресс в исследованиях в данной области. В начале 1960-х гг. появились первые образовательные игры, которые были созданы на базе некоторых элементов искусственного интеллекта. Однако компьютерное оснащение школ в то время было невозможным ввиду размеров и стоимости компьютеров тех времен. На сегодняшний день высокое развитие цифровых технологий, а главное их доступность, создало прочную базу для дальнейшего, более глубокого изучения инструментов искусственного интеллекта и возможностей их применения в образовательных целях. Разработка современных эффективных методов обучения становится тесно связана с повышением интереса к цифровым ресурсам, что обуславливает научную значимость исследований в этой области. На данный момент как в отечественной, так и в зарубежной педагогике мы видим большое количество исследований, посвященных интеграции технологий искусственного интеллекта в языковое обучение.

Сейчас процесс обучения иностранному языку не обходится без использования интернет-ресурсов. Искусственный интеллект очень полюбился современной молодежи, которые научились взаимодействовать с ним и в учебе, и в повседневной жизни. Например, с помощью искусственного интеллекта проводится диагностика знаний, умений и владений обучающихся, структурируются адаптивные задания, упражнения для разного уровня владения языком, что помогает обучающимся своевременно отрабатывать умения, выполняя интересные задания, и в то же время не перегружать себя информацией.

Применение искусственного интеллекта в образовательных целях было зафиксировано в 1960-х гг., в это время начали проводиться первые эксперименты по применению искусственного интеллекта в образовательных целях. Обучающие программы адаптировали содержание в зависимости от ответов обучающихся. С развитием технологий появились новые методики обучения. В 1980-х гг. наблюдался значительный прогресс в технологиях искусственного интеллекта, что привело к созданию программ, которые основывались на моделировании знаний экспертов, позволяющим адаптировать обучение под индивидуальные потребности пользователей. В это же время нача-

лось активное исследование возможностей искусственного интеллекта в области языкового обучения. Проблемой внедрения искусственного интеллекта в образование занимались Е. А. Постелова, Л. Н. Духанина, Л. Ю. Овсяницкая. Перспективы развития технологий искусственного интеллекта в образовании были освещены в работах М. А. Глагузовой. Сегодня искусственный интеллект используется в образовательных процессах, включая языковое обучение. Согласно данным UNESCO, в 2020 году большая часть школ в развитых странах начала активную интеграцию ИИ для персонализации учебного процесса. Использование искусственного интеллекта в языковом образовании позволяет составлять персонализированные учебные планы, основанные на уровне прогресса учеников [Резаев, Степанов, Трегубова, 2024, с. 49]. Перспективы применения искусственного интеллекта в языковом образовании включают в себя развитие адаптивных технологий, учитывающих не только уровень подготовки учащихся, но и их эмоциональное состояние, что, безусловно, способствует более комплексному процессу обучения.

Проанализируем ключевые возможности и недостатки современных цифровых инструментов в языковом образовании.

Одним из самых известных мобильных приложений для изучения иностранных языков является Duolingo. С помощью технологий ИИ данная программа создает персонализированные обучающие программы для индивидуального обучения. Сервис предлагает разнообразные упражнения для улучшения лексических навыков: обогащение словарного запаса, правильное употребление грамматики и отработки аутентичного произношения. Пользователи, владеющие русским языком, могут изучать такие иностранные языки, как английский, немецкий, французский и испанский. Главное достоинство Duolingo – его доступность и обширный функционал: учиться можно где угодно и когда угодно, установив мобильное приложение.

Duolingo может стать полезным инструментом в школьной среде в качестве дополнительного образовательного инструмента. Использование приложения является эффективным способом повышения мотивации учеников к изучению иностранного языка, позволяя им соревноваться друг с другом и зарабатывать баллы за безошибочно выполненные задания. Важное преимущество заключается и в том, что данный сервис абсолютно бесплатно предоставляет доступ ко всем учебным

материалам.

Кроме того, Duolingo разработал тест на знание английского языка Duolingo English Test, результаты которого признаются в более чем трех тысячах учебных заведениях по всему миру. Duolingo for schools – программа, разработанная специально для учителей школ, которая значительно облегчает создание индивидуальных учебных планов [Guru, 2025].

Однако наш личный опыт и мониторинг отзывов пользователей данного приложения позволяет сделать вывод, что Duolingo лучше всего подходит для начинающих изучать иностранный язык или для той аудитории пользователей, которая хочет лишь освежить уже имеющиеся знания. Для достижения более высокого уровня владения языком потребуются дополнительные ресурсы и программы.

Изначально интерактивная онлайн-доска Miro как цифровой инструмент был создан для работы команды над проектом. Этот инструмент предоставляет широкие возможности для командной проектной работы и творчества: написание текстов, планирование, размещение различных элементов, изображений и файлов, фотографий и даже рисунков. Этот эффективный ресурс помогает хранить информацию и обмениваться файлами, что особенно важно при командной проектной работе. Однако сегодня данный ресурс широко применим среди педагогов иностранного языка. Доска Miro на сегодняшний день – это эффективный интерактивный инструмент для адаптации и визуализации учебного материала в процессе групповой работы в режиме онлайн. Обеспечение доступа к нескольким учебным группам делает проектную работу на иностранном языке более эффективной. Неограниченное количество виртуальных досок, набор функций для групповой проектной работы и, как следствие, развитие критического мышления и коммуникативно-организаторских способностей обучающихся – явные, неоспоримые преимущества данного ресурса [Guru, 2025].

Созданная на базе искусственного интеллекта Rosetta Stone – образовательная платформа, легко адаптирующаяся к индивидуальным потребностям обучающегося. Платформа предлагает богатую библиотеку персонализированных уроков, направленных на улучшение фонетических навыков, навыков письменной и устной речи, а также обширный набор аудио- и видеоматериалов для развития фонематического слуха. Модель программы в основном сфокусирована на развитии

беглой, грамматически верно построенной разговорной речи в процессе общения с англоговорящими студентами или преподавателями. Продуманные задания данных курсов и возможность целенаправленно развивать отдельные языковые компетенции, уделять внимание отдельным языковым навыкам помогают осваивать владение языком быстрее и продуктивнее. Обучающий сервис предоставляет варианты обучения как для частных лиц, так и для отдельных образовательных организаций. Это реальная методика с удобным интерфейсом демонстрируют реальную эффективность, но не все пользователи могут позволить себе покупать данную программу, что является большим препятствием для полноценной работы с ней.

Предполагаем, что эффективность технологий ИИ, используемых для изучения языков, может заключаться в нескольких ключевых критериях. Во-первых, важна способность технологий адаптироваться к индивидуальным требованиям студентов, что позволяет учитывать их уровень знаний и подходы к обучению. Во-вторых, удобство использования также играет значительную роль, включая наличие понятного, простого интерфейса и поддержку на разных устройствах. Кроме того, важно рассмотреть, как технологии влияют на мотивацию студентов. Наконец, результаты обучения следует оценивать с помощью тестов, практических заданий и отзывов пользователей. В целом вышеупомянутые платформы, такие как Duolingo, Miro и Rosetta Stone, демонстрируют успешное применение искусственного интеллекта в языковом обучении. Подтверждается, что ИИ не только улучшает персонализированное обучение, но и предоставляет новые возможности для преподавателей, позволяющие использовать разнообразные инструменты для повышения эффективности учебного процесса. Согласно данным исследования Университета Карнеги-Меллона, внедрение технологий ИИ может увеличить эффективность усвоения материала на 30 % по сравнению с традиционными методами. Тем не менее, необходимо помнить, что не все технологии подходят всем студентам и выбор инструмента должен учитывать их потребности и предпочтения. Иными словами, интеграция ИИ в изучение языков требует тщательного планирования для обеспечения максимальной пользы для обучающихся. Хотя современные технологии искусственного интеллекта достигли определенных успехов, они все же сталкиваются с трудностями в полной персонализации учебного процесса. Стандартные алгоритмы

большинства образовательных приложений не всегда учитывают такие ключевые аспекты, как скорость обучения и личные предпочтения студентов. Это может привести к тому, что некоторые учащиеся не получают необходимой поддержки, что отрицательно сказывается процесс на их прогрессе и мотивации. Влияние технологий искусственного интеллекта на мотивацию студентов в процессе языкового обучения является многосторонним. С одной стороны, персонализированный подход, основанный на адаптивных алгоритмах, позволяет учитывать индивидуальные потребности учащихся, что способствует повышению интереса к обучению. Согласно исследованию Университета Стэнфорда, 45 % студентов отмечают, что использование таких технологий повышает их мотивацию благодаря возможности изучать язык в удобном для них темпе и формате. С другой стороны, отсутствие живого взаимодействия с преподавателем может негативно сказываться на учебном процессе, что подтверждают данные исследования 2021 года, где 30 % опрошенных студентов сообщили о снижении интереса к изучению языка в целом из-за недостатка личного контакта. Таким образом, успех применения ИИ в повышении мотивации студентов зависит от сбалансированного сочетания технологических решений и традиционных методов обучения.

Считаем крайне важным учитывать психологические аспекты индивидуализированного обучения. Поскольку каждый обучающийся обладает своими познавательными способностями, мотивацией и стилем обучения, необходимо адаптировать образовательные программы под их особенности. ИИ помогает учитывать способы взаимодействия с материалом, комфортный темп обучения, что создает благоприятную образовательную среду. Данные исследования Центра образовательных технологий показывают, что вовлеченность студентов увеличивается на 27 %, когда могут учиться в удобном для них темпе и учитывать свои предпочтения. К примеру, такие платформы, как Duolingo, используют алгоритмы анализа поведения пользователей, их успехов и трудностей в освоении материала, адаптируя задания в соответствии с уровнем подготовки обучающегося. Этот метод не только повышает эффективность обучения, но и поддерживает интерес и мотивацию студентов к самоорганизации учебного процесса. Внимание к индивидуальным психологическим особенностям способствует эффективному усвоению знаний.

Таким образом, у образовательных ресурсов на основе ИИ есть свои плюсы и минусы – доступность, гибкость, адаптация материалов под индивидуальные потребности. Адаптивные алгоритмы Duolingo эффективно отслеживают прогресс и подбирают задания по уровню знаний. Однако есть и недостатки: ограничение практики живого общения и необходимость постоянного доступа к интернету. Традиционные подходы к образовательному процессу они ни в коем случае заменить не могут.

Несмотря на это, такие платформы остаются важным инструментом в языковом образовании, делая его более персонализированным и доступным для спроса. Интеграция искусственного интеллекта в образовательные процессы предоставляет значительные преимущества, обеспечивающие их эффективность, особенно в области языкового обучения.

Для успешного внедрения искусственного интеллекта в образование необходимо разработать конкретные стратегии, которые учитывают потребности и возможности учебных заведений. Доступность и настройка цифровых инструментов для разных групп пользователей играют ключевую роль. По данным ЮНЕСКО, ИИ способен сократить разрыв в доступе к качественному образованию на 30 %, что подчеркивает его значимость. Обучение преподавателей и студентов эффективному использованию ИИ также важно. Согласно исследованиям, лишь 20 % педагогов имеют опыт работы с ИИ, что делает их подготовку особенно актуальной. Преподаватели должны уметь адаптировать свои методики и внедрять инновации для более эффективного и индивидуализированного обучения. Для успешного применения ИИ в языковом обучении важно сочетать передовые технологии с традиционными методами. Адаптивные системы, например, могут подстраиваться под уровень знаний и темп обучения каждого ученика. Анализ данных предоставляет преподавателям детальную информацию о прогрессе студентов, позволяя им адаптировать свои подходы. Правильный выбор методов и инструментов ИИ создает продуктивную образовательную среду. При выборе и адаптации инструментов искусственного интеллекта для обучения важно тщательно оценить их функциональность в соответствии с учебными целями. Рекомендуется выбирать уже проверенные платформы, такие как Duolingo, Miro и Rosetta Stone, которые уже завоевали доверие пользователей.

Для анализа влияния ИИ-инструментов на

успеваемость студентов 1 курса было проведено два среза: входное и итоговое тестирования уровня владения английским языком В2-С1 по Общеевропейской шкале CEFR [Галагузова, Перекальский, 2024, с. 85–86]. В контрольной группе принимали участие 16 студентов, в экспериментальной – 17. Студентам экспериментальной группы было заведомо разрешено пользоваться различными ИИ-инструментами, более того, они были ранее знакомы с различными обучающими платформами, в том числе и Duolingo, пользуясь данным ресурсом в качестве самообразования и повышения уровня владения языком. Студентам было предложено выполнить задания по чтению, аудированию, говорению, лексике, грамматике и письму. В разделе «Чтение» предлагались задания на лексическую сочетаемость, ответы на вопросы по тексту. В «Аудировании» студентам предлагалось прослушать небольшой отрывок на определенную тему и выбрать правильный вариант ответа согласно содержанию. Задания на грамматику проверяли знания времен английского языка, условных предложений и модальных глаголов. В разделе «Лексика» были предложены задания на образование разных частей речи. «Письмо» представляло собой описание происходящего на фото. В разделе «Говорение» предлагалось небольшое высказывание на определенную тему. Принимая общее число студентов в группе за 100 %, были получены следующие результаты, представленные ниже.

Рисунок 1. Результаты итогового тестирования в контрольной группе

Рисунок 2. Результаты итогового тестирования в экспериментальной группе

Из приведенной диаграммы видно, что наибольший разрыв по количеству правильно выполненных заданий наблюдается в разделах «Письмо» и «Аудирование». Всего 7 студентов контрольной группы (44 %) по сравнению с 14 студентами (82 %) в разделе «Аудирование» пра-

вильно выполнили предложенные задания. В разделе «Письмо» полностью справились с заданиями 15 человек из 17 (88 %), в то время как в контрольной группе отличные результаты показали только 8 из 16 человек, что составило 50 % от общего количества испытуемых. Заметна разница и в остальных аспектах тестирования: в разделах «Говорение» и «Лексика» результат в экспериментальной группе оказался выше на 19 %, а с грамматикой справились лучше на 25 %.

Таким образом, проведенное исследование среди двух групп студентов первого курса показало, что внедрение ИИ-инструментов в языковое образование действительно улучшает языковые навыки студентов. Будущее искусственного интеллекта в языковом обучении обещает быть весьма перспективным. Исследования известной международной консалтинговой компании прогнозируют, что к 2030 году его использование может повысить эффективность обучения на 30 %. Подразумевается, что реализация прогноза возможна при условии индивидуализации под потребности студента. Это особенно важно при изучении языков, где уровень владения и скорость усвоения материала могут сильно варьироваться.

Выводы и заключение

В рамках проведенного исследования были изучены теоретические аспекты, современные инструменты и основные проблемы, касающиеся применения технологий искусственного интеллекта в языковом образовании. Основные выводы исследования свидетельствуют о том, что технологии искусственного интеллекта могут значительно повысить эффективность обучения языкам за счет персонализации, адаптации учебных материалов к уникальным потребностям студентов и автоматизации рутинных задач преподавателей. Для будущих исследований рекомендуется сосредоточиться на анализе новых технологий и их влияния на разные аспекты языкового обучения, включая мотивацию студентов, эффективность методических подходов. Перспективы дальнейших исследований включают разработку новых алгоритмов для персонализации обучения и создание интегративных моделей, которые объединяют ИИ с традиционными методами преподавания, от которых отказаться нам видится невозможным. На данном этапе ИИ-инструменты больше выступают как формат закрепления уже изученного материала. Результаты исследования говорят о том, что для успешного внедрения технологий искусственного интеллекта в языковое

обучение важно повысить осведомлённость педагогического состава о его широких возможностях. Существует необходимость проведения семинаров и мастер-классов, в процессе которых будут продемонстрированы функциональные возможности популярных цифровых платформ для решения конкретных педагогических задач. Разработка методических рекомендаций по внедрению искусственного интеллекта в процесс обучения наряду с традиционными методами обучения видится крайне целесообразной. Все вышеперечисленное позволит экономить время преподавателя на подготовку учебных материалов, предоставит мгновенную связь «студент – преподаватель», расширит возможности отработки теоретических знаний на практике, сделает обучение более индивидуализированным. А для того чтобы процесс интеграции искусственного интеллекта в языковое образование происходил более эффективно, а также с целью облегчить сам процесс адаптации к новым технологиям, необходимо обеспечить преподавателям доступ ко всем ресурсам и цифровым платформам, оказать всестороннюю технологическую поддержку.

Безусловно, инструменты искусственного интеллекта облегчают подготовку преподавателей к занятиям, предоставляя возможность генерировать учебный материал и разнообразные задания на определенную тему. Более того, существует возможность создать целые цепочки заданий, объединенных логически определенной темой, для более детальной проработки всех аспектов языка. Однако следует учитывать несколько важных моментов: внимательно проверять генерированные задания на точность и уместность. Возможности искусственного интеллекта неоспоримы, но на сегодняшний день все же существует вероятность ошибок и неточностей при работе с данным видом автоматизированного инструмента. Преподавание иностранного языка требует многогранного подхода, который подразумевает слияние применений традиционных и цифровых педагогических методов, и полагаться всецело на автоматизированные ресурсы нам видится невозможным и нецелесообразным.

В свою очередь, обучающиеся в настящее время тоже все больше пользуются интернетом и научной литературой, их неотъемлемым помощником служит искусственный интеллект для более полного изучения поставленных проблем. Таким образом, проблема интеграции ИИ-инструментов в языковое образование обучающихся занимает лидирующие позиции в современной науке.

Библиографический список

1. Авраменко А. П., Буланова Е. Р. Перспективы развития самостоятельной работы студентов в контексте интеграции технологий искусственного интеллекта в иноязычное образование // Рема. RHEMA. 2024. № 1. С. 79–91.
2. Анненкова А. В. Искусственный интеллект: некоторые особенности внедрения в систему образования в условиях цифровизации общества и экономики // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 9 (135). URL: <https://research-journal.org/archive/9-135-2023-september/10.23670/IRJ.2023.135.33> (дата обращения: 25.06.2025).
3. Базанова Е. М. Разработка и перспективы развития национальной интеллектуальной системы тестирования общезыковых компетенций (ИСТОК) на базе нейросетевых решений / Е. М. Базанова, А. В. Горизонтова, Н. Н. Грибова, Т. М. Чикаке, А. В. Самосюк // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 8-9. С. 147–166.
4. Галагузова М. А., Перекальский И. Н. Трансформация образования с внедрением искусственного интеллекта: постановка проблемы // Ценности и смыслы. 2024. № 1 (89). С. 84–94.
5. Григорьев Д. В. Компьютерная лингвистика как синтез лингвистики, информатики и искусственного интеллекта // Исследования молодых ученых: материалы LXXXII Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2024 г.). Казань : Молодой ученый, 2024. С. 75–79. URL: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/516/18522> (дата обращения: 27.06.2025).
6. Духанина Л. Н., Максименко А. А. Проблемы имплементации искусственного интеллекта в сфере образования // Перспективы науки и образования. 2020. № 4 (46). С. 23–35.
7. Евстигнеев М. Н. Принципы обучения иностранному языку на основе технологий искусственного интеллекта // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 2. С. 309–323.
8. Елтанская Е. А., Аржановская А. В. Технологии применения искусственного интеллекта в обучении иностранному языку // Мир науки, культуры, образования. № 1 (104). 2024 С. 43–46.
9. Инструменты ИИ: Полное руководство // Guru. 5 Мая, 2025. URL: <https://www.getguru.com/ru/reference/ai-tools> (дата обращения: 27.06.2025).
10. Калинина Т. Л. Применение инструментов искусственного интеллекта в самостоятельном изучении иностранных языков / Т. Л. Калинина, С. В. Щекочихина // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 2. URL: <https://mirnauki.com/PDF/17PDMN225.pdf> (дата обращения: 27.06.2025).
11. Овсяницкая Л. Ю. Проблемы применения искусственного интеллекта в сфере образования / Л. Ю. Овсяницкая, Л. В. Львов, А. Д. Овсяницкий // Совре-

менная высшая школа: инновационный аспект. 2023. Т. 15. № 4. С. 90–96.

12. Паскова А. А. Возможности интеграции технологий генеративного искусственного интеллекта в процессы формирующего оценивания в высшем образовании // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. Т. 16. № 2. С. 98–109. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-2-98-109> (дата обращения: 27.06.2025).

13. Петров А. А., Дружинина О. В., Масина О. Н. Моделирование систем оценивания знаний в рамках гибридной интеллектуальной обучающей среды // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-sistemotsenivaniya-znaniy-v-ramkah-gibridnoy-intellektualnoyobuchayushey-sredy> (дата обращения: 25.06.2025).

14. Поспелова Е. А. Генеративный искусственный интеллект в образовании: текущие тенденции и перспективы / Е. А. Поспелова, П. Л. Отоцкий, Е. Н. Горлачева, Р. В. Файзуллин // Профессиональное образование и рынок труда. 2024. Т. 12. № 3. С. 6–21.

15. Резаев А. В., Степанов А. М., Трегубова Н. Д. Высшее образование в эпоху искусственного интеллекта / А. В. Резаев, А. М. Степанов, Н. Д. Трегубова // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 4. С. 49–62.

16. Сорокина С. Г., Мусорина О. А. Использование веб-платформы Google-Classroom для организации самостоятельной работы студентов // Организация самостоятельной работы студентов по иностранным языкам. 2021. № 4. С. 211–216.

17. Сопуева Н. Д. Информационные и коммуникативные технологии в обучении иностранных студентов русскому языку // Информационные и коммуникативные технологии в обучении иностранных студентов русскому языку. Март, 2022. URL: <https://science.bafe.edu.kg/> (дата обращения: 27.06.2025).

18. Цифровая трансформация образования: состояние и перспективы. Материалы II Международной научно-практической конференции. 30 июня – 2 июля 2023 года. Махачкала, Республика Дагестан / под общ. ред. профессора Т. Г. Везирова. Махачкала : Издательство АЛЕФ, ДГПУ, 2023. 372 с.

19. Эмирова Л. Р., Венкова И. В., Бекиров И. А. Интеграция мобильных приложений в процессе обучения иностранного языка / Л. Р. Эмирова, И. В. Венкова, И. А. Бекиров // Форум молодых ученых. 2018. № 7 (23). С. 1056–1061.

20. Chen L., Chen P., Lin Z. Artificial Intelligence in Education: A Review // Ieee Access. Artificial Intelligence in Education: A Review. 2020. Т. 8. Р. 75264–75278. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/9069875> (дата обращения: 27.06.2025).

21. Fedotova I., Kosheliuk N. Digital resources on the Uralic languages of Siberia: an overview, evaluation and application // Digital resources on the Uralic languages of Siberia: an overview, evaluation and applica-

tion. 2023. May 9. URL: <https://doi.org/10.31219/osf.io/z6jhb> (дата обращения: 27.06.2025).

22. Luger G. F. Artificial intelligence: structures and strategies for complex problem solving. Boston : Pearson Education, 2009.

Reference list

1. Avramenko A. P., Bulanova E. R. Perspektivy razvitiya samostojatel'noj raboty studentov v kontekste integracii tehnologij iskusstvennogo intellekta v inojazychnoe obrazovanie = Prospective development of students' independent work in foreign language education through integration of artificial intelligence technologies // Rema. Rhema. 2024. № 1. S. 79–91.

2. Annenkova A. V. Iskusstvennyj intellekt: nekotorye osobennosti vnedrenija v sistemnu obrazovanija v uslovijah cifrovizacii obshhestva i jekonomiki = Artificial Intelligence: some features of integration into the education system in the context of social and economic digitalization // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2023. № 9 (135). URL: <https://research-journal.org/archive/9-135-2023-september/10.23670/IRJ.2023.135.33> (data obrashhenija: 25.06.2025).

3. Bazanova E. M. Razrabortka i perspektivy razvitiya nacional'noj intellektual'noj sistemy testirovaniya obshhejazykovyh kompetencij (ISTOK) na baze nejrosetevyh reshenij = Development and prospects of the national intellectual system for testing general language competencies based on neural network solutions / E. M. Bazanova, A. V. Gorizontova, N. N. Gribova, T. M. Chikake, A. V. Samosjuk // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2023. Т. 32. № 8-9. S. 147–166.

4. Galaguzova M. A., Perekal'skij I. N. Transformacija obrazovanija s vnedreniem iskusstvennogo intellekta: postanovka problemy = Transformation of education through introducing artificial intelligence: framing the problem // Cennosti i smysly. 2024. № 1 (89). S. 84–94.

5. Grigor'ev D. V. Komp'juternaja lingvistika kak sintez lingvistiki, informatiki i iskusstvennogo intellekta = Computer linguistics as a synthesis of linguistics, information technologies and artificial intelligence // Issledovaniya molodyh uchenyh: materialy LXXXII Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', maj 2024 g.). Kazan' : Molodoj uchenyj, 2024. S. 75–79. URL: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/516/18522> (data obrashhenija: 27.06.2025).

6. Duhanina L. N., Maksimenko A. A. Problemy implementacii iskusstvennogo intellekta v sfere obrazovaniya = Challenges of implementing artificial intelligence in education // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2020. № 4 (46). S. 23–35.

7. Evstigneev M. N. Principy obuchenija inostrannym jazyku na osnove tehnologij iskusstvennogo intellekta = Principles of foreign language teaching based on artificial intelligence technologies // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2024. Т. 29. № 2. S. 309–323.

8. Eltanskaja E. A., Arzhanovskaja A. V. Tehnologii primenenija iskusstvennogo intellekta v obuchenii inostrannomu jazyku = Artificial intelligence technologies applied in foreign language teaching // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. № 1 (104). 2024 S. 43–46.
9. Instrumenty II: Polnoe rukovodstvo = AI tools: A complete guide // Guru. 5 Maja, 2025. URL: <https://www.getguru.com/ru/reference/ai-tools> (data obrashhenija: 27.06.2025).
10. Kalinina T. L. Primenenie instrumentov iskusstvennogo intellekta v samostojatel'nom izuchenii inostrannyh jazykov = Applying artificial intelligence tools in self-study of foreign languages / T. L. Kalinina, S. V. Shhekochihina // Mir nauki. Pedagogika i psihologija. 2025. T. 13. № 2. URL: <https://mirnauki.com/PDF/17PDMN225.pdf> (data obrashhenija: 27.06.2025).
11. Ovsjanickaja L. Ju. Problemy primenenija iskusstvennogo intellekta v sfere obrazovanija = Challenges of applying artificial intelligence in education / L. Ju. Ovsjanickaja, L. V. L'vov, A. D. Ovsjanickij // Sovremennaja vysshaja shkola: innovacionnyj aspekt. 2023. T. 15. № 4. S. 90–96.
12. Paskova A. A. Vozmozhnosti integracii tehnologij generativnogo iskusstvennogo intellekta v processy formirujushhego ocenivanija v vysshem obrazovanii = Opportunities for integrating generative artificial intelligence technologies into formative assessment in higher education // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta. 2024. T. 16. № 2. S. 98–109. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-2-98-109> (data obrashhenija: 27.06.2025).
13. Petrov A. A., Druzhinina O. V., Masina O. N. Modelirovanie sistem ocenivanija znanij v ramkah gibriddnoj intellektual'noj obuchajushhej sredy = Modeling knowledge assessment systems within the framework of hybrid intellectual teaching environment // Sovremennye informacionnye tehnologii i IT-obrazovanie. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-sistem-otsenivaniya-znaniy-v-ramkah-gibriddnoy-intellektualnoyobuchayuschey-sredy> (data obrashhenija: 25.06.2025).
14. Pospelova E. A. Generativnyj iskusstvennyj intellekt v obrazovanii: tekushhie tendencii i perspektivy = Generative artificial intelligence in education: current trends and prospects / E. A. Pospelova, P. L. Otockij, E. N. Gorlacheva, R. V. Fajzullin // Professional'noe obrazovanie i rynok truda. 2024. T. 12. № 3. S. 6–21.
15. Rezaev A. V., Stepanov A. M., Tregubova N. D. Vysshee obrazovanie v jepohu iskusstvennogo intellekta = Higher education in the age of artificial intelligence / A. V. Rezaev, A. M. Stepanov, N. D. Tregubova // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2024. T. 33. № 4. S. 49–62.
16. Sorokina S. G., Musorina O. A. Ispol'zovanie web-platfromy Google-Classroom dlja organizacii samostojatel'noj raboty studentov = Using the Google-Classroom web platform to organize students' individual work // Organizacija samostojatel'noj raboty studentov po inostrannym jazykam. 2021. № 4. S. 211–216.
17. Sopueva N. D. Informacionnye i kommunikativnye tehnologii v obuchenii inostrannyh studentov russkomu jazyku = Information and communication technologies in teaching Russian to foreign students // Informacionnye i kommunikativnye tehnologii v obuchenii inostrannyh studentov russkomu jazyku. Mart, 2022. URL: <https://science.bafe.edu.kg/> (data obrashhenija: 27.06.2025).
18. 17. Cifrovaja transformacija obrazovanija: sostojanie i perspektivy. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 30 iyunja – 2 iulja 2023 goda. Makhachkala, Respublika Dagestan = Digital transformation of education: state and prospects. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. June 30 – July 2, 2023. Makhachkala, Republic of Dagestan / pod obshh. red. professora T. G. Vezirova. Makhachkala : Izdatel'stvo ALEF, DGPU, 2023. 372 s.
19. Jemirova L. R., Venkova I. V., Bekirov I. A. Integracija mobil'nyh prilozhenij v processe obuchenija inostrannogo jazyka = Integration of mobile applications in foreign language teaching / L. R. Jemirova, I. V. Venkova, I. A. Bekirov // Forum molodyh uchenyh. 2018. № 7 (23). S. 1056–1061.
20. Chen L., Chen P., Lin Z. Artificial Intelligence in Education: A Review // Ieee Access. Artificial Intelligence in Education: A Review. 2020. T. 8. R. 75264–75278. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/9069875> (data obrashhenija: 27.06.2025).
21. Fedotova I., Koshelev N. Digital resources on the Uralic languages of Siberia: an overview, evaluation and application // Digital resources on the Uralic languages of Siberia: an overview, evaluation and application. 2023. May 9. URL: <https://doi.org/10.31219/osf.io/z6jhb> (data obrashhenija: 27.06.2025).
22. Luger G. F. Artificial intelligence: structures and strategies for complex problem solving. Boston : Pearson Education, 2009.

Статья поступила в редакцию 19.09.2025; одобрена после рецензирования 17.10.2025; принятая к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 19.09.2025; approved after reviewing 17.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья

УДК 81'42:130.2 + 316.7 + 165:159.9

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-116

EDN: AVKXBХ

Когнитивные искажения в культурных нарративах: истоки дискурсивного многоголосия в диалоге культур

Любовь Степановна Гуревич

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет. 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

gurevich_ls@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0287-7634>

Аннотация. В современном межкультурном диалоге сохраняется значимая проблема, связанная с воздействием когнитивных искажений на процесс формирования и восприятия культурных нарративов. Несмотря на расширение коммуникационных взаимодействий между культурами, когнитивные предубеждения, такие как предвзятость подтверждения (confirmation bias), внутригрупповое предпочтение (in-group bias), эвристика доступности и др., продолжают существенно ограничивать объективность и полноту интерпретации культурных смыслов, способствуя процессу культурной поляризации и развитию дискурсивного многоголосия. Эти систематические ошибки мышления, укоренённые в когнитивных схемах и обусловленные социально-культурными установками, препятствуют адекватному восприятию альтернативных точек зрения и создают сложности в межкультурном взаимопонимании.

В исследовании применяется междисциплинарный методологический подход, объединяющий когнитивную лингвистику, когнитивную культурологию, дискурс-анализ и культурологические методы, включая семиотический анализ этнических, фольклорных и медиатекстов, комплексное междисциплинарное использование которых в исследовании когнитивных искажений в формировании культурных нарративов в условиях межкультурного диалога составляет новизну проведенного исследования. Работа расширяет существующие рамки научных парадигм за счет систематического включения анализа культурных кодов, символов и традиций, а также их семиотического анализа в контексте когнитивных искажений.

Проведенный научный анализ выявляет, что когнитивные искажения не только усиливают культурную самобытность и идентичность, но и создают барьеры для эффективного взаимопонимания и сотрудничества в многообразном диалоговом пространстве.

Выводы статьи подчёркивают необходимость развития критического мышления и внедрения стратегий по преодолению когнитивных предубеждений для повышения качества межкультурной коммуникации, снижения конфликтности и содействия формированию более гармоничных культурных взаимодействий на глобальном уровне. Такой подход важен для более глубокого осмысления культурных процессов и расширения возможностей для диалога и сотрудничества между народами.

Ключевые слова: когнитивные искажения; культурные нарративы; дискурсивное многоголосие; межкультурный диалог; когнитивная культурология; дискурс-анализ; полифония дискурса; семиотический анализ

Для цитирования: Гуревич Л. С. Когнитивные искажения в культурных нарративах: истоки дискурсивного многоголосия в диалоге культур // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 116–125. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-116>. <https://elibrary.ru/AVKXBХ>

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Original article

Cognitive distortions in cultural narratives: the origins of discursive polyphony in the dialogue of cultures

Lubov S. Gurevich

Doctor of philological sciences, associate professor, professor at the department of linguistics and professional commu-

nication in the humanities and applied sciences, Moscow state linguistic university. 119034, Moscow, Ostozhenka, 38, bld. 1
gurevich_ls@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0287-7634>

Abstract. The influence of cognitive distortions on the process of forming and perceiving cultural narratives continues to be a major issue in contemporary intercultural discourse. Cultural polarization and the emergence of discursive polyphony are facilitated by cognitive biases like confirmation bias, in-group bias, accessibility heuristics, and others, which severely restrict the objectivity and completeness of cultural meaning interpretation despite the growth of cross-cultural communication interactions. These systematic mistakes in thinking, which have their roots in cognitive schemas and are influenced by sociocultural attitudes, make it difficult to perceive opposing viewpoints and make cross-cultural understanding challenging.

The research uses an interdisciplinary methodological approach combining cognitive linguistics, cognitive cultural studies, discourse analysis and cultural methods, including semiotic analysis of ethnic, folklore and media texts, the integrated interdisciplinary use of which in the study of cognitive distortions in forming cultural narratives in the context of intercultural dialogue is the novelty of the research. The work expands the existing framework of scientific paradigms by systematically including the analysis of cultural codes, symbols and traditions, as well as their semiotic analysis in the context of cognitive distortions.

The author's conclusions stress the importance of cultivating critical thinking skills and putting cognitive bias mitigation techniques into practice in order to enhance intercultural communication, lessen conflict, and encourage the development of more peaceful cross-cultural relationships on a global scale. This method is crucial for a deeper understanding of cultural processes and for enhancing opportunities for dialogue and cooperation among peoples.

Key words: cognitive biases; cultural narratives; discursive polyphony; intercultural dialogue; cognitive cultural studies; discourse analysis; polyphony of discourse; semiotic analysis

For citation: Gurevich L. S. Cognitive distortions in cultural narratives: the origins of discursive polyphony in the dialogue of cultures. *Verhnevolzhski filological bulletin.* 2025;(4):116–125. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-116>. <https://elibrary.ru/AVKXBX>

Введение

В условиях глобализации и растущей взаимозависимости различных культур диалог между социокультурными сообществами становится одним из центральных факторов, обеспечивающих взаимопонимание и эффективное взаимодействие. Однако этот процесс часто осложняется присутствием множественности дискурсивных голосов – выражений различных, порой конфликтующих взглядов, которые формируются под влиянием когнитивных искажений, глубоко укоренённых в культурных нарративах.

Когнитивные искажения существенно трансформируют процесс создания культурных смысловых конструкций, наполняя их уникальными значениями и формируя особую специфику интерпретаций. Именно через эти механизмы в межкультурном диалогическом пространстве возникает и развивается многоголосие дискурса, отражающее сложность взаимодействий, конфликты и разнообразие культурных позиций [Lakoff, Johnson, 1980; Kahneman, Tversky, 1973; Fiske, Taylor, 1991; Легостаева, 2024; Иргалиев, 2024; Малкина, 2024].

Феномен когнитивных искажений имеет выраженный социокультурный характер: он не только влияет на восприятие информации, но и формирует структуру культурных кодов, стереотипов

и символических систем, участвующих в конструировании коллективной памяти. Подобные механизмы способствуют возникновению феномена полифонии дискурса, проявляющегося в со-существовании различных – подчас противоположных – культурных смыслов и позиций. Это многоголосие становится полем, где пересекаются не только когнитивные схемы, но и установки, закреплённые социальным опытом и символическими традициями.

Актуальность изучения данной проблемы определяется ростом информационной поляризации, усилением эффекта подтверждения в цифровых медиа и возникновением «иллюзии правды» при повторяющемся воздействии сообщений. Анализ подобных проявлений позволяет лучше понять, каким образом когнитивные механизмы влияют на трансформацию культурных нарративов и восприятие социальных событий.

Исследование направлено на понимание полифонического смыслового поля межкультурного диалога, что способствует развитию критического мышления, преодолению стереотипов и повышению эффективности коммуникации.

Методы исследования

В настоящем исследовании применяется комплексный междисциплинарный подход, объединяющий

няющий когнитивную лингвистику [Lakoff, Johnson, 1980; Evans, Green, 2006], когнитивную культурологию [Режабек, 2003; Режабек, Филатова, 2010], дискурс-анализ [van Dijk, 1997; Gee, 2014] и культурологические методы [Лотман, 1992; Barthes, 1977]. Основное внимание уделяется выявлению и анализу когнитивных искажений, таких как предвзятость подтверждения (confirmation bias), внутригрупповое предпочтение (in-group bias), эвристика доступности (availability heuristic) [Kahneman, Tversky, 1973; Fiske, Taylor, 1991] и др., в контексте формирования культурных нарративов и дискурсивного многоголосия в межкультурном диалоге.

Ключевым методом выступает дискурс-анализ, направленный на изучение текстов этнического, фольклорного и медиаконтента с целью выявления паттернов вербализации культурных смыслов и когнитивных искажений. Этот метод позволяет исследовать, как социальные и когнитивные факторы влияют на конструирование смыслового пространства и взаимодействие различных культурных «голосов».

В рамках культурологических методов проводится анализ культурных кодов, символики и традиций для выявления базовых структур, формирующих культурные нарративы. Используется семиотический анализ, который помогает понять символическое наполнение текстов и ритуалов, а также их роль в закреплении когнитивных паттернов.

Для углубленного понимания когнитивных механизмов применяется когнитивная лингвистика, изучающая процессы восприятия, обработки и интерпретации информации, а также систематические ошибки мышления, влияющие на межкультурную коммуникацию.

Комплексное использование описанных методов обеспечивает целостное понимание процессов формирования дискурсивного многоголосия и позволяет предложить рекомендации для преодоления когнитивных барьеров в межкультурном взаимодействии.

Результаты исследования

Проведённый анализ объемного эмпирического материала для исследований смысловых моделей, когнитивных искажений и нарративов выявил, что когнитивные искажения, такие как предвзятость подтверждения, эффект доступности и др., играют ключевую роль в формировании и закреплении культурных нарративов, оказывая значительное влияние на возникновение и дина-

мику дискурсивного многоголосия в межкультурном диалоге. Эмпирические данные подтверждают, что эти предубеждения, с одной стороны, усиливают культурную идентичность, а с другой – создают барьеры для взаимопонимания [Глухова, 2025; Малкина, 2024].

В частности, отмечено, что такое когнитивное искажение, как «предвзятость подтверждения» (confirmation bias) [Fiske, Taylor, 1991] проявляется в избирательном восприятии исторических событий. Например, нарративы о Второй мировой войне в России акцентируют героизм советского народа, тогда как в Германии доминирует тема ответственности за преступления. Это приводит к поляризации точек зрения.

Эксперимент Джейн Эллиот, в котором школьников искусственно разделили по цвету глаз, наглядно продемонстрировал когнитивное искажение «внутригрупповое предпочтение» (in-group bias). Получивший широкий резонанс в СМИ, этот эксперимент показал, как быстро на основе групповой принадлежности формируются предубеждения, создающие барьеры для признания «других».

Особое место в когнитивных искажениях в межкультурном диалоге занимает «эвристика доступности» (availability heuristic), которая отчетливо проявляется в медиадискурсе. Интенсивное и сенсационное освещение терактов в СМИ приводит к формированию так называемой «искаженной когнитивной карты рисков» [Nellis, Savage, 2012]. Это освещение не только завышает воспринимаемую вероятность стать жертвой теракта, но и активно участвует в формировании коллективной памяти [Hoskins, 2009], насыщенной страхом и способствующей укреплению стереотипов в отношении определенных социальных групп, ассоциируемых с угрозой. Все это усложняет конструктивный диалог между культурами.

Семиотический анализ эмпирического материала на основе идей Ю. М. Лотмана [Лотман, 1992] выявляет, как когнитивные искажения закрепляются в культурных символах и ритуалах. Например, медианарративы США вокруг событий 11 сентября 2001 года акцентируют героизм спасателей, маргинализируя сложные политические контексты [Самарин, 2021]. Создание подобных упрощенных нарративов опирается на эффект фрейминга, который представляет собой когнитивное искажение, формирующее интерпретационную структуру для восприятия социокультурных явлений обществом [Kahneman, Tversky, 1981; Plous, 1993]. В научном анализе фрейминг

рассматривается как инструмент конструирования смыслового поля, где акцентируются одни аспекты реальности и маргинализируются другие, формируя прогнозируемые интерпретации событий [Entman, 1993].

Фреймы как устойчивые когнитивные схемы транслируются различными социальными агентами. Медиа и политические лидеры, обладая властью над языком и образами, определяют, какие детали события будут выделены. Например, освещение массовых протестов может структурироваться как «борьба за свободу» или «угроза общественному порядку», создавая противоположные рамки интерпретации [Esmaeili, 2024].

Образовательные, культурные и цифровые институты выступают ключевыми агентами формирования интерпретационных фреймов, последовательно конструируя социальную реальность через механизм селекции и акцентуации информации. На практике это проявляется в нормативной деятельности различных социальных институтов. Так, система образования, в рамках курсов гражданского воспитания, структурирует знания вокруг ценностей демократии и прав человека, тем самым формируя у учащихся представление о «правильной» модели гражданственности и целенаправленно маргинализируя альтернативные подходы [Белоусов, 2025; Глухова, 2025].

В цифровой среде роль аналогичного агента берут на себя алгоритмы платформ, которые, продвигая контент о карьерных достижениях и саморазвитии, активно усиливают фрейм «успешности», что делает менее заметными и социально значимыми темы неудач и альтернативных жизненных стратегий [Рахмонов, Кенжабаев, 2024].

Как показало исследование, *механизм действия фрейминга основан на выборе слов, образов и контекстуализации событий*, что позволяет создавать эмоционально насыщенные и когнитивно удобные схемы осмыслиения [Кулик, 2025; Рябова 2023]. Частое воспроизведение определённого фрейма в медиапространстве закрепляет его в массовом сознании как «естественный» способ интерпретации, снижая когнитивную нагрузку и апеллируя к базовым ценностям аудитории [Рыжова, 2025].

Одним из особо известных примеров действия эффекта фрейминга в современном медиадискурсе является конфликт вокруг Химкинского леса, широко освещавшийся в российских СМИ (2007–2012 г.). В материалах о конфликте применялись различные фреймы, например, фрейм гражданского протesta и социального противостояния, в

ходе которых события представлялись с использованием эмоционально насыщенных метафор и образов – например, «защитники передовой», «эко-холокост» [Готовкина, 2025]. Такой выбор слов и контекстуализация создавали для аудитории «когнитивно удобную» схему восприятия проблемы, усиливали эмоциональное вовлечение и фиксировали определённый способ интерпретации темы как острой социальной конфронтации.

Исследование подтверждает, что постоянное использование конкретных фреймов *закрепляет их в массовом сознании как естественный способ понимания данного события*, снижая когнитивную нагрузку и апеллируя к базовым ценностям аудитории, формируя особым способом коллективное сознание.

Аналогичные техники активно используются в современных российских и международных медиа для формирования и закрепления общественного мнения по разнообразным социально-политическим вопросам.

Конкретные примеры дискурсивных практик демонстрируют, как выбор слов, образов и их контекстуализация в медиапространстве формирует эмоционально насыщенные и когнитивно удобные схемы осмыслиения, что полностью соответствует теоретическому описанию механизма фрейминга в рамках когнитивной психологии и социологии коммуникаций [Дунас и др., 2022].

Научный анализ фрейминга как особого паттерна формирования общественного мнения демонстрирует его способность выступать как инструментом структурирования информации, так и *механизмом формирования культурного многоголосия* [Scheufele, 1999]. В условиях полифонии интерпретаций различные социальные группы, обладающие «собственными» национально-специфичными фреймами, вступают в диалог, где каждая позиция обосновывается через призму уникальных культурных и ценностных установок, подтверждая теорию И. Гоффмана [Goffman, 1974].

Это способствует не только разнообразию смыслов, но и возникновению конфликтов, поляризации и необходимости поиска новых точек соприкосновения в межкультурном взаимодействии. Анализ современных практик межкультурной коммуникации показывает, что эффект фрейминга проявляется себя как ключевой фактор в формировании сложного и многослойного пространства культурного диалога, где каждая интерпретация становится частью многоголосого дискурса современного общества [Птохов, 2025].

И, наконец, ещё одна не менее значимая группа когнитивных искажений, таких как «селективная дезинформация», «иллюзия достоверности» и «ошибка групповой атрибуции», была выявлена в данном исследовании как один из важнейших инструментов формирования культурного многоголосия, в рамках которого создаются множественные и зачастую конфликтующие интерпретации реальности.

Селективная дезинформация (Selective misinformation) заключается в использовании неполной или искаженной информации для построения односторонних нарративов [Wardle, Derakhshan, 2017]. Например, в дискурсе о миграции акцент на единичных преступлениях мигрантов при игнорировании статистики об их общей законопослушности формирует образ мигранта как угрозы, закрепляя негативные стереотипы и затрудняя интеграцию [Tandoc et al., 2018; Глухова, 2025]. Аналогично, в нарративах о вакцинации акцентирование редких побочных эффектов при замалчивании данных об эффективности порождает недоверие к медицине и снижает уровень коллективного иммунитета [Иванова, 2022].

Действие этого паттерна усиливается иллюзией достоверности (Illusory truth effect) – когнитивным искажением, при котором повторяемая информация воспринимается как более правдивая [Hasher et al., 1977; Ведантам, Меслер, 2022]. Ярким примером является феномен «эффекта Ман-

делы», когда массовое тиражирование ошибочной цитаты из «Звёздных войн» («Люк, я твой отец») закрепило её в культурной памяти как подлинную, несмотря на расхождение с оригиналом [Баженова, 2025]. Частое воспроизведение таких нарративов в медиа и массовой культуре «консервирует» доминирующие интерпретации и затрудняет принятие альтернативных точек зрения [Fazio et al., 2015].

Еще одним значимым паттерном выступает ошибка групповой атрибуции (Group attribution effect) – тенденция приписывать характеристики отдельных индивидов всей группе [Pettigrew, 1979]. Например, восприятие всех мусульманок через призму практик строгого ношения хиджаба отдельными женщинами приводит к формированию стереотипа о всей культуре как патриархальной и подавляющей, игнорируя многообразие индивидуальных стратегий внутри группы [Хабибулина, 2021]. Это обобщение усиливает механизмы социального исключения и порождает конфликтные нарративы.

Иллюстрацией многоголосия культурных нарративов может стать следующая таблица, составленная автором на основании проведенного анализа эмпирического материала этнических, фольклорных и медиатекстов с учетом описанных выше потенциальных когнитивных искажений (см. табл. 1):

Таблица 1

«Многоголосие» социокультурных нарративов (по материалам медиадискурса)

Социокультурный феномен	Культура 1: Россия	Культура 2: Германия	Культура 3: США	Причины когнитивных искажений
Восприятие Второй мировой войны	Акцент на героизме советского народа, жертвах	Фокус на ответственности и вине за военные преступления	Подчёркивание роли союзников и освобождения	Предвзятость подтверждения, внутригрупповое предпочтение, исторические фреймы
Отношение к миграции	Скептицизм и опасения по поводу мигрантов	Признание вклада мигрантов, но с осторожностью	Многообразие мнений, разделение на позитивные и негативные нарративы	Эвристика доступности через медийное освещение, селективная дезинформация
Гендерные роли	Традиционные ценности, акцент на семейных ролях	Более прогрессивные взгляды, равенство полов	Активное продвижение равенства и прав женщин	Культурные и когнитивные рамки, стереотипы, групповая атрибуция
Патриотизм	Сильное взаимодействие с историческими символами	Патриотизм с критическим осмыслением истории	Гражданская идентичность на фоне многообразия	Когнитивные схемы, закреплённые культурными кодами и образовательными стратегиями

Данная таблица иллюстрирует, как когнитивные искажения, такие как предвзятость подтверждения, внутригрупповое предпочтение, эвристика доступности и др., влияют на формирование и закрепление культурных смыслов и нарративов,

создавая уникальные интерпретации одних и тех же социальных явлений в разных культурных контекстах. Анализ дискурсивных практик помогает выявить структурные основания этих различий и их когнитивные причины, что важно для

понимания природы дискурсивного многоголосия в глобальном межкультурном диалоге. Такой подход позволяет не только описать различия, но и понять их мотивы и источники, способствуя формированию более глубокого и критического взгляда на межкультурное взаимодействие и преодолению барьеров взаимопонимания.

Обобщая результаты исследования, можно отметить, что когнитивные искажения оказывают системное влияние на формирование и закрепление культурных нарративов, определяя специфику их восприятия и интерпретации в межкультурном пространстве.

Эти паттерны, с одной стороны, усиливают внутреннюю идентичность и солидарность групп, с другой стороны, способствуют возникновению барьеров, поляризации и множественности противостоящих голосов, затрудняя конструктивный диалог между культурами. В результате *дискурсивное многоголосие становится неотъемлемой чертой современного межкультурного взаимодействия*, отражая сложную динамику смыслов, ценностей и интерпретаций, где каждая культура транслирует собственные версии событий, героев и норм.

В таком прочтении когнитивные искажения, укоренённые в культурных нарративах, *формируют поле напряжения и полифонию дискурса*, в которых сталкиваются, взаимодействуют и преобразуются различные культурные логики, обеспечивая как разнообразие, так и конфликтность глобального диалога культур.

Заключение

Проведённое исследование доказывает, что дискурсивное многоголосие в диалоге культур является неотъемлемым следствием действия когнитивных искажений, укоренённых в культурных нарративах.

Это «многообразие голосов», обусловленное когнитивными паттернами, одновременно обогащает межкультурный диалог и порождает новые вызовы для взаимопонимания, требуя развития критического мышления, гибкости и готовности к деконструкции привычных смыслов.

Осознание природы и роли когнитивных искажений позволяет не только глубже понять динамику культурных процессов, но и выработать стратегии по формированию более гармоничного, полифоничного и продуктивного диалога культур в условиях глобализирующегося мира.

Исследование когнитивных искажений в культурных нарративах открывает новые возможности

для более глубокого понимания механизмов формирования смыслов, а также для разработки практических подходов к преодолению барьеров и стереотипов в межкультурном диалоге, что особенно актуально в условиях растущего многообразия и глобализации современного общества.

Библиографический список

1. Баженова У. А. Взаимосвязь эффекта Мандельы и коллективной памяти / У. А. Баженова, В. И. Ерёмина // Юный ученый. 2025. № 2 (87). С. 71–73.
2. Белоусов В. 10 когнитивных искажений, снижающих вашу продуктивность // Singularity-app.ru. 2025. 6 апреля. URL: <https://singularity-app.ru/blog/kognitivnye-iskazheniya/> (дата обращения: 14.10.2025).
3. Ведантам Ш., Меслер Б. Иллюзия правды. Почему наш мозг стремится обмануть себя и других? / пер. с англ. Д. Виноградова. Москва : Individuum, 2022. 270 с.
4. Глухова Е. С. Конструирование дискурса власти посредством когнитивных искажений (на материале выступления В. В. Путина на ПМЭФ-2023) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025(а). Т. 18. № 9. С. 3901–3911.
5. Глухова Е. С. Лингвокогнитивные средства внедрения когнитивных искажений в политическом дискурсе на примере выступления А. Меркель // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025(б). Т. 18, № 2. С. 638–646.
6. Готовкина М. С. Формирование фрейминга экопротеста: Социологический анализ // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 9 (159). URL: <https://research-journal.org/archive/9-159-2025-september/10.60797/IRJ.2025.159.87> (дата обращения: 15.10.2025).
7. Гранский Я. Ваш мозг вас обманывает. 8 примеров эффекта Мандельы. В чем суть феномена с ложным восприятием информации (28 апреля 2023 г.). URL: <https://www.rbc.ru/life/news/644a46579a7947f6657b0806?ysclid=mgrtwkir1r764501256> (дата обращения: 15.10.2025).
8. Дунас Д. В., Салихова Е. А., Толоконникова А. В., Бабына Д. А. Установление повестки дня и эффект фрейминга: о необходимости концептуального единства в медиаисследованиях «цифровой молодёжи» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2022. № 4. С. 47–78.
9. Иванова А. П. Вакцины от COVID-19 : достижение коллективного иммунитета и дезинформация в социальных сетях. (Обзор) // Социальные и гуманистические науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. 2022. № 1. С. 62–71.
10. Иргалиев С. С. Когнитивные искажения и их влияние на развитие критического мышления: практическое руководство для учеников и учителей // Монография

- лодой ученый. 2024. № 50 (549). С. 505–512. URL: <https://moluch.ru/archive/549/120549> (дата обращения: 14.10.2025).
11. Когнитивные искажения в цифровую эпоху. Часть 2 // BL-T.ru. 2025. 24 февраля. URL: <https://bl-t.ru/2025/02/25/когнитивные-искажения-в-цифровую-эпоху-2/> (дата обращения: 14.10.2025).
12. Кравченко А., Лебедева Ю. Когнитивные искажения: что это в психологии, примеры и виды // Лента.ру. 2025. 10 апреля. URL: <https://lenta.ru/articles/2025/04/11/kognitivnye-iskazheniya/> (дата обращения: 14.10.2025).
13. Кулик А. Когнитивные искажения: как наш мозг обманывает нас // Anna-kulik.ru. 2025. 12 октября. URL: <https://anna-kulik.ru/kognitivnye-iskazheniya-kak-nash-mozg-obmanyvaet-nas/> (дата обращения: 14.10.2025).
14. Легостаева Е.С. Методологические предпосылки исследования когнитивных ошибок // Психологическая наука и образование. 2024. № 4. URL: <https://psy.su/feed/11856/> (дата обращения: 14.10.2025).
15. Логинов Н. И., Александрова А. И. Современные тенденции в зарубежных исследованиях когнитивных искажений // Психологический журнал ВШЭ. 2020. Т. 17. № 3. С. 444–453.
16. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. Москва : Гно-зис, 1992.
17. Малкина С. А. Когнитивные искажения и эмоциональный интеллект как факторы созависимости. Москва, 2024. 23 с.
18. Попов И. Когнитивные ошибки в медицине // 9thcall.ru. 2020. 24 февраля. URL: <https://9thcall.ru/2020/02/24/cognitive-bias/> (дата обращения: 14.10.2025).
19. Птохов С. Исследование рынка и когнитивное искажение при создании нового продукта. Всегда ли стоит ловить волну трендов? // Interforums.ru. 2025. 31 августа. URL: <https://interforums.ru/blog/issledovanie-tyinka-i-kognitivnoe-iskazhenie-pri-sozdanii-novogo-produkta.-vsegda-li-stoit-lovit-volnu-trendov> (дата обращения: 14.10.2025).
20. Рахмонов Х. Р., Кенжабаев А. Т. Развитие цифровых платформ для эффективного управления бизнесом в условиях цифровой экономики // Raqamli Iqtisodiyot. 2024. С. 195–205. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-tsifrovyyh-platform-dlya-effektivnogo-upravleniya-biznesom-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki/viewer> (дата обращения: 14.10.2025).
21. Режабек Е. Я. МиФомышление (когнитивный анализ). Ростов н/Д : Феникс, 2003.
22. Режабек Е. Я., Филатова А. А. Когнитивная культурология : учебное пособие. Санкт-Петербург : Алетейя, 2010.
23. Рыжова М. Когнитивные искажения: список, как распознать и исправить // MIP Institute Journal. 2025. 20 марта. URL: <https://mip.institute/journal/kognitivnye-iskazheniya-spisok-kak-raspoznat-i-ispravit> (дата обращения: 14.10.2025).
24. Рябова И. «Якоря» и «рамки»: как «эффект привязки» и фрейминг влияют на принятие решений // Экономика | Поведенческая психология. 2023. 9 февраля. URL: <https://econs.online/articles/coffee-break/yakorya-i-ramki-kak-effekt-privayzki-i-freyming-vliyayut-na-prinyatie-resheniy/> (дата обращения: 14.10.2025).
25. Самарин Я. В. Дискурс патриотизма в современной американской массовой культуре на примере сериала «Хранители» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17, № 1. С. 28–38.
26. Хабибуллина З. Р. Ислам и гендер в интернете: женщины, режим видимости и борьба со стереотипами // Этнография / Etnografia. 2021. № 4 (14). С. 119–137.
27. Центр гражданского образования «Я – гражданин». Обучение основам демократии и прав человека. 2025. URL: <https://lic-imenigapsaxe-tomsk-r69.gosweb.gosuslugi.ru/vospitanie/tsentr-grazhdanskogo-obrazovaniya-ya-grazhdanin/> (дата обращения: 15.10.2025).
28. Часовских Г. А., Таратухин Е. О. Когнитивные искажения в практике врача-кардиолога с позиции их эволюционного объяснения. Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2024. 23(3S):4311. URL: <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2024-4311>. EDN: CDWCNV
29. Чернов А. Эффект Фрейминга: Власть контекста в принятии решений // Psychosearch.ru, 2023. URL: <https://psychosearch.ru/practice/prakticheskaya-psikhologiya/897-effekt-frejminga> (дата обращения: 14.10.2025).
30. Barthes R. Elements of Semiology. New York: Hill and Wang, 1977.
31. Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. Journal of Communication, 1993, 43(4). P. 51–58.
32. Esmaeili M. Media framing of the Mahsa Amini protests (Master's thesis, Lund University, Sweden). 2024. URL: <https://lup.lub.lu.se/student-papers/record/9178646/file/9178648.pdf>.
33. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006.
34. Fazio L. K., Brashier N. M., Payne B. K., Marsh E. J. Knowledge does not protect against illusory truth. Journal of Experimental Psychology : General, 2015, 144(5), P. 993–1002.
35. Fiske S. T., Taylor S. E. Social Cognition. 2nd ed. New York : McGraw-Hill, 1991.
36. Gee J. P. An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method. 4th ed. New York : Routledge, 2014.
37. Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Cambridge : Harvard University Press, 1974.
38. Hasher L., Goldstein D., Toppino T. Frequency and the conference of referential validity. Journal of

Verbal Learning and Verbal Behavior, 1977, 16(1). P. 107–112.

39. Hoskins A. (2009). «The mediatisation of memory». In J. Garde-Hansen, A. Hoskins & A. Reading (Eds.), *Save As... Digital Memories*. Palgrave Macmillan. P. 27–43.

40. Kahneman D., Tversky A. On the psychology of prediction. Psychological Review, 1973, 80(4). P. 237–251.

41. Kahneman D., Tversky A. The Framing of Decisions and the Psychology of Choice. Science, 1981, 211 (4481). P. 453–458.

42. Kristeva J. Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art. New York : Columbia University Press, 1980.

43. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago and London : University of Chicago Press, 1980.

44. Nellis A. M., Savage J. «Does watching the news affect fear of terrorism? The importance of media exposure on terrorism fear». *Crime & Delinquency*, 58(5). 2012. P. 748–768.

45. Pettigrew T. F. The Ultimate Attribution Error: Extending Allport's Cognitive Analysis of Prejudice. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1979. 5(4). P. 461–476.

46. Plous S. The Psychology of Judgment and Decision Making. New York : McGraw-Hill, 1993.

47. Scheufele D.A. Framing as a Theory of Media Effects. *Journal of Communication*, 1999, 49(1). P. 103–122.

48. Tandoc E. C., Lim Z. W., Ling R. Defining «Fake News»: A typology of scholarly definitions. *Digital Journalism*, 2018. 6(2). P. 137–153.

49. van Dijk T. A. Discourse as Structure and Process. London : Sage, 1997.

50. Wardle C., Derakhshan H. Information Disorder: Toward an Interdisciplinary Framework for Research and Policy Making. Council of Europe report DGI(2017)09, 2017.

Reference list

1. Bazhenova U. A. Vzaimosvjaz' jeffekta Mandely i kollektivnoj pamjati = The relationship between the Mandela effect and collective memory / U. A. Bazhenova, V. I. Erjomina // Junyj uchenyj. 2025. № 2 (87). S. 71–73.

2. Belousov V. 10 kognitivnyh iskazhenij, snizhajushih vashu produktivnost' = 10 cognitive distortions reducing your productivity // Singularity-app.ru. 2025. 6 aprelja. URL: <https://singularity-app.ru/blog/kognitivnye-iskazheniya/> (data obrashhenija: 14.10.2025).

3. Vedantam Sh., Mesler B. Illuzija pravdy. Pochemu nash mozg stremitsja obmanut' sebja i drugih? = The illusion of the truth. Why does our brain seek to deceive itself and others? / per. s angl. D. Vinogradova. Moskva : Individuum, 2022. 270 s.

4. Gluhova E. S. Konstruirovaniye diskursa vlasti posredstvom kognitivnyh iskazhenij (na materiale vystuplenija V. V. Putina na PMJeF-2023) = Constructing the discourse of power through cognitive distortions (on the

material of V. V. Putin's speech at SPIEF-2023) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2025(a). T. 18. № 9. S. 3901–3911.

5. Gluhova E. S. Lingvokognitivnye sredstva vnedrenija kognitivnyh iskazhenij v politicheskem diskurse na primeire vystuplenija A. Merkel' = Linguocognitive means of introducing cognitive distortions in political discourse (based on A. Merkel's speech) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2025(b). T. 18, № 2. S. 638–646.

6. Gotovkina M. S. Formirovanie frejminga jekoprotesta: Sociologicheskij analiz = Forming eco-protest framing: Sociological analysis // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2025. № 9 (159). URL: <https://research-journal.org/archive/9-159-2025-september/10.60797/IRJ.2025.159.87> (data obrashhenija: 15.10.2025).

7. Granskij Ja. Vash mozg vas obmanyvaet. 8 primerov jeffekta Mandely. V chem sut' fenomena s lozhnym vospriyatiem informacii (28 aprelja 2023 g.) = Your brain deceives you. 8 examples of the Mandela effect. What is the essence of the phenomenon with false perception of information (April 28, 2023). URL: <https://www.rbc.ru/life/news/644a46579a7947f6657b0806?ysclid=mgrtwkir1r764501256> (data obrashhenija: 15.10.2025).

8. Dunas D. V., Salihova E. A., Tolokonnikova A. V., Babyna D. A. Ustanovlenie povestki dnja i jeffekt frejminga: o neobhodimosti konceptual'nogo edinstva v mediaissledovanijah «cifrovoj molodjozhi» = Agenda setting and the framing effect: on the need for conceptual unity in «digital youth's» media studies // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika. 2022. № 4. S. 47–78.

9. Ivanova A. P. Vakciny ot COVID-19 : dostizhenie kollektivnogo immuniteta i dezinformacija v social'nyh setjah. (Obzor) = COVID-19 vaccines : achieving collective immunity and social media misinformation. (Review) // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura : IAZh. Ser. 4: Gosudarstvo i pravo. 2022. № 1. S. 62–71.

10. Irgaliev S. S. Kognitivnye iskazhenija i ih vlijanie na razvitiye kriticheskogo myshlenija: prakticheskoe rukovodstvo dlja uchenikov i uchitelej = Cognitive distortions and their impact on the development of critical thinking: a practical guide for students and teachers // Molodoj uchenyj. 2024. № 50 (549). S. 505–512. URL: <https://moluch.ru/archive/549/120549> (data obrashhenija: 14.10.2025).

11. Kognitivnye iskazhenija v cifrovuji jepohu. Chast' 2 = Cognitive distortions in the digital age. Part 2 // BL-T.ru. 2025. 24 fevralja. URL: <https://bl-t.ru/2025/02/25/kognitivnye-iskazhenija-v-cifrovuji-jepohu-2/> (data obrashhenija: 14.10.2025).

12. Kravchenko A., Lebedeva Ju. Kognitivnye iskazhenija: chto jeto v psihologii, primery i vidy = Cognitive distortions: what it is in psychology, examples and types // Lenta.ru. 2025. 10 aprelja. URL: <https://lenta.ru/articles/2025/04/11/kognitivnye-iskazhenija/>

- iskazheniya/ (data obrashhenija: 14.10.2025).
13. Kulik A. Kognitivnye iskazhenija: kak nash mozg obmanyvaet nas = Cognitive distortions: the way our brains deceive us // Anna-kulik.ru. 2025. 12 oktyabrya. URL: <https://anna-kulik.ru/kognitivnye-iskazheniya-kak-nash-mozg-obmanyvaet-nas/> (data obrashhenija: 14.10.2025).
14. Legostaeva E. S. Metodologicheskie predposytki issledovanija kognitivnyh oshibok = Methodological prerequisites for studying cognitive errors // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2024. № 4. URL: <https://psy.su/feed/11856/> (data obrashhenija: 14.10.2025).
15. Loginov N. I., Aleksandrova A. I. Sovremennye tendencii v zarubezhnyh issledovanijah kognitivnyh iskazhenij = Current trends in foreign research on cognitive distortions // Psihologicheskij zhurnal VShJe. 2020. T. 17. № 3. S. 444–453.
16. Lotman Ju. M. Kul'tura i vzryv = Culture and the explosion. Moskva : Gnozis, 1992.
17. Malkina S. A. Kognitivnye iskazhenija i jemotional'nyj intellekt kak faktory sozavismosti = Cognitive distortions and emotional intellect as factors in co-dependency. Moskva, 2024. 23 s.
18. Popov I. Kognitivnye oshibki v medicine = Cognitive errors in medicine // 9thcall.ru. 2020. 24 fevralja. URL: <https://9thcall.ru/2020/02/24/cognitive-bias/> (data obrashhenija: 14.10.2025).
19. Ptohov S. Issledovanie rynka i kognitivnoe iskazhenie pri sozdaniu novogo produkta. Vsegda li stoit lov'it' volnu trendov? = Market research and cognitive distortion when creating a new product. Is it always worth catching the trend wave? // Interforums.ru. 2025. 31 avgusta. URL: <https://interforums.ru/blog/issledovanie-ryinka-i-kognitivnoe-iskazhenie-pri-sozdaniu-novogo-produkta.-vsegda-li-stoit-lovit-volnu-trendov> (data obrashhenija: 14.10.2025).
20. Rahmonov H. R., Kenzhabaev A. T. Razvitiye cifrovych platform dlja effektivnogo upravlenija biznesom v usloviyah cifrovoj jekonomiki = Developing digital platforms for effective business management in digital economy // Raqamli Iqtisodiyot. 2024. S. 195–205. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-tsifrovych-platform-dlya-effektivnogo-upravleniya-biznesom-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki/viewer> (data obrashhenija: 14.10.2025).
21. Rezhabek E. Ja. Mifomyshlenie (kognitivnyj analiz) = Myth thinking (cognitive analysis). Rostov n/D : Feniks, 2003.
22. Rezhabek E. Ja., Filatova A. A. Kognitivnaja kul'turologija = Cognitive culture studies : uchebnoe posobie. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2010.
23. Ryzhova M. Kognitivnye iskazhenija: spisok, kak raspoznat' i ispravit' = Cognitive distortions: a list, how to recognize and correct them // MIP Institute Journal. 2025. 20 marta. URL: <https://mip.institute/journal/kognitivnye-iskazheniya-spisok-kak-raspoznat-i-ispravit> (data obrashhenija: 14.10.2025).
24. Rjabova I. «Jakorja» i «ramki»: kak «jeffekt privjazki» i frejming vlijajut na prinjatie reshenij = «Anchors» and ‘frames’: how the «anchoring effect» and framing influence decision making // Jekonomika | Povedencheskaja psihologija. 2023. 9 fevralja. URL: <https://econs.online/articles/coffee-break/yakorya-i-ramki-kak-effekt-privjazki-i-frejming-vlijayut-na-prinyatie-reshenij/> (data obrashhenija: 14.10.2025).
25. Samarin Ja. V. Diskurs patriotizma v sovremennoj amerikanskoj massovoj kul'ture na primere seriala «Hraniteli» = Patriotic discourse in contemporary American mass culture based on the example of the TV series «Watchmen» // Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS. 2021. T. 17, № 1. S. 28–38.
26. Habibullina Z. R. Islam i gender v interne: zhenshhiny, rezhim vidimosti i bor'ba so stereotipami = Islam and gender online: women, visibility and challenging stereotypes // Jetnografija / Etnografija. 2021. № 4 (14). S. 119–137.
27. Centr grazhdanskogo obrazovaniya «Ja – grazhdanin». Obuchenie osnovam demokratii i prav cheloveka. = The Center for Civic Education «I am a Citizen». Teaching the basics of democracy and human rights. 2025. URL: <https://lic-imenigapsaxe-tomsk-r69.gosweb.gosuslugi.ru/vospitanie/tsentr-grazhdanskogo-obrazovaniya-ya-grazhdanin/> (data obrashhenija: 15.10.2025).
28. Chasovskih G. A., Taratuhin E. O. Kognitivnye iskazhenija v praktike vracha-kardiologa s pozicijii ih jevoljucionnogo objasnenija. Kardiovaskuljarnaja terapija i profilaktika = Cognitive distortions in the cardiologist's practice from the position of their evolutionary explanation. Cardiovascular therapy and the prevention. 2024. 23(3S):4311. <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2024-4311>. EDN: CDWCNV
29. Chernov A. Jeffekt Frejminga: Vlast' konteksta v prinjatiu reshenij = The Framing effect: The power of context in decision-making // Psychosearch.ru, 2023. URL: <https://psychosearch.ru/practice/prakticheskaya-psikhologiya/897-effekt-frejminga> (data obrashhenija: 14.10.2025).
30. Barthes R. Elements of Semiology. New York: Hill and Wang, 1977.
31. Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. Journal of Communication, 1993, 43(4). R. 51–58.
32. Esmaeili M. Media framing of the Mahsa Amini protests (Master's thesis, Lund University, Sweden). 2024. URL: <https://lup.lub.lu.se/student-papers/record/9178646/file/9178648.pdf>.
33. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006.
34. Fazio L. K., Brashier N. M., Payne B. K., Marsh E. J. Knowledge does not protect against illusory truth. Journal of Experimental Psychology : General, 2015, 144(5), R. 993–1002.
35. Fiske S. T., Taylor S. E. Social Cognition. 2nd ed. New York : McGraw-Hill, 1991.
36. Gee J. P. An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method. 4th ed. New York : Routledge, 2014.

37. Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Cambridge : Harvard University Press, 1974.
38. Hasher L., Goldstein D., Toppino T. Frequency and the conference of referential validity. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 1977, 16(1). R. 107–112.
39. Hoskins A. (2009). «The mediatisation of memory». In J. Garde-Hansen, A. Hoskins & A. Reading (Eds.), *Save As... Digital Memories*. Palgrave Macmillan. P. 27–43.
40. Kahneman D., Tversky A. On the psychology of prediction. *Psychological Review*, 1973, 80(4). R. 237–251.
41. Kahneman D., Tversky A. The Framing of Decisions and the Psychology of Choice. *Science*, 1981, 211 (4481). R. 453–458.
42. Kristeva J. Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art. New York : Columbia University Press, 1980.
43. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago and London : University of Chicago Press, 1980.
44. Nellis A. M., Savage J. «Does watching the news affect fear of terrorism? The importance of media exposure on terrorism fear». *Crime & Delinquency*, 58(5). 2012. R. 748–768.
45. Pettigrew T. F. The Ultimate Attribution Error: Extending Allport's Cognitive Analysis of Prejudice. *Personal and Social Psychology Bulletin*, 1979. 5(4). R. 461–476.
46. Plous S. *The Psychology of Judgment and Decision Making*. New York : McGraw-Hill, 1993.
47. Scheufele D.A. Framing as a Theory of Media Effects. *Journal of Communication*, 1999, 49(1). R. 103–122.
48. Tandoc E. C., Lim Z. W., Ling R. Defining «Fake News»: A typology of scholarly definitions. *Digital Journalism*, 2018. 6(2). R. 137–153.
49. van Dijk T. A. *Discourse as Structure and Process*. London : Sage, 1997.
50. Wardle C., Derakhshan H. Information Disorder: Toward an Interdisciplinary Framework for Research and Policy Making. Council of Europe report DGI(2017)09, 2017.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 13.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 22.09.2025; approved after reviewing 13.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-126

EDN: APOJPD

Дискурсивный маркер *du coup*: функционирование, коллокации и классификация во французском письменном и устном медиадискурсе

Анна Васильевна Васильцова

Кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620062, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19
ksas3@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1494-5462>

Аннотация. В современной науке изучение дискурсивных маркеров представляет собой одно из перспективных направлений лингвистических исследований. В трудах отечественных и зарубежных лингвистов рассматриваются различные аспекты дискурсивных маркеров в разных языках и типах дискурса. Наша статья посвящена анализу дискурсивного маркера *du coup* – одного из наиболее употребимых во французском языке. Мы затрагиваем ряд проблем, а именно: вопросы возможных сочетаний дискурсивного маркера *du coup* с другими маркерами, анализ выполняемых функций в зависимости от местоположения в предложении, классификационная принадлежность к одной или нескольким из обозначенных нами групп – дискурсивным маркерам-организаторам дискурса, дискурсивным маркерам модальности, дискурсивным маркерам интеракции. В статье сопоставляется функционирование данного дискурсивного маркера на материале корпусных данных письменного и устного медиадискурса корпуса French Web 2023. В результате исследования были выявлены основные коллокации дискурсивного маркера *du coup* в медиадискурсе – *et du coup, mais du coup, donc du coup, et donc du coup*, частотность которых обусловлена типом медиадискурса, а также их позицией в предложении – начальной, срединной, финальной; проанализированы функции *du coup* в обоих типах медиадискурса – структурирующая, модальная и смешанная, включающая в себя элементы первых двух функций; установлена связь между функциями *du coup* и классификационной группой, а также определены основные факторы, обуславливающие эти функции, а именно: варианты коллокаций и тип медиадискурса.

Ключевые слова: письменный медиадискурс; устный медиадискурс; дискурсивный маркер; коллокации; структурирующая функция; модальная функция; смешанная функция; классификационная группа

Для цитирования: Васильцова А. В. Дискурсивный маркер *du coup*: функционирование, коллокации и классификация во французском письменном и устном медиадискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 126–134. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-126>. <https://elibrary.ru/APOJPD>

Original article

Discursive marker *du coup*: functioning, collocations and classification in french written and verbal media discourse

Anna V. Vasiltsova

Candidate of philological sciences, associate professor, doctoral student, department of linguistics and professional communication in foreign languages, Ural Federal university named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. 620062, Sverdlovsk region, Ekaterinburg, Mir str., 19
ksas3@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1494-5462>

Abstract. In modern science, studying discourse markers is one of the promising areas of linguistic research. Works of Russian and foreign linguists consider various aspects of discourse markers in different languages and types of discourse. This article analyses the discourse marker *du coup*, one of the most widely used in the French language. The author addresses a number of issues, namely: the issues of possible combinations of the discourse marker *du coup* with other markers, the analysis of its functions depending on its place in the sentence, belonging to one or more of the following classification groups: markers organizing discourse, discourse markers of modality, discourse markers of interaction. The article compares this discursive marker's functioning on the material of written and verbal media discourse corpus data from the French Web 2023 corpus. As a result of the study, the author identifies the main

collocations of the discourse marker *du coup* in media discourse – *et du coup*, *mais du coup*, *donc du coup/et donc du coup*, the frequency of which is determined by the type of media discourse, as well as their position in the sentence – initial, middle, final. The author analyzes the functions *du coup* performs in both types of media discourse – structuring, modal and mixed one that includes elements of the first two functions; establishes the relationship between the *du coup* functions and the classification group; identifies the main factors determining these functions, namely, the types of collocations and media discourse.

Key words: written media discourse; verbal media discourse; discourse marker; collocations; structuring function; modal function; mixed function; classification group

For citation: Vasiltsova A. V. Discursive marker *du coup*: functioning, collocations and classification in french written and verbal media discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):126–134. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-126>. <https://elibrary.ru/APOJPD>

Введение

В настоящее время активно развивается изучение дискурсивных маркеров в разных типах дискурса с позиции разных научных школ и направлений. Отечественными и зарубежными учеными проводятся исследования данного языкового феномена в рамках функционально-прагматического [Сереброва, 2023; Шилихина, 2023; Leuckert, 2021; Luodonpää-Manni, 2022], функционально-семантического [Зализняк, 2018; Иванов, 2024; Dostie, 2017], когнитивно-дискурсивного [Миронова, 2023; Царенко, 2022; Bosker 2021; Omisakin, 2024], социолингвистического [Chady, 2021; Delafontaine, 2020; Leone, 2023; Ruswina, 2022] и других подходов, в рамках которых анализируются всевозможные аспекты данного языкового феномена.

В обозначенных исследованиях поднимается ряд вопросов. Во-первых, отсутствие единой терминологической номинации изучаемой единицы. В различных научных трудах анализируемый нами языковой феномен обозначается по-разному: например, «дискурсивный маркер» [Миронова, 2023; Сереброва, 2023; Lefeuivre, 2020; Leone, 2023; Paillard, 2017], «дискурсивное слово» [Зализняк, 2018], «дискурсивная частица» [Иванов, 2024; Delafontaine, 2020], «дискурсивная рутине» [Luodonpää-Manni, 2022] и др. Во-вторых, вопрос рассмотрения дискурсивных маркеров как самостоятельного класса [Dostie, 2017] или как отдельной категории [Crible, 2019; Dargnat, 2021; Lefeuivre, 2020; Paillard, 2017]. В-третьих, проблема классификации дискурсивных маркеров. Исходя из классификаций Д. Пайяра [Paillard, 2017], М. Дарня и Ж. Жайез [Dargnat, 2021], Л. Крибль [Crible, 2019], Ф. Лефэвр [Lefeuivre, 2020], в данной статье мы будем рассматривать следующие группы дискурсивных маркеров: дискурсивные маркеры-организаторы дискурса, дискурсивные маркеры модальности (субъективной и объективной) и дискурсивные маркеры интеракции.

Помимо обозначенных проблем нам видится также важной проблема сочетаемости дискурсивных маркеров между собой, что приводит к возникновению следующих дискуссионных вопросов: обусловлено ли использование той или иной коллокации типом медиадискурса; меняется ли частотность коллокаций в зависимости от того, в какой части предложения они находятся; влияет ли вариант коллокации на выполняемую дискурсивным маркером функцию и, наконец, важно понять, способен ли в этом случае дискурсивный маркер переходить из одной классификационной группы в другую и какими еще факторами это может быть обусловлено.

В рамках данной статьи будет предпринята попытка решения обозначенных вопросов на примере дискурсивного маркера *du coup* как одного из наименее изученных в отечественной [Зуева, 2023; Кулешова, 2024] и зарубежной лингвистике [Abouda, 2022; Cadiot, 2008; Rossari, 2001; Stenkløv, 2015].

Цель данной статьи, таким образом, заключается в выявлении и анализе возможных коллокаций дискурсивного маркера (далее – ДМ) *du coup* в устном и письменном французском медиадискурсе, в уточнении выполняемых функций ДМ *du coup* в самостоятельном употреблении и в случае его сочетания с другими маркерами, в определении его принадлежности к одной или нескольким классификационным группам ДМ.

Мы исходим из гипотезы о том, что в зависимости от местоположения, а также комбинации маркера *du coup* с другими ДМ, меняется выполняемая им функция, что, в свою очередь, влечет его переход в другую классификационную группу маркеров. Кроме того, мы можем предположить, что функции ДМ *du coup* и его коллокаций зависят также от типа медиадискурса – устного или письменного.

Данное исследование выполнено на материале примеров, отобранных методом сплошной выборки из корпусного менеджера *Sketch Engine*. Выбор

медиадискурса в качестве материала исследования обусловлен стремлением проследить функционирование элемента разговорной речи – ДМ *du coup* – в одном из типов дискурса, выстроенном согласно определенным стандартам. Кроме того, медиадискурс дает нам возможность сравнить поведение ДМ в устном и письменном вариантах одного типа дискурса.

Методы исследования

В процессе работы над данным исследованием нами были использованы следующие методы: метод контекстуально-ситуативного анализа – для выявления функций ДМ *du coup* в медиадискурсе, а также для определения места данного маркера в категории ДМ; комплексный описательно-аналитический метод (включающий общенаучные методы наблюдения, сопоставления, обобщения) – для установления вариантов сочетаемости ДМ *du coup* с другими маркерами; метод логических исчислений, а также корпусный анализ частотности – для определения частотности использования ДМ *du coup* самостоятельно и в виде различных сочетаний с иными ДМ в устном и письменном вариантах французского медиадискурса; метод сплошной выборки – для отбора иллюстративных примеров употребления ДМ *du coup*.

Частотность использования и коллокации ДМ *du coup* в устном и письменном медиадискурсе

Ввиду того, что одной из наших задач было выявление и анализ частотности употребления возможных коллокаций ДМ *du coup* в медиадискурсе, нами были отобраны 15 сайтов французской прессы, среди которых сайты таких газет, как: *Le Monde*, *L'Express*, *Libération*, *Le Quotidien*, *L'Humanité*, *Le Point*, *Le Parisien* и т. д., и 9 сайтов радио и телевидения (*France Bleu*, *Europe 1*, *BFMTV*, *France 24*, *RFI* и др.). Несмотря на то, что корпус устного медиадискурса представлен меньшим количеством источников, чем письменный, число отобранных на данных сайтах примеров является достаточно репрезентативным, чтобы произвести необходимые сопоставления: 1605 примеров использования ДМ *du coup* в письменном медиадискурсе и 1177 в устном.

В результате анализа употребления ДМ *du coup* в каждом из обозначенных типов медиадискурса нами было установлено, что начальная позиция анализируемого ДМ (72 % в письменном и ≈ 60 % в устном) является преобладающей в обоих типах медиадискурса, срединная позиция чаще встречается в устном медиадискурсе (38 % от об-

щего числа примеров), чем в письменном (22 %). В конечной позиции в целом ДМ *du coup* используется достаточно редко в обоих типах медиадискурса (≈ 6 % в письменном и около 2 % в устном медиадискурсе).

Что касается коллокаций, мы можем констатировать, что количество таких сочетаний невелико как в письменном (368 примеров, ≈ 23 %), так и в устном медиадискурсе (67 примеров, ≈ 6 %).

В письменном медиадискурсе наиболее часто встречающийся вариант коллокаций – *et du coup* (327 примеров, что составляет 20 %), при этом большинство из них находится в середине предложения (232 примера, 71 %), реже – в начальной позиции (95 примеров, 29 %), в финальной позиции примеров подобного сочетания мы не обнаружили, что вполне объяснимо, так как союз *et* предполагает введение какой-то новой информации, уточнение чего-либо, противопоставление и т. д. Вторым выявленным нами вариантом сочетания *du coup* является *mais du coup* (26 примеров, то есть 2 %), частотность его использования в зависимости от позиции в предложении примерно одинакова: 16 примеров в начале предложения (55 %) и 13 примеров в середине предложения (45 %), в конце предложения данная коллокация, как и *et du coup*, не встречается, так как *mais* вводит то или иное противопоставление и, соответственно, не может употребляться в конце предложения. Еще одна коллокация – *et donc du coup* – встречается всего в 10 примерах, что составляет 0,6 %. Во всех примерах такое сочетание мы видим в середине предложения (100 %). Сочетание *donc du coup* используется еще реже – 5 примеров (0,3 %), из них 2 в начале предложения (40 %) и 3 – в середине (60 %).

В устном медиадискурсе коллокации немного разнообразнее, чем в письменном, однако наиболее распространенной также является *et du coup* – 38 примеров, то есть 3 %, при этом в 35 примерах данное сочетание находится в начальной позиции (≈ 92 %), в 3 – в срединной (≈ 8 %). На втором месте по частотности – *donc du coup* и *et donc du coup*. Первое сочетание представлено 11 примерами (≈ 0,9 %), из них 8 раз *donc du coup* встречается в начале предложения (≈ 73 %), 3 – в середине (≈ 27 %); второе – 10 примерами (≈ 0,8 %), которое, в отличие от первого более частотно в середине предложения (7 примеров, 70 %) и менее – в начале (3 примера, 30 %). Третье место занимает коллокация *mais du coup* – 8 примеров (0,7 %), из них в 7 примерах данное сочетание встречается в начале предложения (87,5 %) и в 1 –

в середине (12,5 %). Крайне редкими являются варианты *du coup voilà* – 2 примера с использованием в начале и в середине предложения каждый, *mais enfin du coup* (2 примера, 1 – в начальной и 1 – срединной позиции), *enfin du coup, et voilà du coup* (по одному примеру в начале предложения).

Таким образом, в обоих типах медиадискурса наиболее распространенными вариантами коллокаций ДМ *du coup* являются *et du coup, mais du coup*, используемые в большей степени в письменном медиадискурсе, *et donc du coup, donc du coup* – одинаково часто встречаются как в устном, так и в письменном медиадискурсе.

Функции ДМ *du coup* в письменном и устном медиадискурсе

Анализ примеров употребления *du coup* в медиадискурсе позволил выявить ряд выполняемых ДМ функций, которые мы рассмотрим ниже.

Структурирующая функция. Из общего числа обработанных нами примеров употребление собственно ДМ *du coup* было выявлено в 794 случаях ($\approx 49\%$) в письменном медиадискурсе и в 716 – в устном (61 %). Отметим, что в обоих типах медиадискурса *du coup* в данной функции находится только в начальной и срединной позиции, при этом в большей степени – в начале предложения ($\approx 71\%$ в письменном и $\approx 72\%$ – в устном) и гораздо реже – в середине ($\approx 29\%$ и $\approx 28\%$ соответственно). Коллокация *et du coup* в структурирующей функции, также встречающаяся только в начальной и срединной позиции, была выявлена в 310 примерах письменного медиадискурса ($\approx 95\%$) и в 27 примерах устного медиадискурса (71 %). Отметим, что в обоих случаях преобладает начальная позиция в предложении ($\approx 71\%$ и $\approx 63\%$) и гораздо реже – срединная ($\approx 24\%$, $\approx 8\%$). Коллокация *mais du coup* в структурирующей функции употребляется в 6 примерах в начальной позиции в каждом типе медиадискурса, что составляет $\approx 21\%$ для письменного и 75 % для устного типа. Употребление *et donc du coup* (5 примеров, 50 %) и *donc du coup* (5 примеров, $\approx 45\%$) в данной функции мы наблюдаем только в устном медиадискурсе в начальной и срединной позиции. Интересным нам кажется зеркальная частотность данных коллокаций: 20 % и 30 % для *et donc du coup* и 30 % и 20 % для *donc du coup*.

Проанализируем некоторые примеры употребления ДМ *du coup* и отдельных коллокаций в структурирующей функции.

В примере (1), представляющем собой фрагмент телевизионного репортажа, ДМ *du coup*

находится в начале предложения и выполняет собственно структурирующую функцию, выражая причинно-следственные отношения. С помощью ДМ *du coup* поясняется, каким образом выделение государством помощи малоимущим жителям на покупку дров сказалось на бизнесе поставщиков. Таким образом, ДМ *du coup* в (1) является маркером-организатором дискурса:

(1) Cette aide exceptionnelle fait aussi les affaires des distributeurs. «Du coup, on a beaucoup plus de livraisons, et cela permet aux clients de payer moins cher» (www.tflinfo.fr).

Пример (2) взят из газетного репортажа, посвященного проблемам, с которыми могут столкнуться в результате Брекзита предприятия региона О-де-Франс, сотрудничающие с британскими компаниями. ДМ *du coup* используется в прямой речи в середине предложения и рассматривается нами как темпоральный ДМ, имеющий значение *soudain, tout à coup*. Таким образом, в данном случае мы относим *du coup* к ДМ-организаторам дискурса, а выполняемую им функцию определяем как структурирующую:

(2) Pour la PME familiale Westlake Plastics Europe (ex-Active Medical), basée près de Bondues et spécialisée dans la fabrication de pièces polymères, telles les prothèses de hanche, les enjeux sont encore plus importants. «Nous achetons de la matière première en Angleterre pour certains articles d'orthopédie. Sauf qu'il n'existe que deux fournisseurs et que l'un pourrait du coup profiter d'une éventuelle situation de blocage», commente Marie-France Forques, la responsable commerciale. Aussi l'entreprise a fait quelques provisions, mais se sent encore plus dépendante de l'issue du Brexit (*La Tribune*, 15.03.2019).

В примере (3), взятом из телевизионного репортажа, речь идет об организации детского отдыха в образовательных летних лагерях в послекарантинный период:

(3) «On enlève quand même beaucoup de lits. Il y a des chambres où effectivement, il y a cinq-six lits, on va devoir diminuer de moitié», explique Angélique Sicher. «Les enfants auront plus d'espace, c'est chouette pour eux. Mais du coup on perd des lits et c'est aussi beaucoup de ménage» (www.europe1.fr).

ДМ *du coup* используется в качестве маркера причинно-следственных отношений, выражающего результат принимаемых мер по уменьшению количества кроватей в спальнях (*du coup = en conséquence*). Сочетание *mais du coup* усиливает противопоставление и делает акцент на отрицательных последствиях обозначенных мер. Таким образом, *du coup* в примере (3) относится к ДМ-

организаторам дискурса.

Модальная функция. В ходе исследования мы установили, что ДМ *du coup* и его коллокации в модальной функции встречается преимущественно в письменном медиадискурсе ($\approx 6\%$) и практически не встречается в устном (0,2%). Отметим также, что собственно ДМ *du coup* выполняет данную функцию только в письменном медиадискурсе, причем исключительно в финальной позиции в предложении – 74 примера, $\approx 6\%$. Что касается коллокаций, то примерно с той же частотностью, что и *du coup*, употребляется *et du coup* (17 примеров, $\approx 5\%$) в письменном медиадискурсе, однако, в отличие от *du coup*, в срединной позиции. *Mais du coup* используется одинаково часто в начальной (1 пример, 12,5%) и срединной позиции (1 пример, 12,5%) в устном медиадискурсе. Остальные коллокации не реализуют модальную функцию.

Рассмотрим некоторые примеры, в которых ДМ *du coup* и его коллокации выполняют модальную функцию.

Пример (4) взят из радиопередачи, тема которой – инноваций и изобретения, упрощающие нашу жизнь. В данном случае речь идет о новом электровелосипеде:

(4) Une réflexion menée notamment par l'entreprise JCDecaux. Un prototype était montré au salon Viva Technology. C'est très astucieux, c'est tout simplement une batterie qu'on fixe sur le guidon.

Mais il faut se balader avec sa batterie *du coup*?

Oui mais elle est ultra-compacte, elle a la taille d'un gros livre de poche et peut être utilisée pendant 10km (www.europe1.fr).

В этом примере *du coup* стоит в конце предложения, опущение данного маркера не влечет за собой потерю общего смысла, однако теряется эмоциональный нюанс – удивление журналиста, которое он выражает при помощи данного языкового средства.

Ср.: Но нужно повсюду с собой таскать аккумулятор?

Но нужно повсюду с собой таскать аккумулятор, получается так (так что ли)?

Таким образом, в данном случае ДМ *du coup* используется для придания эмоциональной окраски высказыванию, в частности для выражения удивления, и относится к модальным ДМ.

Пример (5) – отрывок телевизионного журналистского расследования, в котором речь идет о проблеме допинга в большом спорте в целом и о приеме запрещенных препаратов словенскими велосипедистами, в частности:

(5) J'ai toujours été propre et je ne voulais pas risquer ma santé, je ne voulais pas faire certaines choses... Donc je ne voulais pas avoir affaire à certains managers. J'avais de bons résultats, *mais du coup* aucun des managers influents n'a voulu de moi. Cela m'a dégoûté du cyclisme (www.europe1.fr).

Du coup в этом примере употребляется в сочетании с маркером *mais*, что позволяет усилить удивление говорящего (так как *du coup* здесь можно заменить на *c'est étrange*, *c'est bizarre*, *c'est étonnant*) и обозначить противоречивость сложившейся ситуации – наличие хороших результатов спортсмена и отсутствие влиятельных менеджеров, изъявивших желание работать с ним. Таким образом, ДМ *du coup* можно отнести к ДМ модальности.

Смешанная функция: структурирующая функция + модальная функция. В смешанной функции нами было выявлено 369 примеров ($\approx 30\%$) в письменном медиадискурсе и приблизительно столько же в устном медиадискурсе – 372 примера ($\approx 33,5\%$). В обоих типах медиадискурса данный ДМ используется в начальной и срединной позиции со значительным преобладанием в первой для письменного медиадискурса ($\approx 26\%$ против $\approx 4\%$) и во второй – для устного ($\approx 20\%$ против 14%). Отметим, однако, что в устном дискурсе разница в частотности употребления *du coup* в данной функции незначительна. Коллокация *et du coup* в смешанной функции встречается только в начальной позиции предложения (11 примеров) в устном медиадискурсе и составляет $\approx 29\%$. *Mais du coup* (23 примера, т.е. $\approx 79\%$), напротив, используется только в письменном медиадискурсе в начале (10 примеров, $\approx 34\%$) и середине предложения (13 примеров, $\approx 45\%$). Однаково часто и в идентичных позициях в предложении используются коллокации *et donc du coup* и *donc du coup*: 40% – начальная позиция, 60% – срединная для обеих коллокаций в письменном медиадискурсе; 30% и 36% в начальной позиции в устном медиадискурсе, $\approx 36\%$ и $\approx 18\%$ – в устном.

Остановимся подробнее на примерах реализации данной функции.

(6) – отрывок газетного интервью с Франсуа Руффеном, французским журналистом и депутатом Национального собрания Франции. На примере спорта, в частности футбола, гость объясняет свое видение процессов глобализации:

(6) Jusqu'aux années 1970, ce qui domine à la FIFA, sous la présidence de l'Anglais Stanley Rous, c'est la géopolitique. Nous sommes en pleine guerre

froide et l'Europe a perdu ses colonies. Pas question que les pays du sud, ou de l'est, l'emportent sur le terrain de foot en plus! D'où une Coupe du monde truquée et raciste. Un seul pays africain est qualifié pour la compétition, et du coup, il le boycotte (La Marianne, 18.11.2022).

Находясь в срединной позиции, *et du coup* связывает две части предложения. С одной стороны, данный ДМ выступает как темпоральный (*tout à coup*), а, с другой – выражает удивление, непредсказуемость действий африканской страны. Сочетание с *et*, на наш взгляд, не только структурирует высказывание, но и усиливает эффект неожиданности. Итак, мы можем говорить о том, что ДМ *du coup* в данном случае относится к двум классификационным группам: ДМ-организаторы дискурса и ДМ-модальности.

Пример (7) взят из телевизионного интервью с Мариэттой Караманли – депутатом от социалистической партии Франции:

(7) Maintenant, je suis personnellement déçue mais ce que je retiens aussi, c'est que le parti a su organiser des primaires. Tout le monde annonçait que ça ne marcherait pas, qu'il n'y aurait pas d'électeur, qu'il n'y aurait pas de bénévole pour tenir les bureaux de vote. Donc du coup, avoir plus d'un million 800.000 de participation, c'est une dynamique (www.francebleu.fr).

ДМ *du coup* используется в сочетании с *donc* и стоит в начале предложения. Данный ДМ синонимичен в этом примере наречию *or*, обозначающему «на деле, фактически», вводящему информацию, противоположную изложенным до этого фактам. В сочетании с *donc*, обозначающем следствие/результат, данное противопоставление усиливается. Рассматривая в таком ключе, можно считать, что ДМ *du coup* в (7) выполняет структурирующую функцию и относится к ДМ-организаторам дискурса. Однако анализируя более широкий контекст, а также эмоции Мариэтт Караманли на экране, мы видим вначале разочарование последней (*je suis personnellement déçue...*), которое затем сменяется более оптимистичными высказываниями (...*c'est une dynamique*). Смена отрицательных фактов положительными происходит благодаря ДМ *du coup*, что позволяет нам рассматривать его как ДМ модальности. Иначе говоря, в примере (7) *donc du coup* выполняет смешанную функцию и относится к двум классификационным группам ДМ.

Обобщая данные анализа функций, выполняемых ДМ *du coup* и его коллокациями, можно говорить о том, что наиболее распространенной

функцией как в письменном ($\approx 49\%$), так и в устном медиадискурсе (61%), выступает структурирующая. Вторая по частотности функция – смешанная – в отличие от структурирующей функции, имеет приблизительно одинаковую частотность в обоих типах медиадискурса с небольшим преобладанием в устном ($\approx 33,5\%$ против $\approx 30\%$ в письменном). Наименее частотная функция – собственно модальная ($\approx 6\%$ в письменном медиадискурсе и $\approx 0,2\%$ в устном) – встречается чаще при использовании сочетаний *du coup* с другими маркерами. ДМ *du coup* в этой функции мы можем наблюдать только в письменном медиадискурсе в финальной позиции.

Обозначенные выше функции ДМ *du coup* обусловили классификационные группы, к которым может относиться анализируемый маркер, а именно: выполняя структурирующую функцию, *du coup* входит в группу ДМ-организаторов дискурса, модальную – ДМ модальности и, соответственно, в обе группы при реализации смешанной функции.

Заключение

Итак, проведенное исследование позволило установить, что ДМ *du coup* может быть использован как самостоятельный ДМ, так и в сочетании с другими ДМ в обоих типах медиадискурса. Однако частотность коллокаций и их вариативность несколько различаются. Наиболее часто встречающимися коллокациями можно считать *et du coup*, *mais du coup*, *donc du coup*, *et donc du coup*. Отметим также, что, согласно проанализированным нами примерам, данные коллокации зависят не только от типа медиадискурса, но и от положения в предложении – начального, срединного или финального.

Среди установленных нами функций ДМ *du coup* основной выступает функция структуризации дискурса, которая проявляется в обоих типах дискурса главным образом в выражении причинно-следственных отношений. Подчеркнем, что при выполнении этой функции ДМ не встречается в финальной позиции. Смешанная функция (структурющая + модальная) заключается чаще всего в сочетании выражения причинно-следственных отношений / функции привлечения адресата и выражения чувств и эмоций, отношения говорящего к ситуации и / или высказыванию. Данная функция проявляется как при использовании ДМ *du coup* самостоятельно, так и в сочетании с другими ДМ. В разных типах медиадискурса выражение этой функции обусловлено типом

коллокаций, а также частично ее местоположением. Реже всего ДМ *du coup*, в том числе в комбинациях с другими ДМ, выполняет собственно модальную функцию, которая также проявляется по-разному в разных типах дискурса и в различных позициях в предложении. Кроме того, мы можем утверждать, что функции ДМ *du coup* обусловливают его место в той или иной классификационной группе. Данный факт позволяет нам отнести ДМ *du coup* и его коллокации, выполняющие структурирующую функцию, к маркерам-организаторам дискурса, *du coup* в модальной функции – к ДМ модальности, в смешанной функции – к двум классификационным группам: ДМ-организаторам дискурса и ДМ модальности. Важно уточнить, что нами не было выявлено использования ДМ *du coup* как ДМ интеракции.

В заключение можно сказать, что выдвинутая нами гипотеза подтверждена частично, так как местоположение ДМ *du coup* влияет на функции ДМ, но не является определяющей. Основными факторами, влияющими на функции и, соответственно, на классификационную группу ДМ, являются, на наш взгляд, варианты коллокаций, а также тип медиадискурса.

В качестве перспективы дальнейших исследований мы видим изучение различных ДМ не только с функционально-прагматической точки зрения, но и с позиции гендерного анализа, а также с точки зрения когнитивистики. Интересным нам видится анализ функционирования ДМ на уровне не только макросинтаксиса, но и микросинтаксиса.

Библиографический список

1. Зализняк А. А. Опыт семантического анализа русских дискурсивных слов: пожалуй, никак, все-таки / А. А. Падучева, Е. В. Зализняк // Russian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 22. С. 628–652.
2. Зуева Е. С. Функции дискурсивных маркеров в устной диалогической речи (на примере французских уличных опросов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 13 (881). С. 30–36.
3. Иванов В. Д. Функции дискурсивных частиц в немецком языке. Москва: Прометей, 2024. 182 с.
4. Кулешова А. В. Дискурсивные маркеры как элементы французского письменного медиадискурса (на материале газетных статей) // Казанская наука. 2024. № 9. С. 307–309.
5. Миронова М. Ю. Динамика дискурсивных маркеров авторской позиции в англоязычной научной статье // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3–2 (54). С. 484–489.
6. Сереброва О. Ф. Дискурсивные маркеры, образованные от побудительных высказываний, в современном немецком языке: общие и специфические функции // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 3. С. 142–152.
7. Царенко Н. М. Дискурсивный маркер как один из показателей презентационно-интерактивного общения (на примере русскоязычного быти-влога) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 146–154.
8. Шилихина К. М. Дискурсивные эмфатические маркеры и особенности их функционирования в средневековом английском художественном дискурсе / К. М. Шилихина, А. В. Малюгина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 64–75.
9. Abouda L. L'émergence du marqueur métadiscursif du coup: de la conséquence à l'actualisation énonciative // Langages. 2022. № 226. P. 99–116.
10. Bosker H. R. Discourse Markers Activate Their, Like, Cohort Competitors / H. R. Bosker, E. Badaeva, M. Corley // Discourse Processes. 2021. № 58(9). P. 837–851.
11. Cadiot P. Pragmatics of prepositions: a study of the French connectives pour le coup and du coup / P. Cadiot, F. Lebas // Adpositions: Pragmatic, semantic and syntactic perspectives. John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 115–132.
12. Chady S.-K. Pratiques langagières et variabilité de marqueurs discursifs dans des interactions entre jeunes Mauriciens // Études créoles. 2021. № 38. URL: <http://journals.openedition.org/etudescreoles/345> (дата обращения: 22.04.2025).
13. Crible L. Emplois sous-spécifiés des marqueurs discursifs et / and à l'oral: stratégie (inter)subjective et variation en genre // Cahiers FoRELLIS – Formes et Représentations en Linguistique, Littérature et dans les arts de l'Image et de la Scène // Revue électronique. Traces de subjectivité et corpus multilingues., III. Les données des corpus comparables: comparaison des langues dans des genres ciblés. 2019. URL: <https://cahiersforell.edel.univ-poitiers.fr:443/cahiersforell/index.php?id=695> (дата обращения: 12.04.2025).
14. Dargnat M. Mais et associés / M. Dargnat, J. Jayez // Lexique. 2021. № 29 | –1. P. 211–228.
15. Delafontaine J. Unités grammaticales et particule discursive quoi // Studia linguistica romanica. 2020. № 4. P. 74–91.
16. Dostie G. Lexique, grammaire, discours: les marqueurs discursifs / G. Dostie, F. Lefevre. Paris: Honoré Champion éditeur, 2017. 480 p.
17. Lefevre F. Les marqueurs discursifs adverbaux résomptifs // Le Français innovant. 2020. URL: <https://shs.hal.science/halshs-03143412> (дата обращения: 17.04.2025)

18. Leone L. Multifunctionality of the discourse marker okay in spoken English: A sociolinguistic examination linked to age // *Studia Neophilologica*. 2023. № 8. P. 1–18.
19. Leuckert S. Discourse markers and world Englishes / S. Leuckert, S. Rüdiger // *World Englishes*. 2021. № 40. P. 482–487.
20. Luodonpää-Manni M. Les routines discursives dans le discours scientifique oral et écrit / M. Luodonpää-Manni, F. Grossman, A. Tutin. Grenoble: UGA Édition, 2022. 310 p.
21. Omisakin M. Discourse Markers, Coherence and Its Impact on Cognitive Interpretation of Texts / Omisakin M., Olofin L., Abobarin Adewale, Adesiyen F. // *International Journal of Literature, Language and Linguistics*. 2024. № 7. P. 28–37.
22. Paillard D. Scène énonciative et types de marqueurs discursifs // *Langages*. 2017. № 207. P. 17–32.
23. Rossari C. Du coup et les connecteurs de conséquence dans une perspective dynamique / C. Rossari, J. Jayez // *Lingvisticae Investigationes*. 2001. № 23. P. 303–326.
24. Ruswina P. P. Discourse Marker in the Tinker Bell Movie: Sociolinguistic Study / P. P. Ruswina, P. Sari // *Budapest International Research and Critics Institute-Journal (BIRCI-Journal)*. 2022. Vol 5. № 3. P. 18743–18749.
25. Stenkløv N. F. «Du coup»: un connecteur plus ou moins logique de l'argumentation orale // *Synergies Pays Scandinaves*. 2015. № 10. P. 11–22.
6. Serebrova O. F. Diskursivnye markery, obrazovанные от побудительных высказываний, в современном немецком языке: общие и специфические функции = Discourse markers formed from inductive utterances in modern German: general and specific functions // *Voprosy sovremennoj lingvistiki*. 2023. № 3. S. 142–152.
7. Carenko N. M. Diskursivnyj marker kak odin iz pokazatelej prezentacionno-interaktivnogo obshchenija (na primere russkojazychnogo b'juti-vloga) = Discursive marker as one of the indicators of presentational-interactive communication (the case of a Russian-language beauty vlog) // *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*. 2022. № 1 (28). S. 146–154.
8. Shilihina K. M. Diskursivnye jemfaticheskie markery i osobennosti ih funkcionirovaniya v srednevekovom anglijskom hudozhestvennom diskurse = Discursive emphatic markers and their specific functioning in medieval English literary discourse / K. M. Shilihina, A. V. Maljugina // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija*. 2023. № 1. S. 64–75.
9. Abouda L. L'émergence du marqueur métadiscursif du coup: de la conséquence à l'actualisation énonciative // *Langages*. 2022. № 226. P. 99–116.
10. Bosker H. R. Discourse Markers Activate Their, Like, Cohort Competitors / H. R. Bosker, E. Badaya, M. Corley // *Discourse Processes*. 2021. № 58(9). P. 837–851.
11. Cadiot P. Pragmatics of prepositions: a study of the French connectives pour le coup and du coup / P. Cadiot, F. Lebas // *Adpositions: Pragmatic, semantic and syntactic perspectives*. John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 115–132.
12. Chady S.-K. Pratiques langagières et variabilité de marqueurs discursifs dans des interactions entre jeunes Mauriciens // *Études créoles*. 2021. № 38. URL: <http://journals.openedition.org/etudescreoles/345> (data obrashchenija: 22.04.2025).
13. Crible L. Emplois sous-spécifiés des marqueurs discursifs et / and à l'oral: stratégie (inter)subjective et variation en genre» // *Cahiers FoRELLIS – Formes et Représentations en Linguistique, Littérature et dans les arts de l'Image et de la Scène* // *Revue électronique. Traces de subjectivité et corpus multilingues.*, III. Les données des corpus comparables: comparaison des langues dans des genres ciblés. 2019. URL: <https://cahiersforell.edel.univ-poitiers.fr/443/cahiersforell/index.php?id=695> (data obrashchenija: 12.04.2025).
14. Dargnat M. Mais et associés / M. Dargnat, J. Jayez // *Lexique*. 2021. № 29 | –1. P. 211–228.
15. Delafontaine J. Unités grammaticales et particule discursive quoi // *Studia linguistica romanica*. 2020. № 4. P. 74–91.
16. Dostie G. *Lexique, grammaire, discours: les marqueurs discursifs* / G. Dostie, F. Lefevre. Paris: Honoré Champion éditeur, 2017. 480 p.

17. Lefevre F. Les marqueurs discursifs adverbaux résomptifs // *Le Français innovant*. 2020. URL: <https://shs.hal.science/halshs-03143412> (data obrashhenija: 17.04.2025)
18. Leone L. Multifunctionality of the discourse marker *okay* in spoken English: A sociolinguistic examination linked to age // *Studia Neophilologica*. 2023. № 8. P. 1–18.
19. Leuckert S. Discourse markers and world Englishes / S. Leuckert, S. Rüdiger // *World Englishes*. 2021. № 40. P. 482–487.
20. Luodonpää-Manni M. Les routines discursives dans le discours scientifique oral et écrit / M. Luodonpää-Manni, F. Grossman, A. Tutin. Grenoble: UGA Édition, 2022. 310 p.
21. Omisakin M. Discourse Markers, Coherence and Its Impact on Cognitive Interpretation of Texts / Omisakin M., Olofin L., Abobarin Adewale, Adesiyan F. // *International Journal of Literature, Language and Linguistics*. 2024. № 7. P. 28–37.
22. Paillard D. Scène énonciative et types de marqueurs discursifs // *Langages*. 2017. № 207. P. 17–32.
23. Rossari C. Du coup et les connecteurs de conséquence dans une perspective dynamique / C. Rossari, J. Jayez // *Lingvisticae Investigationes*. 2001. № 23. P. 303–326.
24. Ruswina P. P. Discourse Marker in the Tinker Bell Movie: Sociolinguistic Study / P. P. Ruswina, P. Sari // *Budapest International Research and Critics Institute-Journal (BIRCI-Journal)*. 2022. Vol 5. № 3. P. 18743–18749.
25. Stenkløv N. F. «Du coup»: un connecteur plus ou moins logique de l'argumentation orale // *Synergies Pays Scandinaves*. 2015. № 10. P. 11–22.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 14.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 23.09.2025; approved after reviewing 14.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 81'23

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-135

EDN: BEPMCK

Проблема передачи интертекстуальных фигур при переводе с арабского на русский и английский языки (на материале произведения Джохи Аль-Харти «Дамы Луны»)

Екатерина Викторовна Середина

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, д. 14

seredina@bsuedu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9378-6633>

Аннотация. Перевод художественного произведения представляет собой сложную задачу для переводчиков. При художественном переводе важно не только передать значение слов и выражений, но и сохранить стиль автора, эмоциональную окраску оригинала и его образность. В данной статье рассматривается проблема перевода интертекстуальных элементов с арабского языка на русский и английский в романе оманской писательницы Джохи Аль-Харти «رُمَقْلَا تَادِيَسْلَل» («Дамы Луны»). Автор получила Международную Букеровскую премию в 2019 году за роман «Небесные тела» (англ. Celestial Bodies), опубликованный также на русском языке под тем же названием. Материалом исследования послужил роман «رُمَقْلَا تَادِيَسْلَل» и его переводы на русский и английский языки. Цель работы – выявление особенностей передачи культурно значимых элементов арабского мира в процессе перевода, отражающих ключевые социальные, политические и духовные трансформации в обществе и стране. В ходе исследования применялись контекстуальный и семантический анализ лексических единиц. Объектом исследования выступают интертекстуальные фигуры в романе – цитата и аллюзия, а предметом – процесс их передачи и презентации в переводах. Научная новизна работы заключается в классификации основных форм интертекстуальности в романе, а также в выявлении сходств и различий в их передаче в русском и английском переводах. Результаты исследования показывают, что интертекстуальные формы в переводах сохраняют авторский стиль и отражают культурно-исторические особенности Омана, однако реализуются по-разному в соответствии с синтаксическими и грамматическими нормами целевых языков.

Ключевые слова: Джоха Аль-Харти; Небесные тела; интертекстуальность в художественном тексте; аллюзия; цитата; художественный перевод; интертекстуальные фигуры

Для цитирования: Середина Е. В. Проблема передачи интертекстуальных фигур при переводе с арабского на русский и английский языки (на материале произведения Джохи Аль-Харти «Дамы Луны») // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 135–142. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-135>. <https://elibrary.ru/VERPMSK>

Original article

Conveying intertextual figures in translation from arabic into russian and english (based on Joha Al-Harti's novel Ladies of the Moon)

Ekaterina V. Seredina

Ekaterina V. Seredina
Candidate of philological sciences, associate professor, department of english philology and intercultural communication, Belgorod national research university. 308007, Belgorod, Studencheskaya str., 14.
seredina@bsuedu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9378-6633>

Abstract. Translating a work of fiction is a challenge to translators. When translating fiction, it is important not only to convey the meaning of words and expressions, but also to preserve the author's style, the emotional coloring of the original and its imagery. This article considers the issue of translating intertextual elements in the novel by the Omani writer Jokha Al-Harti «السيدات الـ قمر» (Ladies of the Moon) from arabic into russian and english. The author was awarded the International Booker Prize in 2019 for her novel Celestial Bodies, also published in russian under the same title. The material for the study is the novel «السيدات الـ قمر» and its translations into russian and english. The purpose of the paper is to identify the specifics of conveying culturally significant elements of the arabic world in translation,

including the features of the national mentality, the most important social, political, spiritual transformations in society and the country. The author uses contextual and semantic analysis of lexical units in the research. The object of the study is the intertextual figures in the novel – quotation and allusion, and the subject is how they are conveyed and represented in translations. The scientific novelty of the work lies in classifying the main forms of intertextuality in the novel, as well as in identifying similarities and differences in their translation into Russian and English. The results of the study show that intertextual forms in their translations preserve the author's style and reflect the cultural and historical features of Oman. However, they are realized differently according to the syntactic and grammatical norms of the target languages.

Key words: Jokha Al-Harti; Celestial Bodies; intertextuality in fiction text; allusion; citation; literary translation; intertextual figures

For citation: Seredina E. V. Conveying intertextual figures in translation from Arabic into Russian and English (based on Jokha Al-Harti's novel *Ladies of the Moon*. *Verhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik*. 2025;(4):135–142. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-135>. <https://elibrary.ru/BEPMCK>

Введение

Современное художественное произведение невозможно представить без авторских экспериментов с формой и содержанием. Совокупность художественных средств создает его многослойность и глубину, делая текст выразительным и актуальным для читателей. В связи с этим помимо традиционных категорий художественного текста, таких как связность, логичность, информативность, выделяют новые свойства текста, которые вызывают эмоциональный ответ читателя и создают дополнительные возможности для интерпретации. Одной из таких категорий, получивших широкую популярность в постмодернистской литературе, является интертекстуальность. Интертекстуальность – это способ изображения художественной действительности, который основан на взаимосвязи между различными текстами, при этом один текст влияет на другой, создавая новые смыслы и значения. Особого внимания заслуживает процесс передачи таких интертекстуальных элементов с одного языка на другой, поскольку «данные элементы могут усложнять работу переводчика. Их распознавание связано с объемом национальных фоновых знаний исходной культуры, которые включают в себя всю совокупность сведений культурного, исторического, географического и pragmaticального характера. Недостаток фоновых знаний может стать препятствием в адекватной передаче интертекстуализмов на другой язык» [Игнатович, 2011, с.180].

Роман оманской писательницы Джохи Аль-Харти «السيدات القمر» («Дамы Луны») повествует о жизни трех поколений через историю развития Омана. Книга полна описаний семейных обрядов, взаимоотношений в семье, культурных реалий, подчеркиваются роль религии в семье и обществе. По мнению В. Н. Зарытовской, «это своеобразное откровение, посып которого направлен не столько соотечественникам, сколько сторонним читателям

за рубежом, мало сведущим в истории и культуре Омана» [Зарытовская, 2020, с. 698].

Актуальность данного исследования обусловлена растущим интересом к проблемам художественного перевода, а именно поиску средств адекватной передачи авторского замысла с сохранением культурных и исторических особенностей оригинала. Расширение межкультурного взаимодействия возникает необходимость переводить значимые литературные произведения на другие языки, при этом важным аспектом перевода является передача особенностей, основанных на различиях в менталитете, мировоззрении и культурных кодах восточных и западных стран. Следовательно, возникает необходимость в определении успешных способов перевода, которые учитывают все факторы: как особенности языка-оригинала, так и нормы языка-переводчика. Для решения указанной проблемы были поставлены следующие задачи:

- отобрать и систематизировать предложения, содержащие интертекстуальные фигуры (цитаты и аллюзии), из оригинала романа;
- выявить способы передачи этих элементов в английском и русском переводах;
- провести сопоставительный анализ оригинала и переводов с целью оценки степени сохранения формы и содержания интертекстуальных элементов.

Материалом для исследования послужили:

1. Аль-Харти Джоха. Небесные тела. Перевод В. Зарытовской и Г. Калашникова. Москва: Эксмо, 2020.
2. Jokha Mohammed al-Harthi. Celestial bodies. Translated by Marilyn Booth, Catapult. Paper. 2010. https://oceanofpdf.com/Fetching_Resource.php.
3. جوحة الحرثي. سيدات القمر. دار الآداب. بيروت، ٢٠١٠. ٢٢٤ ص (Джоха Альхарти, Небесные тела. Издательство: Дар Аль-Адаб, Бейрут, Лт, Ливан, 2010).

В теоретической части исследования были использованы следующие методы: анализ литературы по теме, обобщение и описание. В практической части основными методами выступили контекстуальный и семантический анализ выделенных лексических единиц, а также сравнительно-сопоставительный анализ, позволяющий выявить различия в выборе средств передачи интертекстуальности в русском и английском переводах. Для отбора предложений применялся метод сплошной выборки на основе формальных признаков – таких как наличие кавычек, а также упоминание прецедентных имён (в качестве отсылок к историческим событиям, литературным произведениям и т. д.).

Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных лингвистов, литературоведов и культурологов, посвящённые проблеме интертекстуальности. Среди ключевых работ – исследования Ю. Кристевой (2013), М. М. Бахтина (1996), И. В. Арнольд (1989) и Г. К. Косикова (1998), внесших существенный вклад в формирование и развитие понятия интертекстуальности в лингвистике и литературоведении.

Кроме того, были учтены зарубежные исследования, посвящённые творчеству Джохи Аль-Харти. В основном они фокусируются на актуальных социальных проблемах современного арабского общества – в частности, на роли женщины и гендерных стереотипах [Jesna, 2023; Veetttil, Thakur, 2022; Yusoff, Mydin, 2022]. Среди отечественных работ особое внимание уделено описанию культурной и языковой специфики арабского мира. Так, В. Н. Зарытовская рассматривает роман Джохи Аль-Харти «Небесные тела» как яркий пример женской прозы Омана [Зарытовская, 2020], а Ю. Е. Власова анализирует отражение национальных обычаем и культурных традиций в её произведениях [Власова, 2021].

В ходе исследования использовались классификации видов интертекстуальности, предложенные В. П. Москвиным (2013) и Е. Н. Золотухиной (2008), а также концепции художественного перевода, разработанные М. Л. Гаспаровым (2002) и Я. И. Рецкером (1974). Важное значение имеют также работы, посвящённые передаче национально-культурной специфики в переводе [Филатова, 2024; Хэ, 2024; Передерий, 2025], в которых акцентируется внимание на культурных различиях между языками и особенностях их презентации в процессе перевода.

Интертекстуальность присутствует в любом художественном произведении. С одной стороны, интертекстуальные формы позволяют автору выстраивать связи между текстами и культурами. С другой – читатель воспринимает авторские идеи через образы, ассоциации и культурные коды. Как отмечает Н. Г. Каунова, «интертекст в художественном дискурсе предполагает выстраивание особого межтекстового пространства, в которое входит не каждый читатель, а только тот, кто распознаёт культурный код, используемый автором» [Каунова, 2015, с. 48].

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности использования его результатов при преподавании арабского, английского и русского языков, а также при разработке учебных курсов по теории и практике художественного перевода.

Обсуждение и результаты

Роман Джохи Аль-Харти (Сайидат аль-Камар) дословно «Дамы Луны» – не просто художественное произведение, но и этнографическое и психологическое исследование оманского общества, его традиций и образа жизни. Роман повествует историю трех женщин на фоне исторических и политических изменений в стране. Именно поэтому в тексте произведения важное место занимают интертекстуальные включения, которые помогают автору передать национальный колорит страны.

В свою очередь ключевая задача для переводчиков арабского текста заключается в выборе между «полностью сохранить интертекстуальный элемент в тексте перевода, то есть передать в самой ткани художественного произведения содержание, стилистику, интенции автора при выборе данного интертекстуализма, или, в обратном случае, определить, с помощью каких переводческих приемов возможно минимизировать смысловые потери» [Вербицкая, 2009, с. 10].

«Переводоведческий аспект теории интертекстуальности имеет две стороны. Поскольку мы трактуем перевод как синтез через анализ, то и интертекстуализмы должны рассматриваться с тех же позиций. При таком подходе на стадии анализа переводчик должен идентифицировать интертекстуальный элемент, найти прототекст, определить доминирующую функцию. На этой стадии перед переводчиком стоит задача максимально полного восприятия интертекстуализма и осознания его в системе исходного языка и исходной культуры» [Вербицкая, 2009, с. 11].

В связи с этим, первым условием понимания текста для переводчиков является выявление интертекстуальных элементов в произведении. Здесь необходимо отметить, что «различие Востока и Запада находят в самых разных областях: в мировоззрении, религии, культуре» [Петряков, 2017, с. 35]. Поэтому при переводе текстов, особенно с восточных языков на западные, основополагающим принципом при выборе стратегий перевода должен быть учёт и сохранение межкультурных различий.

Согласно А. В. Фёдорову, «полнота перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное формальное и стилистическое соответствие ему» [Федоров, 1983, с. 303]. Следовательно, при сравнении переводов главный фокус будет на соблюдении формальных признаков, учитывая факт передачи формы интертекстуального элемента (цитата, аллюзия) и доступности читателю.

Обратимся к оригиналу романа и выделим основные виды интертекстуальности: цитирование, текстовая аллюзия.

Цитирование представляет собой дословное воспроизведение чужого текста с указанием автора и \ или источника. «Писатель обращается к массовому читателю, а не избранныму и рассчитывает на то, что цитата будет узнана» [Каунова, 2015, с. 49].

Формальными признаками цитаты являются кавычки в тексте. В оригинале текста цитаты можно классифицировать по следующим признакам:

- дословная выдержка из священного писания (Корана);
- строки из лирических произведений;
- пословицы \ поговорки.

Обратимся к анализу каждого из представленных видов цитат. Первый вид цитат занимает важную часть в романе, что подтверждается ролью религии в обществе. Помимо открытого воспроизведения в речи героев священной книги, есть и завуалированные намеки, и ссылки на образы, ассоциативно отсылающие к Священному Писанию.

عن أبي هريرة رضي الله عنه قال: بينما رسول الله: اللهم في المسجد فقال: «يا عائشة ناوليني الثوب»، فقالت: إني حائض، فقال: «إن حيضتك ليست في يدك

[Аль-Харти, 2020, с. 43]

Английский вариант: Abu Hurayra, may God be pleased with him, recited: When the Messenger of God (may God's prayers and mercy be upon him) was praying, he said to his wife, Aisha, hand me my

robe. She said, But I am having my period. He said, That isn't your fault and it doesn't matter [Al-harti, 2018].

Русский вариант: «Абу-Хурайра, да будет доволен им Аллах, сказал: «Когда пророк, до помолимся за него Аллах и приветствует его, был в мечети, обратился к Айше: «Подай мне одежду!» – «Но я нечистая», – ответила она. «Это не в твоей власти», – сказал ей Пророк [Аль-Харти, 2020, с. 43].

Цитирование хадиса Корана (то есть слов и действий пророка Мухаммеда, которые касаются религиозно-правовых сторон жизни мусульман) является неоспоримым доказательством слов говорящего. Их использование можно объяснить значением религии в жизни общества.

В английском варианте при передаче прямой речи переводчица не использовала кавычки, что объясняется общим походом к переводу. Прямая речь в английском варианте представлена в форме несобственно-прямой речи, одним из распространённых стилистических приёмов в англоязычных текстах. Такая форма представления чужой речи не отвлекает читателя от содержания. Все знаменательные слова, существительные, глаголы и прилагательные переведены.

Лиست في يدك выражение переводится дословно «не в твоих руках». В английском и русском вариантах остается отрицательное предложение, но используется вариантное соответствие, что говорит о том, что в английском языке используется «it's not your fault», в русском – «не в твоей власти».

Переводы сохраняют форму диалога и передают дословно содержание высказывания. В английском варианте следует отметить, что такие цитаты выделяются на письме абзацем, отделенным от другого текста, а в русском с использованием кавычек.

Еще одним видом цитирования является воспроизведение лирических строк, которые помогают передать внутренний мир героя, чувства, переживания, настроение.

Оригинал:

اللهم خمر وغداً امر [Аль-Харти, 2020, с. 103].

Английский вариант:

Imru'l-Qays's words – al-yawmu khamrun wa-ghadan amrun – [Al-harti, 2018].

Русский вариант: слова Имру-аль-Кайса «Сегодня хмель, а завтра думы» [Аль-Харти, 2020, с. 132].

В русском варианте романа переводчица использовала аналоговый перевод. Следует отме-

тить, что все стихи и отрывки из лирических произведений переведены по правилам художественного, сохраняя тему, сюжет и наполнены средствами выразительности. «Обращение к лирике в художественном тексте помогает создать образ героя и передать основные эмоции текста. Художественный перевод лирического произведения помогает передать, а читателям понять эмоциональное состояние героя» [Середина, 2025].

В английском варианте выбран противоположный подход к переводу лирического текста. Мэрилин Бут использует транскрипцию с транслитерацией, что тоже помогает читателю «услышать» арабскую поэзию и почувствовать красоту языка. Другие виды лирических произведений, в оригинале присутствуют строки из знаменитых стихотворений, переведены с максимально полной (дословной) передачей содержания оригинала.

الحمار لما يشبع بروفس « يقول المتوفّض ...»
[Аль-Харти, 2010, с. 22]

Английский вариант: The proverb-spinner says: When the ass's belly is full of food, then and there he kicks you good [Al-harti, 2018].

Русский вариант: Народная мудрость гласит: «В сытости и ишак брыкаться станет» [Аль-Харти, 2020, с. 28].

Формальные признаки соблюдены в обоих переводах, есть указание на прецедентный текст. В английском варианте переводчица использовала транскрипцию с транслитерацией. Следует отметить, что в русском варианте, одна из героинь часто использует пословицы в своей речи. Ее пословицы в оригинале имеют разное лексическое наполнение, но смысл всегда один и то же. В. Н. Зарытovская переводит ее слова всегда одной и той же пословицей, хотя в оригинале и английском варианте, они представлены по-разному. Таким образом, переводчица дополняет речевой портрет героини, как отражение самобытности и культурной традиции.

«Пословицы и поговорки заключают в себе глубинные свойства и особенности национального характера, самобытность национальной души, высокую культуру мышления народа» [Закиров, 2010, с. 4].

Данная пословица показывает, что народная мудрость не зависит от народа или культуры, это мудрость, которая копилась веками и передавалась из поколения в поколение.

Всего в оригинале было найдено 50 цитирований, где основная часть принадлежит цитированию или ссылке на священное писание. Это объясняется в первую очередь ролью религии в жиз-

ни людей, а также каждый писатель стремится воссоздать реальную картину происходящего мира в своем произведении.

Ключевыми признаками при переводе цитаты, как интертекстуального элемента, мы считаем сохранение формальных признаков и приемы при передаче смысла цитат. Именно эти характеристики помогают читателю понять происхождение высказывания и раскрыть замысел автора.

Следующим важным интертекстуальным элементом в романе является текстовая аллюзия. Сложность понимания и анализа аллюзии в художественном тексте вызваны тем, что аллюзия в тексте создается согласно интенциям автора, а вся оставшаяся ситуация присутствует в тексте имплицитно. «Таким образом, распространенное в лингвистике определение аллюзии как «отсылки к определенным литературным, культурным и историческим фактам» является недостаточным для охвата всей значимости этого понятия. За «отсылкой» всегда стоит прецедентная ситуация, имя или феномен, которые могут относиться как к прошлому, так и к настоящему» [Сиренко, 2015, с. 354–365]. Следовательно, можно разграничивать аллюзию по «опознаваемым» элементам (маркерам), которые отсылают адресата к исходному тексту.

В романе можно выделить несколько видов маркеров, которые служат опознавательными элементами для дифференциации аллюзии:

- название / автор художественного произведения;
- имя художественного персонажа;
- место / дата события.

Оригинал:
هناك أيضًا ذلك الكتاب الأزرق المعنون بكلية ودمنة لبيدا
الفيلسوف الهندي تعرّيب عبد الله بن المتفق، طوله لا يزيد عن شبر
ويشبه دقّرًا صغيرًا من الدفاتر المدرسية، طبع بمطبعة مكتبة صادر
[في بيروت عام ١٩٢٧ ، تحدّب أسماء أن تقرأ منه هذا المقطع]
[Аль-Харти, 2010, с. 45].

Английский вариант: There was also the blue-spined book called Kalila and Dimna, the fables said to have been authored originally in Sanskrit by the Indian philosopher Bidpai, translated into Persian, and then translated into Arabic by the scholar Abdallah Ibn al-Muqaffa – a diminutive book no taller than a hand span, looking more like a little school notebook – printed at Sadir Press in Beirut in 1927 [Al-harti, 2018].

Русский вариант: Были еще индийская «Калила и Димна», грамматический анализ Абдуллы бен аль-Муккаффа от 1927 года бейрутского издательства, размером с ладонь и не толще школь-

ной тетрадки [Аль-Харти, 2020, с. 44].

Использование прецедентных имен в художественном произведении помогает автору достоверно создать портрет художественного персонажа. Одна из главных героинь, Асмаа, очень любит читать. В главах, где присутствует героиня, всегда есть упоминание о книге. В русском переводе текст сокращен, но есть комментарий, где указано, что книга состоит из басен и притч. В английском варианте находим дословный перевод с сохранением имен и дат.

«Датирование в художественном тексте как текстопостроительный прием может пониматься как максимально точное указание на время или как локализация во времени того или иного события, описываемого в тексте с определенной целью. Одной из таких целей может считаться именно приданье произведению черт реальности, его привязка к реальной действительности» [Пестова, 2018, с. 148].

كانت معاهدة السبب المبرمة عام ١٩٢٠ قد قسمت عمان إلى

عمان الداخل وتحكمها الإمامة وحكومة مسقط وبعض المناطق الساحلية التابعة لها وبحكمها السلطان المدعوم بالإنجليز

[Аль-Харти, 2010, с. 131]

Английский вариант: The Sib Treaty, signed in 1920, divided Oman into an interior ruled as an Imamate and a Government of Muscat that retained its traditional jurisdiction over much of the coastal plains. Muscat's Sultan was financed by the English [Al-harti, 2018].

Русский вариант: Соглашение в ас-Сибе, по которому Оман делился на внутренний Оман под управлением имама и Маскат с побережьем под властью султана, заручившегося поддержкой англичан, было подписано в 1920 году [Аль-Харти, 2020, с. 151].

Таким образом, в переводах сохранена важная фактологическая информация о периоде в истории и развитии страны.

Способы передачи интертекстуальных элементов у переводчиков в русском и английском вариантах имеют схожие черты, что можно объяснить принадлежностью к индоевропейским языкам, которые имеют общие корни и в культуре. Различие в подходах к переводу не отражаются на смысловой картине произведения, но определяются разными грамматическими особенностями языка.

Цитаты из священной книги, как в русском, так и в английском вариантах стремятся к максимальному сохранению структуры и смысла высказываний.

К цитатам из Бут при переводе чаще использовала транскрипцию и транслитерацию лирических произведений, у переводчиков абсолютно разные подходы. В русском языке В. Н. Зарытовская использовала аналоговый перевод, чтобы быть доступно и понятно объяснить то или иное высказывание.

Аллюзии в русском и английском вариантах содержат все необходимые опознаваемые компоненты, при этом в русском варианте встречается лингвострановедческий комментарий для погружения в мир культуры и истории.

Заключение

По результатам исследования можно сделать следующие **выводы**:

Интертекстуальные элементы в романе, представленные цитатой и аллюзией, помогают создать многослойность и разнообразие идейно-художественного пространства в произведении.

В переводах присутствует каждая из представленных форм интерсексуальности, но подвергается изменениям на синтаксическом и лексическом уровнях согласно правилам и нормам языка.

Сопоставительный анализ переводов показал различие в подходах к переводу интертекстуальных элементов, но эти различия не вносят существенных изменений в авторский замысел и самое главное, не нарушают национальной специфики романа, а наоборот представляют культурные особенности страны в доступной для читателя форме. Таким образом, формы интертекстуальности поняты как русскоговорящей, так и англоговорящей аудитории.

В данной работе мы провели анализ интертекстуальных элементов в произведении Джохи Аль-Харти «Небесные тела» и их отражение в переводах на русском и английском языках. В дальнейших исследованиях мы планируем обратиться к более подробному изучению передачи реалий и других прецедентных текстов с арабского на английский и русский языки. Перспективу своего исследования мы видим в преодолении трудностей при передаче особенностей художественного текста, которые несут важные культурные смыслы, и адаптации их на языки с разными типами культур.

Библиографический список

1. Аль-Харти Джоха. Небесные тела = Celestial bodies / пер. В. Зарытовской и Г. Калашникова. Москва : Эксмо, 2020.
2. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 1999.

3. Бахтин М. М. К философским основам гуманистических наук // Собрание сочинений: [в 7 томах]. Москва : Русские словари, 1996. Т. 5.

4. Вербицкая М. В. Проблема перевода интертекстуальных элементов: категориальный подход // Вестник Московского университета. 2009.

5. Власова Ю. Е. Обычаи традиции султаната Оман и их отражение в романе Джохи Аль-Харти «Небесные тела» // Филология: научные исследования. 2021. №11.

6. Гаспаров М. Л. Литературный интертекст и языковой интертекст // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 4.

7. Закиров Р.Р. Воспитательный потенциал пословиц арабского и татарского языков: хрестоматия. Казань : ИД «МедДоК», 2020.

8. Зарытовская В. Н., Аль-рахби А. М. Женские образы на историческом фоне: победа оманской писательницы Джохи аль-Харти в The Man Booker International Prize – 2019 // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2020. №4.

9. Зейферт Е. И. Интертекстуальная и переводческая вторичная вненаходимость автора // Вестник Московского университета. 2024. № 1.

10. Золотухина Е. Н. Интертекстуальность в современном русском языке // Русский язык в школе. 2008. № 5.

11. Игнатович М. В. Перевод культурноспецифичных интертекстуальных включений: телео-аксиологический подход (на материале романов Терри Пратчетта) // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2011. №2.

12. Каунова Е. В. Особенности реализации цитаты как фигуры интертекста в художественном дискурсе // Ученый XXI века. 2015. № 12 (13).

13. Косиков Г. К. От структурализма к постструктурализму: (проблемы методологии). Москва : Рудомино, 1998.

14. Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семанализму / пер. с фр. Е. А. Орловой. Москва : Академический проект, 2013.

15. Линниченко С. И. Способы художественной когниции поэтов американского постмодерна // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 12.

16. Москвин В. П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. 2-е изд.. Москва : ЛиброКом, 2013.

17. Передерий С. Н., Трофименко А. А. Особенности перевода просторечной лексики сказки в стихах Л. А. Филатова «про Федота-Стрельца, удалого молодца» на английский язык // МНКО. 2025. №1 (110).

18. Пестова Е. В. Датирование события как тексто-построительный приём (на материале англоязычных художественных текстов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №10-1 (88).

19. Петряков Л. Д. Единство и различие в мышлении востока и запада // Вестник ИвГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 2.

20. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Москва : Международные отношения, 1974.

21. Середина Е. В. Лингвокультурная адаптация произведения Джохи Аль-Харти «Небесные тела» на английский и русский языки. Белгород, 2025.

22. Сиренко Т. С. Стилистический аспект аллюзии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №1.

23. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы. Москва : Высшая школа, 1983.

24. Филатова Г. А. «Неизвестные» цитаты в романе р. Желязны «Creatures of Light and Darkness» как проблема переводческой интерпретации // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2024. № 1.

25. Хэ Ю., Лю Л. Сопоставительный анализ китайского и русского перевода иноязычных эмпоронимов в рамках лингвистики // Russian Linguistic Bulletin. 2024. №2 (50).

26. Jesna J. The Dynamics of Gendered Spaces in Jokha Alharthi's Celestial Bodies. New Literaria. 2023. 04. 09-16.

27. Jokha. Mohammed al-Harthi Celestial bodies. Translated by Marilyn Booth, Catapult. Paper. 2010.

28. Veettil R. P. The «halawatification» of English in Jokha Alharthi's Celestial Bodies: A stylistic analysis. Journal of critical reviews, 2020. 7 (3). P. 389–392.

29. Yusoff R., Mydin R. Moulding Lives, Shaping Destinies: Motherhood and Nation in Celestial Bodies by Jokha Alharthi and A Golden Age by Tahmima Anam. Journal of Language Studies. 2022. 22(3). P. 196–212.

رُوت، يُبَّ. الْأَدَابُ دَارُ الْأَهْرَارِيِّ وَخَدَّ. ٢٠١٠ ٢٢٤ (Джоха Альхарти, Небесные тела. Издательство: Дар Аль-Адаб, Бейрут, Лт, Ливан, 2010).

Reference list

 1. Al'-Harti Dzhoha. Nebesnye tela = Celestial bodies / per. V. Zarytovskoj i G. Kalashnikova. Москва : Jeksмо, 2020.
 2. Arnol'd I. V. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost' = Semantics. Stylistics. Intertextuality. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 1999.
 3. Bahtin M. M. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk = Towards a philosophical basis for the humanities // Sobranie sochinenij : [v 7 tomah]. Москва : Russkie slovári, 1996. T. 5.
 4. Verbickaja M. V. Problema perevoda intertekstual'nyh jelementov: kategorial'nyj podhod = The problem of translating intertextual elements: a categorial approach // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2009.
 5. Vlasova Ju. E. Obychaj tradicij sultanata Oman i ih otrazhenie v romane Dzhohi Al'-Harti «Nebesnye tela» = Customs and traditions of the Omani Sultanate and their reflection in Joha Al-Harti's novel Heavenly Bodies // Filologija: nauchnye issledovaniya. 2021. №11.
 6. Gasparov M. L. Literaturnyj intertekst i jazykovoj intertekst = Literary intertext and linguistic intertext // Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka. 2002. T. 61. № 4.
 7. Zakirov R. R. Vospitatel'nyj potencial poslovic arabskogo i tatarskogo jazykov = Educational potential of

- proverbs in Arabic and Tatar languages: hrestomatija. Kazan': ID «MeDDoK», 2020.
8. Zarytovskaja V. N., Al'-rahbi A. M. Zhenskie obrazy na istoricheskem fone: pobeda omanskoy pisatel'nicy Dzhohi al'-Harti v The Man Booker International Prize – 2019 = Female characters against a historical backdrop: Omani writer Joha Al Harthy wins The Man Booker International Prize – 2019 // Vestnik RUDN. Serija: Literaturovedenie, zhurnalistika. 2020. №4.
9. Zejfert E. I. Intertekstual'naja i perevodcheskaja vtorichnaja vneshnost' avtora = Intertextual and translational secondary authorial outsideness // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2024. № 1.
10. Zolotuhina E. N. Intertekstual'nost' v sovremenном russkom jazyke = Intertextuality in the modern Russian language // Russkij jazyk v shkole. 2008. № 5.
11. Ignatovich M. V. Perevod kul'turnospecifichnyh intertekstual'nyh vkljuchenij: teleo-aksiologicheskij podhod (na materiale romanov Terri Pratchetta) = Translating culturally specific intertextual inclusions: a teleo-axiological approach (based on Terry Pratchett's novels) // Uchjonye zapiski ZabGU. Serija: Filologija, istorija, vostokovedenie. 2011. №2.
12. Kaunova E. V. Osobennosti realizacii citaty kak figury interteksta v hudozhestvennom diskurse = Features of realizing the quotation as a figure of intertext in literary discourse // Uchenyj XXI veka. 2015. № 12 (13).
13. Kosikov G. K. Ot strukturalizma k poststrukturalizmu: (problemy metodologii) = From structuralism to poststructuralism: (methodological problems). Moskva : Rudomino, 1998.
14. Kristeva Ju. Semiotika: Issledovaniya po semanalizu = Semiotics: Studies in seme analysis / per. s fr. E. A. Orlovoj. Moskva : Akademicheskij proekt. 2013.
15. Linnichenko S. I. Sposoby hudozhestvennoj kognicii pojetov amerikanskogo postmoderna = Ways of creative cognition of American postmodern poets // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. № 12.
16. Moskvin V. P. Intertekstual'nost': Ponjatijnyj apparat. Figury, zhanry, stili = Intertextuality: Conceptual apparatus. Figures, genres, styles. 2-e izd. Moskva : Librokom, 2013.
17. Perederij S. N., Trofimenco A. A. Osobennosti perevoda prostorechnoj leksiki skazki v stihah L. A. Filatova «pro Fedota-Strel'ca, udalogo molodca» na anglijskij jazyk = Specifics of translating into English the slang lexicon of L. A. Filatov's fairy tale in verse The Tale of Fedot the Strelets, the Brave Young Man // MNKO. 2025. №1 (110).
18. Pestova E. V. Datirovaniye sobytija kak tekstopostroitel'nyj prijom (na materiale anglojazychnyh hudozhestvennyh tekstov) = Dating an event as a text-building technique in English fiction texts // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. №10-1 (88).
19. Petrjakov L. D. Edinstvo i razlichie v myshlenii vostoka i zapada = Unity and difference in the mindset of the East and West // Vestnik IvGU. Serija: Gumanitarnye nauki. 2017. № 2.
20. Recker Ja. I. Teorija perevoda i perevodcheskaja praktika = Translation theory and translation practice. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1974.
21. Seredina E. V. Lingvokul'turnaja adaptacija proizvedenija Dzhohi Al'-Harti «Nebesnye tela» na anglijskij i russkij jazyki = Linguocultural adaptation of Joha Al-Harti's novel «Heavenly Bodies» into English and Russian. Belgorod, 2025.
22. Sirenko T. S. Stilisticheskij aspekt alljuzii = Stylistic aspect of allusion // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshhestvennye nauki. 2015. №1.
23. Fjodorov A. V. Osnovy obshhej teorii perevoda: lingvisticheskie problemy = Foundations of the general translation theory: linguistic problems. Moskva : Vysshaja shkola, 1983.
24. Filatova G. A. «Neizvestnye» citaty v romane r. Zheljazny «Creatures of Light and Darkness» kak problema perevodcheskoj interpretacii = «Unknown» quotations in R. Zelazny's novel «Creatures of Light and Darkness» as a problem of translation interpretation // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 22. Teorija perevoda. 2024. № 1.
25. Hje Ju., Lju L. Sopostavitel'nyj analiz kitajskogo i russkogo perevoda inoziyachnyh jemporonimov v ramkah lingvistiki = Comparative analysis of Chinese and Russian translations of foreign emporonyms within the framework of linguistics // Russian Linguistic Bulletin. 2024. №2 (50).
26. Jesna J. The Dynamics of Gendered Spaces in Jokha Alharthi's Celestial Bodies. New Literaria. 2023. 04, 09-16.
27. Jokha. Mohammed al-Harthi Celestial bodies. Translated by Marilyn Booth, Catapult. Paper. 2010.
28. Veettil R. P. The «halawification» of English in Jokha Alharthi's Celestial Bodies: A stylistic analysis. Journal of critical reviews, 2020. 7 (3). R. 389–392.
29. Yusoff R., Mydin R. Moulding Lives, Shaping Destinies: Motherhood and Nation in Celestial Bodies by Jokha Alharthi and A Golden Age by Tahmima Anam. Journal of Language Studies. 2022. 22(3). R. 196–212.
٢٠١٠. روتى جى. دار الآداب. ب داتى و خة لا حارثى. ص ٢٢٤ (Dzhoha Al'harti, Nebesnye tela, Izdatel'stvo: Dar Al'-Adab, Bejrut, Lt, Livan, 2010)..

Статья поступила в редакцию 28.09.2025; одобрена после рецензирования 19.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 28.09.2025; approved after reviewing 19.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 811.1/.8

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-143

EDN: BLGXOT

Коммуникативная репрезентация безразличия (на примере словосочетания «ноль эмоций»)

Алексей Андреевич Штеба

Кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. 400066, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, д. 27
alexchteba@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0067-8204>

Аннотация. Цель исследования – рассмотреть один из аспектов нечеткой эмотивности, под которой предлагается понимать совокупность средств экспликации эмоций, выходящих за сформулированные в эмотиологии пределы, а именно реализацию формально эксплицируемого безразличия через выражение ноль эмоций, проследить за коммуникативной реализацией данного эмоционального состояния. Для достижения цели использовались специальные лингвистические методы контекстуального, дистрибутивного и дискурс-анализа, позволяющие наблюдать за близким и дальним контекстами реализации анализируемого словосочетания. Любое знаковое образование не существует вне контекста, который конкретизирует семантику и создает ее. Контекст есть не только лексическое окружение слова, но и говорящий, вкладывающий определенное эмоционально-смысловое содержание в слова, которые функционируют в тексте. Показано, что словосочетание «ноль эмоций», представляющее собой знак деэмоционализации дискурса, является следствием характерной для современной коммуникативной среды сверхэмоционализации коммуникативного поведения, когда возникающее безразличие есть результат перенасыщения эмоциями, что анализируется через явление смежности бинарных оппозиций, характерных для языка и коммуникации. Словосочетание «ноль эмоций» вбирает в себя два коммуникативных намерения говорящего: рационализировать свои чувства и эксплицировать эмоциональное состояние. Функционирование словосочетания ноль эмоций показано на материале естественной и художественно моделируемой коммуникации. Словосочетание «ноль эмоций» представляет собой не отрицание эмоций, а совокупность эмоций, которые имеют определенный оценочный знак (положительный или отрицательный). Высказано предположение, что изменение последовательности элементов в словосочетании «ноль эмоций» используется в коммуникации для указания на эмоциональное состояние, активность которого настолько высока, что конвенциональные средства экспликации эмоций недостаточны.

Ключевые слова: эмотивность; нечеткая эмотивность; нечеткое множество; девербализация; десемантизация; деэмоционализация; сверхэмоционализация

Для цитирования: Штеба А. А. Коммуникативная репрезентация безразличия (на примере словосочетания «ноль эмоций») // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 143–150. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-143>. <https://elibrary.ru/BLGXOT>

Original article

Communicative representation of indifference (the example of the phrase «zero emotions»)

Alexei A. Shteba

Candidate of philological sciences, associate professor, department of romance philology, Volgograd state pedagogical university. 400066, Volgograd, V. I. Lenin avenue, 27
alexchteba@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0067-8204>

Abstract. The aim of the study is to examine one of the aspects of vague emotivity, which is understood as a set of means for expressing emotions that go beyond the boundaries defined in emotion studies, namely, the realization of formally explicated indifference through the expression ‘zero emotions’, and to observe the communicative realization of this emotional state. To achieve the goal, the author uses specialist linguistic methods of contextual, distributive and discourse analysis, which help to observe the near and far contexts with the phrase under study. Any semantic entity does not exist outside the context that concretizes and creates the meaning. The context is not only the lexical environment of the word, but also the speaker, who puts a certain emotional and semantic content into the words

functioning in the text. It is shown that ‘zero emotions’, which is a sign of discourse de-emotionalization, is a consequence of the over-emotionalization of communicative behavior in the modern communicative environment, when the arising indifference is the result of emotional oversaturation, which is analyzed through the phenomenon of binary opposition adjacency characteristic of language and communication. The phrase ‘zero emotions’ captures the speakers’ two communicative intentions: to rationalize their feelings and to explicate their emotional state. The phrase ‘zero emotions’ functioning is shown on the basis of natural and fictional modeled communication. ‘Zero emotions’ does not represent the negation of emotions, but a combination of emotions that have a certain evaluative sign (positive or negative). The author suggests that change in the sequence of elements in the word combination zero emotions is used in communication to indicate an emotional state, which is so intense that conventional means of expressing emotions are insufficient.

Key words: emotivity; vague emotivity; fuzzy set; deverbalization; desemantization; de-emotionalization; over-emotionalization

For citation: Shteba A. A. Communicative representation of indifference (the example of the phrase «zero emotions»). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(4):143–150. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-143>. <https://elibrary.ru/BLGXOT>

Введение

Нечеткая эмотивность представляет собой парадигму, в которую включены все средства выражения, номинации и экспликации эмоциональных переживаний, которые не входят как самостоятельный элемент в конвенциональную типологию эмотивов в соответствии с положениями эмотиологии, которая разделяет эмотивную лексику на три класса: аффективы, коннотативы и потенциативы. Понятие нечеткой эмотивности (fuzzy emotiveness) является попыткой упорядочить «ненормативные» приемы экспликации эмоций, которые появляются как ответ на несовершенство языка в категоризации мира.

В концепции нечетких множеств применительно понятие взаимозависимого возникновения, при котором каждое звено цепи обусловлено остальными звеньями, а модель человеческой жизни можно представить как «непрекращающееся, циклически повторяющееся стремление закрепить опыт в фиксированном и постоянном „я“» [Варела, Томпсон, Рош, 2023, с. 233]. Используя образное сравнение Л. А. Заде, лингвистическая переменная представляет собой «саквояж с жесткими стенками и прикрепленным к нему ярлыком» [Заде, 1976, с. 18]: при помещении объекта в переменную он приобретает определенное значение, множество предметов, допустимых для помещения внутрь переменной подмножеств – значение переменной. Применение к эмотивности понятия нечетких множеств позволяет выделить два подвида: четкая и нечеткая эмотивность при условии, что эти переменные является не сепаральными (по Л. А. Заде), а взаимодействующими и пересекающимися, что нетрудно подтвердить примерами мены конвенциональными эмотивами их оценочной и узульной эмоционально-смысловой составляющих.

М. К. Мамардашвили указывал, что намерение справедливости есть одно, а справедливость – другое [Мамардашвили, 2023, с. 24]. Транспонирование данного утверждения в сферу эмотивной лингвистики позволяет с уверенностью заявлять о том, что любая попытка вербальной систематизации некоторого материала приблизительна и онтологически не может являться истинностной. Проблема нечетких множеств соответствует сложности, через которую понимаются природа, человек, общество, мир, коммуникация. Человек – событие сложного мира, он ковалюционирует совместно с природой [Терентьева, 2015]. Усложнение общества ведет к усложнению его социальной организации, а также кодов, используемых членами общества. Поэтому коммуникация как средство взаимодействия между представителями усложненного общества становится более сложной (увеличение альтернативных форм и каналов общения, включение в привычные коды общения дополнительных семиотических образований, наделение привычных знаков новыми функциями, рост доли имплицитного как фактора успешной коммуникации и пр.), скорость общения растет, что также требует затраты больших усилий. Эти факторы указывают на нелинейность мира, в котором растет вероятность наступления маловероятных событий [Князева, 2016, с. 6].

Усложнение окружающей действительности приводит к усложнению мышления и создает новые средства объективации данной сложности. Это усложнение осуществляется на фоне кажущегося упрощения, что выражается, например, в уменьшении способов эмоционального реагирования на стимул, клиповости средств выражения эмоций, превалировании междометных реакций над сложными приемами экспликации эмоций.

Переизбыток эмоций каутирует их исчезновение, когда сверхнасыщение превращается в недостаточность. Попытки создать все более и более экспрессивные средства обозначения некоторого объекта по сравнению с уже имеющимися для интенсификации, например, отрицательного эмоционального отношения, имеют два предвосхищаемых следствия: с одной стороны, торможение экспрессивной номинации по причине субъективно ощущаемого исчерпания морфологических, лексических, грамматических ресурсов, а, с другой – нейтрализация ранее созданных номинаций.

Любой объект окружающей действительности (объективной или фикциональной) всегда связан с контекстом. Как отмечает С. Г. Золян, любая лексическая единица может выражать потенциально бесконечное множество различных значений, где смысл равно функция от текста и контекста [Золян, 2024, с. 208]. Отметим, что сопряжение тесности человека с окружающим миром представляет движение эволюции, а человек всегда остается ограниченным проложенным им самим путем (к примеру, органами перцепции). Однако предельной точки опоры, предопределяющей направление, глубину, особенности взаимодействия со средой не существует; организм и среда окружают, проникают друг в друга и происходят друг из друга в замкнутом круге жизни [Варела, Томпсон, Рош, 2023, с. 372–375].

Среда (*Umgebung*) постоянно взаимодействует с находящимся в ней объектом. Особенности данной среды отражаются на свойствах объекта. Пребывание элемента в отрицательной среде актуализирует в нем отрицательные валентности и наоборот (подражание, ненамеренная мимикрия и т. п.). Человек, помещенный в гиперэмоциональную среду жизни, также начинает реагировать эмоционально и гиперэмоционально вплоть до безразличия, нейтральности, деэмоционализации поведения, производной от чрезмерной эмоциональности.

Материал, методы, методология исследования

В рамках рассматриваемой проблемы эмоционализации VS гиперэмоционализации VS деэмоционализации коммуникативного взаимодействия интерес привлекает словосочетание *ноль эмоций* (усеченная форма от выражения *ноль эмоций*, *фунт презрения*). В словосочетании объединяются два измерения: логическое и субъективное: слово существует в множественности потенциальных смыслов как семантическая суперпозиция,

когда одна интерпретация семантики накладывается и сочетается с другой [Золян, 2024, с. 270].

Материалом исследования выступают контексты, актуализирующие и объективирующую семантические границы словосочетания *ноль эмоций*, представленные в Национальном корпусе русского языка, а также на открытых площадках поэтических, юмористических текстов и в публикациях пользователей «Живого журнала».

Одной из базовых характеристик эмоций является их двойственность и амбивалентность. Бинарные оппозиции представляют единое неразделимое целое, в котором один полюс условной шкалы предполагает другой и невозможен без него. Смежность бинарных оппозиций ярко проявляется, например, при анализе особенностей ассоциативных реакций на некоторый стимул, когда одной из наиболее частотных реакций на положительно оценочный стимул выступает отрицательно оценочное контрапорное понятие (диады любовь и ненависть, друг и враг). Целесообразным представляется рассматривать явление деэмоционализации через аналогичный эффект смежности, при котором избыточная эмоциональность предполагает потерю эмоциональности; интенсификация эмоционального ощущается как «прощание с эмоциями», катарсис в себе и для себя, а нейтрализация эмоций происходит из их переизбытка. Аналогиейказанному выступает десемантизация слова как предел его семантического развития [Гак, 2003]. При этом десемантизация предполагает не только утрату семантики, но она запускает способствующую зарождению новых слов метафоризацию референта [Валеев, 2024, с. 13].

Отсутствие эмоций становится значимым, будучи показателем актуальных общественных тенденций девербализации, десемантизации и деэмоционализации общения:

Всему удивляться, конечно, глупо, а ничему не удивляться гораздо красивее и почему-то признаю за хороший тон. Но вряд ли так в сущности. По-моему, ничему не удивляться гораздо глупее, чем всему удивляться. Да и кроме того: ничему не удивляться почти то же, что ничего не уважать. Да глупый человек и не может уважать.

Достоевский Ф. М. «Бобок»

Проблема девербализации и смежных явлений становилась объектом самостоятельных исследований [например, Клушина, 2013; Карасик, 2010; Кокошкина, 2011; Панкина, 2012]. Е. И. Морозова анализирует девербализацию через опосредован-

ное интернет-общение и выделяет следующие признаки представления информации в социальных сетях: сокращение времени на изучение, фокус на визуальное восприятие, сокращение и прерывистость сообщений [Морозова, 2016, с. 65–66], а восприятие ленты новостей превратилось в нечто хаотичное, лишенное структуры. Под девербализацией Н. И. Клушина [Клушина, 2014] предлагается видеть не только угрозу в виде примитивизации речи и возвращения к пещерному типу общения, но вызов медиапространства на пути усложнения через упрощение форм подачи информации. Говоря о девербализации эмоций, цитируемый автор обращает внимание не на отсутствие эмоций, их малость, а на невыразимость, неуловимость (по причине усложнения) эмоциональных переживаний / состояний. В своем исследовании В. А. Буряковская под девербализацией предлагает понимать сокращение лексического разнообразия, стилистическую ограниченность, слепое следование языковой моде [Буряковская, 2015].

Заметим, что эмоции выступают мотивационной основой сознания, а потеря эмоций предполагает немотивированную и / или недеятельностную (по причине отсутствия мотивации) активность человека; интенция производна от мотивации, без которой действия прекращают быть намеренными, превращаются в реактивные, автоматические.

Язык отражает отсутствие эмоций по-особенному, поскольку отсутствие эмоций не равно нейтральность; но и нейтральность обладает амбивалентным потенциалом на позитивизацию и негативизацию общения (ср. далее пример эмотивного приращения семантики нейтрального слова *миндаль*). Значимое отсутствие эмоций – знак, к декодированию которого слушающий приглашается, поскольку слово не несет определенный смысл, а говорящий вкладывает его в слово [Золян, 2024, с. 183].

Результаты исследования

Ноль не является числительным, но обладает количественной семантикой, поэтому его использование применительно к слову *эмоция* указывает на попытку говорящего искусственно рационализировать свои эмоциональные переживания, которые остаются имманентно нечеткими, то есть задать эмоциональные векторы интерпретации эмоциональных переживаний. Кроме того, *ноль эмоций* – это символ, включающий в себя попытку индивида взять эмоции под контроль: эмоции помещаются в стилистически сниженную форму

выражения по аналогии с *ноль проблем, ноль внимания* и пр. (возможная калька английского *zero killed*, возможно, ставшего основой для междометия *ок*):

– *Извините, у нас места немного дальше. Не позволите ли вы нам пройти?*

Человек – ноль внимания. Они опять:

– *Молодой человек, вы нам мешаете пройти, если вы не уберете ноги – мы будем вынуждены позвать администратора.*

Ноль эмоций

(<https://www.anekdot.ru/id/389421/>).

Ноль эмоций выступает знаком безразличия, нейтральности, отсутствия эмоций или их класса (отрицательных или положительных). Данное выражение обнаруживает ряд категориальных особенностей эмоционального. Среди последних следует выделить их кластерность, пучкообразность, когда эмоции всегда переживаются комплексом с более или менее выраженным ядром, центром, доминантой:

Просто ноль эмоций, когда я в тот же момент разрывалась от их огромного множества.

(*Sofi Kiefer, Когда умеешь управлять людьми..., 2020*)

Количественное ограничение семантики слова *эмоция* не является типичным для лексической сочетаемости (ср.: *он испытывал три эмоции, пять эмоций...*), если речь не идет о научном дискурсе; подобные контексты объединения числительного и эмоций указывают на попытку человека выделить переживаемые им доминантные эмоции для собеседника, тем самым расположить коммуникативного партнера к взаимодействию внутри заданных эмоциональных векторов. Числительные отсылают к миру логики и анализа, а эмоции относятся к сфере чувственного опыта и синтеза, то есть происходит объединение двух измерений в форме рационализации эмоций.

Сочетаемость словосочетания *ноль эмоций* показывает, что состояние, номинированное данным способом, является повторяемым, привычным:

Или вот статейка о продюсере из Ливерпуля, который купил палаццо в Италии, – и опять: ноль эмоций

(*Сычева Л. А. Уже и больные замуж повыходили.*)

И вновь в пути... и что интересно, дикая неожидать на меня, опять ноль эмоций и это, если честно, очень радует.

(*Юрий Москаленко, Путь одарённого. Ученик мага. Книга третья. Часть первая, 2020*)

А. А. Штеба

– Красивая фотография, ты хорошо получаешься на снимках, но нет, это не я положил эту фотографию тебе на машину, – по-прежнему ноль эмоций.

(Юлия Леонович, Легенда белой голубки.
Книга I)

В препозиции данного словосочетания рекуррентно располагается эмоционально маркированный элемент, отсылающий либо к конкретному эмоциональному переживанию / состоянию, либо к эмоциогенной ситуации, то есть ноль эмоций представляет реакцию на эмотив-стимул:

Но она на их ухаживания ноль эмоций, а обратила внимание на кума Петра (он, когда морда у него не побитая, очень даже интересно смотрится)

(Сычева Л. А. Вдвоем).

Как она его не устыжала, он ноль эмоций: «Я сказал, не вернусь к тебе, и всё тут!»

(Сычева Л. А. Уже и больные замуж повыходили).

В концепции лингвистики эмоций эмотив-реакция не только каутируется, но и предопределется эмотивом-стимулом, например, положительный эмотив-стимул и положительный эмотив-реакция. Но данная схема (положительный ли отрицательный эмотив-стимул – нейтральная реакция) усложняет систему сочетаемости эмотивных знаков своей нейтральностью; нейтральность становится эмотивной, занимает место эмотивно маркированной реакции.

Тем не менее, ноль эмоций чаще становится ответом на отрицательный стимул, что представляет собой форму подавления (митигации) агрессивной деструктивной тональности общения:

Как выяснилось, мать он вообще не слушает, она орет на него, а он – ноль эмоций

(Форум на eva.ru).

Ноль эмоций может быть узуальным настолько, что превращается в черту характера:

Ей достался интроверт... Ноль эмоций, горстка слов

actstudio 2014-08-09 06:15:21

А внешне ноль эмоций оценивается не только отрицательно, но положительно:

Ты знаешь, почему я не пишу?

А нынче – ноль эмоций, не пишу, не трогает ничто и слава Богу,... бы между и вышла на реальности дорогу.

zadumina_oksana 2024-08-24 00:26:04

В современной поэзии прослеживается восприятие словосочетания ноль эмоций не как отсутствие, а наличие:

мои ноль эмоций скопились во мне мне трудно дышать и все видеть мне холодно даже когда я в огне как мне его не обидеть?

Ноль эмоций (Серафима Кумаревич) / Стихи.ru

Ноль эмоций есть результат аккумулирования, возможного погашения и неоднократного переживания, что подтверждает ранее высказанное предположение о деэмоционализации как результате сверхэмоционализации.

Кроме того, ноль эмоций представляет собой имя эмоционального состояния, что дает право рассматривать ноль эмоций внутри парадигмы нечеткой (сложной) эмотивности:

Ноль эмоций, только страх Пожирает мне кишки.

Ноль эмоций (Канделябр Без Свечки) / Стихи.ru

Соответственно, как и любое эмоциональное переживание, данное эмоциональное переживание подвергается интенсификации:

Я, между прочим, зарплату получил!
(ноль эмоций)
– И в должности меня повысили!!
(два ноля эмоций)

<https://otvet.mail.ru/question/8478895>

Интересный пример также находим среди комментариев пользователей «Живого журнала» по ключевому слову «ноль эмоций»:

А затем, когда точно поняла, что ... – перечитывание не вызывает никаких эмоций, – нужно письмо уничтожить (сжечь, ... – это типа символ того, что обиды ушли. ... На расстоянии ноль эмоций у меня (по крайней мере, отрицательных)... взвешенно рассуждать и анализировать.

kofevarka86 отправлено в rabota_psy 2024-12-23 01:07:16

Ноль эмоций не столько нейтральное переживание, сколько неопределенное эмоциональное состояние без четкой доминанты, поэтому при употреблении данного словосочетания автор комментария конкретизирует, какой именно оценочный вектор испытываемых эмоций («по крайней мере, отрицательных») он отрицает.

Герой романа «Миндаль» (Сон Вон Пхён. Миндаль / перевод с корейского Г. Новоселов. – Санкт-Петербург: Polyandria NoAge, 2023. 287 с.)

с диагнозом алекситимия (отсутствие возможности или трудности, связанные с вербализацией эмоций [Hogeveen, et all., 2021; Williams, Wood, 2010; Koppelberg, et all., 2023]) рассказывает о пути взросления в мире эмоций, показывает, насколько эмоции и эмоциональные реакции важны в повседневной жизни современного общества и насколько неспособность эмоционально выражать свои переживания / отношения губительна для индивида, стремящегося интегрироваться в общество.

(1)

«В тот день один человек был ранен, шестеро погибли. Первыми жертвами стали мама и бабуля. <...> А мне оставалось лишь наблюдать за этой сценой, развернувшуюся прямо перед моими глазами.

Не испытывая при этом никаких эмоций. Впрочем, как и всегда».

(2)

« – На фото плачет ребенок, он потерял маму. Как ты думаешь, что он сейчас чувствует?

Я не знаю, что ответить, и беспомощно поднимаю взгляд на сидящую рядом мать».

(3)

Для меня что радость, что грусть, что любовь, что страх – все было размытыми понятиями. И такие слова, как «чувство» или «сочувствие», казались мне не более чем просто непонятными закорючками на бумаге.

Автор художественного произведения пытается показать значимость сферы эмоций в современном мире, несмотря на кажущееся безразличие. Главный герой произведения превращается в своеобразный «эталон» безэмоциональности, для которого конвенциональные эмоциональные переживания представляют собой дискретное образование:

(4)

– Все теряет смысл, если часто повторять. <...> «Любовь». «Любовь». «Любовь». «Лю». «Бофф». «Лююююбофф». «Любоффлю». «Бофф». «Бофф». <...> И смыслы исчезали. Прямо как у меня в голове, которая изначально была чистым листом.

Отдельное внимание обращает на себя название («Миндаль»), которое интересно не только как пример реализации безграничных эмоционально-смысовых потенций приращения семантики, где нейтральное слово становится эмотивом, но и игрой слов: главный герой должен был быть миндалем, чтобы у него выросли миндалины, ответственные за переживание эмоций.

Поскольку опорное существительное всегда остается реляционным, даже если оно не является таковым по своему исходному словарному значению [Борщев, Парти, 2011], сопоставление словосочетаний *ноль эмоций* и *эмоций ноль* показывает, что первый элемент данных словосочетаний качественно характеризует второй, то есть *ноль эмоций* = нулевая эмоция, а *эмоций ноль* = эмоциональный ноль. Значит, ноль эмоций указывает на нейтрализацию эмоций, а эмоций ноль – на иное эмоциональное переживание.

Ноль эмоций представляет собой фразеологизированную конструкцию, семантика которой осложнена, а эмоций ноль – разговорное свободное словосочетание. Генитивные конструкции, состоящие из числительного или счетного существительного и существительного в родительном падеже [Жуковская, 1997], помимо их разговорной маркированности, являются отклонением от условной конвенциональной нормы, поэтому нуждаются в дополнительной интерпретации. Несмотря на то, что ноль не является собственно числительным, при сопоставлении словосочетаний *ноль эмоций* и *эмоций ноль* со словосочетаниями *пять человек* и *человек пять*, видно, что во втором случае конкретная семантика числительного размыается и становится приблизительной.

Если перенести данное семантическое преобразование на словосочетание *эмоций ноль*, можно предположить, что, в отличие от безразличия ноля эмоций, эмоций ноль суть крайняя шкала возбуждения, когда известных и узальных средств для экспликации эмоций становится недостаточно; то есть это новая точка отсчета в пространстве сверхэмоционализации. Словосочетание *эмоций ноль* есть не отрицание, а утверждение иного, нового состояния, активность которого выше привычных говорящим эмоций.

Заключение

Анализ сочетаемости и коммуникативной реализации словосочетания *ноль эмоций* показал, что данное частотное эмоциональное переживание (частотность можно подтвердить данными сервиса Google Books Ngram Viewer, показывающего, что в современной художественной литературе его использование постоянно растет) указывает на значимое отсутствие эмоций, то есть на новое эмоциональное переживание, которое больше, чем безразличие или равнодушие. Изменение последовательности элементов внутри данного словосочетания (*эмоций ноль*) обнаруживает попытку объективации нового эмоционального полюса

сверхэмоционализации, когда уже доступные средства экспликации эмоций не соответствуют степени активности актуального эмоционального переживания / состояния. Кроме того, *ноль эмоций* показывает процесс развития эмоций: эмоциональные переживания накапливаются до определенного пика, после которого сверхэмоционализация сменяется на деэмоционализацию, формально указывающую на нейтральность, но содержательно выступающую способом выражения новых «нетипичных» эмоций.

Библиографический список

1. Борщев В. Б., Парти Б. Х. Генитив меры в русском языке, типы и сорта // Слово и язык : сб. ст. к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, Рос. акад. наук, Ин-т проблем передачи информ им. А. А. Харкевича ; отв. ред.: И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. Москва : Языки славянских культур, 2011. С. 95–137.
2. Буряковская В. А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков). Волгоград, 2015. 43 с.
3. Валеев Г. К. Десемантизация значения слова // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 8. С. 7–15.
4. Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. Отелесенный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт / пер. с англ. К. Тулуповой. Москва : Фонд «Сохрани Тибет», 2023. 456 с.
5. Гак В. Г. Пределы семантической эволюции слов // Русский язык сегодня: Сб. ст. / под ред. Л. П. Крысина. Москва, 2003. Вып. 2. С. 88–97.
6. Жуковская Г. А. О значении генитивных предложений // Теоретические и прикладные проблемы обучения и воспитания детей с ограниченными возможностями / Сборник материалов юбилейных Герценовских чтений 24–25 марта 1997 г. Санкт-Петербург : Образование, 1997. С. 199–200
7. Заде Л. А. Понятие лингвистической переменной и ее применение к принятию приближенных решений; пер. с англ. Н. И. Ринго. Москва : Мир, 1976. 168 с.
8. Золян С. Т., Тульчинский Г. Л. Динамика смысла. Глубокая семиотика и стереометрическая семантика. Москва : Языки славянской культуры, 2024. 448 с.
9. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. Москва : Гнозис, 2010. 351 с.
10. Клушина Н. И. Девербализация эмоций в современной медиакультуре // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: Сборник науч. тр., посвященный 75-летию профессора В.И. Шаховского. Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2013. С. 227–232.
11. Клушина Н. И. Стилистика молчания // Русская речь. 2014. № 4. С. 41–45.
12. Князева Е. Н. Предисловие // Инновационная сложность / отв. ред. Е. Н. Князева. Санкт-Петербург : Алетейя, 2016. С. 4–6.
13. Кокошкина И. В. Лексическая десемантизация как явление принципиально разное в устном дискурсе // Филология и человек. 2011. № 1. С. 17–24.
14. Мамардашвили М. К. Беседы о мышлении. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 576 с.
15. Мандрикова Г. М. Слово в процессе десемантизации // Вестник Новосибирского государственного университета. 2015. № 2. С. 68–73.
16. Морозова Е. И. Девербализация контента в социальных сетях, влияние на жанры современной медийной культуры // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2016. № 5. С. 65–68.
17. Панкина М. Ф. Десемантизация как процесс развития значения слова // Вестник Воронежского государственного университета. 2012. № 1. С. 83–85.
18. Погадай Е. В. К проблеме десемантизации высказывания в научном дискурсе // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. № 3. С. 158–168.
19. Терентьева И. Н. Человек перед лицом сложности: коммуникативные следствия антропного принципа // Антропологическая аналитика. сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2015. С. 33–35.
20. Hogeveen J., Grafman J. Alexithymia. Handb Clin Neurol. 2021. 183. P. 47–62.
21. Koppelberg P., Kersting A., Suslow T. Alexithymia and interpersonal problems in healthy young individuals // BMC Psychiatry. 2023. 688. P. 102–121.
22. Williams C., Wood RL. Alexithymia and emotional empathy following traumatic brain injury // Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology. 2010. 32. P. 259–267.

Reference list

1. Borshhev V. B., Parti B. H. Genitiv mery v russkom jazyke, tipy i sorta = The measure genitive in Russian, types and varieties // Slovo i jazyk : sb. st. k vos'midesjatiletiju akad. Ju. D. Apresjana / Ros. akad. nauk, In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova, Ros. akad. nauk, In-t problem peredachi inform im. A. A. Harkevicha ; otv. red.: I. M. Boguslavskij, L. L. Iomdin, L. P. Krysin. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2011. S. 95–137.
2. Burjakovskaja V. A. Kommunikativnye harakteristiki massovoju kul'tury v medijnom diskurse (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) = Communicative characteristics of mass culture in media discourse (based on the Russian and English languages). Volgograd, 2015. 43 s.
3. Valeev G. K. Desemantizacija znachenija slova = Desemantization of word meaning // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 8. S. 7–15.
4. Varela F., Tompson Je., Rosh Je. Otelesnennyj um. Kognitivnaja nauka i chelovecheskij opyt = The embodied mind. Cognitive science and human experience / per. s angl. K. Tulupovoj. Moskva : Fond «Sohrani Tibet», 2023. 456 s.

5. Gak V. G. Predely semanticeskoy jevoljucii slov = The limits of semantic evolution of words // Russkij jazyk segodnja: Sb. st. / pod red. L. P. Krysina. Moskva, 2003. Vyp. 2. S. 88–97.
6. Zhukovskaja G. A. O znachenii genitivnyh predlozhennyj = On the meaning of genitive sentences // Teoreticheskie i prikladnye problemy obuchenija i vospitanija detej s ogranicennymi vozmozhnostjami / Sbornik materialov jubilejnyh Gercenovskih chtenij 24–25 marta 1997 g. Sankt-Peterburg : Obrazovanie, 1997. S. 199–200
7. Zade L. A. Ponjatie lingvisticheskoy peremennoj i ee primenie k prinjatiju priblizhennyh reshenij = The concept of linguistic variable and its application to making approximate decisions / per. s angl. N. I. Ringo. Moskva : Mir, 1976. 168 s.
8. Zoljan S. T., Tul'chinskij G. L. Dinamika smysla. Glubokaja semiotika i stereometricheskaja semantika. Moskva : Jazyki slavjanskoy kul'tury, 2024. 448 s.
9. Karasik V. I. Jazykovaja kristallizacija smysla = Linguistic crystallization of meaning. Moskva : Gnozis, 2010. 351 s.
10. Klushina N. I. Deverbalizacija jemocij v sovremennoj mediakul'ture = Deverbalization of emotions in contemporary media culture // Chelovek v kommunikacii: ot kategorizacii jemocij k jemotivnoj lingvistike: Sbornik nauch. tr., posvjashhennyj 75-letiju professora V. I. Shahovskogo. Volgograd : Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2013. S. 227–232.
11. Klushina N. I. Stilistika molchanija = The stylistics of silence // Russkaja rech'. 2014. № 4. S. 41–45.
12. Knjazeva E. N. Predislovie = Foreword // Innowacionnaja slozhnost' / otv. red. E. N. Knjazeva. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2016. S. 4–6.
13. Kokoshkina I. V. Leksicheskaja desemantizacija kak javlenie principial'no raznoe v ustnom diskurse = Lexical desemantization as a fundamentally different phenomenon in oral discourse // Filologija i chelovek. 2011. № 1. S. 17–24.
14. Mamardashvili M. K. Besedy o myshlenii = Conversations about thinking. Sankt-Peterburg : Azbuka, Azbuka-Attikus, 2023. 576 s.
15. Mandrikova G. M. Slovo v processe desemantizacii = The word in desemantization // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2. S. 68–73.
16. Morozova E. I. Deverbalizacija kontenta v sozial'nyh setjah, vlijanie na zhanry sovremennoj medijnoj kul'tury = Deverbalization of content in social media, its impact on contemporary media culture genres // Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija. 2016. № 5. S. 65–68.
17. Pankina M. F. Desemantizacija kak process razvitiya znachenija slova = Desemanticization as a process of developing the word meaning // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 1. S. 83–85.
18. Pogadaj E. V. K probleme desemantizacii vyskazyvaniya v nauchnom diskurse = Towards the problem of statement desemantization in scientific discourse // Mir lingvistiki i kommunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2021. № 3. S. 158–168.
19. Teren'eva I. N. Chelovek pered licom slozhnosti: kommunikativnye sledstvija antropnogo principa = Man in the face of complexity: communicative implications of the anthropic principle // Antropologicheskaja analitika. sbornik nauchnyh trudov. Nizhnij Novgorod, 2015. S. 33–35.
20. Hogeveen J., Grafman J. Alexithymia. Handb Clin Neurol. 2021. 183. R. 47–62.
21. Koppelberg P., Kersting A., Suslow T. Alexithymia and interpersonal problems in healthy young individuals // BMC Psychiatry. 2023. 688. P. 102–121.
22. Williams C., Wood RL. Alexithymia and emotional empathy following traumatic brain injury // Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology. 2010. 32. P. 259–267.

Статья поступила в редакцию 26.09.2025; одобрена после рецензирования 16.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 26.09.2025; approved after reviewing 16.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Научная статья

УДК 811.111

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-151

EDN: GOVUVX

Функциональный потенциал тематических единиц в художественном тексте (на материале англоязычных рассказов Г. Бейтса)

Елена Николаевна Корзова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики английского языка имени М. Я. Блоха, Московский педагогический государственный университет. 119435, ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1; доцент кафедры иностранных языков МИРЭА, Российский технологический университет. 119571, проспект Вернадского, д. 78
golenik@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-6360-3399>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования текстовых единиц в англоязычном художественном произведении на материале рассказов Г. Бейтса. Исследование единицы текста приобретает актуальность в связи с установлением ее границ в структуре связного текста, а также выявлением критерии определения ее структурно-функционального потенциала при создании художественного произведения. Проблема показателей ограничения единиц текста, а также способов их объединения в целый текст возможно при обращении к современным лингвистическим теориям. В связи с этим в работе уделяется особое внимание исследованию составляющих текст компонентов в единстве структурных и функциональных характеристик через призму теории диктемного строения текста М. Я. Блоха. На основании анализа англоязычных рассказов описывается понятие «диктема» и определяется ее структурно-функциональный статус как элементарной тематической единицы связного текста.

В результате исследования тематической единицы текста (диктемы) обнаруживается, что диктема выступает как многофункциональное образование, выполняющее в структуре текста тематизирующую, стилизирующую и структурно-организующую функции. Тематизирующая функция диктемы заключается в ее способности выражать микротему, из последовательности которых формируется целый текст. Стилизующая функция диктемы связана с ее участием при формировании выразительных аспектов художественного текста. В структурно-организующем плане диктема выступает как инструмент сегментации текстовой структуры и определения направленности предложений внутри текстовой единицы. Исследование позволяет прийти к выводу о том, что различные выразительные аспекты художественного текста проявляются от диктемы к диктеме за счет ее специфичных функций.

Ключевые слова: тематическая единица текста; функциональный потенциал единицы текста; диктема; кумулема; оккурсема; диктемная тематизация; диктемная стилизация

Для цитирования: Корзова Е. Н. Функциональный потенциал тематических единиц в художественном тексте (на материале англоязычных рассказов Г. Бейтса) // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 151–159. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-151>. <https://elibrary.ru/GOVUVX>

Languages of foreign countries (germanic languages)

Original article

Thematic units' functional potential in literary text (based on G. Bates' stories in english)

Elena N. Korzova

Candidate of philological sciences, associate professor, M. Ya. Blokh department of english grammar, Moscow pedagogical state university. 119435, M. Pirogovskaya str., 1, bld. 1; associate professor, department of foreign languages, MIREA, Russian technological university. 119571, Moscow, Vernadsky avenue, 78
golenik@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-6360-3399>

Abstract. The article examines the specific features of textual units functioning in the english-language fiction based on G. Bates' stories. Studying the text unit becomes relevant with regard to defining its boundaries in the structure of a coherent text, as well as finding out the criteria to determine its structural and functional potential when creating a work of fiction. The work pays special attention to studying text components in the integrity of structural and functional characteristics through the prism of M. Y. Bloch's theory of dictemic text structure. The author describes the concept of «dicteme» and determines its structural and functional status as an elementary thematic unit of a coherent text through analyzing english short stories.

The study of the thematic text unit (dicteme) reveals that the dicteme acts as a multifunctional formation that performs thematizing, stylizing and structural-organizing functions in the text structure.

The dicteme's thematizing function lies in its ability to express microthemes, the sequence of which forms the entire text. The dicteme's stylizing function is related to its participation in forming expressive aspects of the literary text. In structural-organizing terms, the dicteme acts as a tool for segmenting textual structure and determining the focus of sentences within a textual unit. The study leads to the conclusion that different expressive aspects of literary text are manifested from dicteme to dicteme due to its specific functions.

Key words: thematic textual unit; functional potential of a textual unit; dicteme; cumuleme; occursem; dictemic thematization; dictemic stylization

For citation: Korzova E. N. Thematic units' functional potential in literary text (based on G. Bates' stories in english). *Verhnevolzhski philological bulletin. 2025;(4):151–159. (In Russ.).* <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-151. https://elibrary.ru/GOVUVX>

Введение

Вопросы структурного, семантического и функционального статуса единиц текста на разных иерархических уровнях подробно рассматривались в трудах таких известных зарубежных и российских лингвистов как М. Хэллдей, 1976; Р. А. де Богранд, В. Дресслер, 1981; Т. ван Дейк, 2008, Л. А. Булаховский, 1952; Г. Я. Солганик, 2000; Н. С. Валгина, 2017 и др. Впервые в отечественной лингвистике единица текста была описана в работах Н. С. Поспелова. Ученый предложил термин «сложное синтаксическое целое» (ССЦ) для определения особой синтаксической единицы, выражающей «... законченную мысль в рамках окружающего контекста, для которой характерно наличие замкнутой синтаксической структуры» [Поспелов, 1990, с. 117]. В современных работах по лингвистике текста появляются такие трактовки текстовой единицы, как «прозаическая строфа» [Солганик, 2000, с. 41], «компонент целого текста» [Фигуровский, 1961, с. 68], «межфразовое единство» [Валгина, 2017, с. 15], «энонсема» [Борбелько, 1981, с. 15].

Несмотря на многочисленные определения единицы текста, в настоящий момент вопрос о ее структурно-функциональном статусе в текстах разных типов и жанров нуждается в более детальном рассмотрении. Таким образом, роль текстовых единиц в структурно-семантической организации связного текста, а также особенности их функционирования в англоязычном художественном произведении требуют уточнения в свете современных теорий построения текста. **Научная новизна** состоит в том, что в работе впервые про-

ведено комплексное исследование структурно-семантических и функционально-стилистических особенностей тематических единиц англоязычного художественного текста в свете диктемной теории М. Я. Блоха.

Цель работы состоит в описания иерархии текстовых единиц в структуре целого художественного текста на основе методов структурно-семантического и функционально-стилистического анализов, а также в выявлении структурных и функциональных особенностей тематических единиц как компонентов содержательно и синтаксически связного текста. Выдвинутая цель предполагает решение ряда конкретных задач: 1) исследовать единицы текста в свете диктемной теории М. Я. Блоха; 2) выявить основные функции единицы текста; 3) описать специфику функции диктемной тематизации; 4) рассмотреть особенности функции диктемной стилизации; 5) выявить роль диктемы в структурной организации текста.

Методы и материал исследования

В основу исследований структурных и функциональных характеристик текстовых единиц в настоящей работе легла теория диктемной организации связного текста, предложенная профессором М. Я. Блохом. По мнению ученого, непосредственный смысл текста формируется именно через диктемы, составляющие целый текст. Текстовая информация, передаваемая конкретной диктемой, является непосредственной частью общей информации всего текста. Последовательно соединяясь в единое целое, диктемы обеспечивают формирование текстовой пресуппозиции, че-

рез которую раскрываются все импликативные смыслы целого текста [Блох, 2020, с. 173].

В этой связи особый интерес представляет исследование диктемного членения художественного текста, в частности, рассказа. Рассказ как авторское художественное сочинение малой прозаической формы является актуальным материалом для анализа структуры целого теста благодаря своим возможностям «... лаконичного, концентрированного и центростремительного изображения мира и человека» [Костылева, 2021, с. 5]. «Рассказ... каким бы незначительным, даже триадальным он внешне ни представлялся, организуется так, чтобы ненавязчиво выявить пронизывающую его эмоциональную суть» [Bates, 1972, с. 113]. Такую трактовку взаимосвязи формы и содержания рассказа предлагает в своем критическом исследовании «Современный короткий рассказ» Г. Е. Бейтс, общепризнанный мастер «малого жанра» в английской литературе. Автор тщательно изучил природу рассказа, что помогло ему создать произведения с присущими им внутренней глубиной и внешней умеренностью. Его рассказы представляют особый интерес с точки зрения анализа структурно-содержательной связности и дискретности текста. Данный факт обуславливает выбор рассказов Г. Е. Бейтса в качестве материала исследования структурных и функциональных особенностей текстовых единиц художественного текста.

Результаты исследования

Функция диктемной тематизации

По определению М. Я. Блоха, «...целый текст есть тематически выделенная речь как конечный результат целевого речевого действия» [Blokh, 2017, с. 87]. Такая трактовка текста неизбежно связана с выявлением коммуникативно-функциональных элементов его речевой организации. Данная точка зрения поддерживается И. А. Щировой, которая дает определение текста как «...семантико-структурного и когнитивно-коммункативного целостного единства, иерархическая организация которого обеспечивается подчиненными ему частными текстовыми единствами (комплексами)» [Щирова, 2022, с. 103].

Большинство лингвистов сходятся во мнении, что целый текст состоит из коммуникативно-содержательных компонентов различного построения, которые, с учетом разнообразных уточняющих характеристик, представляют собой семантико-синтаксические объединения предложений, передающих завершенную мысль (Н. С. Валгина,

2017; И. Р. Гальперин, 2024; М. М. Насиров, М. Т. Насирова, Г. Акрамова, 2023; И. А. Фигуровский, 1961). Данное свойство текстовой единицы четко вырисовывается в определении Гальперина: «СФЕ способно указать на взаимодействие и взаимосвязь смыслов предложений, его составляющих» [Гальперин, 2024, с. 71]. Кроме смыслового единства еще двумя основополагающими признаками минимальной текстовой единицы выступает ее единство в коммуникативном и структурном планах.

Представленные трактовки текстовой единицы кардинально преобразуются в свете теории диктемного строения текста, предложенной М. Я. Блохом. Не отрицая, но преобразуя указанные выше определения, ученый вводит понятие «диктема» для обозначения структурной текстовой единицы. По определению Блоха, диктема – это «...элементарная ситуативно-тематическая единица текста, образующаяся из одного или нескольких предложений как единиц непосредственно нижележащего уровня языковых сегментов» [Блох, 2016, с. 184]. Содержательно-смысловое единство предложений в рамках диктемы обусловливается микротемой. Именно критерий «тематизации», то есть экспликации микротемы, лежит в основе выделения диктем в разворачивающемся тексте [Корзова, 2024, с. 225]. Каждая диктема отображает тематический переход в цепи последовательных событий.

Сравним два примера, которые иллюстрируют функционирование разносоставных диктем. **Пример № 1** представляет собой диктему, с которой начинается рассказ Г. Бейтса «Полнолуние» (*Harvest in the Moon*) и в которой изображается время сбора урожая на ячменном поле во время полнолуния. Диктема состоит из четырех предложений разнообразных структурных типов. **Пример № 2** является заключительной диктемой, которая представлена одним предложением, выделенным в самостоятельный абзац. Данное предложение-диктема передает собственную микротему, со звучную теме сияющего полнолуния, обозначенной в заголовке и оформленной в диктеме-зачине.

Пример № 1.

«*The barley-field lay white in the full moonlight, cleared of its crop except for a cluster of stocks standing like dwarf tents under an old hawthorn hedge. The cart was making its last journey. The moon, rising fast and growing whiter every moment, was turning the black mare to roan with its radiance and the men's pitchforks to silver. For miles the land lay visible, quiet and stark, not even the shadow of a bird*

flickering across it and its windless silence broken only by the clack of cartwheels in the stubble-ruts and the voices of the two children urging on and stopping the horse» [Bates, 2000, c. 207].

Пример № 2.

«Far above him the sky seemed to be travelling backwards into space and the moon was so bright that it outshone the stars» [Bates, 2000, c. 207].

Содержательное единство предложений в структуре связного текста реализуется посредством микротемы, выраженной в рамках диктемы. В свою очередь, смысловая связь между диктемами с собственными микротемами устанавливается за счет единой макротемы рассказа. Например, макротемой рассказа «Полнолуние» является сбор урожая в период полнолуния, проживаемое мальчиком как увлекательное приключение. Макротема художественного произведения определяется замыслом автора на этапе зарождения текста, а затем последовательно развивается за счет микротем, заключенных в определенные диктемы. Так, в анализируемом рассказе обнаруживаются диктемы с микротемами «Мальчик помогает работникам в поле», «Мальчик ловит зайчонка», «Мальчик играет в индейца» и др. в рамках общей макротемы произведения.

На глубинном уровне Содержательное объединение диктем происходит за счет концептов текста, которые В. В. Красных определяет как «максимально свернутые смыслы» [Красных, 2003, с. 136–137]. В литературном произведении можно выделить общехудожественные концепты, содержание и вербализация которых совпадают в большинстве художественных произведений, и оригинальные концепты, которые присутствуют в индивидуальном сознании автора текста. Общехудожественные концепты, как правило, соотносятся с универсальными (общечеловеческими) концептами, связанными с вопросами бытия (Бог, любовь, добро, зло, свобода и т. д.) и познанием окружающего мира (дождь, ветер, солнце, луна и т. д.) [Ефимова, 2023, с. 394]. Концепт может быть вербализирован разнообразными языковыми средствами как традиционными общехудожественными, так и оригинальными авторскими. В рассказах Г. Бейтса неизменно присутствует концепт «Природа», который прежде всего реализуется за счет традиционных экспликаторов: *sky, stars, field, forest, moon, tree, leaves* и др. Также автор использует оригинальные образные номинации объектов и явлений, связанных с концептом «Природа»: *the blaze of the moonlight, the dead thorn stumps, the barley-sheaves like encampment of*

tents, the sun-baked stuble, fragrant barley, the radiance of the high moon, the sun seem to be travelling, the moon outshone the stars, honeyed rotting quietness, summer thickened the branches, the trees were like a wall и др. Кроме концепта «Природа» в рассказах Бейтса представлены ментальные конструкты, которые соотносятся с такими общечеловеческими концептами как «Луна», «Любовь», «Семья» и не требуют особых усилий для их интерпретации. В итоге рассказ превращается в лирическое произведение, притягивающее максимальное количество читателей.

Концептуальное и тематическое объединение диктем в рамках целого текста происходит посредством установления глобальной связности, которая, по мнению Т. А. ван Дейка, заключается в построении взаимоотношений между компонентами смысловой структуры текста, то есть пропозициями. Глобальные связи текста реализуются посредством использования ключевых слов [Dijk, 2008, с. 57]. В анализируемом рассказе междиктемные связи на глобальном уровне устанавливаются при помощи таких ключевых слов как *moon, harvest, light, field, work*.

Таким образом, тематическое единство текста проявляется в соответствии макротемы целого текста и микротем, из которых он складывается. В рамках тематизации формирование последовательной структуры текста осуществляется через диктему как элементарную тематическую единицу текста.

Функция диктемной стилизации

Стилистический облик целого текста также формируется в рамках диктемы. М. Я. Блох определяет способность диктемы воплощать выразительные аспекты текста как «стилизация». Функция стилизации, как и функция тематизации, реализуется на уровне диктемы и отображается на всем тексте. «Стилизация осуществляет такое коннотационное представление содержания, которое реализует ситуативно-обусловленное воздействие на слушающего, соответствующее коммуникативной цели говорящего» [Блох, 2016, с. 78].

По мнению К. А. Филиппова, форма реализации коммуникативного намерения автора обуславливает типовые признаки текста [Филиппов, 2007, с. 191]. В рамках функционально-коммуникативного подхода рассматриваются такие типы текста как повествование, описание и рассуждение. Каждый конкретный тип обладает специфическими текстовыми признаками и стро-

ится по соответствующим нормам и правилам. Типовые характеристики отрезка текста формируются посредством интенсионала языковой формы конкретной диктемы.

В структуре целого художественного текста могут функционировать диктемы с разнообразными типовыми характеристиками. Мы рассмотрим функционирование текстовых отрывков различных типов на примере рассказа Г. Бейтса «Любовь в ветвях ильма» (*Love in a wych-elm*). Рассказчик описывает свои детские впечатления и чувства, которые он испытывал, играя с соседской девочкой в тени деревьев. Рассказ начинается с диктемы-описания (**Пример № 3**) со всеми присущими данному типу текста признаками: использованием большого числа нарицательных существительных с прилагательными в атрибутивной функции (*large gabled house, big sach windows, long gravel terrace, sunken tennis lawn*), перечисление (*bedsteads, fire-guards, hipbaths, tennis rackets, croquet hammers, rocking horses, muscle-developers, Indian clubs, travelling trunks*), эпитеты (*continual, benign, sunken, fruitful*), метафоричное олицетворение (*windows... smiled*). Все эти выразительные средства служат для описания неухоженного соседского дома, который кажется очаровательным с высоты лет взрослого рассказчика.

Пример № 3.

«When I was a boy the Candleton sisters, seven of them, lived in a large gabled house built of red brick that gave the impression of having been muted by continual sunlight to a pleasant shade of orange-rose. The front face of it had a high, benign open appearance and I always felt that the big sach windows actually smiled down on the long gravel terrace, the iron pergola of roses and the sunken tennis lawn. At the back were rows of stables, all in the same faded and agreeable shade of brick, with lofts above them that were full of insecure and ancient bedsteads, fire-guards, hipbaths, tennis rackets, croquet hammers, rocking horses, muscle-developers, Indian clubs, travelling trunks and things of that sort thrown out by Mr. and Mrs. Candleton over the course of their fruitful years» [Bates, 2000, с. 214]. (*описание*)

Большая часть рассказа посвящена описанию детских игр в тени ильмовой рощи, поэтому наряду с описательными отрезками в структуре рассказа часто встречаются диктемы повествовательного типа. Так, в следующей диктеме-повествовании (**Пример № 4**) обнаруживаются многочисленные признаки повествовательного текста: глаголы-сказуемые в прошедшем времени, представляющие последовательность действий в

структуре простых двусоставных предложений (*crawled, stayed, made tea, prepared dinners, wore, carried*), сложные предложения, включающие глаголы действия, соединяющиеся союзом *and*, слова одного тематического поля для изображения рощи – места детских игр (*wych-elms, tree, boughs, twigs, leaves*) и атрибутов этих игр (*saucepans, fires, potatoes, gravy, curtains*). Тем не менее данная диктема-повествование отличается изобразительностью, достигаемой использованием многочисленных прилагательных (*peculiar, ancient, flameless*), образной перифразой (*in this paradise*) и сравнением (*like monkeys*). Данные выразительные средства добавляют в повествование образность, которая создает настроение чудесного времени, описанного в предыдущих диктемных отрезках.

Пример № 4.

«Up in the wych-elms the peculiar structure of boughs made a house for us. We could walk about it. We crawled, like monkeys, from tree to tree. In this paradise we stayed for entire afternoons, cocooned with scents, hidden away with leaves. We made tea in ancient saucepans on flameless fires of elm twigs and prepared dinners of potatoes and gravy from fallen pears. And up here, on a soft August afternoon, we were married without witnesses and Stella, with her yellow hair done up for the first time, wore a veil of lace curtains and carried a bunch of cow-parsley» [Bates, 2000, с. 220]. (*повествование*)

Рассказ заканчивается диктемой, которую можно идентифицировать как рассуждение (**Пример № 5**) благодаря таким признакам текста как вводные фразы, передающие отношение рассказчика к описываемым событиям (*I don't suppose, it is equally unlikely, I believe*), синтаксические параллельные конструкции (*that Stella remembers me; or that, that Hilda remembers me; or that*), обобщение-труизм (*Love ... is not an easy thing*), сложные предложения, отображающие последовательное движение мысли. Используя данные средства, рассказчик как будто обращается к читателю, делая предположения и рассуждая о судьбе семьи бывших соседей.

Пример № 5.

«I don't suppose for a moment that Stella remembers me; or that, on an uncomfortable, intimate occasion, we were married in a wych-elm. It is equally unlikely that Hilda remembers me; or that, with her incomparable yellow hair, her white dance dress, her soft blonde flesh and her rare scent of wallflowers, she once asked me to give her my opinion as a man. I believe Stella is married to a bus-conductor. The rest of the Candletons have faded from my life. With the

summer frocks, the summer straw-hats and the summer funnels, the cummerbunds, the silk shirts, the elegant brogues, the chest-developers and the incomparable yellow hair they have joined Mr. Candleton in misty, muted, permanent bankruptcy.

Love in a wych-elm is not an easy thing; but like the Candletons it is unforgettable» [Bates, 2000, c. 207]. (рассуждение)

Приведенные выше примеры доказывают тот факт, что по мере разворачивания повествования текст целого художественного произведения может изменяться и преобразовываться, проявляя признаки разных типов. Тип текста формируется в пределах определенного диктемного отрезка и варьируется от диктемы к диктеме. Данное свойство художественного текста обуславливает его выразительность, эмоциональность, образность, оказывающих воздействие на читателя в соответствии с замыслом автора. По мнению Е. Н. Гончаровой, художественный текст отображает «модель речевого поведения» автора, который при создании произведения использует как лингвистические единицы, характерные для художественной коммуникации в целом, так и языковые средства, отображающие его собственное мировосприятие и стиль [Гончарова, 2014, с. 86].

Выстраивая художественный текст, автор использует характерные средства художественной коммуникации, которые изображают обычные события из жизни героев как прекрасные, неповторимые приключения. Например, в диктеме вступлении рассказа «Полнолуние» автор использует многообразные способы живописного изображения сбора урожая на ячменных полях, залитых светом полной луны, – эпитеты (*visible, stark, windless, quiet*), сравнение (*like dwarf tents*), персонификацию (*The moon, ...was turning the black mare to roan ...*). А в рассказе «Любовь в ветвях ильма» писатель использует оригинальный прием: он сплетает текстовые отрезки разнообразных типов, создавая лирическое произведение, которое изображает детство как «светлую пору» с счастливыми и радостными переживаниями. Несмотря на типологическую разнородность, текст рассказа сохраняет стилистическую целостность, которая обеспечивается совокупностью идейных и художественных особенностей произведений автора.

Таким образом, различные аспекты выразительности текста вырисовываются от диктемы к диктеме, проявляясь за счет функции стилизации. Стилистическая охарактеризованность является неотъемлемым признаком тематической единицы текста.

Структурно-организующая функция диктемы

Реализация структурно-организующей функции тематической единицы текста происходит в соответствии с характером связи между составляющими ее предложениями, а также в аспекте сегментации текстовой структуры.

В соответствии с характером связи между формирующими диктему предложениями различаются монологические и диалогические последовательности. Монологическая последовательность образуется односторонней расстановкой самостоятельных предложений посредством присоединения, или «кумуляции» [Блох, 2016, с. 179]. Мы, вслед за М. Я. Блохом, будем называть непосредственную совокупность предложений присоединительного типа «кумулема». Предложения в кумулеме выстраиваются от говорящего по направлению к слушателю / слушателям. Все приведенные выше примеры являются отрезками художественного монологического текста, то есть кумулемами. Таким образом, кумулема представляет собой репрезентативную строевую единицу монологического текста, которая, приобретая функциональную характеристику выражения «микротемы», превращается в единицу тематизации – диктему.

Диалогическая последовательность состоит из предложений, которые направлены друг на друга, поскольку произносятся собеседниками по очереди. Такая взаимная обращенность формирует двунаправленные последовательности «встречного», или «оккурсемного» типа (от английского глагола *occur*), образуя «оккурсемы» [Блох, 2016, с. 179]. Оккурсема, будучи репрезентативным элементом диалогического текста, способна выражать свою собственную тему. Оккурсемная микротема организована таким образом, что ведущее предложение как бы прописывает тему, а встречное предложение расширяет ее. То есть оккурсема является разговором или частью разговора участников, вступивших в коммуникативный контакт по определенному поводу. Так, следующий пример (Пример № 6) представляет собой оккурсему, первая реплика которой задает тему детской игры, а последующие реплики участников (мальчика и его подруги) развивают и уточняют детские предпочтения.

Пример № 6.

«„Let's go and play in the loft now”.

„What with?”

„I don't know”, I said. „Let's have a change. We've been married an awful lot of times –”

„I know”, she said. „We'll play with the chest-developers”» [Bates, 2000, с. 225].

Кумулема и оккурсема предстают как конструкты, которые отражают коммуникативную направленность отрезка текста с точки зрения участников ситуации общения. Передавая собственные микротемы, то есть реализуя функцию тематизации, данные единицы рассматриваются как смысловые конструкты, то есть диктемы.

С точки зрения организации текста диктема выполняет основополагающую функцию в сегментации текстовой структуры. Кумулема как монологическая последовательность в печатном тексте удерживается в рамках абзаца. Так, следующий пример представляет собой отрезок текста, складывающийся из трех абзацев-кумулем, каждый из которых передает собственную «микротему». Тема первого абзаца: «Мальчик и девочка занимаются лошадью в поле»; тема второго: «Работники обнаруживают на поле зайчонка»; тема третьего: «Мальчик пытается поймать зайчонка».

Пример № 7.

«*The boy in disgust would go back to the mare, and the girl, following would hold the bridle again and caress the mare's nose, murmuring softly.*

Suddenly, as they were loading the last of the sheaves by the hedge-side, the men shouted: „A leveret! After it, boy! After it! A leveret!”

In the bright moonlight the leveret was clearly visible leaping across the stubble and then doubling to hide in the few remaining shocks. The boy let go the horse's bridle and a second later was hunting the young hare between the barley shocks, urged on and taunted by the men: „After it, after it. Ah! You ain't quick enough. There it is, after it! Ah! You lost it” [Bates, 2000, с. 208].

Однако соотношение тематических единиц текста и абзацев неоднозначно: границы кумулемы и абзаца не всегда так явно совпадают, как в приведенном выше примере. Выделяются еще два типа соотношений абзаца и кумулемы: один абзац может включать в себя две и более кумулем; одна кумулема охватывает два или более абзацев. Так, следующий пример (**Пример № 8**) представляет собой абзац, включающий две кумулемы, одна из которых принадлежит к повествовательному типу текста с микротемой «Мальчик гонится за убегающим зайчонком», а вторая кумулема является описанием с микротемой «Мальчик созерцает ячменное поле, залитое луной».

Пример № 8.

«*Springing up, he scrambled past the girl and ran back up the ditch, kicking the dry grasses with both*

feet as he ran. There was a mad scuttling as the leveret broke loose again, and struggled among the dead thorn stumps of the hedge to make its wild escape into the field beyond. Flinging himself down in the last attempt to catch it, Alexander lay deep among the dry grasses in an attitude of listening and watching. There was no sound except the girl's breathing as she too lay listening. // But in the blaze of the moonlight the stubble, seen from the ditch, seemed like a vast white plain with the barley sheaves like an encampment of tents upon it and the loaded cart like a covered wagon being unhitched for the night» [Bates, 2000, с. 209].

Анализ приведенных примеров позволяет сделать вывод, что абзац выступает как композиционный компонент монологической письменной речи. Кроме этого абзац может репрезентировать реплику зафиксированного на письме и тематически выделенного диалога. Являясь строчным единством, абзац выделяется строчным отступом сверху и неполной строкой в конце. То есть абзац представляет собой композиционно-стилистическую, формальную единицу текста. Тематическая единица текста (диктема), как правило, на письме очерчивается границами абзаца, хотя в некоторых случаях их границы могут не совпадать. Этот прием предоставляет дополнительные возможности для построения экспрессивного художественного текста.

Заключение

Итак, мы приходим к выводу о том, что предельной единицей связного текста выступает диктема, которая может быть выражена тематической последовательностью односторонних предложений или одним предложением, поставленным в тематически значимую позицию. Диктема выступает как многофункциональное образование, выполняющее текстообразующие функции тематизации, стилизации и структурной организации связного произведения.

Являясь непосредственной составляющей темы целого текста, диктема выполняет функцию тематизации, выражая собственную «микротему». Наряду с тематизацией, диктема обладает стилизующей функцией, за счет которой диктемная информация предстает в обусловленной авторским замыслом языковой форме. Проявляясь на уровне диктемы, тематические и стилистические характеристики вырисовываются в целом тексте художественного произведения.

Структурно-организующая функция диктемы реализуется за счет способности выявлять харак-

тер связи между составляющими ее предложени-ями с образованием однонаправленных (кумулем) и двунаправленных (оккурсем) последовательно-стей. Строевая функция диктемы соотносится с сегментацией текстовой структуры на абзацы, при которой, как правило, границы диктемы совпадают с границами абзаца.

Таким образом, рассмотрение единиц текста в свете оригинальной диктемной теории М. Я. Блоха помогает выявить их структурно-функциональные особенности, что, в свою оче-редь, позволяет вскрыть сущностные содержа-тельные, функциональные и структурные харак-теристики художественного текста.

Библиографический список

1. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. Дубна : Феникс+, 2016. 248 с.
2. Блох М. Я. Человек и мир сквозь призму языка. Москва : Прометей, 2020. 533 с.
3. Борбелько В. Г. Элементы теории дискурса. Грозный : ЧИГУ, 1981. 113 с.
4. Валгина Н. С. Современный русский язык: Син-таксис. Москва : Высш. шк., 2003. 416 с.
5. Валгина Н. С. Теория текста. Москва : Флинта, 2017. 250 с.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистиче-ского исследования. Москва : Ленанд, 2024. 144 с.
7. Гончарова Е. А. Статус и функции «изображен-ной речи» в повествовательном художественном тек-сте // Немецкая филология в Санкт-Петербургском госу-дарственном университете. Санкт-Петербург : № IV: Текст и текстовые единицы, 2014. С. 73–89.
8. Ефимова А. Д. Типы лингвокультурных концеп-тов и их ценностные характеристики (на примере лингвокультурных типажей «щеголи» в английской и русской лингвокультурах) // Преподаватель XXI век. Москва, №1. 2023. С. 390–403.
9. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Москва : ИТДК «Гнозис», 2003. 375 с.
10. Корзова Е. Н., Сыресина И. О., Гольдман А. В. Функциональная конвергенция вводных конструкций на уровне текстовых структур // Известия Российского госу-дарственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург : № 212, 2024. С. 222–233.
11. Костылева И. А. Жанр рассказа в русской ли-тературе XX – начала XXI века. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2021. 163 с.
12. Насиров М. М., Насирова М. Т., Акрамова Г. Ассоциативно связанные языковые единицы в худо-жественном тексте // XVIII Акмуллинские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции: в 2-х томах. Уфа, 2023. С. 429–431.
13. Поспелов Н. С. Мысли о русской грамматике: Избранные труды. Москва : Наука, 1990. 182 с.
14. Сидорова М. Ю. Регистровая техника и «ожи-дания» читателя: к вопросу о взаимодействии лингви-стических подходов при изучении художественного текста. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwww.philol.msu.ru%2F~sidorova%2Ffiles%2Fregtechnic.doc&wdOrigin=BROWSELINK> (дата обра-щения 03.06.2025).
15. Солганик Г. Я. Стилистика текста. Москва : Флинта: Наука, 2000. 253 с.
16. Фигуровский И. А. Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. Москва : Учпедгиз, 1961. 171 с.
17. Филиппов К. А. Лингвистика текста (курс лекций). Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. 332 с.
18. Щирова И. А. Художественный текст как ин-тегративное целое // LXV Герценовские чтения. Иностранные языки. Санкт-Петербург, 2022. С. 106–109. URL: <https://rep.herzen.spb.ru/publication/15321?ysclid=m7mg986p3396171781> (дата обращения 03.06.2025).
19. Bates H. E. Английский рассказ XX века. Сборник 3. Москва : Менеджер, 2000, С. 207–228.
20. Bates H. E. The modern short story: A critical survey. Boston Mass. : The Writer, 1972. 231 p.
21. Beaugrande R. A., Dressler W. Introduction to Text Linguistics. London : Longman, 1981. 290 p.
22. Blokh M. Y. A Course in Theoretical English Grammar. Дубна : Феникс+, 2017, 460 с.
23. Dijk T. A. van. Discourse and Context. A socio-cognitive approach. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 288 p.
24. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in Eng-lish. Longman. London, 1976, 374 p.
25. Pike K. L. Linguistic concepts: an introduction to tagmemics. London : Lincoln, 1982, 146 p.
26. Sayfullaeva R. R. Discourses of studying units in different texts. Philology, № 5 (47). 2023. P. 58–63.

Reference list

1. Bloh M. Ja. Teoreticheskie osnovy grammatiki = Theoretical bases of grammar. Dubna : Feniks+, 2016. 248 s.
2. Bloh M. Ja. Chelovek i mir skvoz' prizmu jazyka = Man and the world through the prism of language. Mos-ква : Prometej, 2020. 533 s.
3. Borbot'ko V. G. Jelementy teorii diskursa = The discourse theory elements. Groznyj : ChIGU, 1981. 113 s.
4. Valgina N. S. Sovremennyj russkij jazyk: Sintaksis = The modern Russian language. Syntax. Moskva : Vyssh. shk., 2003. 416 s.
5. Valgina N. S. Teorija teksta = The theory of text. Moskva : Flinta, 2017. 250 s.
6. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovanija = Text as an object of linguistic research. Moskva : Lenand, 2024. 144 s.
7. Goncharova E. A. Status i funkci 'izobrazhennoj rechi' v povestvovatel'nom hudozhestvennom tekste = Status and functions of «depicted speech» in a narrative fiction text // Nemeckaja filologija v Sankt-Peterburgskom gosu-

E. H. Корзова

darstvennom universitete. Sankt-Peterburg : № IV: Tekst i tekstovye edinicy, 2014. S. 73–89.

8. Efimova A. D. Tipy lingvokul'turnykh konceptov i ih cennostnye harakteristiki (na primere lingvokul'turnykh tipazhej «shhegoli» v anglijskoj i russkoj lingvokul'turah) = Types of linguocultural concepts and their value characteristics (linguocultural types of «dandy» in English and Russian linguocultures) // Prepodavatel' XXI vek. Moskva, №1. 2023. S. 390–403.

9. Krasnyh V. V. «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? = 'Friend' among 'strangers': myth or reality? Moskva : ITDK «Gnozis», 2003. 375 s.

10. Korzova E. N., Syresina I. O., Gol'dman A. V. Funkcional'naja konvergencija vvodnyh konstrukcij na urovne tekstovyh struktur = Functional convergence of parenthesses at the text structure level // Izvestija Rossiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. Sankt-Peterburg : № 212, 2024. S. 222–233.

11. Kostyleva I. A. Zhanr rasskaza v russkoj literature HH – nachala HHI veka.= The story genre in Russian literature of XX – early XXI century. Vladimir : Izd-vo VIGU, 2021. 163 s.

12. Nasirov M. M., Nasirova M. T., Akramova G. Asociativno sviazannye jazykovye edinicy v hudozhestvennom tekste = Associatively related linguistic units in a fiction text // XVIII Akmullinskie chtenija. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2-h tomah. Ufa, 2023. S. 429–431.

13. Pospelov N. S. Myсли o russkoj grammatike: Izbrannye trudy = Thoughts of Russian grammar: Selected works. Moskva : Nauka, 1990. 182 s.

14. Sidorova M. Ju. Registrovaja tehnika i «ozhidaniya» chitatelja: k voprosu o vzaimodejstvii lingvisticheskikh podhodov pri izuchenii hudozhestvennogo teksta = Register technique and the reader's «expectations»: towards interaction of linguistic approaches in studying a fiction text. URL:

<https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwww.philol.msu.ru%2F~sidorova%2Ffiles%2Fregtechnic.doc&wdOrigin=BROWSELINK> (data obrashhenija 03.06.2025).

15. Solganik G. Ja. Stilistika teksta = Stylistics of the text. Moskva : Flinta: Nauka, 2000. 253 s.

16. Figurovskij I. A. Sintaksis celogo teksta i uchenicheskie pis'mennye raboty = Entire text syntax and student written papers. Moskva : Uchpedgiz, 1961. 171 s.

17. Filippov K. A. Lingvistika teksta (kurs lekcij) = Linguistics of the text (a course of lectures). Sankt-Peterburg : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2007. 332 s.

18. Shhirova I. A. Hudozhestvennyj tekst kak integrativnoe celoe = Literary text as an integrative entity // LXXV Gercenovskie chtenija. Inostrannye jazyki. Sankt-Peterburg, 2022. S. 106–109. URL: <https://rep.herzen.spb.ru/publication/15321?ysclid=m7mg986p3396171781> (data obrashhenija 03.06.2025).

19. Bates H. E. Anglijskij rasskaz XX veka. Sbornik 3 = English short story of XX century. Collection 3. Moskva : Menedzher, 2000, S. 207–228.

20. Bates H. E. The modern short story: A critical survey. Boston Mass. : The Writer, 1972. 231 p.

21. Beaugrande R. A., Dressler W. Introduction to Text Linguistics. London : Longman, 1981. 290 p.

22. Blokh M. Y. A Course in Theoretical English Grammar. Dubna : Feniks+, 2017, 460 s.

23. Dijk T. A. van. Discourse and Context. A socio-cognitive approach. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 288 p.

24. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. London, 1976, 374 p.

25. Pike K. L. Linguistic concepts: an introduction to tagmemics. London : Lincoln, 1982, 146 p.

26. Sayfullaeva R. R. Discourses of studying units in different texts. Philology, № 5 (47). 2023. P. 58–63.

Статья поступила в редакцию 21.09.2025; одобрена после рецензирования 12.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 21.09.2025; approved after reviewing 12.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 81-114.4

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-160

EDN: GQMUCE

Историко-лингвистический анализ германизмов в экономической терминологии английского языка как инструмент стандартизации

Эльмира Раисовна Брагина

Кандидат филологических наук, доцент отдела междисциплинарных научных исследований, инноваций и подготовки научно-педагогических кадров, Институт экономических исследований. 283048, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Университетская, д. 77

dobryupyna.miet@bk.ru, <https://orcid.org/0009-005-1173-4477>

Аннотация. В данной работе представлен комплексный сравнительный анализ влияния экстралингвистических факторов на пополнение современной экономической терминологии английского языка германизмами, вошедшими в различные исторические периоды. Исследование охватывает четыре периода – от англосаксонского и средневекового (V–XVI вв.) до эпохи глобализации (XX–XXI вв.) – с использованием методов корпусного и структурного анализа терминов, кейс-стади и количественного подсчёта. Целью нашего исследования является, прежде всего, комплексный сравнительный анализ влияния экстралингвистических факторов в 4 исторических периодах, способствующих пополнению германизмами современной терминологии экономики в английском языке, который в себя включает: изучение, классификацию и сравнение частотности употребления германизмов современной терминологии экономики, вошедших в английский язык в течение 4 исторических периодов; в современной терминологии экономики количественный анализ значений в среднем на 1 германизм, вошедший в язык-реципиент в каждый исторический период; в современной терминологии экономики количественный анализ устаревших значений германизмов, вошедших в язык-реципиент в каждый исторический период; описание характера связи в современной терминологии экономики между средней частотностью германизмов, вошедших в язык-реципиент в каждый исторический период, средним количеством значений на один германизм, вошедший в язык-реципиент в каждый исторический период, и количественным представлением устаревших значений германизмов, вошедших в язык-реципиент в каждый исторический период; анализ тематической направленности германизмов, вошедших в разные исторические периоды, и распределение германизмов по секторам экономики; анализ и количественный подсчет частотной принадлежности германизмов, вошедших в разные исторические периоды; анализ по количественному представлению словарного корпуса современной терминологии экономики германизмов-интернационализмов, вошедших в английское языковое пространство в 4 исторических периода. Особое внимание уделяется частотности употребления германизмов, количеству значений на термин, доле устаревших значений, тематической направленности и распределению по экономическим секторам, включая торговлю, финансы и промышленность. Разрабатывается классификация языка-донора заимствований по количеству интернационализмов с акцентом на роль немецкого как ключевого источника в периоды научной и экономической экспансии. Научная новизна исследования заключается в комплексной попытке стандартизации терминологии экономики с учётом историко-лингвистических факторов. Выявлены особенности использования германизмов в современной экономической лексике английского языка, отмечены различия по периодам – от ранних заимствований вроде «quartz» в горнодобыче (XVI в.) до глобальных терминов типа «Bundestag» в политико-экономическом дискурсе (XX в.) – и сделан вывод о значимой роли первых исторических пластов в формировании терминологического ядра, что усиливает устойчивость и адаптивность английской экономической лексики в эпоху глобализации.

Ключевые слова: германизмы; экономическая терминология; английский язык; экстралингвистические факторы; исторические периоды; корпусный анализ; количественный анализ; терминология экономики; интернационализмы; стандартизация

Для цитирования: Брагина Э. Р. Историко-лингвистический анализ германизмов в экономической терминологии английского языка как инструмент стандартизации // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 160–171. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-160>. <https://elibrary.ru/GQMUCE>

Historical-linguistic analysis of germanisms in english economic terminology as a tool for standardization

Elmira R. Bragina

Candidate of philological sciences, associate professor, department of interdisciplinary research, innovation and training scientific-pedagogical staff, Institute of economic research. 283048, Donetsk People's Republic, Donetsk city, Universitetskaya str., 77

dobrynya.miet@bk.ru, <https://orcid.org/0009-005-1173-4477>

Abstract. This paper presents a comprehensive comparative analysis of extra-linguistic factors influencing the replenishment of modern English economic terminology with germanisms introduced in different historical periods. The study covers four periods – from the anglo-saxon and medieval (V–XVI centuries) to the globalization era (XX–XXI centuries) – using methods of corpus and structural terms analysis, case studies, and quantitative count. The primary goal of the research is a comprehensive comparative analysis of the impact of extralinguistic factors across these 4 historical periods, which facilitated the replenishment of modern economic terminology in English with germanisms. This includes: studying, classifying, and comparing the frequency of germanisms in modern economic terminology introduced into the English language during the 4 periods; quantitative analysis of the average number of meanings per 1 germanism that entered the recipient language in each historical period; quantitative analysis of obsolete meanings of germanisms that entered the recipient language in each historical period; describing the nature of the relationship between the average frequency of germanisms that entered the recipient language in each historical period, the average number of meanings per germanism, and the number of obsolete meanings of germanisms in the recipient language in each historical period; analyzing the thematic orientation of germanisms in different historical periods and their distribution across economic sectors; analysis and quantitative counting of germanisms belonging to certain parts of speech in different historical periods; analyzing the quantitative representation of germanisms-internationalisms that entered the English language space during the 4 historical periods in the vocabulary corpus of modern economic terminology. Special attention is paid to the frequency of using germanisms, the number of meanings per term, the proportion of obsolete meanings, thematic orientation, and distribution across economic sectors, including trade, finance, and industry. A classification of donor language borrowings is developed based on the number of internationalisms, with emphasis on the role of German as a key source during scientific and economic expansion periods. The novelty of the research lies in a complex attempt to standardize the terminology of economy with regard to historical and linguistic factors. The author identifies the specifics of using germanisms in modern English economic lexicon, and describes the differences across the periods – from early borrowings like «quartz» in mining (XVI century) to global terms such as «Bundestag» in political-economic discourse (XX century). The conclusion is drawn about the significant role of the initial historical layers in forming the terminological core, which enhances the stability and adaptability of English economic lexicon in the era of globalization.

Key words: germanisms; economic terminology; the English language; extralinguistic factors; historical periods; corpus analysis; quantitative analysis; terminology of economy; internationalisms; standardization

For citation: Bragina E. R. Historical-linguistic analysis of germanisms in English economic terminology as a tool for standardization. *Verhnevolzhski filologicheski bulletin*. 2025;(4):160–171. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-160>. <https://elibrary.ru/GQMUCE>

Введение. Заемствования из немецкого языка в английской экономической терминологии представляют собой важное и многогранное лингвистическое явление. Их исследование позволяет выявить закономерности развития экономического лексикона, а также предложить методы стандартизации терминологии, учитывающие историко-лингвистические особенности германлизмов, что повышает научную и практическую значимость работы, способствуя более точному отражению языковых процессов в экономической сфере.

Материалы и методы исследования. В ходе исследования мы используем методы корпусного анализа терминов, структурного анализа терминов,

метод кейс-стадии (подробный разбор большого количества терминов), методики процентного и количественного подсчета. Выборка произведена из следующих источников: онлайн-журнал по экономике AEJ: Economic Policy [Economic Policy], Тематический толковый словарь для делового общения (русский, английский, испанский) 1 и 2 тома [Тематический толковый словарь для делового общения (русский, английский, испанский) 1 том, 2024], Тематический толковый словарь для делового общения (русский, английский, испанский) 2 том [Тематический толковый словарь для делового общения (русский, английский, испанский) 2 том, 2024], онлайн-словарь экономических терминов

[Словарь экономических терминов], онлайн-журнал по экономике The Economics of Peace and Security Journal (EPSJ) [The Economics of Peace and Security Journal (EPSJ)], онлайн-журнал по экономике Cambridge Core Open Access publications [Cambridge Core Open Access publications], онлайн-журнал по экономике Cambridge Journal of Economics [Cambridge Journal of Economics], онлайн-журнал по экономике Journal of Public Economics (Elsevier) [Journal of Public Economics (Elsevier)], онлайн Oxford English Dictionary (OED) [Oxford English Dictionary], онлайн The Oxford Dictionary of English Etymology [The Oxford Dictionary of English Etymology].

Многие современные лингвисты посвятили свои исследования изучению и анализу процесса заимствований в языках: А. П. Богачёва, И. А. Веретенникова, В. В. Кулакова, М. Г. Алексеева, Г. Н. Махмутова, Е. Д. Цветкова, А. С. Шоломицкая, П. Р. Романова, Т. Макарова, Д. Саболова, М. Кашева и М. А. Харламова, А. А. Плотникова и Д. Ю. Ващенко [Богачёва, 2023; Веретенникова, 2023; Кулакова, Алексеева, 2022; Махмутова, 2020; Цветкова, 2023; Шоломицкая, 2022; Романова, 2025; Макарова, 2024; Саболова, Кашева, Харламова, 2024; Плотникова, Ващенко, 2025].

Целью нашего исследования является прежде всего комплексный сравнительный анализ влияния эксталингвистических факторов в 4 исторических периодах, способствующих пополнению германизмами современной терминологии экономики в английском языке, который в себя включает:

- изучение, классификацию и сравнение частотности употребления германизмов современной терминологии экономики, вошедших в английский язык в течение 4 исторических периодов;

- в современной терминологии экономики количественный анализ значений в среднем на 1 германизм, вошедший в язык-реципиент в каждый исторический период;

- в современной терминологии экономики количественный анализ устаревших значений германизмов, вошедших в язык-реципиент в каждый исторический период;

- описание характера связи в современной терминологии экономики между средней частотностью германизмов, вошедших в язык-реципиент в каждый исторический период, средним количеством значений на один германизм, вошедший в язык-реципиент в каждый исторический период, и количественным представлением устаревших значений германизмов вошедших в язык-реципиент в каждый исторический период;

- анализ тематической направленности германизмов, вошедших в разные исторические перио-

ды, и распределение германизмов по секторам экономики;

- анализ и количественный подсчет частичной принадлежности германизмов, вошедших в разные исторические периоды;

- анализ по количественному представлению словарного корпуса современной терминологии экономики германизмов-интернационализмов, вошедших в английское языковое пространство в 4 исторических периода.

Более того, мы предлагаем классификацию языка-донора для различных терминологий в языке-реципиенте по количественному представлению заимствований-интернационализмов языка-донора и определяем место германизмов в современной терминологии экономики в этой классификации. Такое комплексный сравнительный анализ германизмов в современной терминологии экономики в английском языке и попытка некой стандартизации терминологии проводится впервые, что обуславливает научную значимость нашего исследования.

Результаты и обсуждение. В нашем исследовании мы выделили 4 исторических периода вхождения германизмов в английское языковое пространство: 1 период, Англо-саксонский период и (V–XI века) и период Средневековья (XI–XIV века); 2 период, Ренессанс и Ранний новый период (XV–XVII века); 3 период, промышленная революция и научный прогресс, XVIII–XIX века и 4 период, глобализация, экономика, техника и культура, XX–XXI века:

1 период, Англо-саксонский период и (V–XI века) и период Средневековье (XI–XIV века) период формирования древнеанглийского и среднеанглийского языков.

2 период, Ренессанс и Ранний новый период (XV–XVII века) – процесс наполнения английского языка германизмами (заимствованиями из немецкого языка) вместе с передачей новых знаний и технологий значительно активизируется благодаря масштабному культурно-научному обмену с немецкими учёными, в этот период средневерхненемецкий, ранневерхненемецкий языки становятся донорами германизмов для английского языка;

3 период, промышленная революция и научный прогресс, XVIII–XIX века – в эпоху индустриализации и технического прогресса лидирующее положение в науке, технике, философии в Европе принадлежит Германии, что способствует проникновению германизмов в английский язык как узкоспециализированной лексике, так и в быту (тенденции подражания);

4 период, глобализация, экономика, техника и культура, XX–XXI века – миграция, глобализация, научно-технический прогресс благоприятно сказы-

вается на взаимопроникновении германизмов в английский язык и английский язык в немецкий (появление синонимичных пар: заимствованный термин и заимствованный термин и заимствованный термин и исконный). Под термином «германизм» в английском языке мы понимаем заимствование из немецкого языка для 2, 3 и 4 периодов, в 1 периоде под термином «германизм» мы понимаем заимствования из всех языков германской группы.

Рассмотрим в таблице 1 периодизацию исторических периодов вхождения германизмов в ан-

глийский язык, перечень экстралингвистических факторов, способствующих этому наполнению, тематическую окраску заимствованных терминов, составляющие этимологических цепочек (СЭЦ), языки-посредники (ЯП) между языком-донором и языком-реципиентом, количество современных экономических терминов в английском языке, вошедших в язык в определенный исторический период (КСЭТ).

Таблица 1

Исторические периоды, перечень экстралингвистических факторов, тематика заимствованных терминов/СЭЦ/ЯП/КСЭТ

Название периода	Экстралингвистические факторы периода	Тематика германизмов в английском языке данного периода	Языки-посредники (ЯП), языки-доноры (ЯД), составляющие этимологических цепочек (СЭЦ)	Кол-во совр. эконом. терминов, вошедших в английский язык в данный период
1 период, Англо-саксонский период (V–XI века) и Средневековье (XI–XVI века)	Вторжение в Британию германских племен англов, саксов и ютов, военные конфликты с северогерманскими племенами (викинги – шведы, датчане и норвежцы), Нормандское завоевание в 1066 году	Бытовые предметы, семейные отношения, сельское хозяйство, право, военные термины, природные явления, природные ископаемые, торговая тематика.	Формирование древнеанглийского и среднеанглийского языков. ЯД – все германские языки.	8
2 период, Ренессанс и Ранний новый период (XV–XVII века)	Активизация международных торговых отношений Англии с Германией и Нидерландами и употреблению немецких торговых практик и финансовых инструментов, реформаторские нововведения в армии, связанные с военной реорганизацией по шаблону немецкой армии, развитие химического направления, металлургии и минералогии в Германии привело к появлению новых терминов, социальные изменения, способствующие переходу Англии от феодального государства к более централизованному, развитию товаро-денежных и капиталистических отношений, формированию государственного аппарата.	Экономическая и военная лексика, химия, металлургия, минералогия, административная лексика.	СЭЦ – среднеанглийский, средненемецкий, английский, датский, древнескандинавский, средненидерландский, ранненовоанглийский; ЯД – средненемецкий и ранненемецкий языки.	30
3 период, промышленная революция и научный прогресс, XVIII–XIX века	Лидирующее положение Германии в Европе в вопросах медицины, химической промышленности и минералогии, металлургии, философии, психологии, техники.	Экономическая лексика, химия, металлургия, минералогия, металлургия, философия, культура, психология, бытовая лексика, кулинария, музыка, лингвистика, техника	СЭЦ – немецкий, английский, ЯД – немецкий язык.	34

Название периода	Экстравербальные факторы периода	Тематика германизмов в английском языке данного периода	Языки-посредники (ЯП), языки-доноры (ЯД), составляющие этимологических цепочек (СЭЦ)	Кол-во совр. эконом. терминов, вошедших в английский язык в данный период
4 период, глобализация, экономика, техника и культура, XX–XXI века	Первая (1914–1918) и Вторая (1939–1945) мировые войны, послевоенный период (1945–1960-е), вторая половина XX века – начало XXI века, миграция, глобализация.	Экономическая лексика, химия, философия, культура, психология, бытовая лексика, кулинария, музыка, лингвистика, наука и техника, военная тематика, политика и социология.	СЭЦ – немецкий, английский, ЯД – немецкий язык.	16
Всего				88

Анализ частотности употребления германизмов в современной терминологии экономики в английском языке. Исследование частотности заимствованных слов необходимо для понимания степени «погруженности» иностранного вocabulя в язык-реципиент, которая прямо пропорциональна степени влияния культурных, экономических, социальных и политических явлений в процессе международного контакта. В ходе нашего исследования мы использовали схему распределения германизмов в современной терминологии экономики в английском языке по уровням частотности употребления в языке-реципиенте, заимствованную из Oxford English Dictionary (OED). <https://www.oed.com/information/understanding-entries/frequency/>. **1 уровень** содержит крайне редкие слова, которые вряд ли когда-либо встречаются в современных текстах. Это могут быть малоизвестные технические термины или слова, ограниченные периодами исторического употребления. На уровень 1 приходится около 18 % всех активных статей Оксфордского словаря.

2 уровень включает слова, которые встречаются реже 0,01 раза на миллион слов в современном английском языке. Это почти исключительно термины, не входящие в обычный разговор и неизвестные большинству людей. Многие из них – технические слова из узкоспециализированных областей. Около 45 % всех действующих словарных статей относятся к уровню 2.

3 уровень содержит слова, встречающиеся от 0,01 до 0,1 раза на миллион слов. Эти слова редко встречаются в таких жанрах, как романы и газеты, но при этом не являются слишком сложными. Около 20 % всех актуальных словарных статей OED относятся к уровню 3.

4 уровень включает слова, которые в современном английском языке встречаются от 0,1 до 1 раза на миллион слов. Такие слова отличаются большей спецификой, разнообразием стилей, реги-

ональными и тематическими особенностями по сравнению с уровнями 5–8. Тем не менее, большинство из них понятны англоговорящим и могут свободно использоваться в художественной литературе или журналистике. Около 11 % всех актуальных словарных статей Оксфордского словаря попадают в уровень 4.

5 уровень включает слова, встречающиеся в современном английском языке от 1 до 10 раз на миллион слов. В этой группе уже заметно удаление от повседневной лексики, характерной для уровней 6–8.

6 уровень включает слова, которые в современном английском языке встречаются от 10 до 100 раз на миллион слов. Это широкий набор описательных слов, содержащий множество существительных, обозначающих конкретные объекты, явления и понятия. Приблизительно 1 % всех действующих словарных статей Оксфордского словаря приходится на слова уровня 6.

7 уровень содержит слова с частотой от 100 до 1000 на миллион слов. В эту группу входят основные смысловые слова, составляющие основу повседневной речи и письма. На слова уровня 7 приходится около 0,18 % всех действующих словарных статей.

8 уровень включает слова, которые встречаются более 1000 раз на миллион слов в современном английском языке. Это самые распространённые английские слова, такие как местоимения, основные предлоги и союзы. Также сюда входят глаголы be и have, вспомогательные и модальные глаголы, самые частотные смысловые глаголы и базовые количественные прилагательные. Единственным существительным в этом уровне является слово time. Около 0,02 % всех действующих словарных статей Оксфордского словаря относятся к уровню 8 [Веретенников, 2023].

Анализ частотности геранизмов, вошедших в английское языковое пространство в 1 период,

Э. Р. Брагина

Англо-саксонский период (V–XI века) и Средневековые (XI–XVI века) показал, что эти термины имеют 2, 3, 4 и 5 уровня частотности, во 2 периоде, Ренессанс и Ранний новый период (XV–XVII века) диапазон частотности простирается также от 2 уровня по 5, в 3 периоде, промышленная революция и научный прогресс, XVIII–XIX века – со 2 по 6 уровня и 4 период, период, глобализация, экономика, техника и культура, XX–XXI века – со 2 по 5.

В таблице 2 представлен анализ среднего уровня частоты употребления терминов по OED (СУЧУТ по OED), среднеарифметический уровень частоты употребления германизмов в современной терминологии экономики, вошедших в язык-реципиент в каждом историческом периоде и

среднее количество значений на 1 германизм в современной терминологии экономики в английском языке (СКЗ на 1 германизм), вошедший в язык-реципиент в каждом историческом периоде, частичное соотношение германизмов в современной терминологии экономики в английском языке (ЧРСГ), вошедших в язык-реципиент в каждый исторический период, категориальная характеристика лексики современной терминологии экономики в английском языке, вошедшая в язык-реципиент в каждый исторический период, количество устаревших значений германизмов в современной терминологии экономики в английском языке германизмов, вошедших в каждый исторический период.

Таблица 2

Анализ СУЧУТ по ОЕД, среднеарифметический уровень частоты употребления германизмов, СКЗ на 1 германизм, ЧРСГ, категориальная характеристика лексики и количество устаревших значений германизмов

Исторические периоды вхождения германизмов в английский язык	Средний уровень частоты употребления германизмов в современной терминологии экономики в данном историческом периоде по OED/(среднеарифметический уровень частоты употребления германизмов в современной терминологии экономики в данном историческом периоде)	Среднее количество значений на 1 германизм в современной терминологии экономики в данном историческом периоде	Частичное соотношение германизмов в современной терминологии экономики в данном историческом периоде	Категории лексики (архаизмы, историзмы, сленг)	Количество устаревших значений германизмов в современной терминологии экономики в английском языке в данном историческом периоде
1 период, Англо-саксонский период (V – XI века) и Средневековые (XI – XVI века)	4 уровень (4)	7	6 существительных, 2 глагола	1 историзм УЗСЛ (сущ.)	14
2 период, Ренессанс и Ранний новый период (XV–XVII века)	3 уровень (3,4)	3,5	32 существительных, 1 прилагательное, 1 глагол	4 историзма УЗСЛ (3 сущ. и ТС сущ.),	12
3 период, промышленная революция и научный прогресс, XVIII–XIX века	2 уровень (2)	2,8	26 существительных, 1 прилагательное, 3 глагола	4 историзма УЗСЛ (сущ.), 3 сленга УЗСЛ (2 сущ., 1 прил.)	4
4 период, глобализация, экономика, техника и культура, XX–XXI века	2 уровень (2,7)	1	2 прилагательных в терминологическом словосочетании, 2 существительных в терминологическом словосочетании, 12 существительных	4 историзма (3 сущ.) УЗСЛ	0
Итого			76 существительных, 6 глаголов, 2 прилагательных, 2 прилагательных в ТС, 2 существительных в ТС, итого 88 германизмов	13 историзмов (12 сущ. и 1 глагол), 3 сленга (2 сущ., 1 прил.)	

Среднее количество значений на 1 термин в одном историческом периоде мы получаем путем деления общего количества всех значений всех терминов, вошедших в определенный период, на общее количество терминов, вошедших в английский язык в этом же периоде и функционирующих в современной терминологии экономики. Среднеарифметический уровень частоты употребления терминов в каждом историческом периоде был получен путем складывания уровней всех терминов, вошедших в определенный период, и деления на общее количество всех терминов, вошедших в этот же исторический период. Получение среднеарифметического уровня частоты употребления терминов способствует более точному и тщательному сопоставительному анализу частоты употребления заимствований, вошедших в язык-реципиент в разных исторических периодах. Исходя из данных таблицы 3, наименее частотными являются те германизмы в современной терминологии экономики, которые вошли в английский язык в 3 период (промышленная революция и научный прогресс, XVIII–XIX века) – 2 уровень (2), а германизмы с самой высокой частотой использования относятся к 1 периоду, Англо-саксонский период (V–XI века) и Средневековье (XI–XVI века) – 4 уровень (4). Что касается среднего количества значений на 1 термин в историческом периоде, наименьшее количество принадлежит германизмам из 4 периода (глобализация, экономика, техника и культура, XX–XXI века) и составляет в среднем одно значение на 1 германизм в современной терминологии экономики, в то время как наибольшее количество принадлежит современным экономическим германизмам из 1 периода, Англо-саксонский период (V–XI века), что составляет в среднем 7 значений на 1 германизм. Наибольшее количество устаревших значений германизмов в современной терминологии экономики отмечены в 1 периоде. Анализ частотности употребления терминов в каждом историческом периоде, среднего количества значений терминов, вошедших в язык-реципиент в каждый исторический период, количество устаревших значений современных экономических германизмов, вошедших в язык-реципиент в разные исторические периоды, показал нам, что эти значения изменяются параллельно. По частиречному анализу германизмов в современной терминологии экономики в английском языке, вошедших во все исторические периоды, подавляющее количество принадлежит существительным, что составляет 76 терминов или 86 % от общего количества всех германизмов.

Анализ тематической направленности и распределения по секторам экономики германизмов в современной терминологии экономики в английском языке. Разнообразен и перечень тематических групп (сфер) экономики, в которых широко употребляются заимствования из немецкого языка. В нашем исследовании мы делим тематические группы на:

- первый сектор (сельское хозяйство, рыболовство, добыча полезных ископаемых и лесное хозяйство), например, англ. *swingel* (остатки породы при добыче руды (горное дело, добыча));
- второй сектор (промышленность и строительство (обработка сырья, производство товаров), металлургия), например, англ. *porcelain* (фарфор, производство);
- третичный сектор (сфера услуг (торговля, транспорт, образование, здравоохранение, развлечения), менеджмент, маркетинг, кадры (управление персоналом), бухгалтерский учёт, хозяйственное право, налоги, недвижимость, управление и учет, инвестиционный фонд, ценные бумаги, фондовый рынок, финансовый сектор (банки, страхование, инвестиции, производные финансовые инструменты, валюта, опционы, облигации, акции, облигации, опционы, производные финансовые инструменты, фондовый рынок), например, англ. *smuggle* (контрабанда);
- четвертичный сектор (информационные услуги (ИТ, научные исследования, образование, финансы), макроэкономика, микроэкономика, международный бизнес, экономическая теория, производные финансовые инструменты, опционы, инвестиционный фонд, ценные бумаги, фондовый рынок, опционы, производные финансовые инструменты, технический анализ), например, англ. *cope* (операция литья (управление технологией)).

Многие перечисленные сферы экономики объединены в финансовый сектор экономики, который пересекает третичный (услуги) и четвертичный (знания, информационные технологии, научные услуги) сектора. Приведем примеры: инвестиционный фонд – это организация, аккумулирующая средства инвесторов и вкладывающая их в ценные бумаги, является частью финансового сектора, который входит в третичный сектор (услуги) с элементами четвертичного сектора (управление знаниями и информацией); ценные бумаги – финансовые инструменты (акции, облигации и др.), подтверждающие права собственности или долговые обязательства, яв-

ляются объектом операций на фондовом рынке, который относится к финансовому сектору, части третьего и четвертого секторов; фондовый рынок – это организованная площадка для купли-продажи ценных бумаг, которая является частью финансового сектора в рамках третичного и четвертичного секторов экономики; производные финансовые инструменты, а именно контракты, которые зависят от базовых активов (ва-

лют, акций и т. п.), относятся к финансовому сектору и требуют высокой экспертизы – часть четвертичного сектора и т. д.

В таблице 3 представлен перечень экономических секторов, к которым относятся германизмы современной терминологии экономики в английском языке, их количество в каждом секторе, классификация германизмов по историческим периодам вхождения в английский язык.

Таблица 3

Перечень секторов экономики (тематические группы или сферы), количество германизмов в каждом секторе, классификация германизмов по историческим периодам

N	Название сектора экономики (тематические группы или сферы)	Количество германизмов в современной терминологии экономики в каждом секторе экономике	Исторические периоды (1п., 2п., 3п., 4п.), в которые вошли германизмы современной терминологии экономики в английский язык
1	первичный сектор (сельское хозяйство, рыболовство, добыча полезных ископаемых и лесное хозяйство)	10 (12 %)	1п. – 1 2 п. – 4 3 п. – 4 4 п. – 1
2	вторичный сектор (промышленность и строительство (обработка сырья, производство товаров), машиностроение, metallurgy)	28 (33 %)	1п. – 1 2п. – 10 3п. – 9 4п. – 7
3	третичный сектор (сфера услуг (торговля, транспорт, образование, здравоохранение (фармацевтика, биотехнологии), развлечения), менеджмент, маркетинг, кадры (управление персоналом), бухгалтерский учёт, хозяйственное право, налоги, недвижимость, управление и учет, валюта, финансовая сфера (банки, страхование, инвестиционный фонд, производные финансовые инструменты, валюта, опционы, облигации, акции, облигации, опционы, производные финансовые инструменты, фондовый рынок)	49 (54 %)	1п. – 5 2 п. – 19 3 п. – 16 4 п. – 9
4	четвертичный сектор (информационные услуги (ИТ, научные исследования, образование, финансы), макроэкономика, микроэкономика, международный бизнес, экономическая теория, технический анализ, производные финансовые инструменты, опционы, инвестиционный фонд, ценные бумаги, фондовый рынок, опционы, производные финансовые инструменты, технический анализ)	2 (1 %)	1п. – 1 2 п. – 1
	Итого	89 (100 %), 1 термин – англ. Wirtschaftswunder (экономическое чудо) относится к вторичному и третичному секторам	1п. – 8 2п. – 34 3 п. – 30 4 п. – 16

Наибольшее количество германизмов представлено в третичном секторе экономики, что составило 49 терминов (54 % от общего количества всех германизмов), что говорит о сильном влиянии немецкой терминологии именно на языковое оформление услуг, торговли, транспорта и здравоохранения. На втором месте по количеству

германизмов находится вторичный сектор и составляет 28 терминов (33 % от общего количества всех германизмов). Наименьшее количество германизмов найдено в первичном секторе – 10 терминов (12 %) и четвертичном секторе – 2 термина (1 %), вероятно, из-за более узкой или отечественной терминологии или другого язы-

ка – донора заимствований.

В 3 периоде находится термин англ. *stock*, количество значений которого достигает до 112, а устаревших – до 34. Данные этого термина мы не учитываем в связи с очень высокими показателями, чтобы не искажить сопоставляемые средние показатели по каждому историческому периоду.

Анализ германизмов-интернационализмов в современной терминологии экономики в английском языке. В ходе нашего исследования было найдено 24 германизма-интернационализма в современной терминологии экономики в английском языке, что составляет 28 % от общего количества всех германизмов в современной терминологии экономики в английском языке и указывает на значительную, но не доминирующую роль германского языка как донора интернациональной лексики в экономической терминологии в английском языке. Однако большая часть терминов всё же остаётся либо специфично германской, что отражает сложное взаимодействие внутрилингвистических процессов и внешних факторов (глобализация, международное сотрудничество), влияющее на терминологическую лексику. Мы предлагаем следующую классификацию языка-донора для различных терминологий в языке-реципиенте по количественному представлению заимствований-интернационализмов языка-донора:

1. Язык-донор с ведущей интернациональной ролью. Заимствования-интернационализмы из

языка-донора составляют более 40 % всех заимствованных терминов из этого же языка-донора. Данный язык-донор обеспечивает ключевой интернациональный пласт терминологии и свидетельствует о высокой степени глобального и историко-культурного влияния на развитие терминологии языка-реципиента.

2. Язык-донор с заметной интернациональной ролью. Интернационализмы из языка-донора составляют 15–40 % от общего количества всех заимствований из этого языка-донора, что соответствует устойчивому и значительному влиянию, но не полному лидерству.

3. Язык-донор с опосредованной интернациональной ролью, где роль языка-донора ограничена или специфическими областями, или исторически обусловленными небольшими пластами терминов, а язык-реципиент преимущественно использует либо другие интернациональные ресурсы, либо опирается на собственные ресурсы.

Согласно данной классификации немецкий язык как язык-донор для современной терминологии экономики в английском языке является языком донором с заметной интернациональной ролью.

В таблице 4 рассмотрим распределение германизмов-интернационализмов в современной терминологии экономики в английском языке по секторам экономики и по историческим периодам вхождения в английский язык, их количественное представление и примеры.

Таблица 4

Распределение германизмов-интернационализмов (ГИ) в современной терминологии экономики в английском языке по секторам экономики и по историческим периодам вхождения в английский язык, их количественное представление и примеры

Сектора экономики / Примеры германизмов-интернационализмов	Кол-во ГИ	Исторические периоды вхождения ГИ в английский язык
Первичный сектор		
англ. <i>skipper</i> (шкипер, торговец)	1	1 период
англ. <i>stulm</i> (штрек, горизонтальный горный выработок в шахте)	1	2 период
англ. <i>sinter</i> (плавить металлы)	2	3 период
Вторичный сектор		
англ. <i>guild</i> (гильдия)	1	1 период
англ. <i>retort</i> (печь для плавки, выплавки или обработки металлов)	1	2 период
англ. <i>loch</i> ()	2	3 период
англ. <i>strikebreaker</i> (перебойщик, штрайкбрехер)	2	4 период
Третичный сектор		
англ. <i>pfennig</i> (пфенниг)	4	2 период
англ. <i>mark</i> (марка)	4	3 период
англ. <i>schatz bond</i> (казначейская облигация (короткосрочная), или просто Schatz-облигация)	4	4 период

Исходя из данных исследования, четвертичный сектор экономики не представлен германизмами-интернационализмами, наибольшее количество германизмов-интернационализмов в современной терминологии экономики были выявлены в третичной секторе и составило 12 терминов.

Выводы

1. В ходе нашего исследования германизмов в современной терминологии экономики в английском языке мы условно выделили 4 исторических периода (1 период, Англо-саксонский период (V–XI века) и Средневековые (XI–XVI века), 2 период, Ренессанс и Ранний новый период (XV–XVII века), 3 период, промышленная революция и научный прогресс, XVIII–XIX века, 4 период, глобализация, экономика, техника и культура, XX–XXI века).

2. Общее количество германизмов в современной терминологии экономики в английском языке составляет 88 терминов, из них в 1 исторический период 8 германизмов современной терминологии экономики вошли в английский язык, во 2 – 34, в 3 – 30 и в 4 – 16.

3. Анализ частотности употребления германизмов в современной терминологии экономики в английском языке показал, что наименее частотными являются те германизмы в современной терминологии экономики, которые вошли в английский язык в 3 период (промышленная революция и научный прогресс, XVIII–XIX века) – 2 уровень (2), а германизмы с самой высокой частотой использования относятся к 1 период, Англо-саксонский период (V–XI века) и Средневековые (XI – XVI века) – 4 уровень (4). Что касается среднего количества значений на 1 германизм, вошедший в язык-реципиент в каждый исторический период, наименьшее количество принадлежит германизмам из 4 периода (глобализация, экономика, техника и культура, XX–XXI века) и составляет в среднем одно значение на 1 германизм современной терминологии экономики в английском языке, в то время как наибольшее – к 1 периоду, Англо-саксонский период (V–XI века) и Средневековые (XI–XVI века), что составляет в среднем 7 значений на 1 германизм современной терминологии экономики в английском языке.

4. Анализ средней частотности употребления германизмов, вошедших в язык-реципиент в каждый исторический период, среднего количества значений на один термин, вошедший в язык-реципиент в каждый исторический период, и количественного представления устаревших значений германизмов, вошедших в язык-реципиент в

каждый исторический период, показал нам, что эти значения изменяются параллельно.

5. По частеречному анализу германизмов в современной терминологии экономики в английском языке, вошедших во все исторические периоды, подавляющее количество принадлежит существительным, что составляет 76 терминов или 86 % от общего количества всех германизмов.

6. Анализ тематической направленности германизмов в современной терминологии экономики в английском языке выявил следующее: наибольшее количество германизмов представлено в третичном секторе экономики, что составило 49 терминов (54 % от общего количества всех германизмов), и свидетельствует о сильном влиянии немецкой терминологии именно на языковое оформление услуг, торговли, транспорта и здравоохранения. На втором месте по количеству германизмов находится вторичный сектор и составляет 28 терминов (33 % от общего количества всех германизмов). Наименьшее количество германизмов найдено в первичном секторе – 10 терминов (12 %) и четвертичном секторе – 2 термина (1 %), вероятно, из-за более узкой или отечественной терминологии или другого языка-донора заимствований.

7. Результатом анализа 24 германизмов-интернационализмов в современной терминологии экономики в английском языке, что составляет 28 % от общего количества всех германизмов в современной терминологии экономики в английском языке, стал вывод о том, что немецкий язык как язык-донор для современной терминологии экономики в английском языке является языком донором с заметной интернациональной ролью. Четвертичный сектор экономики не представлен германизмами-интернационализмами, наибольшее количество германизмов-интернационализмов в современной терминологии экономики были выявлены в третичной секторе и составило 12 терминов.

Библиографический список

1. Американский журнал по экономике AEJ: Economic Policy. URL: <https://www.aeaweb.org/journals/pol> (дата обращения: 01.10.2025).
2. Богачёва А. П. Заимствования из немецкого и белорусского языков как фактор взаимопроникновения элементов культур этих народов // Романовские чтения – 16: сборник статей Международной научной конференции. Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2023. С. 150–151.
3. Брагина Э. Р. Тематический толковый словарь для делового общения (русский, английский, испанский языки). 1 т. / Э. Р. Брагина, М. Н. Мохосоева; под ред.

- Э. Р. Брагиной. Донецк : ФГБОУ ВО «ДонГУ», 2024. 252 с.
4. Брагина Э. Р. Тематический толковый словарь для делового общения (русский, английский, испанский языки). 2 т. / Э. Р. Брагина, Л. В. Ещенко, М. М. Писаревская; под ред. Э. Р. Брагиной. Донецк : ФГБОУ ВО «ДонГУ», 2024. 287 с.
5. Британский журнал по экономике. The Economics of Peace and Security Journal (EPSJ). URL: <https://www.epsjournal.org.uk> (дата обращения: 01.10.2025).
6. Британский журнал по экономике. Cambridge Core Open Access publications. URL: <https://www.cambridge.org/core/publications/open-access> (дата обращения: 01.10.2025).
7. Британский журнал по экономике. Cambridge Journal of Economics. URL: <https://academic.oup.com/cje> (дата обращения: 01.10.2025).
8. Британский журнал по экономике. Journal of Public Economics (Elsevier). URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-public-economics> (дата обращения: 01.10.2025).
9. Веретенников И. А. Причины и этапы заимствования слов из немецкого языка // Язык. Образование. Культура: сборник научных трудов по материалам XVII Международной научно-практической электронной конференции. Курск : КГМУ, 2023. С. 371–373.
10. Кулакова В. В. Лексические заимствования в английском языке из немецкого языка на примере социальных сетей / В. В. Кулакова, М. Г. Алексеева // Иностранный язык в профессиональной сфере: педагогика, лингвистика, межкультурная коммуникация: сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции. Москва : ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2022. С. 76–79.
11. Макарова Т. German loanwords in English language // Актуальные проблемы гуманитарных наук глагами молодежи: сборник научных трудов по итогам XIV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Киров : Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2024. С. 86–89.
12. Махмутова Г. Н. Заимствования из немецкого языка в диахронии в экономике // Самоуправление. 2020. Т. 2. № 1 (118). С. 272–275.
13. Плотникова А. А. Стратификация германизмов в градицанко-хорватской частной корреспонденции начала XX в. / А. А. Плотникова, Д. Ю. Ващенко // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2025. Т. 68, № 1–2. С. 355–375.
14. Романова П. Р. Германизмы тематической группы «еда» в современном английском языке // Вопросы иноязычной филологии в контексте современных исследований: сборник научных статей XXXVIII Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня образования Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева и 100-летию академика Е. А. Букетова. Чебоксары : Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2025. С. 155–160.
15. Саболова Д. Языковые контакты славянских и неславянских языков: семантика и функционирование германизмов в словацком языке / Д. Саболова, М. Кащева, М. А. Харламова // [Название журнала]. 2024. № 78. С. 215–231.
16. Словарь экономических терминов. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/econ_dict/ (дата обращения: 01.10.2025).
17. Цветков Е. Д. Особенности французской фонетики в заимствованиях из немецкого языка // Материалы конференции «Молодежь XXI века: образование, наука, инновации». Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2023. С. 119–121.
18. Шоломицкая А. С. Заимствования из немецкого языка в современном белорусском литературном языке // Вопросы современной филологии и теории обучения иностранным языкам: сборник тезисов I Международной студенческой конференции. Коломна : ГОУ ВО «Государственный социально-гуманитарный университет», 2022. С. 410–412.
19. OED. Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=late+old+english&tl=true> (дата обращения: 01.10.2025).
20. The Oxford Dictionary of English Etymology / ed. by C.T. Onions with the assistance of G.W.S. Friedrichsen and R.W. Burchfield. Oxford : Oxford University Press, 1982. 1025 p.

Reference list

1. Amerikanskij zhurnal po jekonomike AEJ = American Economic Journal AEJ: Economic Policy. URL: <https://www.aeaweb.org/journals/pol> (data obrashchenija: 01.10.2025).
2. Bogachjova A. P. Zaimstvovanija iz nemetskogo i belorusskogo jazykov kak faktor vzaimoproniknovenija jelementov kul'tur jetih narodov = Borrowings from German and Belarusian languages as an interpenetration factor of cultural elements of these nations // Romanovskie chtenija – 16: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Mogilev : MGU imeni A. A. Kuleshova, 2023. S. 150–151.
3. Bragina Je. R. Tematicheskij tolkovyj slovar' dlja delovogo obshchenija (russkij, anglijskij, испanskij jazyki). 1 t. = Thematic explanatory dictionary for business communication (Russian, English, Spanish). vol.1 / Je. R. Bragina, M. N. Mohosoeva; pod red. Je. R. Braginoj. Doneck : FGBOU VO «DonGU», 2024. 252 s.
4. Bragina Je. R. Tematicheskij tolkovyj slovar' dlja delovogo obshchenija (russkij, anglijskij, испanskij jazyki). 2 t. = Thematic explanatory dictionary for business communication (Russian, English, Spanish). vol. 2 / Je. R. Bragina, L. V. Eshhenko, M. M. Pisarevskaja; pod red. Je. R. Braginoj. Doneck : FGBOU VO «DonGU», 2024. 287 s.
5. Britanskij zhurnal po jekonomike. = British economics journal. The Economics of Peace and Security Journal (EPSJ). URL: <https://www.epsjournal.org.uk> (data obrashchenija: 01.10.2025).
6. Britanskij zhurnal po jekonomike = British economics journal. Cambridge Core Open Access publications.

URL: <https://www.cambridge.org/core/publications/open-access> (data obrashhenija: 01.10.2025).

7. Britanskij zhurnal po jekonomike = British economics journal. Cambridge Journal of Economics. URL: <https://academic.oup.com/cje> (data obrashhenija: 01.10.2025).

8. Britanskij zhurnal po jekonomike = British economics journal. Journal of Public Economics (Elsevier). URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/journal-of-public-economics> (data obrashhenija: 01.10.2025).

9. Veretennikov I. A. Prichiny i jetapy zaimstvovanija slov iz nemeckogo jazyka = Causes and stages of borrowing words from the German language // Jazyk. Obrazovanie. Kul'tura: sbornik nauchnyh trudov po materialam XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy elektronnoj konferencii. Kursk : KGMU, 2023. S. 371–373.

10. Kulakova V. V. Leksicheskie zaimstvovaniya v anglijskom jazyke iz nemeckogo jazyka na primere social'nyh setej = Lexical borrowings in English from German based on social networks / V. V. Kulakova, M. G. Alekseeva // Inostrannyj jazyk v professional'noj sfere: pedagogika, lingvistika, mezhkul'turnaja kommunikacija: sbornik materialov Mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva : FGBOU VO «RGU im. A.N. Kosygina», 2022. S. 76–79.

11. Makarova T. German loanwords in English language // Aktual'nye problemy guumanitarnyh nauk glazami molodezhi: sbornik nauchnyh trudov po itogam XIV Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoy konferencii studentov i molodyh uchenykh. Kirov : Mezhdregional'nyj centr innovacionnyh tehnologij v obrazovanii, 2024. S. 86–89.

12. Mahmutova G. N. Zaimstvovaniya iz nemeckogo jazyka v diachronii v jekonomike = Borrowings from German in diachrony in economics // Samoupravlenie. 2020. T. 2. № 1 (118). S. 272–275.

13. Plotnikova A. A. Stratifikacija germanizmov v gradishhansko-horvatskoj chastnoj korrespondencii nachala XX v. = Stratification of Germanisms in Hrđišćan-Croatian private correspondence of early XX century / A. A. Plotnikova, D. Ju. Vashhenko // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2025. T. 68, № 1–2. S. 355–375.

14. Romanova P. R. Germanizmy tematicheskoy gruppy «eda» v sovremenном anglijskom jazyke = Germanisms of

the thematic group «food» in modern English // Voprosy inojsazhnoj filologii v kontekste sovremennoj issledovanij: sbornik nauchnyh statej XXXVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashchennoj 95-letiju so dnja obrazovaniya Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ja. Jakovleva i 100-letiju akademika E.A. Buketova. Cheboksary : Chuvashskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. I. Ja. Jakovleva, 2025. S. 155–160.

15. Sabolova D. Jazykovye kontakty slavjanskih i neslavjanskih jazykov: semantika i funkcionirovaniye germanizmov v slovackom jazyke = Language contacts between Slavic and non-Slavic languages: semantics and functioning of Germanisms in the Slovak language / D. Sabolova, M. Kasheva, M. A. Harlamova // [Nazvanie zhurnala]. 2024. № 78. S. 215–231.

16. Slovar' jekonomiceskikh terminov = Dictionary of Economic Terms. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/econ_dict/ (data obrashhenija: 01.10.2025).

17. Cvetkov E. D. Osobennosti francuzskoj fonetiki v zaimstvovanijah iz nemeckogo jazyka = Specific features of French phonetics in borrowings from German // Materialy konferencii «Molodezh' XXI veka: obrazovanie, nauka, innovacii». Novosibirsk : Novosibirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2023. S. 119–121.

18. Sholomickaja A. S. Zaimstvovaniya iz nemeckogo jazyka v sovremennom belorusskom literaturnom jazyke = German borrowings in the modern Belarusian literary language // Voprosy sovremennoj filologii i teorii obuchenija inostrannym jazykam: sbornik tezisov I Mezhdunarodnoj studencheskoy konferencii. Kolomna : GOU VO «Gosudarstvennyj social'no-gumanitarnyj universitet», 2022. S. 410–412.

19. OED. Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=late+old+english&tl=true> (data obrashhenija: 01.10.2025).

20. The Oxford Dictionary of English Etymology / ed. by C.T. Onions with the assistance of G.W.S. Friedrichsen and R.W. Burchfield. Oxford : Oxford University Press, 1982. 1025 p.

Статья поступила в редакцию 24.09.2025; одобрена после рецензирования 15.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 24.09.2025; approved after reviewing 15.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Научная статья

УДК 784

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-172

EDN: GEMDTS

Воплощение сказочных сюжетов А. С. Пушкина в жанре балета: к проблеме синтеза искусств

Татьяна Семеновна Злотникова^{1✉}, Вирджиния Анатольевна Свистунова²

¹Доктор искусствоведения, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республикаанская, д. 108/1

²Аспирант кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республикаанская, д. 108/1

¹cij_yar@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

²virdzhiniyap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0145-7411>

Аннотация. Балет, объединяющий музыку, хореографию, живопись и драматургию, стал одним из важнейших направлений русского синтетического искусства. На основании изучения существующих на сегодняшний день источников устанавливается, что проблема воплощения пушкинских сказочных образов в балете все еще остается малоизученной областью научного знания. В статье рассматривается балетная пушкиниана первой половины XX века. Устанавливается, что творчество А. С. Пушкина оказало глубокое и многогранное влияние на русский балет, став неисчерпаемым источником вдохновения для хореографов, композиторов и художников на протяжении многих поколений. Анализируется трансформация литературного наследия А. С. Пушкина в балетные постановки, раскрываются особенности взаимодействия литературы и хореографии в процессе создания спектаклей. Приводится обзор балетных постановок, созданных на пушкинские сюжеты.

Особенное внимание в статье уделено рассмотрению балета М. И. Чулаки «Сказка о попе и о работнике его Балде», основанному на русских народных мотивах и обладающему значимыми художественными достоинствами. Советский комедийный балет представляет собой яркую и самобытную (при этом уникальную ввиду своей малой распространенности) страницу в истории музыкального театра XX века. Она вобрала в себя традиции русского и западноевропейского балета, при этом отражая идеологические и эстетические установки советской эпохи. Выделяются такие ключевые линии сочинения, как пародийная, лирическая и народно-фольклорная, которые в совокупности становятся средством отражения русского национального колорита. Тонкая сатира А. С. Пушкина раскрывается создателями балета (композитором М. И. Чулаки, либреттистом Ю. И. Слонимским, балетмейстером В. А. Варковицким и художником А. А. Коломойцевым) на основе синтеза искусств.

Ключевые слова: синтез искусств; балет; А. С. Пушкин; М. И. Чулаки; «Сказка о попе и о работнике его Балде»; музыка; литература

Для цитирования: Злотникова Т. С., Свистунова В. А. Воплощение сказочных сюжетов А. С. Пушкина в жанре балета: к проблеме синтеза искусств // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 172–181. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-172>. <https://elibrary.ru/GEMDTS>

THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS (CULTUROLOGY, ART HISTORY)

Original article

Representation of A. S. Pushkin's fairy-tale stories in the genre of ballet: towards the problem of the arts synthesis

Tatiana S. Zlotnikova¹✉, Virginia A. Svistunova²

¹Doctor of arts studies, honored scientist of the RF, professor at the department of cultural studies, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

²Postgraduate student at the department of cultural studies, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

¹cij_yar@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

²virdzhiniyap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0145-7411>

Abstract. The ballet, combining music, choreography, painting and drama, has become one of the most important trends of Russian synthetic art. According to the current studies, it is evident that the problem of performing Pushkin's fairy-tale characters in ballet is still an area of scientific knowledge that has not been sufficiently studied. The article examines the ballet Pushkiniana of the early XX century. A. S. Pushkin's had a profound and multifaceted influence on Russian ballet, being an inexhaustible source of inspiration for many generations of choreographers, composers and artists. The authors analyze the transformation of A. S. Pushkin's literary heritage into ballet performances and show the specific interaction between literature and choreography in the course of staging. A review of ballet productions based on Pushkin's plots is given in the article. The article focuses on M. I. Chulaki's ballet «The Tale of the Priest and of his Workman Balda», based on Russian folk motifs and having significant artistic merits. This Soviet comedy ballet is a bright and original event in the history of the XX century musical theater which is at the same time unique since it is not very well known. Incorporating the traditions of Russian and Western European ballet, it reflects the ideological and aesthetic attitudes of the Soviet era. There are such key lines of the work as parody, lyrical and folklore, which together become a means of reflecting the Russian national flavor. A. S. Pushkin's subtle satire is revealed by the ballet's creators (the composer M. I. Chulaki, the librettist Y. I. Slonimsky, the choreographer V. A. Varkovitsky and the artist A. A. Kolomoytsev) on the basis of the arts synthesis.

Key words: synthesis of the arts; ballet; A. S. Pushkin; M. I. Chulaki; «The Tale of the Priest and of his Workman Balda»; music; literature

For citation: Zlotnikova T. S., Svistunova V. A. Representation of A. S. Pushkin's fairy-tale stories in the genre of ballet: towards the problem of the arts synthesis. *Verhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik*. 2025;(4):172–181. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-172>. <https://elibrary.ru/GEMDTS>

Введение

Формирование русской национальной культуры испокон веков происходило в русле стремления к единению различных художественных начал в гармоничное целое. Начиная с древних храмовых традиций, в которых архитектура, иконопись, пение и декоративно-прикладное искусство сливались в едином духовном пространстве, данная тенденция оставалась неизменной. В этой связи невозможно не согласиться с мнением М. С. Кагана, отмечавшего: «Подобно тому, как химические элементы способны соединяться не только попарно (например, водород с кислородом или медь с серой), но и в более сложных комбинациях – по три, четыре и т. д. элемента, так и одноэлементные искусства оказываются способны-

ми к образованию весьма сложных, многочленных комбинаций» [Каган, 1972, с. 374].

Синтез искусств в контексте культуры начала XX века

В эпоху Серебряного века феномен синтеза искусств, рассматриваемый сегодня как явление, характеризующееся взаимопроникновением и взаимодействием различных видов художественного творчества, достиг своего расцвета. В этот период синтез искусств как результат взаимной интеграции видов искусств и взаимодействия творцов, способствовал рождению нового, универсального художественного языка, ставшего впоследствии одной из определяющих черт современного национального самосознания.

«Мир искусства», исторически значимое художественное объединение в Санкт-Петербурге

(позже – Петрограде, Ленинграде), – одно из наиболее влиятельных творческих объединений Серебряного века, интегрировал в своих кругах художников, поэтов, философов и музыкантов, что способствовало активизации процессов синтеза искусств на различных уровнях. В первую очередь, изменилась сама концепция творческой мысли, в основе которой теперь оказался синтез идей и образов произведений, что закономерно вылилось в синтез жанров: инструментальных, вокальных, хореографических, художественных. Г. В. Варакина отмечает: «Ярким примером синтетических явлений в искусстве рубежа XIX–XX вв. выступает балетный спектакль» [Варакина, 2019, с. 246].

Искусство балета в начале XX века стало фундаментом для воплощения концепции синтеза искусств на основе объединения различных видов искусства. Творцы включали новаторские элементы как в саму сценическую постановку, так и в оформление спектакля, включая музыкальные и художественные решения. Жанр балета сохранил свою ключевую особенность – единство драматургии, музыки и пластики, в которой танец подчиняется развитию сюжета.

Деятельность Сергея Павловича Дягилева (1872–1929), создателя новаторских театральных представлений, позволило продемонстрировать новую сторону русского культурного наследия международному зрителю. Как верно подчеркивает Г. В. Варакина: «Балетная реформа связана с именами достаточно большого круга имен, однако особое место в их числе занимает имя Сергея Дягилева» [Варакина, 2019, с. 16]. Синкретизм, соединение традиций Востока и Запада способствовали зарождению уникального межкультурного диалога, привлекшего ведущих художников, балетмейстеров и музыкантов эпохи. Л. Ф. Буркова отмечает: «Во многих странах в театральных постановках стали добиваться большей достоверности и художественной выразительности оформления спектаклей» [Буркова, 2019, с. 167]. Художественный союз изобразительного искусства, звучания и движения вызвал интерес критиков и зрителей гармонией формы и содержания, музыки и пластики, характеризующих российскую культуру. Особенность эстетического воздействия заключалась именно в органичном синтезе различных элементов, рождая новое качество восприятия и понимания художественного произведения.

Важно отметить, что синтез искусств проявился в балетном жанре уже на уровне замысла. При подготовке смешанного оперно-балетного Рус-

ского сезона 1909 года в театре Шатле Дягилев предложил публике необычное сочетание трёх музыкальных программ, построены на основе классических опер («Иван Грозный» М. П. Мусоргского, фрагменты из произведений М. И. Глинки и А. П. Бородина). Специально отведенное для этого пространство занимала серия подготовленных заранее балетных номеров («Павильон Армиды», «Клеопатра», «Сильфиды»), к которым планировалось добавить новый номер. Этот, четвёртый балет получил название «Пир» (1909), объединив в одной танцевальной сюите хореографические номера А. А. Горского, Н. О. Гольца, Ф. И. Кшесинского, М. И. Петипа, М. М. Фокина на музыку А. К. Глазунова, М. И. Глинки, М. П. Мусоргского, Н. А. Римского-Корсакова и П. И. Чайковского.

В начале XX века творчество Дягилева внесло значительный вклад в развитие не только русской, но и западноевропейской культуры, что было связано с уникальным синтезом восточной роскоши и «русской экзотики» в жанре балета. О. Н. Полисадова подчеркивает: «Хореографическое искусство начала XX в. искало новые средства и новые пути для выражения своей внутренней сущности. Поэтому рамки традиций стали узки, и появилось желание раздвинуть привычные границы» [Полисадова, 2018, с. 461]. Эклектичные декорации и необычные костюмы, выполненные русскими мастерами, стали основой формирования популярного тогда направления арт-деко. Элементы декоративности, сказочные сюжеты, использование дорогих тканей и блестящих украшений во многом определяли художественный облик балетов «Клеопатра», «Шахерезада». Костюмы Л. С. Бакста для балета «Жар-птица» произвели настоящий фурор, словно драгоценности сверкая на фоне великолепных узоров и яркого оформления сцены.

Таким образом, одним из наиболее значимых явлений в русском синтетическом искусстве стал востребованный за счет его экзотичности и откровенной эффективности жанр балета, не случайно, именно русские балетные постановки обрели мировую славу и на протяжении столетий интерес к ним не угасает. Действительно: в балете, как nowhere более тонко, прочно и гармонично переплетаются музыка, хореография, живопись и драматургия.

Творчество А. С. Пушкина как основа синтеза искусств

Творчество А. С. Пушкина (1799–1837) является не просто важнейшей страницей в истории

русской литературы, но ярким воплощением национальной культуры и самобытности. В произведениях величайшего творца, как в зеркале, отразились душа русского народа, его история, традиции и мечты. Создав уникальный литературный язык, наполненный житейской мудростью и образностью, А. С. Пушкин до сих пор остается до конца не понятым зарубежным читателем, и это не удивительно. Сталкиваясь с трудностями перевода, выдающиеся сочинения русского творца не могут быть оценены и осмыслены в полной мере. Между тем, в отличие от русского литературного языка, «язык синтеза искусств» можно рассматривать как универсальный и значительно более доступный широкому кругу зрителей и слушателей. Как справедливо отмечает Г. П. Степанов: «Синтез искусств – взаимодействие видов искусства, при котором каждый из компонентов, выступая с определенной степенью самостоятельности, приобретает новые качества, относящиеся равно к его форме и содержанию. Художественный образ, возникший на основе синтеза искусств, – качественно новое явление, он имеет сложную, многоплановую структуру, недоступную отдельным видам искусства» [Калинина, 2016, с. 237].

Вызывает недоумение тот факт, что изучение воплощения пушкинских образов в жанре балета, несмотря на всю значимость этого художественного явления, по сей день остается мало востребованной областью. Тем не менее, исследованию особенностей претворения произведений А. С. Пушкина в искусстве балета посвящен корпус работ. Такова книга «Пушкин в театральных креслах: Картины русской сцены 1817–1820 годов» Л. П. Гроссмана [Гроссман, 1926], исследовавшего особенности русского театра «пушкинской поры» в контексте расцвета профессионального театрального искусства в России. В ракурс научного интереса В. М. Красовской («Русский театр от возникновения до середины XIX века» [Красовская, 1958], «Сюжеты Пушкина в искусстве русской хореографии» [Красовская, 1967]) вошли как драматические, так и хореографические воплощения сюжетов А. С. Пушкина. Н. И. Эльяш в работе «Пушкин и балетный театр» [Эльяш, 1970] рассматривает претворение пушкинского наследия в жанре балета («Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», и др.). В книге историка балета Ю. М. Слонимского «Балетные строки Пушкина» [Слонимский, 1974] раскрывается содержание, казалось бы, случайных пушкинских реплик в балете. Особенное внимание

автор уделяет анализу наброска повести «Две танцовщицы».

Между тем, как справедливо отмечает М. А. Ведерникова: «Балетная Пушкиниана беспрецедентна по своему числу в сравнении с интерпретациями произведений иных авторов. На балетной сцене произведения Пушкина появляются еще при жизни поэта, их ставят Ш. Дидло и А. П. Глушкин» [Ведерникова, 2012, с. 63]. Сложно преувеличить важность прижизненных пушкинских балетов в контексте эпохи: именно тогда, и не в последнюю очередь под влиянием творчества поэта, окончательно сформировалась отличительная черта русских балетных представлений, а именно: приоритет содержания над формой, которая рассматривалась как инструмент для наиболее четкого и понятного выражения центральной идеи произведения.

Указанная тенденция синтеза искусств кристаллизовалась в первой половине XX столетия, в частности, в искусстве советского периода. Огромную роль в воплощении южных, сказочных и других пушкинских сюжетов сыграли такие отечественные композиторы, как Б. В. Асафьев (1884–1949), С. Н. Василенко (1872–1956), Р. М. Глиэр (1874–1956), и др. В неиссякаемом числе балетных постановок на пушкинские сюжеты укажем на наиболее значимые (не затрагивая зарубежные постановки): в 1934 году на сцене Ленинградского театра оперы и балета им. С. Кирова была осуществлена постановка балета «Бахчисарайский фонтан» (композитор Б. В. Асафьев, балетмейстер Р. В. Захаров); в 1937 году на сцене Музыкального театра им. В. И. Немировича-Данченко были поставлены «Цыганы» (композитор С. Н. Василенко, балетмейстер Н. С. Холфин); в 1938 году состоялась премьера балета Б. В. Асафьева «Кавказский пленник» (на сцене Малого оперного театра в Ленинграде, балетмейстер Л. М. Лавровский); там же, в 1940 году состоялась премьера балета «Сказка о Попе и о работнике его Балде» композитора М. И. Чулаки, балетмейстер В. А. Варковицкий; 1946 год становится премьерным для балета «Барышня-крестьянка» Б. В. Асафьева (на сцене московского Большого театра, балетмейстер Р. В. Захаров); в тот же год выходит в свет и еще один балет композитора – «Каменный гость» (балетмейстер Л. В. Якобсон); закрывает балетную Пушкиниану первой половины XX столетия балет «Медный всадник» композитора Р. М. Глиэр, (Ленинградский театр оперы и балета балетмейстер Р. В. Захаров, 1949). Как отмечает В. М. Красовская: «Балетной инсценировке в со-

ветском театре подверглись следующие произведения Пушкина: пять поэм: „Бахчисарайский фонтан”, „Кавказский пленник”, „Цыганы”, „Медный всадник”, „Граф Нулин”; две сказки: „Сказка о Попе и о работнике его Балде”, „Сказка о мертвом царевне и о семи богатырях”; из пяти повестей Белкина – две: „Барышня-крестьянка” и „Станционный смотритель” (по третьей повести, „Гробовщик”, музыка написана, но не воплощена сценически); из четырех маленьких трагедий – одна: „Каменный гость” [Красовская, 1967, с. 273].

О. А. Оленева отмечает: «Пушкинские сказки в меньшей степени получили воплощение на театральной сцене. Тем не менее, композиторы создали яркие и самобытные произведения, не утратившие свою популярность и ныне» [Оленева, 2023, с. 289]. Ретроспективное рассмотрение советских балетов, созданных на сюжеты произведений А. С. Пушкина, показывает, что сказки прежде оказывались, как правило, за пределами внимания отечественных композиторов и музыкально-театральных деятелей, в связи с чем и изученность в современной науке такого рода произведений остается достаточно небольшой.

Между тем, в отечественном и зарубежном хореографическом искусстве жанр волшебного или сказочного балета всегда играл особенную роль. Не только сюжеты, но также музыка, танец, костюмы и декорации способствовали рождению удивительных, таинственных и привлекающих зрителя своей загадочностью сказочных «картин». Примечательно, что сказка нередко раскрывала перед творцами уникальные возможности синтеза искусств, способствуя, например, сценическому воплощению парадоксального, основанного на разных художественных принципах (вокальном и пластическом) жанра оперы-балета.

В качестве примера можно привести оперу-балет «Золотой петушок», поставленную труппой «Русский балет» С. П. Дягилева в 1914 году в Париже по опере Н. А. Римского-Корсакова «Золотой петушок» (по «Сказке о золотом петушке» А. С. Пушкина, либретто А. Н. Бенуа). Как известно, наибольшую популярность во всем мире завоевал волшебный балет П. И. Чайковского «Щелкунчик» (оп. 71, 1892) на либретто М. Петипа по мотивам сказки Э. Т. А. Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король». Обратим внимание на то, что в обоих указанных случаях, в различных соотношениях имеет значение русская национальная основа. В «Золотом петушке» она приобретает довлеющее значение, что находит

выражение в музыке, насыщенной исконно русскими танцевальными и песенными интонациями, декорациях, основой которых стали приемы, использующиеся в лубочной живописи (красное солнце в виде лица, желтое небо, и др.), хореографии, использующей элементы русского танца. В балете П. И. Чайковского «Щелкунчик» национальная основа раскрывается наиболее полно в характерном эпизоде «Русский танец» («Трепак» II действие), да и трогательная атмосфера детской игры и ожидания радости близка русской национальной культуре.

Таким образом, мы можем выделить несколько значимых аспектов в развитии русских произведений балетного жанра, где важное значение имеет синтез искусств – литературы, музыки, изобразительного искусства: 1. сказочная или волшебная сюжетная первооснова, 2. опора на творчество А. С. Пушкина, 3. использование русских национальных образов в музыкальной, художественной и хореографической составляющих музыкально-сценических произведений.

Данные тенденции, начало которым было положено в XIX веке, продолжились и в первой половине XX столетия.

Балетная интерпретация сатирической сказки А. С. Пушкина

Считаем необходимым обратить внимание на весьма своеобразный (ибо комедийных, да еще с элементами сатиры балетов в истории культуры было совсем немного) балет М. И. Чулаки «Сказка о попе и о работнике его Балде» в 4 актах, ввиду своих высоких художественных достоинств, пользовавшийся неизменной популярностью у зрителей, благосклонно принятой критикой и поставленный на отечественных сценах целых шесть раз: в 1940 году (Ленинградский Малый театр, балетмейстер В. А. Варковицкий); в 1945 году (там же, балетмейстеры Г. И. Исаева, В. М. Тулубьев и Н. С. Соколов); в 1962 году (на сцене Рижского театра оперы и балета, балетмейстер Е. А. Тангиева-Бирзниек); в 1971 году – в Московском хореографическом училище (под названием «Русская сказка», балетмейстер А. А. Дементьев; в 1975 году в Алма-Ата ГАТОБ им. Абая (также под названием «Русская сказка», балетмейстер М. Ж. Тлеубаев); и в 1977 году на сцене Петрозаводского театра оперы и балета (балетмейстеры С. П. Кузнецов и А. С. Кузнецов). Остановимся подробнее на сценической судьбе этого, к сожалению, мало знакомого современному зрителю произведения.

Михаил Иванович Чулаки (1908–1989) – советский музыкант, композитор, общественный деятель, педагог, профессор. Работал директором Большого театра СССР в 1955–1959, 1963–1970 гг. Народный артист РСФСР (1969), лауреат трёх Сталинских премий второй степени. Автор нескольких балетов («Иван Грозный» (на основе музыки С.С. Прокофьева к одноимённому фильму (1943), «Мнимый жених» (1946), «Юность» (1949), симфоний, Концерта для оркестра (1934), оперы, канканы и др. сочинений.

В. Богданов-Березовский отмечает: «В партитуре балета „Балда“ раскрылись интересные черты творческой индивидуальности Чулаки как композитора театрального, и, прежде всего, своеобразие его юмора, основанного на внешне-серьезном показе внутренне-смешного» [Богданов-Березовский, 1947, с. 18]. Значимой отличительной чертой балета стало использование народных жанровых основ. Либретто балета было создано выдающимся историком искусства, балетоведом Ю. И. Слонимским (1902–1978). Сюжет балета заимствован непосредственно из пушкинской сказки, которая сама по себе основана на русских народных мотивах (русская народная сказка, записанная А. С. Пушкиным в Михайловском от Арины Родионовны). Е. М. Неелов отмечает: «Традиционная трактовка рассматривала „Сказку о Балде“ как острую социально-политическую сатиру, другой подход связан с особенностями поэтики фольклорной сказки и её литературной трансформации, связанной с трудностями совмещения фольклорно-сказочной функции персонажа и характера литературно-сказочного героя» [Неелов, 2014, с. 124].

В балете четыре акта. Ю. А. Кремлев отмечает: «Лучше других построены I и II акты. Им присущи цельность и колоритность (пестрая картина ярмарки I акте, жизнь Балды в семье попа – во II акте). III акт (черты и Балда) гораздо более рыхл и расплывчат. Наконец, IV акт наименее сюжетен и, потому, слабо замыкает спектакль» [Кремлев, 1940, с. 60].

Музыкальный язык балета подчеркнуто театрален: композитор подразделяет цельный музыкальный материал на несколько взаимозависимых групп: пародийную, лирическую и народно-фольклорную музыку. Главных действующих лиц в балете немного: это лирические герои – Балда и поповна, персонажи комедийные – поп и попадья. Сказочных героев (роли второго плана) представляют старый бес, чертовка, бесенок, пугало. Присутствуют и образы животных: зайчики, кобыла.

В массовых сценах действующими лицами являются цыгане, девушки и юноши.

Важно отметить, что либретто балета представляет собой переработанный вариант пушкинской сказки о Балде, дополненный элементами народных сюжетов, в совокупности же все это представлено в пародийно-лирическом ключе.

Пародийная линия определяется композитором как магистральная в музыке балета, что неслучайно. М. Азадовский называл сказку Пушкина «О попе и работнике его Балде» «социально-острой, сатирической» [Азадовский, 1938, с. 58], В. Сдобнов – «шутливой» [Сдобнов, 2002, с. 238], В. Непомнящий указывал на присутствующий в ней юмор [Непомнящий, 1987, с. 243]. Так, музыкальная характеристика попа (и его лейтмотив) воплощен в «гнусавом» тембре фагота и «подзучен» колоколами. Для юмористической стилизации колыбельной (II акт, сон попа) композитор использует принцип тембрового контраста, противопоставляя звучность высоких засурдиненных скрипок голосам медной группы. Привлекает внимание противопоставление крайних регистров, присутствие атональных мелодических фигур.

Музыка балета приближена к фольклорному звучанию и обладает легкостью, простотой звучания, гармоническим очарованием народной музыки. Национальный колорит проявляется также в использовании подлинных фольклорных источников: «Барыня», «Во поле березонька стояла», «Бульба» (белорусский танец), а также во введении в музыкальную канву подголосочной полифонии и вариационных принципов музыкального развития, свойственного русской песенности.

В балете «Балда» привлекает внимание своеобразное преломление определившихся в советской музыкальной культуре подходов к воплощению народного модуса в профессиональной композиторской музыке. М. И. Чулаки обращается к веселой, радостной стороне русского фольклора, продолжая традиции А. П. Бородина, Н. А. Римского-Корсакова. Примечательно, что интонации народной песни «Исходила младенька все луга и болота» (пляска в I акте) была прежде использована М. П. Мусоргским в опере «Хованщина».

В соответствии с музыкой были определены и хореографические решения балетмейстера В. А. Варковицкого, выявляющие, прежде всего, жанровую основу русского народного танца: хоровод, русская пляска, и др.

Лирическая сфера связана, прежде всего, с образом главного героя – Балды, с образом Поповны

и пейзажными музыкальными зарисовками. Первая музыкальная характеристика Балды впервые возникает в I действии в «русском танце», открывающемся большим соло баяна. Окончательно образ Балды раскрывается во II акте в адажио (в необычной метрической основе – 5/4).

Музыкальная и хореографическая характеристика персонажей

Необходимо отметить, что музыкальные характеристики персонажей балета отличаются значительной подвижностью, более того, они спаиваются композитором между собой. Так, например, одной из наиболее ярких тем, становится тема Балды из I акта (рисунок 1):

Рисунок 1. «Тема Балды из I акта» из оперы М. Чулаки

Лихой, жизнерадостный характер Балды обрисован при помощи хроматизмов, пунктирного ритма, восходящего аккордового движения и нисходящих кантиленных линий. Примечательно, что эта же тема вновь появляется в конце II акта, но на этот раз в танце попа.

Лирический образ Поповны музыкально вырисовывается композитором при помощи задушевных, наивных и сентиментальных вальсовых интонаций, вызывающих ассоциации с творчеством А. К. Глазунова и А. В. Лядова. Обратим внимание на то, что для создания лирических образов М. И. Чулаки использует не народные, а классические музыкальные (и, соответственно, танцевальные) жанры. К таковым относится, например, полька попенка.

Выразительны и окрашены индивидуальными звуковыми решениями поэтические картины русской природы, данные в симфонических эпизодах II и IV действий. Народно-фольклорная линия представлена массовыми жанровыми танцевальными сценами: «Барыня» (акт I), массовые хороводные и др. танцы.

Воплощение сказочных образов сочетает в себе черты русского фольклорного творчества и элементы западно-европейской музыкальной традиции. Так, например, в основе танца чертей заложена кадриль, интонации же старого беса пародируют лейтмотив Зигфрида из одноименной оперы Р. Вагнера (рисунок № 2):

Рисунок 2. «Лейтмотив Зигфрида» из оперы Р. Вагнера

Музыкальная специфика балета

Одним из преимуществ партитуры балета «Балда» является умелая работа композитора с оркестровкой. Не задействуя весь спектр выразительных возможностей оркестра, композитор сосредоточился на прозрачности, чёткости и ясности инструментального изложения, используя редкие полные составы, акцентируя различие между группами инструментов и ясно разделяя партию солирующего голоса и сопровождение.

Активное обращение к деревянным духовым инструментам, характерное для русской музыкальной традиции, придаёт произведению убедительную народную окраску. Медные инструменты используются особенно удачно в танцевальных эпизодах и комедийных моментах (например, в финале II акта, имитируя рывканье и ржание лошади). Лишь в некоторых фрагментах третьего акта звучание меди становится излишне резким. Струнные инструменты задействованы умеренно, но играют важную роль в передаче лирической атмосферы отдельных эпизодов.

Первую постановку балета «Балда» на сцене Ленинградского Малого Оперного театра (1940) осуществили балетмейстеры В. А. Варковицкий (1916–1974) и Ф. В. Лопухов (1886–1973), проявившие большую изобретательность и создавшие немало оригинальных решений в искусности совмещения классических танцевальных приёмов с народными традициями.

С точки зрения хореографии особенно интересны своей условностью и выразительностью оригинальные танцы неодушевлённых предметов: самоваров, дров, снопов и пр. Удачно оказались придуманы многие сказочно-комические эпизоды: танец пугала, кобыла и гуси, и др. Однако композиция балета имеет недостатки. Ю. А. Кремлев отмечает: «Наименее удачны, как и в самой музыке, сцены III акта (черты). Думается, что тут дело не столько в случайном промахе, сколько в неправильной ориентировке. Намеренно стремясь обрисовать чертей в обыденном, реальном „человеческом“ плане, авторы спектакля смешивают мистику с фантастикой. Образы чертей как порождение народной фантазии, конечно, не мистичны; но они должны быть фантастическими, а не обыденными, ибо фантазия, сведенная

Т. С. Злотникова, В. А. Свистунова

к обыденности, теряет весь свой смысл» [Кремлев, 1940, с. 64].

Художником, оформившим спектакль 1940 года, стал А. А. Коломойцев (1916–1942). Е. Н. Байгузина отмечает: «Жанровый репертуар спектаклей, оформленных Коломойцевым в Ленинграде до войны, был весьма разнообразен и многообещающим, он свидетельствовал о многогранности начинающего художественного дарования» [Байгузина, 2015, с. 21]. Художник использовал принцип контраста, облачив чертей в однообразные серые костюмы оттенка, среди которых выделялся яркий красный костюм чертовки. Не менее удачными оказались и народные костюмы – русские шаровары и рубаха Балды, яркие струящиеся наряды цыган. Среди декораций балета наиболее примечательны задний план третьей картины III акта (подернутое дымкой тумана серое озеро, испещренное кочками и окруженное хилыми деревцами); светлые и красочные декорации IV акта – русские березы, цветущая сирень; золотисто-охровые краски осени декораций II акта.

Резюме

Проделанный нами анализ оригинального синтетического сочинения, балета «Сказка о попе и о работнике его Балде», позволяет утверждать, что это произведение в его музыкальной и сценической формах представляет собой яркий пример синтеза классического искусства балета с народными жанровыми основами, что делает его уникальным и значимым произведением в истории развития отечественного музыкального (в том числе балетного) театра. Произведение М. И. Чулаки, незаслуженно забытое сегодня, раскрывает богатый потенциал пушкинской сказки для воплощения на балетной сцене фольклорных образов человека из народа и так называемых эксплуататоров, заслуживая пристального внимания со стороны исследователей и постановщиков.

Библиографический список

1. Азадовский М. Литература и фольклор. Ленинград : Гослитиздат, 1938. 296 с.
2. Байгузина Е. Н. Эскизы веселого художника с трагической судьбой (работы А. А. Коломойцева из фондов мкиохо) // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. 2015. №5 (40). С. 14–22.
3. Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина. Москва : Сов. писатель, 1967. 721 с.
4. Богданов-Березовский В. Советский балет и балеты М. Чулаки // Советская музыка. 1947. № 4. С. 16–22.
5. Буркова Л. Ф. Синтез искусства в русском балете начала XX века // Традиции и инновации в современном культурно-образовательном пространстве : материалы заочной IX международной научно-практической конференции, Москва, 22 октября 2018 года. Москва : Московский педагогический государственный университет, 2019. С. 166–171.
6. Варакина Г. В. Проблема синтеза искусств и особенности постановки балета «Петрушка» Стравинского – Фокина – Бенуа // От фольклора до сценических видов танца : Сборник материалов Международной научно-практической конференции кафедры Педагогики балета Института славянской культуры, Москва, 13–14 ноября 2018 года. Том Выпуск 1. Москва : ФГБОУ ВО «Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2019. С. 16–21.
7. Варакина Г. В. Феномен синтеза искусств в эстетике Серебряного века (на примере антрепризы Сергея Дягилева) // Вестник славянских культур. 2019. № 1. С. 243–256.
8. Веденникова М. А. «Балетная Пушкиниана» на отечественной сцене // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10-1(24). С. 63–65.
9. Гроссман Л. П. Пушкин в театральных креслах: Картины русской сцены 1817–1820 годов. Ленинград : Брокгауз-Ефрон, 1926. 182 с.
10. Злотникова Т. С. А. С. Пушкин как модель творческой личности // Ярославский педагогический вестник. 1999. № 3-4 (21-22). С. 6–14.
11. Злотникова Т. С. А. С. Пушкин – пограничная фигура русской культуры («Пушкин – грань») // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 318–323.
12. Каган М. С. Морфология искусства. Ленинград : Искусство, 1972. 440 с.
13. Калинина Л. Ю. Понятие «синтез искусств»: актуальные аспекты // БГЖ. 2016. № 4 (17). С. 236–239.
14. Красовская В. М. Русский театр от возникновения до середины XIX века. Москва ; Ленинград : Искусство, 1958. 309 с.
15. Красовская В. М. Сюжеты Пушкина в искусстве русской хореографии // Пушкин: исследования и материалы. Т. 5. Ленинград : Наука, 1967. С. 255–277.
16. Кремлев Ю. А. Балет «Балда» – М. Чулаки // Советская музыка. 1940. № 4 (78). С. 60–65.
17. Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; Евгений Онегин: Комментарий. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1995. 845 с.
18. Неелов Е. М. Сказка А. Пушкина «О попе и о работнике его Балде» // Проблемы исторической поэтики. 2014. № 12. С. 124–137.
19. Непомнящий В. Поэзия и судьба. Москва : Сов. писатель, 1987. 446 с.
20. Оленева О. А. Балетные версии сказок А. Пушкина на сцене // Искусство глазами молодых: Ма-

териалы XV Международной научной конференции, Красноярск, 13-14 апреля 2023 года. Красноярск : Сибирский государственный институт искусств им. Дмитрия Хворостовского, 2023. С. 297–300.

21. Полисадова О. Н. Концепция самобытности русского искусства в спектаклях театра «Русский балет» Сергея Дягилева // Национальное культурное наследие России: региональный аспект : VI Всероссийская научно-практическая конференция в рамках VII Всероссийского конкурса-фестиваля исполнителей и балетмейстеров народного танца имени Геннадия Власенко, Самара, 29 марта 2018 года. Самара : Самарский государственный институт культуры, 2018. С. 456–462.

22. Сдобнов В. Русская литературная демонология. Тверь : Изд-во ТверГУ, 2002. 315 с.

23. Слонимский Ю. И. Балетные строки Пушкина. Ленинград : Искусство, 1974. 182 с.

24. Томашевский Б. В. Пушкин: Опыт изучения творческого развития. Москва; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР. Кн. 1. 1956. 743 с.

25. Томашевский Б. В. Пушкин: Опыт изучения творческого развития. Москва; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР. Кн. 2. 1961. 575 с.

26. Эльяш Н. И. Пушкин и балетный театр. Москва : Искусство, 1970. 344 с.

Reference list

1. Azadovskij M. Literatura i fol'klor = Literature and folklore. Leningrad : Goslitizdat, 1938. 296 s.
2. Bajguzina E. N. Jeskizy veselogo hudozhnika s tragiceskoy sud'boj (raboty A. A. Kolomojceva iz fondov mkioho) = Sketches of a cheerful artist with a tragic fate (A. A. Kolomoytsev's works) // Vestnik Akademii russkogo baleta im. A. Ja. Vaganovoj. 2015. №5 (40). S. 14–22.
3. Blagoj D. D. Tvorcheskij put' Pushkina = Pushkin's creative path. Moskva : Sov. pisatel', 1967. 721 s.
4. Bogdanov-Berezovskij V. Sovetskij balet i balety M. Chulaki = The Soviet ballet and M. Chulaki's ballets // Sovetskaja muzyka. 1947. № 4. S. 16–22.
5. Burkova L. F. Sintez iskusstva v russkom baleta nachala XX veka = The synthesis of art in the Russian ballet at the beginning of XX century // Tradicii i innovacii v sovremennom kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve : materialy zaochnoj IX mezdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 22 oktyabrya 2018 goda. Moskva : Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet, 2019. S. 166–171.
6. Varakina G. V. Problema sinteza iskusstv i osobennosti postanovki baleta «Petrushka» Stravinskogo – Fokina – Benua = Synthesis of arts and the specifics of staging the ballet «Petrushka» by Stravinsky – Fokin – Benois // Ot fol'klora do scenicheskikh vidov tanca : Sbornik materialov Mezdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii kafedry Pedagogiki baleta Instituta slavjanskoy kul'tury, Moskva, 13–14 nojabrja 2018 goda. Tom Vypusk 1. Moskva : FGBOU VO «Rossijskij gosudarstvennyj universitet imeni A. N. Kosygina (Tehnologii. Dizajn. Iskusstvo)», 2019. S. 16–21.
7. Varakina G. V. Fenomen sinteza iskusstv v jestetike Serebrjanogo veka (na primere antreprizy Sergeja Djagileva) = The arts synthesis phenomenon in the Silver Age aesthetics (the case of Sergei Diaghilev's entreprise) // Vestnik slavjanskih kul'tur. 2019. № 1. S. 243–256.
8. Vedernikova M. A. «Baletnaja Pushkiniana» na otechestvennoj scene = «Ballet Pushkiniana» on the Russian stage // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 10-1(24). S. 63–65.
9. Grossman L. P. Pushkin v teatral'nyh kreslah: Kartiny russkoj sceny 1817–1820 godov = Pushkin in theater chairs: Pictures of the Russian stage in 1817–1820. Leningrad : Brokgauz-Efron, 1926. 182 s.
10. Zlotnikova T. S. A. S. Pushkin kak model' tvorcheskoj lichnosti = A. S. Pushkin as a creative personality model // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 1999. № 3-4 (21-22). S. 6–14.
11. Zlotnikova T. S. A. S. Pushkin – pogranichnaja figura russkoj kul'tury («Pushkin – gran'») = A. S. Pushkin as a borderline figure of Russian culture («Pushkin – a border») // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2016. № 6. S. 318–323.
12. Kagan M. S. Morfologija iskusstva = Morphology of the arts. Leningrad : Iskusstvo, 1972. 440 s.
13. Kalinina L. Ju. Ponjatie «sintez iskusstv»: aktual'nye aspeki = The concept «synthesis of the arts»: topical aspects // BGZh. 2016. № 4 (17). C. 236–239.
14. Krasovskaja V. M. Russkij teatr ot vozniknovenija do serediny XIX veka = The Russian theater from its origin to the mid XIX century. Moskva ; Leningrad : Iskusstvo, 1958. 309 s.
15. Krasovskaja V. M. Sjuzhetы Pushkina v iskusstve russkoj horeografii = Pushkin's plots in the art of Russian choreography // Pushkin: issledovanija i materialy. T. 5. Leningrad : Nauka, 1967. S. 255–277.
16. Kremlev Ju. A. Balet «Balda» – M. Chulaki = The ballet Balda by M. Chulaki // Sovetskaja muzyka. 1940. № 4 (78). S. 60–65.
17. Lotman Ju. M. Pushkin: Biografija pisatelja; Stat'i i zametki, 1960–1990; Evgenij Onegin: Kommentarij = Pushkin: The writer's biography; Articles and notes, 1960–1990; Eugene Onegin: Commentary. Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPb, 1995. 845 s.
18. Neelov E. M. Skazka A. Pushkina «O pope i o rabotnike ego Balde» = «The Tale of the Priest and of his Workman Balda» by Pushkin // Problemy istoricheskoy pojetiki. 2014. № 12. S. 124–137.
19. Nepomnjashhij V. Pojezija i sud'ba = Poetry and fate. Moskva : Sov. pisatel', 1987. 446 s.
20. Oleneva O. A. Baletnye versii skazok A. Pushkina na scene = Ballet versions of A. Pushkin's fairy tales on stage // Iskusstvo glazami molodyh: Materialy XV Mezdunarodnoj nauchnoj konferencii, Krasnojarsk, 13–14 apryla 2023 goda. Krasnojarsk : Sibirskij gosudarstvennyj institut iskusstv im. Dmitrija Hvorostovskogo, 2023. S. 297–300.

21. Polisadova O. N. Koncepcija samobytnosti russkogo iskusstva v spektakljah teatra «Russkij balet» Sergeja Djagileva = The concept of the Russian arts identity in the performances of Sergei Diaghilev's «Russian Ballet» theater // Nacional'noe kul'turnoe nasledie Rossii: regional'nyj aspekt : VI Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija v ramkah VII Vserossijskogo konkursa-festivalja ispolnitelj i baletmejsterov narodnogo tanca imeni Gennadija Vlasenko, Samara, 29 marta 2018 goda. Samara : Samarskij gosudarstvennyj institut kul'tury, 2018. S. 456–462.
22. Sdobnov V. Russkaja literaturnaja demonologija = Russian literary demonology. Tver' : Izd-vo TverGU, 2002. 315 s.
23. Slonimskij Ju. I. Baletnye stroki Pushkina = Pushkin's ballet lines. Leningrad : Iskusstvo, 1974. 182 s.
24. Tomashevskij B. V. Pushkin: Opyt izuchenija tvorcheskogo razvitiija = Pushkin: Experience of studying creative evolution. Moskva; Leningrad : Izd-vo Akad. nauk SSSR. Kn. 1. 1956. 743 s.
25. Tomashevskij B. V. Pushkin: Opyt izuchenija tvorcheskogo razvitiija = Pushkin: Experience of studying creative evolution. Moskva; Leningrad : Izd-vo Akad. nauk SSSR. Kn. 2. 1961. 575 s.
26. Jel'jash N. I. Pushkin i baletnyj teatr = Pushkin and the ballet theatre. Moskva : Iskusstvo, 1970. 344 s.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 13.10.2025; принятa к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 23.09.2025; approved after reviewing 13.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 008

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-182

EDN: GCGBHV

Элитология культуры: творчество как конструктивный рост элитной личности

Павел Леонидович Карабущенко

Доктор философских наук, профессор кафедры востоковедения и политических наук, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева. 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а
Pavel_karabushenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2776-4089>

Аннотация. Актуальность определяется как становление элитологии культуры как научного концепта. Работа идет в развитии философии творчества Н. А. Бердяева и его персоналистической концепции, а также теоретических конструкций его последователей (Э. Мунье, Ж. Лакруа и др.). Соединение элитологии и персонализма открывает уникальные возможности для анализа творчества как базовой части (основы) уникальной личности, относящейся к элитной группе. Рассмотрение данной темы связано с возрастанием интереса к гуманитарной элитологии и, в частности, ее философских основ. В противоположность политическим теориям элит данный подход уделяет большее внимание проблемам человека (субъекта) и делает упор на культурно-психологические стороны развития элитных сообществ. Основной целью работы является уточнение позиций по вопросу определения качества культурной элитности как главного критерия в оценке достоинства субъекта, относящегося к элите. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) раскрыть культурологические аспекты содержания элитности как реализации творческих проектов личности; 2) выяснить, как в разное время понимался процесс элитизации личности; 3) установить элитологические основы творчества как конструктивного развития личности; 4) выявить аксиологические корни элитологии культуры. Исследование выполнено на материалах самонаблюдения выдающихся деятелей искусства, также привлечены тексты Платона, Сенеки, Пикоделла Мирандолы, Н. А. Бердяева и др. Методологическая работа опирается на критический анализ философских источников и комплекс методов диалектики, компаративистики, герменевтики и семиотики. В результате предпринятого исследования был предложен генезис элитной (творческой) личности, отражающей основные моменты ее конструктивного развития. Понятие достоинства приобретает в трудах элитологов не только гносеологическое, но и этическое значение. Культурная ценность творчества указывает на конструктивный рост элитного качества личности, которая занимается духовным производством. Системно разбирая эту проблему, элитология культуры отвечает не только на вопрос, что такое творчески одаренная личность, но и что такое мировая культура в ее историко-элитологическом измерении. «Образ элитной личности» мы обнаруживаем в произведениях многих выдающихся личностей. Именно они дают необходимые для элитологии культуры подсказки, и, именно опираясь на них, мы можем конструировать элитологические схемы развития элитной личности.

Ключевые слова: элитология культуры; личность; генезис; ценности; творчество; аксиология; акме; пассионарность; культурная элита

Для цитирования: Карабущенко П. Л. Элитология культуры: творчество как конструктивный рост элитной личности // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 182–190. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-182>. <https://elibrary.ru/GCGBHV>

Original article

Elitology of culture: creativity as constructive growth of elite personality

Pavel L. Karabushchenko

Doctor of philosophical sciences, professor at the department of oriental studies and political sciences, V. N. Tatishchev Astrakhan state university. 414056, Astrakhan, Tatishchev str., 20a
Pavel_karabushenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2776-4089>

Abstract. The relevance is defined as the emergence of cultural elitology as a scientific concept. The work is carried out in the line of developing N. A. Berdyaev's philosophy of creativity and his personalistic concept, as well as theoretical constructions of his followers (E. Mounier, J. Lacroix, etc.). The combination of elitology and personalism

opens up unique opportunities for analyzing creativity as a basic part (foundation) of a unique personality belonging to an elite group. The consideration of this topic is associated with the growing interest in humanitarian elitology and, in particular, its philosophical foundations. In contrast to political elite theories, this approach focuses more on human (the subject's) problems and emphasizes the cultural-psychological aspects of elite community development. The study aims to clarify the issues of defining the quality of cultural elite as the main criterion in assessing the dignity of the subject belonging to the elite. To achieve the goal, it is necessary to solve the following tasks: 1) to clarify the culturological aspects of elitism as the realization of a personality's creative projects; 2) to find out how the process of personality elitization was understood at different times; 3) to identify the elitological foundations of creativity as a meaningful development of personality; 4) to identify the axiological roots of cultural elitology. The study is based on self-observation by outstanding figures of art and uses the texts by Plato, Seneca, Pico della Mirandola, N. A. Berdyaev and others. Methodologically, the work is based on a critical analysis of philosophy sources and on the methods of dialectics, comparative studies, hermeneutics and semiotics. As a result of the undertaken research, the author proposed the genesis of elite (creative) personality, reflecting the main points of their constructive development.

The concept of dignity acquires both epistemological and ethical significance in the works of elitologists. The cultural value of creativity indicates the constructive growth of the elite quality in a person who is engaged in spiritual work. By systematically analyzing this problem, the elitology of culture answers not only the question of what a creatively gifted person is, but also what world culture is in its historical and elitological dimension. The «image of an elite person» can be found in the works by many outstanding personalities. It is these people who provide the clues necessary for elitology of culture, and it is on the basis of these clues that we can construct elitological schemes for elite personality development.

Key words: elitology of culture; personality; genesis; values; creativity; axiology; acme; passionarity; cultural elite

For citation: Karabushchenko P. L. Elitology of culture: creativity as constructive growth of elite personality. *Verhnevolzhski filologicheskiy vestnik*. 2025;(4):182–190. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-182>. <https://elibrary.ru/ GCGBHV>

Введение

Процесс творчества можно сравнить с обогащением урана – посредством творчества личность растет и обогащается, становится самодостаточной, становится элитной. Что собой представляет этот качественный рост? Как его понимали те личности, которые благодаря этому обогащению, достигли элитного статуса? Ответ на эти вопросы, позволяют правильно моделировать генезис личности, адекватно оценивать качество создаваемых вновь и охраняемых культурных ценностей.

В исследовании феномена творчества элитология культуры объединяет данные таких дисциплин, как философия, культурология, история, аксиология, психология... В частности, логически объединяются такие концепции, как персонализм, теории генезиса личности, философия творчества, теории элит, философия развития (акмеология)...На их основе как раз и выводятся базовые положения элитологии культуры, в центре которой стоит проблема творчества великой личности. В названии этой работы также встречается и слово «конструктивное». Помимо многих значений «конструктивность» имеет также и значение полезный, умный, применимый, разумный, плодотворный... Иными словами, это то, что приносит некую пользу, дает некий конкретный результат, это то, что становится основой для чего-то другого.

Генезис элитной личности как феномен творческой пассионарности

Личность растет, обогащаясь новыми ценностями.

Достоинство человека (Dignitashomini) заключается в способности творить новые ценности. В результате творчества создается та самая уникальность, которая и выводит личность в число избранных. В традициях философии Платона и Н. А. Бердяева оценивать культуру как акт творческой активности духовного меньшинства. И главная особенность этого творческого меньшинства заключается в том, что оно всегда воспринимается и оценивается как некий дефицит – количественный дефицит элитного качества.

Поэтому элитность в культуре необходимо рассматривать в следующей логической цепи: талант – пассионарность – творчество – уникальность – ценность – избранность – элитность – самодостаточная личность (субъект элиты). Исходная точка развития личности заключается в обнаружении и осмысливании ее талантов, возможности реализации ее на практике, благодаря пассионарной энергии целеустремленной воли. Акт творчества обнаруживает уникальность, которая выражается в создаваемой актором ценности. Но для того, чтобы появилась элитность, необходима объективная оценка избранности созданной ценности. В результате этого диалекти-

ческого развития мы и оцениваем конкретную творческую личность как субъекта культурной элиты.

Стремление человека к прекрасному и возвышенному, есть проявление его наивысших качеств [Уилсон, 2019], которые и создают элитность в личности. Такие натуры чаще всего определяются, как «утонченные», «возвышенные» и даже «экзальтированные». У них особое чувствование мира. Особое его восприятие и оценка. Поэтому с точки зрения персонализма, элитная личность та, в которой максимально развито творчество и которая преуспевает в своей творческой деятельности.

Субъекты культурной элиты развиваются как личности в творчестве. И только творчество придает ей смысл, элитизирует ее дух. Элитизация понимается как процесс поэтапного становления (вызревания) достоинства, приводящего личность к ее новому более качественному состоянию. Элитизация это рост уникального и значительного в личности. Ранее мы уже неоднократно касались этой темы, рассматривая ее через призму развития творческого элитного качества [Карабущенко, 2023].

Элитность свидетельствует о некой завершенности качественного развития личности в сфере ее профессиональной деятельности [Глобалистика, 2003, с. 1244–1248; Элитология, 2013]. И эта завершенность чаще всего свидетельствует о достижении ею своей наивысшей (максимальной) точки развития (акме). Элитность оказывается сферой непрерывного творчества, когда оно становится смыслом бытия личности. Элитность – сгусток уникального, самого ценного, знакового и завершенного; она постоянно подпитывается пассионарной энергетикой, как выраженной концентрированной воли человека.

Таким образом, элитизация понимается как процесс непрерывного создания элитности, как некого завершенного «продукта» творческой активности личности. Элитизация это еще и получение личностью статуса субъекта культурной элиты, когда он попадает в число избранных (наиболее ценных и знаковых) творцов. Именно поэтому в элитизации личности важную роль играет публичное признание ценности его продукта творчества. Когда созданная ценность становится избранной, она делает избранной и самого своего творца. Для того, чтобы стать культурной элитой, субъект творчества должен получить адекватный ответ на свои притязания на признания своего

творчества.

Конструктивное развитие элитности в личности означает конструирование качественного её превосходства по некой матрице, где талант поэтапно перерастает в элитность самодостаточной личности, относящейся общественным признанием к числу культурной элиты. И мы видим на примере многих деятелей культуры, как их пассионарность через творчество приводит к созданию неких уникальных новых ценностей, которые и служат главным фактором избранности и элитизации.

Описываемый нами специальный генезис элитной личности является продолжением (частным добавлением) общей теории генезиса личности В. С. Мухиной. Напомним, что академик РАО В. С. Мухина (1935–2024) предложила свою теорию исторического и онтогенетического развития структурных звеньев самосознания, в систему которых включила: 1) эмоционально-ценностное отношение человека к своему имени (индивидуальное психическому «Я»); 2) притязание на признание; 3) половую идентификацию; 4) психологическое время личности (прошлое, настоящее, будущее) и 5) социальное пространство личности (её права и обязанности) [Мухина, 1999]. Соотношение этих двух видов генезисов идет по линии «первичное – вторичное» (когда второе является логическим продолжением первого). Описанный нами вторичный («специальный») генезис опирается на самонаблюдение и самоанализ выдающихся личностей. Это – концентрированное выражение притязания на признание; это получение адекватного ответа на акт творчества; признания достижений. И именно через такой опыт такие личности искали смысл своего бытия. Мы преднамеренно оставляем за скобками настоящего исследования проблемы психологии личности, поскольку это отдельная тема, разрабатываемая в рамках психологической науки [см.: Карабущенко, 2011; Карабущенко, Иващенко, 2012]. Мы лишь опираемся и используем отдельные ее данные, необходимые нам для понимания сущности генезиса личности.

Творчество как поиск смысла бытия

Центральным вопросом элитологии культуры является вопрос личности, погруженный в акт творчества. Такая личность – культурный актор, создающий новые ценности и дающий всем новые правила. В этой личности преобладает авторское начало. И как автор, она является создателем (творцом) значимой для других ценности. Поэто-

му в тени элитологии культуры всегда стоят аксиология и акмеология творческой личности. При этом «акме» понимается не просто как некий пик творчества, но как конкретные созданные на этом пике культурные ценности.

Платон полагал, что одаренный человек связывает успех своей жизни именно со своими личностными достижениями. И в этой связи он неоднократно в своих произведениях возвращался к одной и той же теме – разгадать загадку личности своего учителя. Сократовский даймонд стал для него одновременно и своеобразным проклятием, и путеводной в философии звездой. Этому гению посвящены многие его труды. Именно через разгадку ее сущности, Платон сам стремился приблизиться по качеству к ней, стать вторым Сократом (*Феаг*, 128d–129c) [Платон, 1990, с. 122–123]. В результате он стал Платоном, многократно превзойдя своего учителя. Хотя, эти сравнения в элитности их качества не совсем здесь уместны. Оба гения и оба уникальны.

В своих нравственных письмах Сенека советовал своему юному адресанту в своей жизни уделять пристальное внимание как нравственной самодисциплине, так и умственному порядку. При наличии должной воли эти компоненты (нравственность, ум и воля) делают личность человека максимально целостной и собранной. И хотя во времена Сенеки понятия «личности» еще не было, но сам философ ведет себя как полноценная и самодостаточная личность, желающая, чтобы и другие были такими же, как и он [Сенека, 1986].

Творчество есть преодоление заурядного состояния человека. Творчество дает человеку возможность быть самодостаточной личностью и через это творчество приблизиться к высшему, к более совершенному миропорядку. Напомним, что уже один из основоположников западноевропейского гуманизма Д. Пико дела Мирандола в работе 1487 г. «Речь о достоинстве человека» призывал отринуть все заурядное и обратиться к высшему и совершенному: «пусть наполнит душу святое стремление, чтобы мы, не довольствуясь заурядным, страстно желали высшего; а также добивались (когда сможем, если хотим) того, что положено всем людям. Отвергая земное, пренебрегая небесным и, наконец, оставив позади все, что есть в мире, поспешим в находящуюся над миром курию, самую близкую к высочайшей божественности» [Пико делла Мирандола, 1981]. Под выражением «мир курии» можно понимать намек на платоновский мир идей, поскольку гуманист призывает отвергнуть все земное и даже

пренебрегать небесным. Для монаха подобного рода утверждение звучит несколько странным. Платоновский же мир идей есть особое состояние культуры: пребывание культурных ценностей в качестве опознаваемых жизненно-важных величин.

Творчество дает толчок для развития. При этом значительной оказывается роль преемственности и копирования предшествующего опыта. Так, все тот же Д. Пико дела Мирандола многое почерпнул у своего «учителя» Фичино, который, в свою очередь, многое взял у Плифона, а Плифон у Платона, а Платон [Подвойский, 2023; Полетаева, 2024]… Традиции передавались словно «по наследству», в виде некого творческого кода. Поэтому Мирандола, Фичино, Плифон – это все то, что происходило уже «после Платона». Базовая ценность, которая объединяет всех их, это поиск истины, тяга к сотворению новых духовных ценностей, тяга к благу. В этом они видели смысл своего бытия.

Гений – это тот, кто лучше всех способен выразить сущность своей исторической эпохи [Бердяев, 1994б, с. 355]. При этом Н. Бердяев понимал культурную элиту как некую группу «уединенную» от масс и массовой культуры. «Гуманистическая культура никогда не была народной, она была культурой верхнего интеллектуального слоя, лишенного социального базиса» [Бердяев, 1994б, с. 357]. Это личности с повышенной духовной энергией, выражающей его аксиологический характер. Он обладает высшими достоинствами: «Дух есть как бы дуновение Божье, проникающее в существо человека и сообщающее ему высшее достоинство, высшее качество его существования, внутреннюю независимость и единство… Дух нужно понимать прежде всего персоналистически» [Бердяев, 1994б, с. 367, 369]. Дух есть свобода, и свобода эта заключается в реализации им его творческих возможностей.

Творческое начало в человеке самая культурная его часть. Именно по ней измеряется и оценивается культурный облик и потенциал конкретной личности. В «Философии творчества» Н. А. Бердяев отмечал, что «Творчество, активная природа философского познания чувствовалась в полете гения, но придавлена была всеобщим послушанием необходимости, связанным… с глубочайшими религиозными причинами» [Бердяев, 1994а, с. 64]. Философ признает, что в творчестве скрывается великое избранное качество: «Творящий – всегда догматичен, всегда дерзновенно избирающий и

утверждающий избранное... Творческое познание, как и всякий творческий акт, есть самообнаружение силы рассекающей, избирающей и отмечющей» [Бердяев, 1994а, с. 67]. В глубинах творчества лежит любовь и самые творческие философы (как, например, Платон) откровенно говорили об эросе творчества [Бердяев, 1994а, с. 68]. Именно любовь позволяет быть источником саморазвития личности, позволяя ей проникать в глубинные основания смыслов [Лакруа, 2004, с. 85]. И именно через личность человек поднимается «к абсолютной и творческой Личности, к Богу» [Лакруа, 2004, с. 88]. Именно такие творческие личности и создают *царство личностей*.

Персонализм помогает проникнуть в глубины человеческой природы. Э. Мунье понимал духовность как открытие глубинной жизни личности [Мунье, 1999, с. 271–272]. И в этих глубинах творчество, гуманизм и любовь занимают центральные позиции. При этом на первый план выходят ценности, указывающие на качественный рост элитности в личности. Аксиологические корни элитологии культуры уходят в необходимость оценки духовных ценностей вторичного генезиса личности, когда она из рядовой становится элитной.

Таким образом, творчество является базовым элементом культурной элиты. Еще одной особенностью элитного сознания является то, что многие представители культурной элиты уделяли особое внимание культуре слов и «гигиене мысли». Напомним, что академик В. И. Вернадский использовал такой термин, как «гигиена мысли», считая ее самым важным в жизни человека, так как «этим достигается стремление к гармонии и чувство гармонии создается человеком этим путем» [Страницы автобиографии..., 1981, с. 113]. Продолжением этого является «формула» этической чистоты – по возможности избегать лжи в своей повседневности. На бытовом уровне человек очень часто говорит неправду, чтобы скрыть свои бытовые недостатки.

Культурная элита как творческое меньшинство

Элитарная культура чаще всего понимается как собрание неких наивысших духовных достижений (ценностей), которые имеют фундаментальное влияние на всю историю человечества [Хлыщева, 2022; Подвойский, 2023]. Такая культура является производством творческого меньшинства, но она может быть как открытого, так и закрытого типа. В последнем случае она превра-

щается в некую рафинированную систему ценностей, оторванной от жизни народа и понятную только для избранных единиц; во втором случае речь идет о ее демократизации и широком проникновению в повседневность.

Важнейшим принципом определения сущности элиты является фактор ее профессиональной специализации. Круг компетенций элит был строго очерчен: военная элита занималась войной, политическая элита руководила государством, культурная – создавала духовные ценности, религиозная устанавливала контакты со сверхъестественным миром... Культурная элита всегда терялась на фоне более якобы значимых элит, которые весьма часто ее подавляли. Но проигрывая им в тактическом плане, она всегда выигрывала в стратегическом.

Культурная элита всегда характеризовала собой творчески активное меньшинство, которое было занято созданием новых ценностей, выражавших сущность духа их исторического времени. Всё ценное, что было создано руками человека, все является «продукцией» культурной элиты. Поэтому и главным критерием оценки культурной элиты был фактор ценности ее творчества. Действовал вполне прагматический принцип селекции элитного – насколько качественнее созданная ценность, настолько элитнее является и сам её создатель. В архаические времена раннего железного века кузнецы вообще считались полубогами, магами (им приписывались многие мистические свойства и качества). До сих пор мастеров высочайшего профессионального уровня принято обrazno называть «чародеями», «асами» и тому подобными возвышенными эпитетами, характеризующие гениальную сущность их природы.

Творчество есть поиск истины, есть реальное обретение правды. Правда вытекает из истины, как «единственный правый, верный себе путь жизни» [Соловьев, 1988, с. 79]. Правда – это «жизнь в согласии с истинно Сущим» [Франк, 1956, с. 206]. В идеале творческая личность стремится очистить свою жизнь от греха и лжи. И творчество для нее становится великим актом очищения и совершенствования. Именно поэтому главным в культурной элите оказывается культиварчества. И этот культивар стал базовым для всей культурной элиты.

Сущность творческого меньшинства

Творческое меньшинство всегда ни на кого не похоже. Оно создает нечто уникальное, что становится образцом для подражания другим.

П. Л. Карабуценко

А. Тойнби утверждал, что «приход-и-уход» творческого меньшинства определяет сущность каждой исторической эпохи. Оставленный ею след виден на протяжении столетий как осязаемое свидетельство ценности творческой деятельного этого культурного меньшинства. Исторический след – вот, что остается после ухода культурной элиты конкретного поколения.

Сущность творческого меньшинства в индивидуальном поиске смыслов бытия; в системном самоанаблюдении и самоанализе своего творческого экстаза. Это стихийная философия элитности. Это стихия творческой активности. Интуитивно это прочувствовал и выразил в своем стихотворении «Пророк» А. С. Пушкин [Пушкин, 1959, с. 149–150]:

«Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влакился, –
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился...»

И дальше поэт описывает свое чувствование и понимание творческого процесса. Для него это некое особое духовное горение, особая пассионарность. Пушкин фактически описывает свой личный опыт проникновения (погружения) в иную реальность, как познание непознаваемого.

А. С. Пушкин фактически описывает пережитое им состояние творческого экстаза, которое не было свойственно рациональному типу мышления кенигсбергского немца. Он фактически противостоит пессимизму И. Канта, который выражал идею непознаваемости творческого вдохновения гения. И. Кант и А. С. Пушкин гении разного плана. Сознание первого ограничено установленными ими же самими рамками чистого разума, тогда как поэт себя ничем не ограничивает в своем творческом полете. Поэтому немецкий профессор и не мог ничего по этому поводу сказать. Природа гениальности была для него по ту сторону его познания. Но то, что было для Канта закрыто, было открыто для Пушкина. Поэт мог преиспользовать логикой рационального и выйти в мир высшей поэтики. Здесь его дух не подчиняется законам формальной логики и декартовской физики. Здесь он открыто вторгается в мир идей Платона. Кстати, и сам Платон тоже считал, что в мир идей ведет поэзия. Вот почему Платон и Кант несовместимы. Но Пушкин фактически (интуитивно) идет по стопам Платона. Он фактически становится горьковским героем (Данко).

Подобного рода самоанаблюдения за своей уникальностью мы найдем у многих выдающихся деятелей культуры: Анна Ахматова, Винсент Виллем Ван Гог, Оскар Уайльд, Ф. И. Шаляпин [Ахматова, 1998; Ван Гог, 2017; Уайльд, 2007; Шаляпин, 2023]... И нельзя пройти мимо биографических работ, особенно тех авторов, которые длительное время находились в ближайшем круге великой личности [см., например: Чуковская, 1997]. Анализ подобного рода литературы позволяет нам сделать некоторые предварительные выводы.

У каждой такой выдающейся личности был свой личный опыт познания совершенства этого мира и свое особое видение творческого пути. Так, например, Е. И. Рерих сравнивала творчество «с [радостной] песней духа, свободного от оков стремлений» [Рерих, 2007, с. 50]. Она часто упоминает человеческую энергию, благодаря которой создается сам образ человека. В своем познании человек восходит к свободе. Он освобождается от незнания. И для него на вершинах этих гор зажигается «сияние Созвездия избранного» [Рерих, 2007, с. 66]. Многоступенчатость этого познания и определяет степень совершенства человека. Она слышала особое звучание струн песнопения мирового бытия. Для нее мир наполнен гармонией и совершенством. В ее текстах постоянно всплывает тема Любви и Блага. Постоянно слышится призыв к самосовершенствованию и постижению Истины. В этом для нее и заключается смысл бытия. Этим она жила и продолжает жить в своих произведениях.

Элитологические основы творчества выявляют все то уникальное, что через акт творения трансформируется в ценности и придает личности элитный статус. Конструктивное развитие личности предполагает не стихийное, а системное развитие ее достоинств. Система выражается в поэтапном переходе от обыденного и банального к уникальному и элитному. Достижения этого совершенства (некого абсолюта), еще времен Античности характеризовались как акме (наивысшая точка достижений). Вершина творчества понимается как время создания наиболее ценного качества.

И в оценке элитного качества нельзя обойти стороной аксиологическую проблему. Исторически аксиология всегда была направлена на оценку качества создаваемой культурной элитой ценности. Именно поэтому вне аксиологической оценки элиты не существует. Элита есть сущностное вы-

ражение концентрированного качества в сфере антропологии, социологии и культуры. Аксиологические корни элитологии культуры кроются в существующих системах ценностей. И каждое время, каждое общество создавали свои такие системы, в которых дается свое понимание элитного качества. А оно заключается в максимальном проявлении творчества, в адекватной оценке качества созданной ценности.

Творчество есть сотворение новой ценности, значимой для жизни других [Глазков, 2023; Завьялова, 2023; Карабущенко, 2023]. Установление монополии (эксклюзивности) на эти ценности, приводит к закрытому типу элитарной культуры, когда она становится привилегией узкого круга лиц. Родовая аристократия именно так и поступала. И мы видим, как посредством творчества личность совершенствует свою природу. Этот вторичный ее генезис оказывается высшей формой духовного бытия. И культура во многом зависит от этого процесса, потому что каждый такой деятель имеет высшую форму (акме) своей профессиональной деятельности.

Таким образом, сущность творческого меньшинства заключается как в создании новых ценностей, так и в осмыслиении ценности (качества) уже существующих культурных достижений. Идет непрерывный процесс культурного взаимообогащения. И там, где этот процесс становится дискретным, наступает вакуум культуры, наступает безвременье, персоналистический провал истории. Это самое худшее, что может случиться с обществом и человеком в их истории...

Выводы

Уточняя позиции по вопросу определения качества культурной элитности как главного критерия в оценке достоинства субъекта, относящегося к элите, мы обнаружили существование значительной традиции осмыслиения и анализа этого вопроса в наследии выдающихся деятелей культуры прошлого. Раскрытие культурологических аспектов содержания элитности как реализации творческих проектов личности приводит к аксиологической оценке создаваемой ценостей. История элитологических идей показывает, что в разное время процесс элитизации личности чаще всего понимался стихийно, внепланово. Системного подхода в исследовании элитности личности не было, и мы надеемся, что в наше время это положение дел будет исправлено.

Анализ генезиса каждой креативной личности, относящейся к творческому меньшинству, следу-

ет «распутывать» по линии *талант – пассионарность – творчество – уникальность – ценность – избранность – элитность – самодостаточная личность (субъект элиты)*. Этот процесс есть процесс поэтапного вызревания элитности как главного качества, дающего личности блага. И сама такая избранная личность является элитой потому, что приносит обществу благо.

Устанавливая элитологические основы творчества как конструктивного развития личности, мы опирались на исторический опыт бытия элитной (выдающейся) личности, которая часто рефлексировала на эту тему. Чаще всего это были попытки осмыслиения своей уникальности, стремление разобраться в основах природы своего творчества. И здесь возникает тема вторичного генезиса личности как процесса элитизации ее духа.

Библиографический список

1. Ахматова А. Собрание сочинений : в 6 т. / сост., подгот. текста, comment., ст. Н. В. Королевой. Москва : Эллис Лак, 1998. Т. 3: Поэмы; Prodomomea ; Театр. Т. 3. 1998. 765 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. Т. 1. Москва : Искусство, 1994а. 542 с.
3. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. Москва : Республика, 1994б. 480 с.
4. Винсент Виллем Ван Гог. Письма. Москва : Издательство АСТ, 2017. 256 с.
5. Глазков А. П. Теологическое понимание темпоральности и самосознание элиты // Вопросы элитологии. Т. 4. № 1. 2023. С. 37–48.
6. Глобалистика : энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. Москва : Издательство «Радуга», 2003. 1328 с.
7. Завьялова Е. Е. Элитологические конструкты в цикле Н. В. Гоголя «Миргород» // Вопросы элитологии. Т. 4. № 2. 2023. С. 86–104.
8. Карабущенко Н. Б. Уровни элитологического формирования личности // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2011. № 4. С. 12–16.
9. Карабущенко Н. Б., Иващенко А. В. Психология профессиональных элит // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 4 (33). С. 210–221.
10. Карабущенко П. Л. Творчество как таинство и смысл бытия: к уточнению понятия неоперсонализма // Вопросы элитологии, 2023. № 4(3). С. 163–178.
11. Карабущенко П. Л. Элитология творчества: концепт сотворения блага // Вопросы элитологии. Т. 4. № 1. 2023. С. 49–66.
12. Лакруа Ж. Избранное: Персонализм / пер. с франц. Москва : «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)». 2006. 608 с.

13. Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии. Москва : Художественная литература, 1986. 547 с.
14. Мунье Э. Манифест персонализма / пер. с фр.; вступит. ст. И. С. Вдовиной. Москва : «Республика», 1999. 559 с.
15. Мухина В. С. Феноменология развития и бытия личности: Избранные психологические труды. Воронеж : МОДЭК, 1999. 635 с.
16. Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека. Комментарий к канzonе о любви Джироламо Бенивьени // Эстетика Ренессанса. Москва, 1981. С. 248–305.
17. Платон. Феаг // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Том 1 // ред. А. Ф. Лосев. Москва : «Мысль», 1990. С. 112–124.
18. Подвойский Л. Я. А. А. Тахо-Годи – духовная дочь А.Ф. Лосева (к 101-летию со дня рождения) // Вопросы элитологии. № 4 (3). 2024. С. 145–162.
19. Подвойский Л. Я. Элитологические взгляды А. Ф. Лосева: эстетика совершенства // Вопросы элитологии. Т. 4. № 2. 2023. С. 105–117.
20. Полетаева Ю. Г. Апроприация учения Пико делла Мирандолы о достоинстве человека в современной трансцендентальной онтологии субъекта: постановка проблемы в оптике философии культуры // Концепт: философия, религия, культура. 2024. № 8(3). С. 7–19
21. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. Москва : ГИХЛ, 1959–1962. Том 2. Стихотворения 1823–1836 гг. С. 149–150.
22. Рерих Е. И. Записи Учения Живой Этики: в 25 т. Том 1. Москва : Прологъ, 2007. 240 с.
23. Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т. I. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги; примеч. С. Л. Кравца и др. Москва : Мысль, 1988. 892 с.
24. Страницы автобиографии В. И. Вернадского / редкол.: Б. М. Кедров и др.; сост. Н. В. Филиппова. Москва : Наука, 1981. 347 с.
25. Уайлд О. Письма / сост. А. Г. Образцова, Ю. Г. Фридштейн. 2-е изд. Москва : Азбука-классика, 2007. 416 с.
26. Уилсон Э. Происхождение творчества. Провокационное исследование: почему человек стремится к созданию прекрасного = The Origins of Creativity / пер. с англ. Евгения Кручины. Москва : Бомбара, 2019. 256 с.
27. Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1956.
28. Хлыщева Е. В. Феномен элитарной культуры: проблема концептуализации // Вопросы элитологии. Том 1. № 1. 2020. С. 78–92.
29. Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Москва : Согласие, 1997. 544 с.
30. Шаляпин Ф. И. Мaska и душa. Moi sорok лет на театрах. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2023. 352 с.

31. Элитология : энциклопедический словарь / под ред. проф. П. Л. Карабушенко. Москва : Экон-информ, 2013. 618 с.

Reference list

1. Ahmatova A. Sobranie sochinenij = Collected works : v 6 t. / sost., podgot. teksta, komment., st. N. V. Korolevoj. Moskva : Jellis Lak, 1998. T. 3: Pojemy; Prodomea ; Teatr. T. 3. 1998. 765 s.
2. Berdjaev N. A. Smysl tvorchestva = The meaning of creativity // Berdjaev N. A. Filosofija tvorchestva, kul'tury i iskusstva. V 2-h t. T. 1. Moskva : Iskusstvo, 1994a. 542 s.
3. Berdjaev N. A. Filosofija svobodnogo duha = The philosophy of the independent spirit. Moskva : Respublika, 1994b. 480 s.
4. Vinsent Villem Van Gog. Pis'ma = Letters. Moskva : Izdatel'stvo AST, 2017. 256 s.
5. Glazkov A. P. Teologicheskoe ponimanie temporal'nosti i samosoznanie jelity = Theological understanding of temporality and elite self-consciousness // Voprosy jelitologii. T. 4. № 1. 2023. S. 37–48.
6. Globalistika = Global studies : jenciklopedija / gl. red. I. I. Mazur, A. N. Chumakov. Moskva : Izdatel'stvo «Raduga», 2003. 1328 s.
7. Zav'jalova E. E. Jelitologicheskie konstrukty v cikle N. V. Gogolja «Mirgorod» = Elitological constructs in N. V. Gogol's «Mirgorod» cycle // Voprosy jelitologii. T. 4. № 2. 2023. S. 86–104.
8. Karabushhenko N. B. Urovni jelitologicheskogo formirovaniya lichnosti = Levels of elitological personality formation // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Psichologija i pedagogika. 2011. № 4. S. 12–16.
9. Karabushhenko N. B., Ivashhenko A. V. Psichologija professional'nyh jelit = The psychology of professional elites // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. 2012. № 4 (33). S. 210–221.
10. Karabushhenko P. L. Tvorchestvo kak tainstvo i smysl bytija: k utochneniju ponjatiya neopersonalizma = Creativity as a mystery and the meaning of existence: on clarifying the concept of neopersonalism // Voprosy jelitologii, 2023. № 4(3). S. 163–178.
11. Karabushhenko P. L. Jelitologija tvorchestva: koncept sotvorenija blaga = The elitology of creativity: the concept of creating the good // Voprosy jelitologii. T. 4. № 1. 2023. S. 49–66.
12. Lakrua Zh. Izbrannoe: Personalizm = Selected works: Personalism / per.s franc. Moskva : «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN)». 2006. 608 s.
13. Lucij Annej Seneka. Nrvavstvennye pis'ma k Luciliu. Tragedii = Morality letters to Lucilius. Tragedies. Moskva : Hudzhestvennaja literatura, 1986. 547 s.
14. Mun'e Je. Manifest personalizma = The Manifesto of personalism / per. s fr.; vstupit. st. I. S. Vdovinoj. Moskva : «Respublika», 1999. 559 s.
15. Muhina V. S. Fenomenologija razvitiya i bytija lichnosti: Izbrannye psichologicheskie trudy = Phenome-

- nology of personality evolution and existence: Selected psychological works. Voronezh : MODJeK, 1999. 635 s.
16. Piko della Mirandola Dzh. Rech' o dostoinstve cheloveka. Kommentarij k kancone o ljubvi Dzhiralamo Beniv'eni = A speech on human dignity. Commentary on Girolamo Benivieni's canzone on love // Jestetika Renaissance. Moskva, 1981. S. 248–305.
17. Platon. Feag = Theages // Platon. Sobranie sochinenij v 4 t. Tom 1 // red. A. F. Losev. Moskva : «Mysl'», 1990. S. 112–124.
18. Podvojskij L. Ja. A. A. Taho-Godi – duhovnaja doch' A.F. Loseva (k 101-letiju so dnja rozhdenija) = A. A. Takho-Godi – A.F. Losev's spiritual daughter (on the 101st anniversary) // Voprosy jelitologii. № 4 (3). 2024. S. 145–162.
19. Podvojskij L. Ja. Jelitologicheskie vozzrenija A. F. Loseva: jestetika sovershenstva = A. F. Losev's elitological views: the aesthetics of perfection // Voprosy jelitologii. T. 4. № 2. 2023. S. 105–117.
20. Poletaeva Ju. G. Appropriacija uchenija Piko della Mirandoly o dostoinstve cheloveka v sovremennoj transcedental'noj ontologii sub#ekta: postanovka problemy v optike filosofii kul'tury = Appropriation of Pico della Mirandola's doctrine on human dignity in the modern transcedental ontology of the subject: raising the problem from the point of view of cultural philosophy // Koncept: filosofija, religija, kul'tura. 2024. № 8(3). S. 7–19.
21. Pushkin A. S. Sobranie sochinenij v 10 tomah = Collected works in 10 vols. Moskva : GIHL, 1959–1962. Tom 2. Stihotvoreniya 1823–1836 gg. S. 149–150.
22. Rerih E. I. Zapis Uchenija Zhivoj Jetiki = Notes on the Teaching of Living Ethics: v 25 t. Tom 1. Moskva : Prolog#, 2007. 240 s.
23. Solov'ev V. S. Sochinenija v 2 t. T. I = Works in 2 vols. Vol. I / sost., obshh. red. i vstup. st. A. F. Loseva i A. V. Gulygi; primech. S. L. Kravca i dr. Moskva : Mysl', 1988. 892 s.
24. Stranicy avtobiografii V. I. Vernadskogo = Some pages from V.I. Vernadsky's autobiography / redkol.: B. M. Kedrov i dr.; sost. N. V. Filippova. Moskva : Nauka, 1981. 347 s.
25. Uajl'd O. Pis'ma = Letters / sost. A. G. Obrazcova, Ju. G. Fridshtejn. 2-e izd. Moskva : Azbuka-klassika, 2007. 416 s.
26. Uilson Je. Proishozhdenie tvorchestva. Provokacionnoe issledovanie: pochemu chelovek stremitsja k sozdaniju prekrasnogo = The origin of creativity. A provocative study: why humans strive to create beautiful things / per. s angl. Evgenija Kruchiny. Moskva : Bom-bora, 2019. 256 s.
27. Frank S. L. Biografija P. B. Struve = P.B. Struve's biography. N'ju-Jork : Izd-vo im. Chehova, 1956.
28. Hlyshheva E. V. Fenomen jelitarnoj kul'tury: problema konceptualizacii = Elite culture phenomenon: the problem of conceptualization // Voprosy jelitologii. Tom 1. № 1. 2020. S. 78–92.
29. Chukovskaja L. Zapiski ob Anne Ahmatovoj. 1963–1966 = Notes on Anna Akhmatova. 1963–1966. Moskva : Soglasie, 1997. 544 s.
30. Shaljapin F. I. Maska i dusha. Moi sorok let na teatrah = Mask and soul. My forty years in the theaters. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2023. 352 s.
31. Jelitologija = Elite studies : jenciklopedicheskij slovar' / pod red. prof. P. L. Karabushhenko. Moskva : Jekon-inform, 2013. 618 s.

Статья поступила в редакцию 29.09.2025; одобрена после рецензирования 18.10.2025; принятa к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 29.09.2025; approved after reviewing 18.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

Научная статья

УДК 008 (091)

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-191

EDN: DUUKMS

Семиотический дискурс города Кашина

Анастасия Андреевна Суслова

Ассистент кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республикаанская, д. 108/1

Nastyaa424m@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1016-2574>

Аннотация. Статья посвящена анализу города Кашина как семиотической системы, интерпретируемой через концепцию «городского текста» в рамках подходов Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, представителей Тартуско-Московской школы. Целью является выявление культурной семантики Кашина через анализ трёх аспектов: имени города, его пространственной организации и темпорального измерения, а также в определении уникального семиотического потенциала Кашина как провинциального локуса в контексте исторической области Бежецкий Верх. Задачи исследования включают описание пространственной структуры города, реконструкцию его временного нарратива, анализ семантики топонима «Кашин» через изучение версий его происхождения, а также герменевтический разбор связанных с городом символов, легенд и современных культурных практик. Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом культурологии к изучению провинциальных городов как носителей региональной идентичности, а также необходимостью осмыслиения культурного наследия Кашина. Новизна исследования связана с малоизученностью малого города Кашина, с отсутствием работ, посвященных его семиотическому анализу. В качестве источников использованы Лаврентьевская, Симеоновская и Троицкая летописи, предоставляющие данные об исторических событиях и фигуре Анны Кашинской; «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля для анализа этимологии топонима; материалы о геральдике городов России с электронного ресурса «Гербы России»; а также схема градостроительной композиции Кашина, отражающая его пространственную структуру. Методологическая основа исследования базируется на семиотическом подходе, а также культурно-историческом, семиотическом, герменевтическом, символическом и аксиологическом методах. Анализ выявил г. Кашин как многослойный семиотический текст. Исследование демонстрирует, что Кашин обладает мощным семантическим потенциалом, объединяющим мифы, историю и повседневность, что способствует формированию региональной идентичности.

Ключевые слова: локальный текст; семиотика; кашинский текст; русская провинция; Кашин; региональная идентичность; малый город

Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства Ярославской области в рамках научного проекта 6НП/2024

Для цитирования: Суслова А. А. Семиотический дискурс города Кашина // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 191–199. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-191>. <https://elibrary.ru/DUUKMS>

Original article

The town of Kashin semiotic discourse

Anastasia A. Suslova

Lecturer at the department of cultural studies, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

Nastyaa424m@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1016-2574>

Abstract. This article analyzes the town of Kashin as a semiotic system interpreted through the «urban text» concept based on the approaches of Y. M. Lotman and V. N. Toporov, representatives of the Tartu-Moscow school. The aim is to identify the cultural semantics of Kashin, analyzing three aspects: the town's name, its spatial organization, and its temporal dimension. The study aims to determine the unique semiotic potential of Kashin as a provincial locus within the historical context of the Bezhetsky Verkh region. Among the objectives are a description of the town's spatial structure, a reconstruction of its temporal narrative, the semantic analysis of the toponym «Kashin» through studying various versions of its origin, and a hermeneutic analysis of symbols, legends, and contemporary cultural practices

associated with the town. The relevance of the work is due to the growing interest in studying provincial cities as regional identity bearers, as well as the need to understand Kashin's cultural heritage. The lack of works devoted to the semiotic analysis and very few studies of the small town of Kashin determine the novelty of this research. It is based on the following sources: the Laurentian, Simeon, and Trinity Chronicles, which provide information on historical events and the figure of Anna of Kashin; V. I. Dahl's Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language for analyzing the etymology of the toponym; materials on the heraldry of Russian cities from the electronic resource «Coats of Arms of Russia»; and Kashin's town-planning structure, reflecting its spatial layout. The methodological foundation of the research is based on the semiotic approach, as well as on cultural-historical, semiotic, hermeneutic, symbolic and axiological methods. The analysis shows Kashin as a multilayered semiotic text. The author demonstrates that Kashin has a powerful semantic potential, incorporating myths, history and everyday life, which contributes to shaping regional identity.

Key words: local text; semiotics; Kashin text; Russian province; Kashin; regional identity; small town

The study was carried out with the financial support of the Yaroslavl Region efficiency fund within the framework of the scientific project 6NP/2024

For citation: Suslova A. A. The town of Kashin semiotic discourse. *Verhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik*. 2025;(4):191–199. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-191>. <https://elibrary.ru/DUUKMS>

Введение

Актуальность заявленной темы обусловлена растущим интересом современной культурологии к проблемам взаимодействия человека с пространством и роли городских текстов как источников региональной идентичности, также актуальность связана с востребованной сегодня темой изучения провинциальной культуры и с выбранным для исследования городом – Кашином, являющимся частью малоисследованной, но богатой в культурном отношении исторической области – Бежецкий Верх. Материалом для исследования послужили Лаврентьевская, Симеоновская и Троицкая летописи; Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля; информация о геральдике городов России с электронного ресурса «Гербы России» и общая схема градостроительной композиции Кашина. Для определения уникального семиотического потенциала города Кашина мы ставим в задачи описание пространственной структуры Кашина, реконструкцию временного нарратива города, выявление семантики топонима «Кашин» через версии его происхождения, символы, что включает герменевтический разбор легенд, летописей и современных практик, чтобы показать, как имя транслирует сакральный потенциал города.

В рамках семиотического подхода, выделяемого как самостоятельное направление в изучении феномена города, культура трактуется как знаково-символическая система, а город – как текст, знаковая система, транслятор и хранитель культурной информации и символических кодов.

Начало семиотического изучения города в русской науке связано с градоведческими работами И. М. Грэвса, где он резюмирует свой подход таким образом: «Полагая город предметом исторических экскурсий, нельзя ограничиться, как

обычно бывает, целью познакомиться лишь с внешнею физиономией его. <...> Надобно изучить его биографию, познать его именно как коллективную личность» [Гревс, 1921, с. 22]. Продолжает исследования города труд Н. П. Анциферова – в «Душе Петербурга» он подчёркивает идею о городе как семиотической системе, где каждый элемент – от истории до архитектуры – превращается в культурный текст, открытый для интерпретации. Каждый город по Анциферову уникален, он обладает «душой» – «души города»: это «исторически сложившееся единство всех элементов, составляющих городской организм как конкретную индивидуальность» [Анциферов, 1926, с. 26]. Исследование эволюции образа Петербурга в художественных произведениях, прошёдшее учёным, определило направления развития теории и методологии изучения городского текста и сверхтекста в работах представителей Тартуско-Московской школы [Богумил, 2023, с. 223].

Семиотическая перспектива изучения города, укорененная в тартуско-московской традиции, позволяет переосмыслить провинциальные пространства не как маргинальные, а как поливалентные топосы, где локальный миф переплетается с национальным нарративом, обогащая дискурс о русской идентичности через призму региональной специфики.

Множество статей посвятили исследованию семиотики города Ю. М. Лотман и В. Н. Топоров. Ю. М. Лотман рассматривал город как сложную знаковую систему, где пространство, архитектура, культура и повседневная жизнь формируют «текст» города. Для В. Н. Топорова Петербург – «текст», который формируется через совокупность литературных, мифологических, исторических и символических элементов [Топоров, 2003].

Петербургский текст – это сверхтекст, объединяющий произведения различных авторов, в которых город выступает не просто фоном, а активным участником повествования, обладающим собственной семантикой.

Следуя концепции петербургского текста, были определены и охарактеризованы другие столичные (московский, киевский), провинциальные (permский, волжский, саратовский, самарский, вятский, елецкий, муромский и др.) и зарубежные (венецианский, римский, лондонский, ташкентский и др.) городские тексты [Богумил, 2023, с. 8].

Практическая значимость исследования заключается в том, что анализ кашинского текста с точки зрения семиотики, выявленные символы, такие как Анна Кашинская, «кашинская вода» и присутствующая в городском устроении «иерусалимская матрица», могут быть использованы не только как базис для дальнейшего исследования локального текста малого города Кашина, но и для продвижения г. Кашина как духовного и оздоровительного центра Тверской области. Исследование подчеркивает значимость исторических, религиозных и архитектурных элементов Кашина, что может служить основой для программ по сохранению и популяризации культурного наследия, включая реставрацию храмов и развитие краеведческих инициатив. Результаты исследования предоставляют материалы для создания туристических маршрутов и т. д. Материалы исследования могут быть применены в образовательных программах по культурологии, семиотике, урбанистике и краеведению, способствуя углубленному изучению провинциальных городов России.

Обсуждение и результаты

Город Кашин – малый провинциальный город в Тверской области. Выбран в связи с потребностью в формировании локальной идентичности и дальнейшей разработкой имиджа выбранной для исследования территории, а также исследования города Кашина является важной составной частью в исследовании локальных текстов исторической области Бежецкий Верх, к которой принадлежат города: Бежецк, Кашин и Весьегонск. Говоря о кашинском тексте, мы мыслим его как локальный текст. У него есть определённый провинциальный локус – город в Тверской области – Кашин, а также текст формируется на базе семиотических единиц, связанных с выбранным городским пространством. Культурная семантика города, как известно, определяется его названием и

пространственными параметрами [Лотман, 2000, с. 320].

Город как феномен культуры предстает сложным семиотическим текстом, который можно анализировать через концепцию Ю. М. Лотмана, рассматривающего город в трех аспектах: как имя, как пространство и как время. Такой подход раскрывает многослойность городской среды, где переплетаются знаки, исторические повествования и пространственные структуры. Название города выступает символом, вобравшим в себя мифы, ассоциации и идентичности, формирующие его уникальный облик. Город как время отражает взаимодействие прошлого, настоящего и будущего в архитектуре, традициях и текстах, сохраняя культурную память. Город как пространство представляет собой семиотическую систему, в которой каждый элемент – от улиц до построек – несет смысл, отображая социальные структуры и ценности общества. Ю. М. Лотман трактует город как многогранный семиотический инструмент и источник культурного развития [Деткова, 2009]. Анализ городского текста по Лотману позволяет понять, как город транслирует свою историю, объединяя семиотику, культурологию и урбанистику для целостного осмысливания городской среды как динамичной системы.

Город как имя

Наименование города – это не просто слово, а сложный знак, который структурирует культурное пространство, влияет на восприятие и формирует символическую связь между городом, его жителями и глобальным контекстом. Оно задаёт «тон» для интерпретации городской среды как текста культуры. Мы рассмотрим несколько существующих версий о наименовании города. По одной из версий, название города Кашина, обусловлено корнями финно-угорского языка. Так, слово «каша» переводится как «тростник», а окружающая город река «Кашинка», соответственно, это река, поросшая зарослями тростника. И перед нами предстаёт частая практика, когда город, основанный на реке, наследует её имя (прим., Вологда – р. Вологда; Свияжск – р. Свияга; Тверь – р. Тверца и т. д.).

Одним из ярких символов Кашина, связанных с наименованием города, является «кашинская вода», добываемая из артезианских источников и отличающаяся легким солоноватым привкусом. Местная легенда гласит, что эта особенность связана с Анной Кашинской, тверской княгиней, чьи слезы, пролитые во время молитв за город и его

жителей во времена татаро-монгольского нашествия, превратились в целебную «живую» воду. Этот образ находит отражение в гербе города: согласно геральдическому архиву В. Маркова, в лазурном поле изображен серебряный фонтан с тремя струями, бьющий из золотой чаши, в сопровождении червленой митры с золотыми украшениями и золотого омофора с червлеными крестами вверху, а внизу – трех ступок белил [Гербы России ...]. Во второй половине XX века Кашин превратился в бальнеологический курорт, а выпуск минеральной воды стал важной частью городской экономики. Герб Кашинского района полностью уподоблен гербу города, но также его украшают епископская митра и лента, подчеркивающие роль города как духовного центра Тверской области. Название Кашина вплетено в титул тверских епископов («епископ Тверской и Кашинский») [«Гербы России» ...].

Альтернативная версия происхождения названия города связывает его с древнерусским словом «каша» – обрядовым свадебным блюдом. В XIX веке неизвестный автор сложил четверостишие, отсылающее к этой традиции:

*Сюда на кашу приезжали,
Нам говорили в старину.
Ее на площадях едали,
И назван Кашин потому.*

Этот образ стал одним из ключевых символов современного Кашина, что ежегодно подтверждается фестивалем каши, собирающим горожан и гостей.

Еще одно толкование названия города предлагает слово «кош» – место отдыха воинов. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля «кош» означает отдых, когда после битв гетманы и воеводы подбрасывали шапки, приветствуя долгожданное затишье [Даль, 2006]. Рассмотрим историю жизни и почитания Анны Кашинской, чтобы продемонстрировать, как образ святой и совершившие чудеса, стали основой для формирования духовной и культурной идентичности города Кашина, отражённой в его главном топониме. Обратимся к летописным свидетельствам и первым чудесам Анны Кашинской, чтобы понять, как её фигура, изначально связанная с историческими событиями Твери, обрела сакральное значение для малого города Кашина в период Смутного времени, укрепив веру в «невидимую силу», защищающую город, и способствовала его символическому возрождению.

Первые свидетельства о её чудесах дошли до нас не из житий, а из летописей. В Лаврентьевской, Симоновской и Троицкой летописях, где Анна Кашинская чаще всего фигурирует в событиях совместно с мужем – князем Михаилом Тверским: это заключение ими брака, проводы князя в Орду, встречей мощей князя Михаила, а также в государственных делах (восстановление Твери после Федорчуковой рати 1327–1328 гг., смерть внука в монастыре, где пребывала Анна-София) и церковных событиях (погребение епископа Феодора Доброго). Описание погребения особо выделяется: «Княгини же великаа София и вси приходящии к нему проводиша его с великым плачем до гроба» [Конявская, 2007, с. 56]. Народное почитание Анны Кашинской зародилось в Смутное время. «Чудо о пономаре именем Герасиме» повествует, что в 1611 году в Успенской церкви Кашина обнаружили гроб святой Анны. Автор «Чуда» подчеркивает ветхость храма: церковный помост, скрывающий захоронение, обрушился, обнажив гроб [Кучкин, 2001, с. 461]. Удивительно, что кашинцы не знали, кому принадлежит захоронение, а имя Анны почти стерлось из памяти, что проявлялось в небрежном отношении к гробу: солдаты клали на него шапки и даже садились на него [Голубинский, 1998, с. 161].

Однажды пономарь Герасим тяжело заболел. В одну из ночей ему явилась святая Анна Кашинская, исцелила его и сказала: «И почто гроб мой ни во что же вменяете и мене презираете? И доколе тако быти ми от вас попираеме ногами?» [Кучкин, 2001, с. 461]. Исцеленный Герасим, следя ее воле, поведал о явлении настоятелю храма и зажег свечу у гроба перед иконой Спаса Нерукотворного. Это чудо стало первым в цепочке из 41 чуда, письменно зафиксированных до канонизации Анны в 1650 году. Е. Е. Голубинский полагал, что почитание Анны Кашинской начало формироваться еще в эпоху «ляхолетья» или самозваницы, когда маленький Кашин устоял перед натиском польско-литовских интервентов. Исследователь считал, что тогда же родилась вера в некую «невидимую силу», хранящую город [Голубинский, 1998, с. 161–162].

Анализируя семиотический потенциал г. Кашина как имени, приходим к следующим выводам: во многом имя города влияет на формирование идентичности – символ исцеляющей «кашинской воды», житийные сюжеты, связанные с Анной Кашинской – всё это негласно говорит о том, что Кашин – сакральное место, место, где

происходят чудеса, охраняемое незримой божественной силой.

В контексте формирования духовной и культурной идентичности Кашина фигура Анны Кашинской приобрела особое значение, поскольку, в отличие от её мужа, князя Михаила Тверского, чья святость была тесно связана с политической историей Твери и борьбой за великокняжеский престол, Анна ассоциировалась прежде всего с локальными чудесами и защитой малого города в период Смутного времени. Её явления и исцеления, зафиксированные в летописях и преданиях, сделали её символом божественной милости и невидимой охраны, что позволило Кашину, как периферийному поселению, обрести самостоятельный сакральный статус, независимый от тверского княжеского наследия. Малый город Кашин становится духовным центром Тверской области, что также отражено на гербе Каинского района. Возвышение Анны Кашинской над фигурой мужа в местной мифологии подчеркивает переход от династической памяти к народному почитанию, укрепляя идентичность Кашина как места чудес и духовного возрождения, где женский образ святости становится центральным элементом культурного нарратива, способствующим единству сообщества и привлекательности для паломников.

Среди представленных версий происхождения названия города Кашина ни одна не может быть признана однозначно предпочтительной с точки зрения строгой исторической или лингвистической достоверности. Однако с культурологической перспективы наиболее значимыми представляются финно-угорская версия («каша» – «тростник», связанный с рекой Каинкой) и версия о происхождении наименования в связи с личностью Анны Кашинской. Тем не менее другие версии не отбрасываются, так как они дополняют семиотическое поле города, создавая многозначность. Например, версия с «кашой» активно используется в современном брендинге (фестиваль каши), а «кош» добавляет историко-военный оттенок, усиливая образ Кашина как устойчивого, защищённого пространства.

Город как пространство

В семиотическом анализе города как текста, предложенном Ю. М. Лотманом, пространственная структура выступает одним из ключевых аспектов, определяющих культурную семантику урбанистического феномена. Для Кашина, как типичного провинциального города с богатой историей, пространственный анализ позволяет вы-

явить, как естественные и искусственные элементы формируют символический ландшафт, отсылая к архетипам сакрального и защищенного пространства. Мы фокусируемся на двух основных моделях интерпретации: городе как микрокосме и как воплощении «иерусалимской матрицы». Эти модели не универсальны для всех городов, но особенно релевантны для Кашина благодаря его уникальной топографии (речной петле в форме сердца, огибающая городское пространство) и историческому развитию, где природа и архитектура переплетаются в семиотическую систему.

1. Город как отражение «космоса»

Город как семиотический феномен может быть осмыслен как микрокосм, воплощающий структуру государства и мироздания в целом. Вяч. Вс. Иванов подчёркивал, что город в древних культурах воспринимался как модель вселенной, где его структура зеркально отражает космический порядок: «Город рассматривается как модель пространства вселенной. Соответственно его структура отражает структуру мира в целом» [Иванов, 2007, с. 166].

Опираясь на труды Ю. М. Лотмана в вопросах семиотики, обратимся к его делению городов на концентрические и эксцентрические. Он пишет: «Концентрическое положение города в семиотическом пространстве, как правило, связано с образом города на горе (или на горах). Такой город выступает как посредник между землей и небом, вокруг него концентрируются мифы генетического плана (в основании его, как правило, участвуют боги), он имеет начало, но не имеет конца – это „вечный город“» [Лотман, 1992, с. 10]. Город Каин – типичный представитель концентрического города. Каин был задуман как город-крепость, защищённый естественными преградами: река Каинка, извиваясь в форме сердца, очерчивает границы города, создавая природную защиту города, а узкий перешеек с горой, на которой возвышается кремль, создаёт неприступный центр. Посад, укрытый внутри речной петли, был доступен только через кремль или мосты, это расположение – не просто стратегический выбор, но символический акт, где природа и архитектура совместно создают образ избранного города.

Речная петля, образующая «сердце», пересекается двумя природными осями (рис. 1) [Мокеев, 1990] – продольной и поперечной, формируя крест, который стал основой градостроительной концепции. Этот крест, как сакральный знак, был усилен храмами, выстроенными вдоль осей. Первым стал Воскресенский собор, посвящённый

Христову Воскресению – центральному событию христианской веры. За ним последовали храмы Пресвятой Троицы, Богоявления, Рождества Христова, Рождества Богородицы и другие, все они разместились внутри «сердца» [Авдеев, 2014]. К концу XVI века храмы начали возводить за пределами речной петли, вдоль осей, достигая слободских окраин. В итоге крест из церквей пронзил весь город. Так, храмы, выстроенные вдоль крестообразных осей, создают радиальную структуру, исходящую из центра, что можно рассматривать как аналог концентрических кругов, хотя и с крестовой, а не кольцевой логикой.

Основополагающим фактором для такого устроения города были природные условия, которые и определяли дальнейший вектор застройки городского пространства.

М. Н. Городова подчёркивает связь архитектуры с сакральным: «Что бы из себя ни представляли эти священные пространства, у них есть одна общая черта – четкие границы, внутри которых можно соприкоснуться (хотя и во множестве различных форм) со священным» [Городова, 2007]. Обратим внимание на символику числа внутри города – число храмов к началу XVII века достигло тридцати трёх – символ земных лет Христа.

Рисунок 1. Общая схема градостроительной композиции г. Кашина XVI–XVII вв.

2. Пространство г. Кашина как отражение Иерусалимской матрицы

По нашему мнению, градостроительная планировка г. Кашина постоянно отсылает к образу Нового Иерусалима, воплощая его как историко-культурную модель священного города. Храм Входа Господня в Иерусалим, построенный на Московской дороге, встречает каждого, кто посещает город, символически связывая Кашин со Святым градом. Город Кашин лежит в низине, на 20 метров ниже окружающей местности, окружённый водой и защищённый кремлём – подобием Золотых врат. Расстояние между Воскресенским собором и Вознесенской церковью – 350 метров – по местным преданиям, совпадает с расстоянием между горой Сион и горой Элион в Иерусалиме, что усиливает эту аналогию. Кашин становится пространственно-временным вопло-

щением божественного порядка, так как по теории М. Элиадэ о священных местах, доказывая свою причастность к «священному пространству, город воспроизводит мифическое время» [Элиаде, 1999, с. 34–45].

Вопрос об Иерусалиме – историческом или эсхатологическом – остаётся открытым. Кашин не претендует на роль Града Небесного, сходящего с небес (Откр 21:2–10), но выступает как земная аллюзия на Иерусалим, где храмы и их расположение служат отражением священного города. Эта «иерусалимская матрица» формирует защитную инфраструктуру, укоренённую в религиозном сознании, где чёткие границы – река, кремль, храмы – отделяют сакральное пространство от профанного.

Пространственная структура Кашина – это не статичный текст, а динамическая семиотическая система, где микрокосмическая логика и «иерусалимская матрица» эволюционируют под влиянием исторического диалога, город не только хранит архетипы защищённого пространства, но и адаптирует их к вызовам современности, становясь моделью устойчивой культурной идентичности для малых городов.

Город как время

Город как время представляет собой динамичный нарратив, где исторические слои переплетаются с мифологическими, формируя ощущение вечности и непрерывности. Для Кашина эта перспектива особенно актуальна, поскольку отсутствие точной датировки основания (первое упоминание в летописях относится к XIII веку, но археологические данные предполагают более раннее происхождение) способствует восприятию его как «вневременного» локуса. Мы интерпретируем Кашин как «вечный город» не в буквальном смысле (как Рим или Иерусалим), а как культурологическую конструкцию, где «иерусалимская матрица» (ранее описанная в пространственном аспекте) усиливает темпоральную семантику. Эта версия опирается на локальные предания, летописные источники (Лаврентьевская, Симеоновская летописи) и современные культурные практики (фестивали, туризм), подтверждая устойчивость образа в коллективной памяти. В современной культуре это поддерживается краеведческими инициативами и туристическим брендингом Кашина как «города застывшего времени», что отличает его от других провинциальных городов, где такая сакрально-временная связь менее выражена.

История Кашина, насчитывающая почти тысячу лет, формирует образ «вечного» города. Отсутствие точной датировки в становлении города, даёт основания к восприятию его вневременным. Что связано с «Иерусалимской моделью» городского пространства. Город пережил нашествие татаро-монгол в 1238 году, трижды уцелевший от вторжения поляков в 1609 году, нельзя не вспомнить представление о «невидимой защите» Кашина.

Для понимания города как времени важно сказать о XIX веке – периоде в истории города, когда он расцвёл благодаря купцам, чья набожность, а потому и дальнейшая щедрость украшали город. Воскресенский собор (1867), публичная библиотека Черенина, больница Манухиных, краеведческий музей Кункина и железная дорога до Санкт-Петербурга сделали Кашина одним из доминантных культурных центров области. Этот период в истории города, как часто принято отсылать к античной традиции, называют «золотым веком» в истории города.

Сегодня Кашин – город-курорт, где время словно замирает. Несспешный (частый маркер провинциального локуса) город, как и течение главной городской реки. Когда говорят о Кашине, то туристы и сами горожане часто маркируют его как «город застывшего времени» («Кашин застыл во времени, и воспринимается это без особой боли», – Георгий Абзианидзе; «Калязин и Кашин – города, где время застыло, – Андрей Гавриков), а одна из версий, по которой наименование города происходит от «кош», как место отдохновения, полностью соотносится с современными представлениями о городе. Семантический потенциал города-курорта определяется как его оздоровительной – преображающей – функцией, обусловленной уникальными природно-климатическими факторами, так и очевидной привязкой к главному топониму исследуемого локуса [Богумил, 2023].

Заключение

В ходе семиотического анализа города Кашина как текста, опирающегося на концепцию Ю. М. Лотмана (город как имя, пространство и время), мы раскрыли его как уникальный провинциальный нарратив, где знаковая система интегрирует мифологические, исторические и сакральные элементы в единую «душу города» (по Н. П. Анциферову). Уникальность Кашина как семиотического конструкта Бежецкого Верха проявляется в синтезе природной топографии (река Кашинка, формирующая «сердце» с крестообразными ося-

ми храмов) с «иерусалимской матрицей» (аллюзии на Новый Иерусалим через расположение Воскресенского собора и Храма Входа Господня, символизирующие божественный порядок по М. Элиаде), что отличает его от других городов Бежецкого Верха, таких как Бежецк или Весьегонск. Имя города, многозначное по версиям происхождения, транслирует сакральный потенциал через символы исцеления («кашинская вода» как слезы святой, отраженные в гербе) и защиты («невидимая сила», защищающая город в разные исторические эпохи). Временной нарратив подчеркивает «вечность» Кашина: от татаро-монгольского нашествия 1238 г. и выживания в 1609 г. до «золотого века» XIX в. (купеческий расцвет с Воскресенским собором 1867 г.) и современного статуса курорта («город застывшего времени» с целебными источниками кашинской воды). Это обогащает региональную идентичность Бежецкого Верха, предлагая основу для туристических маршрутов, реставрации храмов и образовательных программ по культурологии и урбанистике, где провинциальность Кашина предстает не маргинальной, а поливалентной, обогащающей дискурс русской идентичности.

Библиографический список

1. Авдеев А. Г. Эпиграфика и древнерусское градостроительство: надгробия конца XV–XVI в. и градостроительная структура Кашина // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 1 (56). С. 147–167.
2. Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Санкт-Петербург: Брокгауз-Эфрон, 1922. 226 с
3. Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. 2-е изд., испр. и доп. Ленинград : Сеятель, 1926. 148 с.
4. Богумил Т. А. Семиотика городов Сибири: типологический аспект // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 350–367.
5. «Гербы России». Russian Centre of Vexillology and Heraldry. URL: <https://heraldicum.ru/russia/subjects/towns/kashin.htm> (дата обращения 23.09.2025)
6. Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской Церкви. Москва : Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1998. 597 с.
7. Городова М. Н. «Какова мера ангела...» (О некоторых особенностях числовой символики в архитектуре древнерусских храмов) // Традиции и современность. 2007. № 6. С. 37–52.
8. Грэвс И. М. Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсионное дело. Пг., 1921. № 1.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. Москва : РИПОЛ классик,

2006. Том 2. И-О. – 784 с. К. С. 70–233. (Золотая коллекция).
10. Деткова Н. Ю. Малый провинциальный город как текст культуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 18(156). С. 63–69.
11. Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки. Москва : Языки славянских культур, 2007. С. 165–179.
12. Конявская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV вв. Москва, 2007.
13. Кошелевский В. Н. Летопись города Кашина (VI–XX вв.). Тверь : Издательство ГЕРС, 1999. 113 с.
14. Кучкин В. А. Анна (София) Кашинская / В. А. Кучкин, И. А. Епифанов, Я. Э. Зеленина // Православная энциклопедия / под общей редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Том 2. Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. С. 461–463.
15. Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин : Александра, 1992. Т. 2. 478 с.
16. Лотман Ю. М. Символика Петербурга // Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2000. С. 320–334.
17. Мокеев Г. Я. Кашин. Величие и нищета // Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1990. № 2 (22). URL:<https://hram-tver.ru/hram-tver.ru/index.php/khramy-tverskoj-oblasti/kashin/2399-gradostroitelnaya-kompozitsiya-kashina-xvi-xvii-vekov> (дата обращения: 23.09.2025)
18. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись / изд. А. Кошелев. Москва : Языки русской культуры, 1997. 540 стб. С. 541–733. 1 л. факс. (Полное собрание русских летописей).
19. Полное собрание русских летописей. Т.2: Ипатьевская летопись / изд. А. Кошелев. Москва : Языки русской культуры, 1998. 938 стб., 146 с. (Полное собрание русских летописей).
20. Полное собрание русских летописей. Полное собрание русских летописей. Т.18: Симеоновская летопись / изд. А. Кошелев. Москва : Знак, 2007. 316 с. (Полное собрание русских летописей).
21. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2003. 616 с.
22. Элиаде М. О сакральном аспекте освоения пространства // Космос и история. Москва, 1987. 479 с.
- Reference list**
1. Avdeev A. G. Jepigrafika i drevnerusskoe gradostroitel'stvo: nadgrobija konca XV–XVI v. i gradostroitel'naja struktura Kashina = Epigraphy and Old Russian town-planning: tombstones of the late 15th-16th century and the town-planning structure of Kashin // Vestnik PSTGU. Serija II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2014. Vyp. 1 (56). S. 147–167.
 2. Anciferov N. P. Dusha Peterburga = The sole of Petersburg. Sankt-Peterburg : Brokgauz-Efron, 1922. 226 s
 3. Anciferov N. P. Puti izuchenija goroda kak social'nogo organizma. Opyt kompleksnogo podhoda = Ways of studying the city as a social organism. Experience of a complex approach. 2-e izd., ispr. i dop. Lenigrad : Sejatel', 1926. 148 s.
 4. Bogumil T. A. Semiotika gorodov Sibiri: tipologicheskij aspekt = Semiotics of Siberian cities: a typological aspect // Kritika i semiotika. 2023. № 1. S. 350–367.
 5. «Gerby Rossii» = Russian coats of arms. Russian Centre of Vexillology and Heraldry. URL: <https://heraldicum.ru/russia/subjects/towns/kashin.htm> (data obrashchenija 23.09.2025)
 6. Golubinskij E. E. Istorija kanonizacii svjatyh v russkoj Cerkvi = History of canonizing saints in the Russian Church. Moskva : Imp. O-vo istorii i drevnostej ros. pri Mosk. un-te, 1998. 597 s.
 7. Gorodova M. N. «Kakova mera angela...» (On nekotoryh osobennostjah chislovoy simvoliki v arhitekture drevnerusskikh hramov) = «What is the angel's measure...» (On some features of numerical symbolism in the architecture of Old Russian churches) // Tradicii i sovremenost'. 2007. № 6. S. 37–52.
 8. Grevs I. M. Monumental'nyj gorod i istoricheskie jekskursii = Monumental city and historical tours // Jekskursionnoe delo. Pg., 1921. № 1.
 9. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka = Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language : v 4 tomah. Moskva : RIPOL klassik, 2006. Tom 2. I-О. – 784 s. К. С. 70–233. (Zolotaja kollekcija).
 10. Detkova N. Ju. Malyj provincial'nyj gorod kak tekst kul'tury = A provincial town as a cultural text // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 18(156). S. 63–69.
 11. Ivanov V. V. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. Т. 4: Znakovye sistemy kul'tury, iskusstva i nauki = Selected works on semiotics and history of culture. Vol. 4: Sign systems of culture, art and science. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. S. 165–179.
 12. Konjavskaja E. L. Ocherki po istorii tverskoj literatury XIV–XV vv. = Essays on the history of Tver literature in XIV–XV centuries. Moskva, 2007.
 13. Koshelevskij V. N. Letopis' goroda Kashina (VI–XX vv.) = The chronicles of the city of Kashin (VI–XX centuries). Tver' : Izdatel'stvo GERS, 1999. 113 s.
 14. Kuchkin V. A. Anna (Sofija) Kashinskaja = Anna (Sofia) of Kashin / V. A. Kuchkin, I. A. Epifanov, Ja. Je. Zelenina // Pravoslavnaja jenciklopedija / pod obshhej redakcijei Patriarha Moskovskogo i vseja Rusi Aleksija II. Tom 2. Moskva : Cerkovno-nauchnyj centr «Pravoslavna ja jenciklopedija», 2001. S. 461–463.
 15. Lotman Ju. M. Izbrannye stat'i = Selected articles: V 3 t. Tallin : Aleksandra, 1992. Т. 2. 478 s.
 16. Lotman Ju. M. Simvolika Peterburga = Peterburg's symbolism // Lotman Ju. M. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri mysljashhih mirov. Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPb, 2000. S. 320–334.

17. Mokeev G. Ja. Kashin. Velichie i nishheta = Kashin. Grandeur and poverty // Pamjatniki Otechestva: Al'manah Vserossijskogo obshhestva ohrany pamjatnikov istorii i kul'tury. 1990. № 2 (22). URL:<https://hram-tver.ru/hram-tver.ru/index.php/khramy-tverskoj-oblasti/kashin/2399-gradostroitelnaya-kompozitsiya-kashina-xvi-xvii-vekov> (data obrashhenija: 23.09.2025)
18. Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 1: Laurent'evskaja letopis' = Complete collection of Russian chronicles. Vol. 1: Laurentian Codex / izd. A. Koshelev. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1997. 540 stb. S. 541-733. 1 l. faks. (Polnoe sobranie russkih letopisej).
19. Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 2: Ipat'evskaja letopis' = Complete collection of Russian chronicles. Vol. 2: Hypatian Codex / izd. A. Koshelev. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1998. 938 stb., 146 s. (Polnoe sobranie russkih letopisej).
20. Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 18: Simeonovskaja letopis' = Complete collection of Russian chronicles. Vol. 18: The Simeon chronicle / izd. A. Koshelev. Moskva : Znak, 2007. 316 s. (Polnoe sobranie russkih letopisej).
21. Toporov V. N. Peterburgskij tekst russkoj literatury = Petersburg text of Russian literature: izbrannye trudy. Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPb, 2003. 616 s.
22. Jeliade M. O sakral'nom aspekte osvoenija prostранstva = On the sacral aspect of space development // Kosmos i istorija. Moskva, 1987. 479 s.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 17.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 23.09.2025; approved after reviewing 17.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Воронина

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 25 п. л., 21,72 уч.-изд. л. Формат 60*90/8.

Печать ризографическая. Заказ № 167. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 24.12.2025

Цена свободная

Издатель

Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150066, г. Ярославль, ул. Республикаанская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:

150066, г. Ярославль, Которосльная наб., 44

Тел.: (4852) 32-98-69